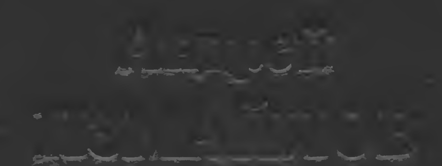
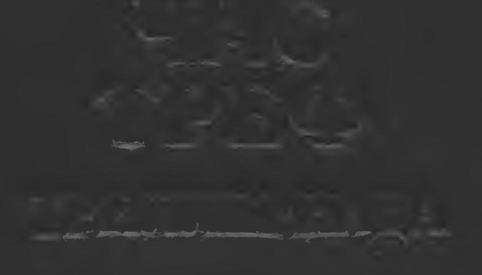

«ИНТЕРОКО»

Санкт-Петербург
1993

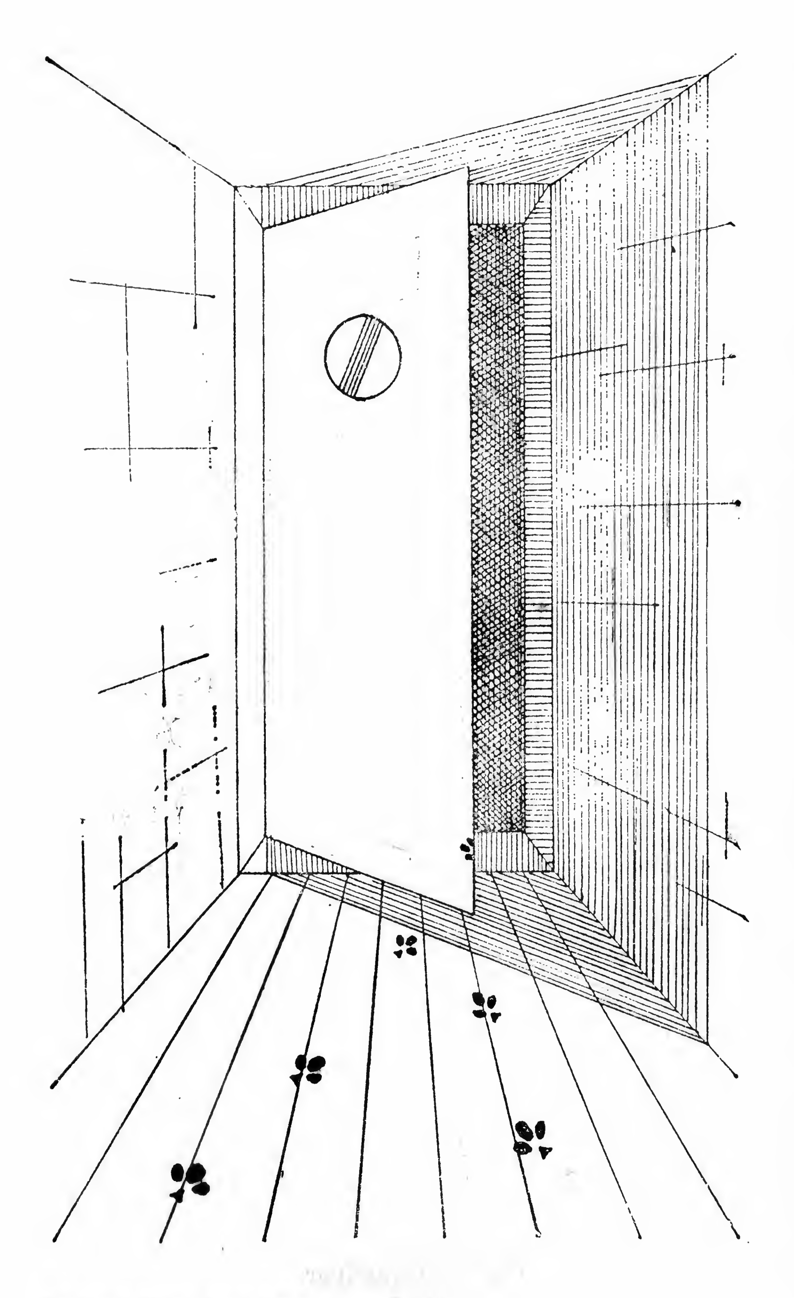

Рисунок Инны Измайловой

Андрей
ИЗМАЙЛОВ

ЧАС ТРЕФ

триллериада в двух частях:

часть первая
ИДИОТКА
(И ни в чем себе не отказывай)
часть вторая
ИДИОТ
(Час треф)

ISBN 5—88436—007—X

Андрей Измайлов. Час Треф (триллериада)
Санкт-Петербург, 1993 г.

Борис СТРУГАЦКИЙ:

Ныне, когда художественная литература погружена, как правило, в более или менее далекое прошлое, а на злобу дня откликаются одни лишь публицисты, журналисты и ученые, появление злободневного, острого и в то же время художественного произведения — достаточно редкое явление.

Дилогия Андрея Измайлова «ЧАС ТРЕФ» как раз и обладает всеми названными качествами. Она злободневна в самом почтенном смысле этого слова, ибо речь в ней идет о людях и процессах, которые сейчас беспокоят, возбуждают и привлекают внимание многих и многих и о которых, по сути дела, так мало известно. Она достоверна — в общем и в деталях, в событиях и характерах, это трагическая достоверность, достоверность безысходности, тупика, кризиса, в котором мы все оказались и теперь мучительно бьемся в поисках верной дороги. Наконец, эта дилогия не только остра, она еще и остросюжетна вдобавок, она представляет собою чтение в высшей степени увлекательное, рассчитанное на самого широкого читателя. Триллериада — так сам автор определил жанр дилогии. Скорее всего, он не погрешил против истины.

В ранних повестях Андрея Измайлова всегда торжествовали юмор и смех. Причем не желчный юмор и не ядовитый смех. Никакой горечи! Так смеются и шутят над теми, кого любят, на кого можно рассердиться (дело житейское), но всегда готовы простить, потому что ясно же — все люди славные существа, даже те из них, кто не умеет быть славным. И смех побеждает. В мире Измайлова смех побеждает всегда, и все, и всех. Пестрый, яркий, знакомый и странный мир...

Мир зрелого Измайлова, если угодно, не изменился по существу — он столь же пестр, ярок, знаком и странен. Но — с поправкой на время. Известно, что астро-

номы никогда не переводят стрелки своих часов, они просто знают поправку и учитывают ее. Литератор, настоящий литератор, — в этом смысле подобен астроному: учитывая поправку на время, он создает мир сегодняшний — реальный, отраженный в книге. Смех, да, присутствует, и если не побеждает, то до поры, до времени спасает. Отличие homo sapiens-a от животного в том, что животные не умеют смеяться. И в той жизни, в какой мы нынче пребываем, пожалуй, одним из главных условий выживания, сохранения достоинства — это смех, пусть невеселый, пусть самоироничный, пусть истеричный, пусть даже предсмертный... Сказано: «Мир устоял, потому что смеялся».

Не будь в отечественной литературе, так сказать, «первоисточника», я бы назвал дилогию Андрея Измайлова оптимистической трагедией, определив таким образом не столько жанр, сколько собственное впечатление от прочитанного. Уверен, что со мной согласится каждый, кто, открыв книгу «ЧАС ТРЕФ», закроет ее только на последней странице.

Ольга Хрусталева, Андрей Кузнецов

ПРЕДИСЛОВИЕ С ПРЕАМБУЛОЙ

Предположим, читатель не знает писателя, книжку которого держит в руках. Предположим: он заглядывает в предисловие в надежде услышать: это — читать стоит. Заглядывает с тревогой — что его ожидает. О, его ожидает то, что читать стоит. Даже так: он себе и не представляет, что его ожидает, если он станет читать!

Лихо закрученная интрига, динамика поступков и диалогов, невесомая легкость слога и гнетущая психологическая точность.

Отечественный триллер, одним словом. Одним — английским — буквальным — *сенсационный роман ужасов*. Одним — русским — *отечественный* — со всеми вытекающими из родной жизни обстоятельствами, больших букв не предполагающими.

А какая возможность поупражняться в интеллектуализме (тьфу, пропасть!), не сходя с названия?!

Идиот (идиотка) —

по Далю — «малоумный, убогий, юродивый»,

по Достоевскому— «положительно-прекрасный»,

по Фасмеру — «частное лицо, мирянин»,

а по древним грекам — человек, основным занятием которого было: думать, мыслить.

Так-то, сказали мы с древними греками, так-то.

Теперь удовлетворенный читатель может закрыть предисловие и купить книгу с легким сердцем. Преамбулы для этого достаточно. Для тех же, кому не достаточно рекламных наскоков и прыжков, кому надо подробностей и деталей, будет амбула, как однажды написал автор этой книги — **Андрей Измайлов.**

Его лучше всего читать вслух и в компании друзей. Тогда ритм прозы проступает отчетливее, а глаза, не за-

нятые беганием по бумаге, не мешают уху. Его слуховая цепкость при точечности образцов, иногда кажущихся мозаикой из пестрых сколков действительности, моментально дает, образует целостную картину. Он, действительно, как слышит, так и пишет. Мир в его повестях рассыпается городской многоголосицей, и лингвисты вполне могут выверять особенности речевой парадигмы социальных групп по этой прозе. Она динамична. Она летит вперед с напористостью фаворита, глаза которого, быть может, и прикованы к финишной ленточке, но чуткие уши улавливают звуковой разнобой еще не потонувших в оглушительном реве трибун.

Он как-то по особенному музыкален: рукой правит внутренний слух. Его повесть «Спокойной ночи!» заканчивается tutti. Его «Счастливо оставаться!..» — элегия в сопровождении кошачьего воя. Его «мордобойная серия» — прозаические клипы из американских хитов.

Измайлов видит ушами, и его (то и дело) тянет в невыявленную драматургию (порой и вполне явственную, вроде пьесы «Кушать подано»), вероятно, потому, что драма дает бытовой скороговорке четкие границы жанра (современный водевиль, скажем).

Мир у него как будто слегка расфокусирован, чуть-чуть размыт. Дело, конечно не в особенности зрения. Дело — в специфике героя. А герой у нас, то есть — у Андрея Измайлова — романтик. Как бы он(а) не назывался, как бы не самоопределялся, от романтической природы никуда не деться. Отсюда — и музыка, и размытость границ, и любовь к повествованию от первого лица (иногда литературно прикрытого третьим), и выбор, наконец, детективного или фантастического жанра.

Детектив — порождение романтизма. Собственно, он романтиками и рожден. И никем иным. Потому что задача детектива (не жанра — героя) — вправлять миру вывихнутые суставы, восстанавливать гармонию и точно знать, где прошла трещина. Романтик должен быть умен (хотя может быть глуп) по определению: он в противоречии с окружением, он не хочет говорить так, как предлагает все вокруг. Не желает мириться с неправедным. Он вопиет. Его ум — если не в интеллекте, то в сердце. И оно чует разлад, и оно на него кажет. И от безумного Эдгара до иронично-интеллектуально-насмешливого Стаута принцип детектива остается один: зло накажется — справедливость восторжествует.

Романтики отомстили миру наилучшим образом. Они совершили вендетту жанром, где герой обязан выиграть. И выигрывает. Головой ли, ногами или вовремя выхваченным пистолетом — не суть.

Суть в другом. В том, что происходит, когда начинают рушиться незыблемые законы жанра, когда автор выбирает героем преступника, обреченного на проигрыш. Когда он настолько не в ладах с миром, что наказывает даже читателя, главному персонажу волей-неволей сочувствующего. Наказывает романтическим разрывом между милосердием и жаждой справедливости, между привязанностью к тому, с кем пережито столько надежд, и возмездием, приходящим с обратной стороны. Наказывает разочарованием.

Нам, лично, всегда хотелось, чтобы Хлестаков вовремя убрался, чтобы Чичиков мертвые души скупил и ускользнул, чтобы Глумов всех обошел, чтобы Порфирий Петрович Раскольникова не расколол. Это из родного. А из чужого — мы не любим Чейза, когда он мучает своих преступников. И мы любим Андрея Измайлова, когда он за героев страдает.

Впрочем, мы — не Андрей Измайлов, а Андрей Измайлов — не мы. Нам приходится, как его героям, настаивать на своем присутствии, чтобы стать назойливыми. Потому что без назойливости не возможна лирика. Она, собственно, этой назойливостью и является (только художественной). Потому что входят в лирику, по выражению одного ленинградского литератора, расплескивая чужое Я.

Андрей Измайлов Я предлагает в виде героев. Себя он прячет, себя показывать не хочет, выставляя персонажа вперед: вот, кто говорит и действует. Но романтические уши автора, естественно, вылезают. В знаках препинания. В этих обязательных восклицающих, судорожно захлебывающихся, обрывающихся на полуслове, задыхающихся знаках. Они есть эмоциональная препона, чувственное преткновение речи. Того, кто хочет переговорить, заговорить мир. Романтику ведь ничего другого, особенно в нашей недавней действительности, не остается. Когда ситуация (время, эпоха, социум) не предполагает возможности бить руками-ногами, драться на шпагах и прочем холодном оружии, скакать, лететь, дрожать, вот, думать, счастье близко, остается

рефлексировать, приходится заменять действие речевым актом.

Во всяком случае понятно (нам, а читателю сейчас скажем и объясним), как появилась, откуда родилась у Измайлова «мордобойная» серия — цикл фантастических рассказов, мелькнувших в журналах и сборниках, — из сильно смахивающей на Америку жизни: «Хаки», «Следующий», «Мишень», «Арма», «День всех святых». Там и тогда, а не у нас и тогда, герои могли вдоволь намахаться руками, восстанавливая справедливость так, как ее понимали. Фантастический мир был и бегством из опостылевшей, замершей в недвижимости действительности, романтическим побегом туда, где осуществлялось невозможное, и индивидуальной оттяжкой автора, сатисфакцией за всю немужскую в смысле реализации рыцарского кодекса жизнь. Должен же не мальчик, но муж хоть однажды двинуть негодяя по морде, хоть раз рвануть вдогонку за подлецом, хоть случайно иметь возможность отстоять свою и чужую честь.

Кто-то заметил, что у романтиков есть только голова и половые органы. Голова, чтобы произносить пламенные речи, и органы — для пламенных чувств. Кто-то не был прав. Активного романтика (по классическому определению) отличает еще и моторность рефлексов, требующих все тело, превращающих его в аппарат для насаждения добра, правды, справедливости. Кулаки тут, конечно, не лишнее, а фантастический жанр придает им увесистую точность.

Справедливости ради (уже по отношению к автору) нужно добавить, что он никогда надолго в фантастических мирах не задерживался: тянуло на родину. Бегство — оно бегство и есть. С напоминанием о сверкающих уязвимых пятках. С ощущением вероятной потери достоинства. Нет, стоять следовало насмерть здесь, дома, даже если ситуация летальных исходов не предполагала. Чаще всего она предлагала обычные, почти кухонные разборки.

Сделаем комплимент авторскому остроумию. Когда Измайлов писал «Эффект плацебо», деятельный, быстроногий, догоняющий свою интуицию детектив в советской реальности выжить не мог. Он бы просто не стал детективом. Разница между западным сыщиком и милиционером была примерно такой же, как скорость

джипов в сравнении с газиками, как количество разбитых машин при съемках остросюжетных американских и наших фильмов. Измайлов против истины не солгал. Он обошелся с истиной талантливо, сочинив отличную рифму к советской жизни: сломал своему частному расследователю ногу. Так что тот, при всей горячности натуры, двигаться быстрее, чем на костылях не мог. А потому сидел на кухне и там доискивался разгадки криминальной тайны. Когда Измайлову, в тех же восьмидесятых годах, предложили вместо фантастики и детектива создать что-нибудь из жизни рабочего класса, он написал. Повесть «Стеклянный рубль», где криминальная история о краже десятирублевки, присланной добросердной бабулей утянувшемуся в город внучеку, раскручивалась в бригаде слесарей, в тесной подсобке, темной душевой, меж шкафчиков для одежды (этого вечного атрибута советского общежития, только уже не скрашенного вишенками и клубничками в качестве символов счастливого детства). Серый мглистый цвет спецовок, стен, труб оказался роскошной декорацией для интеллектуальной драмы, дознания, разыгравшейся, как положено, в замкнутом пространстве и с ограниченным составом участников. Разве вот дело не дошло до того, чтобы кому-нибудь сунули отвертку под ребра (ах, как изящно вставил Измайлов в повествование орудие производства: в отвертку, в полую ее ручку, запрятал преступник злополучный червонец, да и был накрыт) или стукнули монтировкой по голове. А так — чем не Агата Кристи?

Откроем читателю страшную тайну, слесари появились у автора не из любви к рабочему классу. Напротив — из нелюбви к обязанности быть интеллигентом. Когда кругом одни мягкие, элегантно помятые, образованногладкоречивые, воспитанноуступчивые и деликатно со всеми соглашающиеся люди, романтику только и остается грозно расправить плечи, скрестить руки на груди и бросить, откинув голову: «Я — простой советский слесарь»... Переубеждать бессмысленно. Нет смысла говорить романтику, что он — романтик. Потому что ответом будет возмущенное: «Я?! Да я!!!...» — и, проглотив воздух, он с жаром примется доказывать, что большей трезвости взгляда на вещи не сыскать. Натура, видите ли, не терпит классификации, причисления к. Множественность, знаете ли, невозможна. Он должен

быть один, против всех, против ополчившегося мира, против самого себя. Чтобы вокруг образовывалось пустое пространство, где есть где взмахнуть, запахиваясь, плащом, где есть куда (жест требует отчетливости) воздеть руки и возопить: «Люди, лю-уди! Что вы делаете?!»

Это ужасно смешной эпизод. Эпизод с воздеванием рук, посыпанием главы пеплом в пустыне — пересказ индийского фильма «Брам и Трам» из повести «Счастливо оставаться!». Мелодраму мы потому что не любим. Она пародирует настоящий трагизм, она слишком делит всех на злодеев и ангелов. И бороться с ней можно тоже только пародией. Потому что Андрей Измайлов, прямо как Антон Чехов, никого ни на кого не делит. Злодеи у него — притертые что ли. Неочевидные. Их тоже пожалеть можно.

Хотя героям себя, само собой, больше жалко. Но они стискивают зубы и шутят, шутят, шутят. Они подхватывают на лету словечки, фразочки, анекдоты, которые потом повторяются в голове с неизбежностью попавшего на язык мотивчика из очередного шлягера. А жизнь, как игла на заезженной пластинке, соскакивает в повторяющиеся ситуации, из которых не выбраться, не выпутаться, не избавиться от которых.

Ситуация «осеннего марафона» — метания между женой и любовницей, ситуация с норовистой, будто бы не любящей, но и не отпускающей женщиной, ситуация отсутствия отдельной квартиры — присутствия соседей или однокомнатной, полупустой и тесной, где только об стены стукаться. Некуда герою себя приткнуть, некуда голову преклонить, нет ему места на земле. Потому что его не любят. А если и любят, то не так, не за то. Милый, обаятельный в запальчивости, поспешности суждений и решений, им самим воспринимаемой как взвешенная отчетливость, он — родной российский интеллигент. Со всем комплексом неудобства, неловкости по любому поводу, невозможности настоять, неумения отвоевать место под солнцем, неспособности заставить других и всегдашней готовности взнуздывать себя до горячего бреда. Он хорохорится, делает вид, мизантропирует помаленьку. А сердце колотится, а веки автоматически прикрываются, и мир плывет перед глазами, и он ничего не видит кроме радужных разводов, потому что кровь стучит в виски, а в мозгу остаются только шарманочные фразы и слова. Он, собственно, и слышит как-

то избирательно: только то, что хочет. Двойные аберрации эти заставляют его упрямо тыкаться в жизнь, почти ничего в ней не понимая, поскольку — не видя и не слыша.

Одна из лучших вещей Измайлова — «Шапочный разбор» — аккурат на кунстштюке с обманом зрения и построена. Герой, решив подзаработать в новогодний вечер, едет продавать шапки в один из городков-сателлитов, окружающих культурный центр. Продает. Вздыхает облегченно. Да вдруг замечает, что маханулся с цифирью в накладной: семерочка там, а не единица стояла. Накладочка грозит обойтись в несколько тысяч — сумму по тем временам немыслимую. Что делать? Что же делать, герой идет собирать шапки, благо городишко — завод и микрорайон при нем. Сняв по пути с пьяного деда-мороза красный халат и бороду, странствует герой из квартиры в квартиру вместе с новогодним концертом, предлагающим один шлягер за другим, шапки в подарочный мешок складирует. Ловят его, в конце концов. Но не в этом прелесть повести. В хэппи-энде: опускается на плечо тяжелая мужская рука, и голос (почти с небес) произносит, что мол-де, здесь все свои ребята, что счас мы справедливо-то возвернем. Пошли, парень.

Они были поразительными, эти ранние повести Измайлова. Они искрили развеселой уверенностью в собственных силах, если не героев, то автора. От них било энергией юности, которая, по Лидии Гинзбург, кончается в тот момент, когда блистательные варианты возможных жизней впереди оборачиваются одним, конкретным и неотвратимым. Американцы формулируют это по-другому: когда в тридцать лет человек с отчетливостью понимает, что уже никогда не станет президентом США. Тогда наступает кризис, а вместе с ним — взрослая жизнь. «Счастливо оставаться!», «Виллс», «Спокойной ночи!», «Шапочный разбор» написаны до кризиса. Их зубоскальство по поводу общей бредовости бытия, их светло-печальная лирика неурядиц в личной жизни, их радостная интонация, превращавшая любой финал в хэппи-энд стояли на счастливой вере в будущее: сейчас немножко потерпеть, перемучиться, перестрадать — и все будет. Все.

Их питала и вера, и любовь к литературе, к ее фантастически неисчерпаемым возможностям. Когда жизнь

не могла ничего, литература могла все: купить билет на Луну, произвести на свет шушариков, питающихся гуталином, вынуть джина из сигаретной пачки с надписью «Виллс». Она была реальнее, чем тупая, досаждающая, раздражающая действительность с портретами-парадами-орденами-съездами. И каждая повесть становилась хуком, ударом в толстый живот неповоротливой жизни. Казалось, его можно прошибить. Нужно только понять причину неподвижности, докопаться до истинного смысла фраз, превратившихся в штампы, клише, лозунги. Измайлов возился с ними, как с малыми детьми, питая если не молоком, то собственной кровью. Затертые, расхожие, произносимые как междометия выражения обретали у него плоть. Вера была такова, что могла заставить мертвого подняться.

Перелом случился как раз в тот момент, когда жизнь начала приходить в движение, когда незыблемая стена вдруг дрогнула под упиравшейся в нее рукой. Так появилась повесть «Весь из себя» со странным для Измайлова подзаголовком «Быль». Словно почему-то пришлось настаивать. Настаивать на том, что раньше воспринималось как аксиома. И было в повести два поворота, миновав которые с разных сторон, сталкивались лбами литература и реальность, а искры летели из глаз героя. Нет, вера в могущество слова не исчезла. Встала под сомнение ее изначальная праведность. Выворотилось слово наизнанку, обернулось анонимкой, и началась такая фантастика, про которую уже обязательно напоминать — быль. Подлая шуточка коллеги по работе так изменила облик героя в глазах окружающих, что его впрямь приняли за инопланетного супермена из романа «Мертвые не потеют». Сочиненный Измайловым боевик материализовался в сочиненной им же повести. Вторгся в жизнь, как злой дух, и, чтобы избавиться от него, пришлось прибегать к помощи (разве в страшном сне подобное приснится) незаметно появляющихся-исчезающих, но всегда находящихся начеку людей в штатском. Романтическая юность кончилась. А с ней изменился жанр.

Больше (пока) не было ни детектива с элементами фантастики, ни фантастики с остросюжетными ходами. Жизнь сама стала криминальна. Расшатавшаяся, заходившая ходуном, пришедшая в движение, как чудовищный проржавленный механизм, она двинулась на

героя монстром, зомби, вставшим из гроба мертвецом, говоря по-русски, потому что была и есть наша жизнь. Распространяя зловонное дыхание (названное, скажем, СПИДом), выпуская из себя мелкую уголовную нечисть, угрожая невнятностью, которая хуже и страшнее тупости, ибо над ней даже повеселиться нельзя — не ясно над чем, — сия реальность расставила такие ловкие сети, что герой бился в них уже без всякого романтического флера. Когда возникает реальная угроза существованию, нет необходимости искать ее темной бездны на краю. Дай бог, унести ноги. Литературный побег из реальности сменился побегом от реальности к литературе.

Как бежал, как бежал герой повести «Весь из себя» в финале! Как он освобождался от кошмаров в легкоступном отталкивании от земли. Как почти летел домой. Оставалось еще прибежище — дом. Маленькая, малогабаритная крепость. Знал бы он, что обнаружит добежав, по дороге став героиней «Идиотки». Страх. Жуть. Ужас нечеловеческий. Что придет и застынет на пороге отечественного триллера. То есть того, чему до сих пор имени существительного в родном языке нет. Зато ужас присутствует.

Чем утешить читателя в финале?

Разве только тем, что наши ужасы, конечно, пострашнее ихних. Нашим не треба ни зомби, ни вампиров, ни малолетних дьяволов. Наша жизнь любую жуть перешибет. Можно с полным правом занести ее в книгу Гиннеса. Все-таки — тоже книга.

Часть первая

ИДИОТКА

И
НИ
В ЧЕМ
СЕБЕ
НЕ
ОТКАЗЫВАЙ

«Всегда объясняй,
почему женщина поступила так,
как она поступила и тогда тебе
не придется объяснять.
почему она поступила не так,
как ты предполагал»

Рекс Стаут,

«Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

Подрядился добрый молодец победить дракона за полцарства и невесту царских кровей. Рыскал по лесу, рыскал. Глядь: лежит дракон, дрыхнет. А рядом челюсть вставная, огромная. Добрый молодец ее тихонько подобрал, а с драконом решил не связываться. Ну его! Старенький, дряхленький, но одной только массой задавит... Приволок челюсть в доказательство победы. Царь — человек слова, накладную на полцарства тут же подписал, дочь под венец отправил. Положили молодых и оставили одних. Тут-то среди ночи стук кошмарный в двери спаленки. Добрый молодец на самом интересном месте прервался и спрашивает: «Кто там?» А из-за двери громовым, но ехидным голосом ответ: «Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

...Нет! Не помогает древняя домашняя шутка. Боюсь! Стою как последняя дура перед дверью собственной квартиры и боюсь. Просто жуть с ружьем!.. Нет там никого, нет! И быть не может.

Лампочку, сволочи, опять разбомбили в подъезде, хиппи-дриппи проклятущие! Ведь были же спички, ведь были же! Нашаришь их в этом бардаке. Не сумочка, а мешок деда-Мороза! Так, баралгин. Так, сахар. Опять сахар. Тушь. Образцы. Кошелек. Расческа. Пудреница. Номерок. Зажигалка... боже мой, где мужика найти, чтобы хоть зажигалку зарядил! Карандаш-косметика, сигареты, жвачка, ручка... Где же спички?!

Где, где — вот где!

Чирк! Ну? В порядке всё, нормально всё! Не трогал никто замок, не повреждал. Вставляй ключ и «отк'ивай, отк'ивай!» Стою среди ночи, кретинка, девочка со спичками! Девочке сегодня тридцать стукнуло. Страшная цифра! Ой, как теперь всё будет?.. Тихо, тихо! Не психуй, Красилина. Всё будет как раньше только немножко хуже.

Но если ты, истеричка старая, будешь торчать в собственном подъезде всю ночь, то тебе будет простуда,

хлюпающий нос, красные глаза и озноб. Сплошное очарование для зрелой итэдэшницы, которая уже одним своим видом должна пленять, чтобы мотыльками слетались и расхватывали, расхватывали твои «дурилки». Правда, и так отбоя нет. Но сопли все равно ни к чему!

Озноб уже есть. Начинается! Нет, это не от этого. Я-то знаю, от чего. Ой, боюсь, боюсь. Да, боюсь! Да, страх у меня перед закрытой дверью: вдруг там кто-нибудь! Сколько бы Красилин ни хихикал, ни издевался, — наверно в подсознании засело, с детства или еще раньше. А я знаю?! И не надо с этим шутить! Я сколько раз вдалбливала Красилину: не надо с этим шутить! А он, паразит, нацепил клыки вампирные (да, те самые, что теперь на каждом углу кооперативщики за трешку продают, но тогда про них ни сном, ни духом, он их из Финляндии привез) — нацепил и звонит. Кто там? Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш уж-на-а-аешь!.. Ведь открыла. Обхохочешься! Я ему тот свой хохот в жизни не прощу! И то, что по щекам мне надавал, не прощу! В чувство он меня хотел привести, видите ли! Какое уж там чувство! К Красилину! Летел бы он на своей фанере!.. Он и полетел! Насовсем. А я ведь предупреждала: не надо с этим шутить!

И что теперь? Так и будешь стоять?.. Так и буду! Дверь закрыта, а за ней... черт его знает, что за ней! Да, неважно — снаружи или изнутри, да! Подсознание! Безотчетная дверебоязнь, пусть!

Месяц назад среди белого дня к Лащевским звонят (я-то слышу: дверь соседняя, звукоизоляция — и говорить нечего), дома у них одна Дашка после школы, ни мымры нет, ни ее лысого балбеса. Дашка сквозь дверь пищит: «Кто?» «Солдат!» «А чего хочете?» «Воды напиться!» «Простите, но дома никого нет». И не открыла. Я как шла в ванную высморкаться (грипповала на бюллетене), так и застыла на одной ноге. Сейчас, думаю, сюда будет звонить. И звонит! Солдат. Воды ему напиться. Упарился посреди зимы! Опять звонит. Ни за что не отзовусь — будь ты солдат, будь хоть генерал. И простояла, как цапля или как Плисецкая, пока он не протопал сапожищами своими с нашего первого этажа куда-то выше. Кто скажет, что глупые страхи? А кто бы ни сказал! Пусть. Да, безотчетный ужас...

И ведь права я. Права. Ведь было, ведь подтвердилось. Вот ведь год назад было! Когда пришла и стала

перед дверью истинной идиоткой — рука не поднимается ключ вставить. Не могу. Не мо-гу! Такой мандраж, что почти час проторчала у собственной квартиры, а потом Лащевским звякнула. И говорю лысому балбесу, что не мог бы он мою дверь открыть, а то там кто-то есть. И мымра его кричит из кухни: «Вовик, в чем дело?!» Он ей: «Ничего, ничего!» А сам плечики расправил, подбородок выдвинул и осторожненько в скважине заворочал, будто со взрывчаткой работает. У мужиков, точно скажу, тоже есть эта опаска — перед замкнутым пространством, которое надо отомкнуть. Только они в героев играют и в глубине души сознают, что отомкнут, а там — никого. Зато лишний раз себя настоящими мужчинами ощутят. А я, да, не мужчина, я в глубине души не сознаю, я действительно трясусь. И вот Лащевский ворочал ключом, ворочал — там на два оборота, а он минут пять возился, чтобы не щелкнуло — потом пнул дверь и отпрыгнул, принял боевую позу. Я не знаю, что там у них — боксы, дзю-до, каратэ. В общем, энергичная поза. А там, в нашей метровой прихожей — муж! Ну, Красилин. Тоже в энергичной позе — к бою готов. Он, видите ли, на день раньше из командировки вернулся и слышит: лезут! Он и подкрался. Оба дураки! И я дура, да, конечно. Но ведь было, ведь подтвердилось! Ведь знала, что Красилин только через день должен быть, а почувствовала: кто-то уже есть. Лучше семь раз ошибиться, чем один раз нарваться, да!

Ой, коло-отит, ой, трясусь!

Психопатка! Кто там может быть?!. А вдруг спрятались? Негде там прятаться! Метр — прихожая. Справа — единственная комната, твоя комната, кретинка великовозрастная (ни одна зараза не поздравила!), двенадцать метров: тахта, «стенка», кресло, торшер, телефон. Негде прятаться! По отростку-коридору единственная дверь в совмещенные удобства, а прямо — дверь на кухню. И всё!.. Да! Зеркало! Не забыть про зеркало ни в коем случае.

На кухонной двери «лицом» в коридор — зер-ка-ло! Вечно из головы вылетает. Повесила, чтобы если кто влезет, то первым делом наткнется на свое отражение. Никто сразу не соображает, что это он сам. Потому что неожиданно: р-раз, и в проеме кто-то стоит! И... убежит. Эффект потрясающий. Меня каждый раз трясет: от зеркала, стоит мне войти. Забываю потому что. Не за-

бывай, Красилина! Не забудь! Зер-ка-ло! Сейчас откроешь, войдешь — и в зеркале ты. Больше некому. Ты и только ты!

Да-а-а: откроешь, войдешь! А вдруг ОНИ в санузле прячутся?! Или как раз в закрытой кухне?! Запросто! Влезли через окно, первый этаж, и затаились. Подумаешь, замок в порядке! А окно зачем?!

Тихо, тихо! Нервы в кулак! Бандюга, затаившийся на унитазе — смешно. Вползание на кухню через окно по свежему январскому снежку — глупо. Следов будет!.. Да и кому ты нужна, Красилина?!

Ни-ко-му! Ох, никому я не нужна! Тридцать лет — и ни одна зараза... Красилин не считается — это ОН мне не нужен, а не Я ему не нужна, да! Пусть шляется по своим заграницам со своими дровами, со своими совместными предприятиями, мальчишка! Год прожила без него и еще год проживу, и десять, и двадцать и «червяков его переклюваю». А я — свободна, счастлива. Мы молоды! Счастливы! Талантливы! В конце концов и внешностью бог не обидел: надменная натуральная блондинка с прямым носом и прямыми ногами — самое то в нашем возрасте! Всё только начинается, дурочка! Хочу — собственный юбилей провожу в кабаке, кстати, категории люкс. И возвращаюсь домой когда хочу. А в кабаке могу себе позволить двести шампанского (Халдей, морда рыхлая! «Шампанского нет. Только водка и коньяк. Но можно, если у вас с собой». Ага, в моей сумочке для полного букета еще дежурной бутылки полусухого не достает, а так всё есть! Категория люкс называется!) или тогда — пятьдесят коньяку. Да, всего пятьдесят. Не напиваться пришла, а красиво посидеть. Пусть всего пятьдесят, зато икра, крабы, осетрина холодная. Рыбный день! Что там у вас еще из натуральных продуктов? Или тоже: с собой приносить?! В накладе халдей не останется. Кутить так кутить! И пусть подсаживаются, пусть приглашают!..

Вот-вот! Сели. Полетели, полетели — сели. На хвост. И пригласи-или... Откуда ОНИ там взялись? Следили? Да ну, много чести! Просто где же ИМ еще околачиваться по вечерам, как не в кабаке. Угораздило меня — в «Неву»! Да, но если ОНИ беспробудно гудят в «Неве, то серьё-о-озные, гады! «Нева» — не «Сфинкс» какой-нибудь, не «Сайгон». Вот уж вляпалась, так вляпалась, да!

Дикое везенье: такси на Невском! Выскочила и удрала. А пальто и до завтра повисит, без номерка никуда не денется. Номерок! Ах да, я его уже нащупывала. Здесь он, здесь.

Ой, холодно. Пальто финское — семьсот, через Мыльникова, — всего три года проносила, жаль если пропадет, еще три года носить можно. Никуда оно не пропадет. Они там в гардеробе за один номерок три таких пальто, как моё, готовы прозакладывать. Радуйся, дура, что такси попалось. И пусть теперь ОНИ меня ищут-свищут по всему Комендантскому!

Ой, в пальто же квиток за телефон. Позавчера же платила. А там — адрес! Красилин ты и есть Красилин: «Я из Хельсинки! Перезвони по вот этому номеру, а то валюта совсем кончилась. Я потом тебе рублями отплачу!» Нужны мне его рубли! «С наступающим! Готовься к сюрпризу!» Нужны мне его сюрпризы! Знаю я его сюрпризы! Нужно мне его «с наступающим» — за месяц до наступления! И перезвонила, да! Только чтобы ему сказать: не нужны мне ни твои рубли, ни твои сюрпризы, и ты мне тем более не нужен!

И я никому не нужна. Без пальто... Нет, до квитка ОНИ не доберутся. Кто ИМ пальто отдаст без номерка?! А завтра в плащике добегу до кабака... Вот простужусь, заболею и умру! Насовсем!

Если так и буду стоять, то — не исключено... А куда деть безотчетный страх? Это раньше он был безотчетный, и тот же Красилин мог сколько угодно хихикать, но теперь страх вполне отчетный, хотя тоже глупый! Кто может быть в моей собственной квартире, если от НИХ я сбежала на такси, и обогнать меня невозможно. Тем более не зная адреса... Но телефонный квиток?! Ах да, ИМ же его не достать. И уж не обогнать, во всяком случае... Икру даже не попробовала! В крабы только вилкой успела ткнуть! Жалко-то как!..

А откуда я знаю, сколько ИХ?! Может, двое — в «Неве», и еще двое-трое-пятеро засели тут — только ключ поверни?! Никому я не нужна. Еще как нужна! ИМ. Не я, пусть, но мои деньги. Много. Честно заработанные. Да, много! Смогла и заработала! И не отдам! Мало вам других итэдэшников? Что вы ко мне прицепились?! Никого не трогаю, «дурилками» торгую... Не дам! Сколько ни просите!

И не просят... Дадут сейчас по башке и без всяких просьб оберут, раз не хотела по-хорошему.

Хорошенькое дело — по-хорошему!

Может, опять Лащевского попросить? Разбудить сейчас и попросить... Ага! Мне его мымра тут же глаза выцарапает. И так после того раза волчицей глядит и только шипит, когда на площадке сталкиваемся. На физиономии написано: мол, мужика хотела заманить! Нужен мне ее лысик! Сейчас вообще после сорока мужики только ковры выхлопывают в шесть утра, сублимируют. На большее не способны. Всё идиотство в том, что Лащевский после того раза тоже себе в тыковку что-то втемяшил и фонит. Ой, фонит — я же чувствую. Этого мне не хватало! Нет, Лащевских лучше не будить. Спите спокойно, дорогие товарищи!

Но как же в квартиру попасть?! Как, как — не знаешь, как? Знаю! Боюсь...

Шаги! А-а-а! Шаги! Там, у подъезда. Сюда! Сейчас войдут! Это ОНИ! Нашли, догнали! Меж двух огней!.. Каких еще двух?! Кретинка, идиотка, психопатка! В комплексе! Перед тобой за дверью мнимые ОНИ, а за тобой (пока на улице, но пока!) реальные ОНИ. Кому еще быть во втором часу ночи, если не ИМ? Выбирай, Красилина!

И выбирать нечего! Ключ, ключ! З-зараза, что ж ты не втыкаешься!!! Ага! Круть-круть! И, зажмурив глаза...

...впала. И дверь за собой — хлоп! Спиной к ней, к родимой, — прижимая. И отдыхай, отходи. И слушай, что там в подъезде: там не ОНИ, там «тяф-тяф-тяф», там «тихо, Троян!», там гуд вызванного лифта.

Пудель Трояша с шестого этажа. Дай лапу, друг! Днем гуляют в садике дети, по ночам гуляют собаки. Солнце днем на игрушки светит, ну а ночью луна — на каки!

Вот-вот! Повторяй про себя давний красилинский стишок и успокаивайся, успокаивайся. Ус-по-ка-и-вай-ся! Нет никого. Ни снаружи, ни внутри. Протяни руку. Включи свет в прихожей. Есть свет? Есть свет. И никого? И никого.

Теперь пора разжмурить глаза. Пора, пора. Ничего страшного. Не забывать про зеркало. Там в зеркале никого, кроме меня самой. Разжмурь!

Да, это я. И... И!!! Секунду, две (сколько?!) я еще вижу: по зеркалу сверху вниз сползает, стекает, мед-

ленно скользит что-то студенистое, с щупальцами, с глазами. У меня внутри опускается... всё. Просто падает камнем, гирей! И сквозь горловой спазм я:

— И-иии-и!!!

Тут как выбитая распахивается дверь санузла. Громадная, кошмарная, лохматая тень выскакивает оттуда и бросается на меня. И...

...и... Всё!

Красилин! Боже мой, Красилин! Какое счастье, Красилин, что ты здесь! Красилин, гнида лучезарная! Убью тебя, Красилин! Убью за то, что ты здесь! Сволочь, сволочь, сволочь! Никогда ни за что не прощу!

А Красилин, как в дурной комедии, сидит передо мной на корточках со спущенными штанами и приговаривает идиотически:

— Очень милая осьминожка! Очень милая осьминожка!

По морде! На! По гадкой морде, по твоей отвратительной роже! На! На! Терпи! Не жмурься! Терпишь? То-то! Не смей до меня дотрагиваться! Я сама встану! Не надо мне помогать! Лучше себя в порядок приведи, хозяйство свое спрячь — ты в доме у посторонней для тебя женщины, Красилин! Уже больше года — посторонней!

Охнул, вспыхнул весь цветом бордо и скакнул — кенгуру! — обратно в санузел. Вот оттуда можешь теперь сколько угодно бубнить, оправдываться.

— Я же тебя предупредил, Гал! Еще месяц назад! Я же звонил, Гал! Сюрприз!

Оправдывайся, оправдывайся! Нет тебе оправдания, Красилин! Я тебя из состояния виноватости не выпущу сегодня. Иначе придется признать себя дурой, которая сама виновата. Женщина никогда не должна признавать себя неправой, иначе жизнь станет для нее вообще невыносимой.

Надо вставать, надо подниматься с пола, пока этот... сюрприз охорашивается. Пылища-то! Ох, бедро болит, теперь синяк будет. Красиво сползти в обморок — полдела. Вот на ноги встать, в кучу себя собрать — красиво не получается. Враскоряку, в стенки упираясь. Нет, Красилин, не доставлю я тебе такого удовольствия — наблюдать меня в разобранном состоянии. Зато ты сам надолго запомнишь себя без штанов, и это смехотворней, чем женский испуг перед осьминожкой-«дурилкой».

Ну, встала. А осьминожка добралась до нижнего края зеркала и затихла. Действительно очень милая осьминожка! Только мне и только с перепуганных глаз могла почудиться жуть с ружьем... Из чего же она? Полимер, понятно. Принцип нужен. Значит, шлёп — сцепление минимум, и под собственной тяжестью она опускается. Только поверхность должна быть гладкая — стекло, зеркало. Обои, штукатурка не годятся. Вот и будет по моему лотку лазать. «Дурилка» что надо! На осьминожку народ клюнет. Расхватают. Есть смысл наштамповать. Что же за полимер такой?.. Сейчас бы «дурилку» на горелку...

Так! Всё потом! А пока на осьминожку — ноль внимания. Равнодушней, равнодушней. Он, Красилин, сейчас выйдет. Надо держать лицо. Ой, а что, интересно, он еще привез?.. Ты что там заодно и постираться решил?!

— Сейчас, сейчас!

Сиди ты на самом деле чем дольше, тем лучше.

Хоть прибраться, пока Красилин оправляется-заправляется. А то скажет: ушел от нее, и превратила квартиру черт-те во что... Да уж, слишком привыкла быть одна. Кстати сказать, ничего хорошего в этом нет, как я теперь соображаю. В глухом одиночестве поневоле хоть немного да распустишься. Ни природный шарм, ни натуральная блонда не спасет. То причесаться лень, то подмести, то еще что-нибудь. А уж когда есть зритель, актер просто обязан быть в форме. В хорошей форме. И буду!

Боже мой, какой в кухне бардак! Ладно — пробирки, колбы, отливки, формы. Это всё можно списать на повседневную работу. Но чашки-то, чашки кофейные! Полна раковина! Срочно мыть!

Нет! Где мозги твои, дурочка! Он же раньше тебя здесь уже был и весь развал видел. А если ты, Красилина, сейчас бросишься порядок наводить, то ежу понятно будет, ради кого. Пусть уж всё как есть.

А в комнате? Там же набросано! Я же пока вечерний туалет выбирала весь шкаф наизнанку вывернула. Вперед в темпе вальса, пока он душем шуршит. Ну? Что тут у нас в комнате? Ой...

...ёй-ёй! Ну-у, Краси-и-илин! Ро-озы, паразит, белые! Умереть не встать! Разделил ведь по пятнадцать на две вазы. Не совсем еще дурачок. Вот дурачок! И шмотки

мои — неужто?.. Точно! В шкаф развесил! И о сигаретках позаботился! И «Мисти»! И шоколад! Финский! И орешки! Ну-у, Красилин! Сюрприз так сюрприз! Хоть плачь — о тридцатилетии только бывший муж и вспомнил, розы притащил. Где он их только? Тоже из Хельсинки? Жалость какая — запаха не чую, насморк все-таки поймала.

Нельзя расслабляться, нельзя! Он уже воду выключил, сейчас объявится. Надо встречать во всеоружии. В кресло, в кресло! Коленки вперед. Но холодно, но неприступно. Ай, бедро болит... И сигаретку! Ну, пора! Вышел!

Во-от! И стой, и мнись. А я на тебя — как сквозь стекло автобуса. О-охо-хонюшки, полысел ведь, волосы мокрые — и сразу видно. Мальчишка с проплешинами. Ну, что скажешь? Что ты можешь мне сказать?

— Я там полотенце взял. Желтое. Ничего?

Уж взял, чего теперь спрашивать. Но тон хороший, виноватый. Так держать! А то — розы, розы! Очень милая осьминожка! Дурак какой!

— У тебя платье красивое. Очень идет.

— Я знаю.

— Новое?

— На новый год. Три недели назад. Его благородие господин офицер преподнес.

— Что еще за офицер?!

— Полковник. Ты его не знаешь.

— Ты же на дух военных не выносишь!

— А он в штатском всегда ходит. Работа такая. И очень чистоплотный, в отличие от некоторых. Кстати, желтое полотенце — его. Лучше бы ты зеленое взял, махровое. Оно специально для гостей.

— У тебя их много, судя по чашкам в раковине.

— Не жалуюсь. И не надо здесь свои порядки устанавливать. Мы чашки нарочно не моем, собираем. Чтобы потом гадать. И мой гардероб тебя никто не уполномочивал перетряхивать. Лежит — значит, надо чтобы лежало. Это хамство — распоряжаться вещами посторонней тебе женщины, не находишь? Или в твоих Хельсинках нравы попроще?

— Слушай, Красилина...

— Вот об этом ты забудь! Да, Красилина. Но просто однофамилица. Мы уже не раз говорили на эту тему... Всё паспорт никак не сменю, недосуг. Ладно,

скоро так и так менять. В связи с... хотя, тебя не касается.

Довела. Да, пережала чуть-чуть.

И пошел мой Красилин грузными, наплевательскими на меня, невидящими шагами к торшерному столику. Будто меня и нет, свинтил голову бутылке, вбухал себе полный бокал «Мисти» и выхлебал как воду, а потом оскорбленно уставился в окно.

Жалость какая! Мамочки-мамочки-мамочки! «Мисти»! Бокалом! «Тропикал-коктейль-ликер»! Вы не знаете, не представляете, что это такое! Сливочно-розовое! Ананасово-клубнично-манговое! Греющее, но не горячительное! Его кро-о-охотными даже не глоточками, а поцелуйчиками надо в себя втягивать! А он: бул-ль! Для меня ведь привез! А сам: бул-ль! Жалость какая! И ролями поменялись — теперь мой Красилин, видите ли, смертельно обижен...

Еще бы! Он — с розами, а я ему — полковника в штатском, полотенце б/у, гостей кофейных! Какой там полковник?! Был бы полковник — бегала бы я без пальто от рэкетиров проклятущих! И чашки — мои. Все до единой. Просто утром приготовишь порцию, примешь — а мыть лень да и некогда. До воскресенья копятся. Сервиз шесть штук, по дням недели. В воскресенье все сразу и отскребаю. Вот завтра воскресенье — я бы их и...

Тут еще приключения ресторанные, дверь заклятая... И ведь опять я права! Был, был за дверью! Пусть Красилин, но был! И на крик мой вылетел пулей. Даже штаны не подтянул. Сюрприз, ничего не скажешь! Поздра-авил! Осьминога подложил. Приятное хотел сделать. Сделал! И я ему сделала!

Однако, если дальше будем сидеть-молчать, то — мой проигрыш. Надо, придется обозначить шаг навстречу моему Красилину... Да никакому не моему! Что еще за «моему»! Давно не моему! Но придется.

— Я так и буду сто лет с сигаретой сидеть? Может, догадаешься дать прикурить?

А-га! Вскочил, захлопал крыльями по карманам. Ой, зажигалочка прелесть! Отберу! Сам отдаст.

Ну?! Так и не научился давать огня. Повыше, повыше. Не собираюсь я еще и наклоняться. А сам лови мой взгляд, лови. Вот-вот!

— Галка... Ну, Галка... Ну, Гал...

Ладно, так и быть, прощаю. Сейчас еще сосредоточенно затянусь и прощу. «Бе-бе-бе!» — видишь, Красилин, язык тебе показала, гримаску скорчила. Выдохни, не напрягайся. Простила. Рассказывай, что ли, интересное...

— Галка, ты не представляешь! Они там так колдырят. У них алкоголики даже на гособеспечении. А мы сидим с их фирмачами. Те с женами. И обе рядом — по левую и по правую руку от меня. Наш представитель жантильно меня провоцирует: «Красилин, почему вы не ухаживаете за дамами?» Я тут возьми да и ляпни: «С какого-то момента это должно называться не «ухаживать», а «следить». Ерунда! Они всё равно на таком уровне русским не владеют...

— ...С кормежкой нормально! Чухна, а всё есть! И как! Ты слушай, я там решил выпендриться перед нашей переводчицей, повел ее в кабак. Карта блюд — с нашу телефонную книгу. И вот я выбираю, а она переводит. Читаю: фондю. Спрашиваю ее: что за фондю? Фондю, говорит, и фондю. Непереводимо. Сдуру заказали. Представь, приносят нам два примуса, сверху на сковородочках куски чего-то непонятного, но сырого. Оказывается, мы сами должны примусы раскочегарить и с пылу, с жару есть. Особый шик! Я эти примусы час целый накачивал, весь в саже, и Таська тоже, переводчица. Конструкция идиотическая. В общем, дым, вонь. А куски мы, чтоб не позориться, съели сырьем и гордо ушли!

— ...Гал, ты не смотри так. Просто товарищ по работе. А я для тебя там высматривал. Для твоей ИТД. Хотя ты знаешь, как я ко всему этому отношусь... Там интересные штучки. Как тебе осьминожка? Пригодится? Вот и я так решил. Еще штучка забавная была — брелок для рассеянных. Он на свист отзывается. Засунешь куда-нибудь ключи, ищешь-ищешь. Надоест, посвистишь — он писком отзывается, вот, мол, я где. Только пока мы в Союз ехали, Таська ну переводчица, всю дорогу балаболила не переставая. А у нее тембр совпал, и брелок свиристел не смолкая тоже всю дорогу. Деться, главное, некуда — купе СВ. Ты не думай, просто самый удобный поезд, чтобы из Чухны выбраться, а других билетов нет. Я сам пожалел: сплошной свист без передыху. И батарейка села. Я его, брелок, тут же фарце сдал, как на перрон вышли. Слушай, фарцы в Питере

развелось! Но тебе такой брелок все равно для дела — никак. Там электроника сплошная. И штамповка. А из пластмасс — только осьминожка. Ты ее пока в серию запускай, а там я еще чего привезу. Как у тебя пока? Идет товар? И «лягуха»? И «мышка-норушка»? И «дребездильник»? А «цокотуха»? А «шлепа»?.. Ну, значит, просто рынок насытился. «Крантик»-то пока нарасхват? Что и следовало ожидать. Если и упадет спрос, то у тебя секретное оружие наготове — осьминожка!..

— ...Нормально. У меня нормально. Три договора уже заключили. Они за нашу древесину, по-моему, готовы душу заложить. Шеф мне четыре тысячи марок определил. У них, правда, пособие безработным — две тысячи. Но для советских специалистов четыре тысячи более чем нормально! Гал, не смотри ты так, я не выпендриваюсь, правда!

— ...Гал, а Гал, я ведь только на сутки. И обратно. Очень хотелось тебя увидеть. И поздравить. Ничего, что я приперся? Я же сам не ожидал такого эффекта. Сижу, пардон, на горшке — а ты как закричала. Я просто перепугался. За тебя... Ты уж прости. Там ключ мой... то есть твой... ну, второй — я его найду потом и отдам, правда. Где-то звякнул на кафель. А у тебя что новенького? Нет, я вообще спрашиваю. Мы не будем возвращаться к старой теме, не будем. Я помню, я знаю... Только вдруг у тебя что-то изменилось... Ну, извини...

— ...Галонька, я сейчас, только несколько минуточек подремлю. Я тебя не буду шокировать, если подремлю? Буквально несколько минуточек. Прямо в кресле, хорошо? Ты не думай, я — никаких поползновений... Я уже сейчас встану, сейчас только самую малость. Мне завтра с утра — на автобус. Договорился еле-еле. С нашими туристами, с группой — обратно. В восемь ноль-ноль... Глаза устали, сейчас они отдохнут, и я снова буду бодр и свеж как обычно. Как обы-ы-ы...

Знаю я, Красилин, твои несколько минуточек. Пушкой не поднимешь. Сдал, ой как сдал мальчишечка. Хоть пледом тебя укрыть. Сквозит ведь. Боже мой, давно я твоего сопения не слышала, давно...

«Никаких поползновений».

Был дурачок и остался. Хотя как сказать. Таська, значит. Переводчица, значит. В СВ на двоих катаются...

А ведь опять хочу замуж! Взбешусь, надо полагать, через полгода. Все, конечно, зависит еще и от обеспе-

ченности. Если у меня не будет ни гроша, тогда тяжело. А если о деньгах думать не надо, тогда другой расклад... Да-а, попробуй о них не думать, если со всех сторон только палки в колеса — и в исполкоме, и в милиции, и население готово волком загрызть. Тут еще гады вымогатели...

Не отдам! Наизнанку вывернусь — не отдам! Ой, кто бы защитил! Кто хотя бы не нападал!

Взрыднуть что ли? Поздно. Раньше надо было думать. Теперь нельзя — глазки до утра в норму не придут. Жуть с ружьем, и тут по расписанию. Спать-то осталось всего два часа. Единственный выходной по случаю юбилея решила устроить, ан Красилин к восьми утра в автобус должен грузиться — и в свою Чухонию ту-ту-у! А мне из-за него теперь не свет не заря...

Всё равно пришлось бы подниматься, чтобы к двенадцати в «Неву» поспеть, к открытию. За пальто. Но все-таки к двенадцати... Ой, что-то там бу-удет!

Ну нет, Красилина, даже если дела складываются паршиво, сохраняй оптимистическое спокойствие. Подавленность обходится дороговато, к бесу ее!

А Красилин — отрезанный ломоть. Розы, «Мисти», шоколады — пусть. Но защиты у него искать — фигушки! Год назад я ему сказала? И докажу! За «дурилки» — сдержанное спасибо, пусть не мнит. Хотя что бы я стала делать, какая-такая индивидуальная трудовая деятельность у меня получилась, если бы не его «дурилки». А народ наш любит «дурилки», о-ой как лю-убит. Пусть подольше любит, уж я им наштампую. И «лягуху», и «дребездильник», и «норушку», и «цокотуху», и «шлёпу»... И «крантик» ныне наиболее ходовой. И осьминожку, и... черта в ступе! Боже мой, все сама, все сама!

Хоть вой!

Есть же люди в миллион раз хуже меня, но они живут как люди, а я?!!

Емкий сон. Бывало, всю ночь проворочаешься, а утром что-то мутное брезжит и улетучивается мгновенно, эфирно — не понять толком, снилось или нет. А тут, казалось бы, на миг подушку придавила, и на тебе: цвет, вкус, запах. Родная лаборатория, будто и не прошло года. Химией смердит. Но обрадовали, зарплату повы-

сили. Всего на десятку. Зато к ней, к десятке, — три талона впридачу на продовольственные наборы. Иду с талонами в наш Помгол, в профком то есть. А на них мне словно великую милость вручают сетку мокрой картошки, банку тушенки в солидоле и (!) банку кофе растворимого, бразильского. Почему-то вскрыто. Гляжу туда — там всего на дне слой в палец толщиной. Чего вдруг, спрашиваю? На всех не хватает, отвечают, понимать надо! Приходится на всех поровну делить. Одна на шестерых. Зато всего рубль банка. У вас в лаборатории шесть человек — и получите! Только я созрела, чтобы их облаять, а они первые ка-ак загавкают!..

И проснулась.

Гавкают. На лестнице. Значит, уже половина седьмого. Трояшу на прогулку ведут. Точность — вежливость королевских пуделей. Можно без будильника жить.

Вставай! Мамочки мои! Вставай, храпун! У тебя автобус уйдет! Да проснись ты, горе луковое!

Вот когда я его ненавижу Когда он опаздывает. А он всегда опаздывает. И нас же еще считают истеричками. Да мужики нам сто очков вперед дадут. Красилин — и всю тысячу. Только мы сразу выплескиваем, а они все — внутренние истерики: копят, давят, уплотняют внутрь и гордо именуют сдержанностью. Посмотрел бы Красилин на себя сейчас со стороны! Граната, которую в окоп закинули: фырчит, шипит, на месте кружит, об стенки ударяется, отскакивает, зигзагами снует. Лучше бы взорвался! Нет, не рванул... Для них же высшая доблесть — наступить на горло собственным эмоциям и назвать сдержанностью. Что же за граната такая, которая не взрывается! Пшик!

Всё! Сумку! Сумку, балбес, не забудь! И на остановке не жди, до метро пешком быстрее.

— Помню я, помню! Всё! Ку-ку! До встречи!

Лети, голубь, лети. Упаси бог тебя опоздать, ведь тогда вернешься, а мне совсем ни к чему. Помнит он!

И я помню! Недаром — сон. Красилин и навеял. Я-то боялась, что кошмары будут мучить: с преследованиями, шантажом, гнусными личностями, которые вчера чуть кислород мне не перекрыли... Но родная лаборатория ничем не лучше. Еще тот кошмар! Со всеми исходящими...

Приличная квартира, престижный муж, ответственная работа. Что еще нужно для полного счастья! Ничего! Счастья... И то, что оно не в деньгах, придумал какой-то мерзавец, у которого их без счета.

Приличная квартира, как же! Квартира престижного мужа, выложившего за нее семь тысяч по родственному обмену. И родственник седьмая вода на киселе, но тоже не мой, а мужа. Двенадцать квадратных метров! Жилье — 2000! Каждой двухтысячной семье — отдельную квартиру...

Ответственная работа, как же! Варево полимерное нюхать всю жизнь, боевую подругу Клавдию Оскаровну в начальниках иметь и лишней десятке молиться — раз в год, в день химика! На нее даже колготок элементарных теперь не купишь. И полторы сотни в месяц — бумажка бумажкой, прикуривай от нее, на что она еще годится по нынешним временам?!

Престижный муж, как же! Совместные предприятия! Сейчас — да, совместные предприятия, а еще год назад что? Шишка на неровном месте в своем НИИ. И большой философ: «Вот счастье, например. Если уж так неймется, то будь счастлива. Раньше я думал: попался счастливый билет и ой какое счастье привалит! А потом понял: счастье уже в том, что он, билет, попался! Разве нет?»

Не надо мне такого счастья. Провались оно!

Спасибо Мише, личную инициативу ниспослал. Предприимчивость, кооператив, ИТД, и т. п.

Да я за один только год, стоило мне решиться и порвать с тягучкой, на одних «дурилках» Красилину семь тысяч за его кооператив выплатила, чтобы подспудно не претендовал. Тряпок приличных надоставала. И могу себе позволить колготки выбрасывать, а не мазать их «Моментом», если поедут. И могу себе позволить категорию люкс, икру. Могу себе позволить...

Индивидуал — замечательное слово! Да, индивидуал, и ни от кого не хочу зависеть. И не буду! И могу себе позволить быть женщиной, хоть это и дорого!

Могу позволить! Но, чтоб вас всех разорвало, не позволяют! Ведь только-только всё выплатила — долги застарелые, взятки нашим ответственным безработникам, за патент (отнюдь не те объявленные рубли-копейки, а те, что НАДО БЫЛО в конверте подсунуть) — все-все! И — пожалуйста! Вдруг откуда ни возьмись...

Да уж, родная лаборатория, навеянная Красилиным, — кошмарный сон. А кошмар с грабителями придется переживать наяву. Конечно, грабители, кто же еще! Десять процентов ежемесячно! Не дам и все! Хоть режьте...

...И ведь могут, ведь пообещал прыщавый. Угораздило меня вчера именно в «Неву»!.. А может, плюнуть на пальто? Да-а, жа-а-алко. Дело не в том, что оно — семьсот, а в том, где достать? Негде!

Мыльников запропал, носа не кажет, не проявляется. А самой на удачу дежурить в Апраксином, пока конфискат не выбросят — ищите девочку! Такого все равно не достать. А «советское, значит, лучшее» покупать — ищите старушку! Процентщицу!.. Нет, правда, зла не хватает! Пусть полторы тысячи, пусть! Но почему они какие-то... абстрактные — что пальто, что шубы. Будто инопланетяне делали — наблюдали за нами издали, разглядели приблизительно и сшили тоже что-то приблизительное, похожее только издали.

Да уж, быть женщиной дорого!

Придется все-таки в «Неву» наведаться. Подумаешь, ничего страшного! День на улице. А к полудню и вовсе рассветет. Что ОНИ среди бела дня со мной на Невском сделают?! Воскресенье, народу полно! Да и нет их там, нет. Что, самая неотложная задача для НИХ — в засаде бедную женщину дожидаться — караулить?! Ну, не бедную. Ну, богатую... В перспективе...

Точку на «Удельной», конечно, придется сменить. Без никаких! Обидно. Я за лоток, чтобы его там установить, столько в лапу положила, а теперь вот... Ну, из двух зол...

До открытия еще времени куча. Чашечки отскрести, все шесть — неделя закончилась. Бокальчики ополоснуть, протереть — в бар. И «Мисти» туда же: если маленькими поцелуйчиками, то надолго растянуть можно. Кресло, постель.

Вроде все. Чем бы себя занять, чтобы жуть с ружьем в голову не лезла? Кофеек? Это не занятие, это я — в последний момент, взбодриться.

Осьминожка! Правильно. Вот я и посмотрю, из чего же такого полимерного тебя сварганили. Колба, так. Реторта. Прокладка асбестовая задевалась! А, вот! Кстати, реактивы на исходе. Ортофосфорная кислота —

без нее никак. Катализатор! В крайнем случае, серная концентрированная. Но и ее почти не осталось. Опять предстоит поход и всеобещающее лицо, чтобы расщедрились. Все ведь своим горбом, своим горбом. Пусть только кто-нибудь скажет, что я не заработала то, что я заработала!..

Ну, очень милая осьминожка, что у нас болит? А что у нас внутри? А мы кусочек отщипнем и посмотрим, разложим на продукты деструкции, сейчас подогреем и будем надеяться — сразу мономер полетит. И не елозь, «дурилка» импортная, я тебе скоро братиков-сестричек наштампую...

...Ничего себе, цепочка-связка! Нагревание попусту. Значит, либо ее путем конденсации строили, либо вообще раскрытием цикла. Что за цикл, кой черт знает, что из чего там выросло?! Где я хотя бы приблизительный аналог найду?

В лабораторию Клавке позвонить разве по старой памяти. Может у них такой полимер оказаться?.. О, большой успех! Уже думаю: у них. А недавно еще не могла избавиться от: у нас. Да, но по той же причине Клавка отбреет, даже если у них такое есть. Мол, индивидуал — и работай над собой, а наши полимеры — плод коллективного НАШЕГО труда. Завистницы, с-собаки... на сене.

Лучше Петюню подозвать. Но так, чтобы ни Клавка, ни Марьямушка, никто из лабораторного девичника не включился, что это я. А Петюня-то скажет, все скажет. Что-что, а из Петюни я веревку могу вить... хм, чтобы на ней потом повеситься. Все-таки, мужчина страшно самонадеян — он всегда придумает себе такую женщину, такую... такую... которой он и даром не нужен. Так что Петюня скажет. Только что он может сказать по существу, если даже я в толк не возьму, из чего проклятые капиталисты полимер строили! И потом — воскресенье! Совсем счет дням потеряла, Красилина?! То ли дело «крантик». Банальная пластмасса. Накупила копеечных неликвидов и переплавляй, формуй из них грешки.

А тут придется посиде-еть и еще как!

Так! Но не сейчас! Я вам не Красилин, я опаздывать не умею. Я еще и кофейку успею глотнуть. Только мыть — увольте. Потом, потом, потом...

Зя-а-абко в плащике-то! И мороза нет, а пробирает. Или это не от этого? Просто боюсь.

Ничего я не боюсь! Центр! Невский! «Нева»...

...И внутри там, за стеклом — пусто.

Правильно я сделала, что до открытия успела. Гарантия, во всяком случае, что я первая буду. Даже если ОНИ стерегут, то снаружи не тронут (люди кругом!), а внутри — я первая (и швейцары тоже люди, и здоровенные: помогут, если обращусь!).

Пора! На Думе часы пробили.

Ой, пробил мой час!

И номерочком стучу по стеклу: цок-цок. Чтобы сразу поняли бравые ребята в синих фуражках: я по делу, а не просто так от голода, вот и номерок ваш у меня. Нечего карасями из аквариума пялить на меня снулые глаза — не дам рубля, дело у меня тут, пальто мое тут.

«Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

...Выдали! Моё! А я-то приготовилась долго им объяснять, врать. К тому же смотрю: на вешалках — ничего! Делось куда-то, пропало! Запаниковала и сразу решила скандалить, попробуй они мне его не вернуть. Сую номерок под нос, но не выпускаю из рук:

— Ваш номерок! —говорю и электризуюсь.

Глазом своим карасьим не моргнул, кивнул и ушел. А я все электризуюсь, уже искрить начинаю. За дверью входной слежу — вдруг ОНИ тут как тут?! Мало того, что рисковала, но еще и зря, получается, — пальто исчезло. Это сам по себе та-акой повод током долбануть! Пусть попробуют только не вернуть мое пальто!

— Ваше пальто!

Оглядываюсь — оно... И карась в синей фуражке готовно держит его за плечики: надевайте.

Тут же весь заряд в землю ушел. Но я всего секунду пребываю в состоянии «слава богу!». Потому что вдруг чувствую: все четыре карася (а их четверо) — не сами по себе, а вместе. И каждый действует по модели, по давно испытанной ими и не однажды опробованной модели — давно обрыдло, но работа есть работа, и у каждого в ней свои функции...

Один — пальто подает.

Другой — пошел с некоторой ленцой и весь выход закрыл широченной спиной, вроде на проспект любуется.

Третий — просто встал и стоит. Но так, что лестница в «зало» (которая наверх) отсечена.

А четвертый — на страже у «Ж».

Столбенею! Потом судорожно вбрасываюсь в пальто и, щелкая кнопками, иду по дуге словно подскользнувшись — уже понимаешь: падаешь, но продолжаешь двигаться — иду, сейчас ткнусь в синюю спину-валун. Не будет же он со мной драться, с женщиной!

И боковым зрением вижу: по касательной меня догоняет... нет, не швейцар... откуда-то из подсобных дверей — молодой, высокий, спортивный, наглый, в костюме. Хвать меня за руку. Таким манером, что сломать запросто, если вздумаю вырываться. Не вздумай!

— Простите, это ваше пальто, вы уверены? — взгляд уверенный, снисходительный, презирающий, начальственный. У НИХ, у вчерашних не бывает такого взгляда, не может быть. — Тогда придется пройти...

И все становится, если это не ОНИ, тем более дико, непонятно и потому стра-а-ашно! Жуть с ружьем! И я вырываюсь по мере слабых сил.

Слепну от боли — руку мою он держит СПЕЦИАЛЬНО.

Пинаю каблуками поспешающих на помощь (не мне!) карасей.

Бороздю царапины по одной из их мясистых рож.

И потом кричу-причитаю:

— Ой, мамочки-мамочки-мамочки! Ой, больно-больно так! Я сама-сама-сама-сама! Я иду-иду-иду-иду!

И я иду...

Невозможно так разговаривать!!!

Помнится, давным-давно уже испытывала подобный приступ: приступ и ярости, и обиды, и растерянности одновременно. В Болгарии. Десять лет назад.

Еще студенткой решилась подкопить-занять и кровь из носу, но заграницу повидать. Только и хватило на Болгарию. И то спасибо. Деду спасибо: завещал внучке ворох безжизненных облигаций конца сороковых годов, а больше у него и не было ничего. И вдруг государство расщедрилось, погасило. Вот и Болгария тебе, студенточка-внучка...

Красоты красотами, но помимо них хотелось и шмоток. Тогда джинсовый бум в разгаре был. И прихожу в

лавчонку, спрашиваю у продавца: «Джинсы есть?» Он разулыбался аж светится, башкой отрицательно мотает: «Ня́ма! Ня́ма!» Что ж ты, думаю, паразит усатый, радуешься, если «няма»! А день последний. На исходе.

Так и уехала. Ерунды всяческой нахватала по мелочи уже на вокзале, лишь бы валюте не пропадать.

Этот самый приступ и накатил, когда он, усатик, мне свою «няму» вместо джинсов предложил. И говорили на одном языке (ну почти!), а реакции противоположные. Все понимаем, но совершенно не так. И права не покачаешь на чужой территории. И теперь вот в нынешнем ОПОПе тоже накатил...

В самом-то деле, невозможно разговаривать! Жуть с ружьем и есть! Ладно — Болгария: теперь все умные и знают, что «нет» у болгар — наше «да», а арбуз они называют дыней и наоборот. Но тут-то!!!

По-русски говорим, а получается «няма»! И снова права не покачаешь, снова чужая территория, не моя...

— Что я вам сделала?! Зачем вы меня сюда притащили?!

— Ну-ну! Только не выступай. Ты лучше скажи...

— Я вам не «ты»! Я тебе не «ты»! Сопляки! Вы мне за все ответите!

— Ну-ну! Пока ты нам ответишь. На все интересующие нас вопросы. ЗДЕСЬ мы спрашиваем, а нам отвечают.

ЗДЕСЬ — комнатенка о трех стульях, диване, столе, сейфе. Вымпел на сейфе, на стене — грамота за неясные успехи и полуголый календарь... Да! Еще на столе скорчилось моё пальто. ЗДЕСЬ — это ОПОП. Что за ОПОП? Охрана порядка, опорный пункт, да? И три бугая. Большое геройство: скрутить хрупкую женщину и в свой ОПОП затащить (оп! оп!) Спра-авились, победители!

— А не надо было оказывать сопротивления. Ведь вас вежливо попросили пройти. Зачем было сопротивляться? Царапину нанесли человеку, а он швейцар, он при исполнении служебных обязанностей...

Зачем сопротивлялась! Да переодень вчерашних рэкетиров из «варенок» в «тройки», дай им власть (официальную!), чтобы взгляд приобрел социальную защищенность... вернее, социальное нападение — тогда не отличить! Откормленность и чувство хозяина. Не то, о котором пресса долдонит, а: «я здесь хозяин!» Боже

мой, о чем я думаю! Мамочки-мамочки-мамочки! До прессы ли! Разговаривают так же: угрожающе-доброжелательно, с издевкой, будто низшее существо перед ними. (Я вам не низшее существо, понятно?!!) И на «вы» перешли, играя-глумясь. И все трое абсолютно одинаковые, черт побери, инкубаторские!

Только один разыгрывает большого начальника.

Второй — коллегу-подчиненного.

Третий — бездельника, уже сдавшего дежурство. Но почему бы праздно не полюбопытствовать...

— Будем отвечать? — спрашивает Начальник, отвалясь на спинку стула, даже потянувшись.

— Смотря на какие вопросы! — еще хорохорюсь, но уже сдаюсь. Лишь бы поскорее все кончилось и хоть что-то конкретное выяснилось!

И Коллега, сидящий на краю стола, придавив задницей рукав моего пальто, и Бездельник, скучающе сторожащий дверь за моей спиной, — оба хмыкают уничтожающе. А Начальник, разыгрывая начальника, устроженным тоном говорит Коллеге:

— Ты бы лучше записал, чем груши околачивать. А ты, — Бездельнику, — пока халдея найди. Скоро понадобится.

Коллега спрыгивает со стола, показушно зевнув, лезет в сейф, выуживает какой-то бланк и пристраивается записывать.

Бездельник, который мне чуть руку не сломал, демонстрирует, что ему все надоело, произносит потолоку:

— Где наш халдей! Пожалте в кандей! — и уходит...

— Фамилия?

— Красилина. Галина Андреевна.

Коллега записывает, Начальник спрашивает.

— Год рождения? Только не врать.

— Пятьдесят девятый. 21 января.

— О-о, с днем рождения! С прошедшим.

— Спаси-ибо!

— Пожа-алуйста! — он, Начальник, поднимает трубку, что-то там набирает и — Коллеге: — Какой у нас ЦАБовский код? Двести один, «баржа»?

— Двести один, «баржа».

— Алло! — говорит Начальник в трубку. — Двести один, «баржа»... Красилина Галина Андреевна. 1959-го. Январь... Момент! Записываю! — и он диктует Коллеге мой собственный адрес. — Спасибо. Да.

— Вы что, не могли у меня спросить? — злюсь, но получается некоторым образом просяще, и от этого еще больше злюсь.

Тоже мне, психическая атака! «У нас длинные руки»!

— Так ведь ты все равно соврала бы!

— Вы!

— Ах, пардон! Вы! Вы все врете. А документов как всегда никаких, ведь так?

— Кто это «вы»?! Кто — мы?! У меня есть документ! У меня в пальто квитанция! Отдайте мне мое пальто!!! Я сама, отдайте, оно мое, вы не имеете права! Не смейте рыться в карманах! Мужчины вы или нет?! Вам не стыдно?!

Им не стыдно.

Коллега встряхивает пальто, выгребает из карманов все что там есть: пробитые автобусные талоны, всякий мусор и... квитанцию.

Они с Начальником изучают ее как решающую улику.

А я окончательно сдаюсь: оправдываться — последнее дело, и дело это мною сделано.

Разговор превращается в какую-то вообще невообразимую «няму».

— Международный. С Хельсинки. Поня-атно... А с кем именно, если не секрет?

— С мужем! Только мы в разводе! — глупо уточняю.

— Поня-атно! Финик?

— Что — финик?

— Муж финик? Ну, чухонец?

— Русский он, русский! Наш!

— Поня-атно! Обрусеешь с вами... Работаете? Где?

— Я индивидуал.

— Поня-атно. Все вы индивидуалы.

— Не в том смысле! —тороплюсь я, догадываясь уже о «том смысле». И с языка срывается: —Я «дурилки» делаю!

— Поня-атно... Любопытно, любопытно. Делать «дурилки» вы все мастерицы. А вчера недобор получился, да? — издевательски сочувствует Начальник.

— За кого?!! За кого вы меня принимаете?!! — непроизвольно закипаю слезой и от безвыходности ищу помощи, поддержки у Коллеги.

— Первый привод? — помогает, поддерживает Коллега.

— Какой еще привод?!

— Первый, первый, — знающе подтверждает Коллега Начальнику. — Реакция всегда одна: рыдают, сучки.

И они как два китайских слоника медленно, долго, внушительно кивают друг другу. Кивают и кивают, будто меня и нет.

А я есть. И после «сучек» от всей происходящей дикой «нямы» я тоже киваю слоником. Чисто инстинктивно, чтобы слезы по щекам не ползли, а сразу из глаз на пол падали.

Вскидываюсь, когда в коридоре кто-то топочет, гусарски ржет, басит и тенорит, идёт сюда, в ОПОП. Пусть кто угодно, лишь бы кто-нибудь!

Дверь от пинка распахивается. Это Бездельник и...

...слава богу! Вчерашний халдей! Он скажет, он помнит!

Он помнит, он говорит:

— Конечно, она!

— Вот видите! — торжествую я, надеясь, что бред кончился, но бред только начинается.

— Ви-идим! Еще бы!

Дальше — не в лицах. А в харях. Лица — они разные, а хари всегда одинаковые. Одна большая харя на всех.

Рыхлая харя халдея, да, подтверждала: именно меня вчера обслуживала, меня и того монголоида...

— Какого монголоида?!!

— Сама знаешь какого! У которого бумажник вынула!

— Какой бумажник?!!!

— У тебя надо спросить!

Харя Начальника наставляла, что тебе (мне!) очень повезло. Ничего, что он теперь на «ты» перешел?

— Монголоид отечественный, а ты небось решила: Бирма, Кампучия! Считай, действительно, счастлив твой бог. Иначе валюта бы светила, а так — рубли. Статьи кодекса знаешь? Тебе ли не знать! Считай, легко отделалась!

Харя Коллеги помогала, поддерживала:

— Пальтишко-то ношенное. Стоило ли ради пальтишка сыпаться? Все жадность, жадность все. Эх девоньки, вы девоньки. Непутевые...

Харя Бездельника гоготала:

— Всё настолько очевидно, а она еще строит святую невинность!

(«Она» — я. А я ли это?!!)

Потом Бездельник снова ушел, снова пришел — на сей раз с монголоидом.

И харя монголоида была... восточней некуда. От нее разило непроспавшимся перегаром, и непроспавшиеся щелочки не то что глазами, а и щелочками не назвать было. И он сквозь них удостоверил, проворочал тарабарским языком:

— Тот самыя!

Получалось вот что: я была «тот самыя», которая вчера пришла в ресторан, долго «пасла», потом «сняла» монголоида и пыталась ему втолковать по-английски: «Гонконг — гуд! Сингапур — гуд!»

Рыхлый халдей сам слышал, он не глухой, он же их столик и работал! Он еще хихикал: дамочка явно новенькая, расклада не знает: откуда в «Неве» интерам взяться! Это в «Москву» надо, минимум. Да что с нее возьмешь! Начиталась-насмотрелась, решила попробовать. Ведь в летах дамочка, а туда же! Да в ее летах иные пятнадцать годков стажа набирают. И опыта. И соблюдают железное правило: обирай хоть до копеечки (до цента), но не воруй ни рубля (ни доллара). Монголоиду приспичило, а пиджак на стуле оставил. Она (я!!!) — шнырк в боковой карман и с бумажником ноги сделала.

Пальто? Что ж, пальто. Все для Начальника логично, потому что глупо. Гражданка Красилина рассчитывала на валюту. Валюта покрыла бы пальто с такой лихвой, что и говорить нечего. А потом гражданка Красилина обнаруживает рубли, всего триста. Пальто... м-м... тоже где-то триста (Семьсот, придурок! Семьсот! Не соображаешь в женских шмотках — не говори!). Игра, получается, не стоит свеч. Почему бы не попробовать вернуть и пальто. Тогда хоть отчасти можно оправдать акт... Глупо, ох глупо. Понятно, опыта никакого, но, гражданка Красилина, такой опыт лучше не приобретать. Особенно в ваши годы. Сбежали, а квиток в пальто оставили. Неужели думали: не найдем? Глупо.

Не плачьте. Поздно теперь плакать. Он, Коллега, сочувствует и все готов понять. Но отказывается понимать, как можно в собственный день рождения таким

образом... И почти голяком на улицу... Воспаления легких вы, Галя, не боялись? Не плачьте, мы ведь тоже люди, у нас тоже нервы. Но вы сами создали ситуацию (я?!!), и теперь придется отвечать по закону. За все надо платить. За все в нашей жизни.

Го-го-го! Не верит он, Бездельник, в бабью водичку! Они сами себя убедят в чем угодно: и что раскаялись, и что больше не будут, и что даже не знали... Вон когда Фею в «Прибалтийской» на валюте взяли, она что накорябала? «Он давал мне немного денег, которые называл долларами»! Это Фея-то! Не стоит нас за дурачков держать!

Тот самыя! Тот самыя!

...Все мужики садисты! Им доставляет наслаждение уничтожать женщину! Отыгрываются!

И я уничтожена. Отыгрались. Я не могу им сказать, что рыхлый халдей (мерзавец!) скорее всего в одной шайке-лейке со вчерашними молодчиками, и ему перепадает от них, а вчера не получилось, он и мстит. Я не могу им сказать, что пьянь монголоидная хоть в кариатиду пальцем ткнет, если ему втолкуют: мол, она, она тебя обчистила, и мы ее заставим вернуть. Я не могу им сказать, что бугаям конечно нравится прикидываться штирлицами, но по сути они с удовольствием исполняют роли мюллеров.

Кому из них я могу это сказать? И зачем?! Только еще больше раззадорю. Нет выхода! Никакого! Кто бы защитил! Кто хотя бы не нападал! Я и молчу.

Говорю:

— Позвонить можно?

Они от души веселятся:

— А ка-ак же! И позвонить, и постучать, и погудеть, и за веревочку дернуть! Го-го-го!

— Пожалуйста! — взмаливаюсь я. — Человеку! Я прошу, я просто прошу! Пожалуйста!

Киношно переглядываются, гримасничают: разрешим?

Ах вы мои великодушные! Зас-с-сранцы!

— Что за человек?

— Просто... человек, — теряюсь.

— Кто он? — вдалбливают мне, кретинке.

— Капитан... В милиции. В ОБХСС. Мыльников Виктор Николаевич. Год рождения — мой.

— Бэх? — становится им интересно.

— Нет... Он капитан...

— Вы же сами сказали: бэх.

— Я?..

— Бэх. ОБХСС. Сказали? — вдалбливают мне, кретинке.

— А-а... Сказала. Хоть горшком его назовите, только дайте позвонить! Пусть «бэх»...

Они опять затевают глубокомысленную возню с телефоном, с ЦАБом, с «201, «баржа»...

Да знаю я, знаю его телефон!

Вот и они хотят знать. Сами. И узнают. И набирают номер.

Мамочки-мамочки-мамочки! Только бы Вика был дома! Только бы он был! Вика-Викушка, будь! Я все прощу!

Есть!

— Виктор Николаевич? — струнным голосом осведомляется Начальник. — Мыльников? Момент! Сейчас с вами будут говорить. — И врет: — Предупреждаю, ваш разговор записывается на пленку. Вы готовы?

— Викушка! Вика! — ревмя реву в трубку.

— Ле-ешик, ты? Где и что? Быстро!

...Я в девичестве Лешакова, а Мыльников — одноклассник. Он — Вика, а я — Лешик.

— Моя милиция меня бережет! — не нахожу ничего свежей и благодарственней, когда осознаю: кошмар таки кончился, и сажусь не в «черный воронок», а в красную Викину «шестерку».

— Какая, к хренам, милиция! — процеживает Мыльников, впрочем, не в мой, а в чей-то другой адрес. — Пристегнись.

...Красилин, например, всегда старался изобразить из себя стопроцентного мужчину, уверенного в победах маленьких и больших:

И любая машина на улице тормознет, если только рукой ей обозначить!

И любой разнанспесивый официант уже рядом, уже прогнувшись, лишь за столик сядешь!

И какая бы многочисленная шпана навстречу ни попалась, как бы ни выражала нетерпеливую готовность проверить на прочность, достаточно их специфически

предупредить: «Пацаны! Не советую!», и они уважительно расступаются: «Мужик! Нет вопросов! Уважаем!»

И какого бы уровня начальник, вплоть до министра, ни командовал, достаточно в глаза ему спокойно сказать, что эту работу буду делать я, или: эту работу я делать не буду. И вплоть до министра признают: пожалуй!

И какая бы женщина ни появилась на горизонте, начхать, как она отнесется, ибо само собой разумеется: однозначно и до могилы... Остается только определить своё отношение к ней.

И так во всем. Был!

У Красилина никогда не получалось. Но он старался и все время терпел поражения. И просто изображал свое поражение своей победой. Счастье, видите ли, в том, что билет счастливый уже попался!..

А Вика Мыльников никогда ничего не изображал. Сколько его знаю — никогда. Он просто был. Победителем. И билета счастливого ему не надо, он и так победит, просто иначе быть не может. Мир так устроен! Огурец зеленый, вода мокрая, Земля вращается вокруг Солнца, Мыльников — победитель. И особой гордости или радости от подобного положения вещей у него в помине нет: просто такова объективная реальность.

Обширная категория мужчин в свое время Хемингуэем переболела, а вирус остался, затаился: чуть что — дает о себе знать. По-моему, сам Хемингуэй болел Хемингуэем. А Мыльников по определению не болел. Он и есть вирус — и чувствует себя великолепно.

Сидит за рулем и непонятно, как машиной-то управляет: ни суеты, ни резких движений, ни вообще движений. Впечатление, что управляет мысленно. Не поседел, не полысел. Не обрюзг, не обдряб. Наоборот! И загар. Откуда в январе загар? Красавец! Только уши пельменными были, пельменными и остались. Хотя и они придают ему некий шарм: у Бельмондо челюсть обезьянья, у Вентуры мешки под глазами, у Филатова грудь впалая. А у Вики Мыльникова уши пельменные.

— Рад тебя видеть, Лешик.

— И я!

Он действительно рад, но насчет «видеть» — ему сложно: он на дорогу смотрит и меня наблюдает косвенно, краем глаза. Это я на него пялюсь сбоку и снизу вверх. Опять получается: победитель — побежденная.

Потому, наверно, ничего у нас не получилось. И ни он, ни я никогда не пытались, чтобы получилось... Почти никогда. Начиная со школы. Терпеть не могу подчиненности (вероятно, и военных потому на дух не выношу), а Вика не может не подчинить. Вот и отношения сложились, как у России со Швецией: дружим, уважаем, рады видеть, не претендуем. Да и вообще Вика настолько безэмоционален, что просто не может сделать глупость.

— Что ты им сказал?

Он мельком делает узорчатый жест правой рукой и заканчивает его тем же мельком, проводя-погладив внешней стороной ладони меня по щеке. Дружеская ласка-утешение, надо полагать, что и почувствовала. А жест и правда узорчатый, каратэшный. Терпи подчиненность, Красилина — сама призвала Мыльникова на помощь.

Ведь помог:

— Галина Андреевна, подождите меня в коридоре!

И ни один из садистов не пикнул. А через десять минут вышел и говорит мне:

— Ну, двинулись?

А все садисты ему из комнаты ручкой делают как «и другие официальные лица». И с тем же выражением лица!

Я конечно пыталась прислушать, о чем там за дверью. Но Викиного голоса: ни гу-гу. А садисты бухтели громко, но неразборчиво. Потому что все сразу. Сколько дыхание ни затаивала — не понять... При чем тут любопытство! Судьба решается, без преувеличений!

Я себе рисовала: вот они орут, будучи в своем праве; вот пауза после домонстрации Викой удостоверения; вот они орут объясняюще, а Вика фразой-двумя урезонивает их и реабилитирует меня; вот они орут уже виновато и примиряюще, а он если не прощает, то щадит их кратким междометием и покидает. «Ну, двинулись?»

— Что ты им все-таки сказал?

— Неважно. Отдыхай.

— Но ты им дал как следует?! Чтоб запомнили, да?!

— Отдохни, сказал, от этой мысли.

— Но ты дал им?!

— Дал, дал, успокойся.

— А как? — теперь уже просто любопытство. Злорадное.

— Из рук в руки, как же еще.

— Что из рук в руки? Как ты им дал, тебя спрашивают!

— Не как, а сколько. Пятьсот ровным счетом. Но пусть тебя это не волнует.

...Меня это волнует. Настолько волнует, что глаза, не успев просохнуть, снова текут. Мокрое место от них остается. Два мокрых места...

Когда садисты в ОПОПе мне групповую пытку устроили, я расквасилась от злости и бессилия. А тут... злости нет, сила есть, но вот... На помощь позвала. От беспомощности и реву. Беззвучно.

Значит, получается, Вика не то чтобы защитил честное имя одноклассницы, которую сто лет знает и, будучи представителем власти, может поручиться за ее беспорочность. А получается — откупил. Получается, принял как должное: гражданка Красилина обобрала пьяного, не сойдясь в цене за совместную ночь. А старая дружба не ржавеет и надо выручать гражданку Красилину (в девичестве Лешакову), в какую бы растакую-разэтакую Красилину одноклассница Лешакова не переродилась за прошедшие сто лет. И откупил. За пятьсот.

«Но пусть тебя это не волнует».

А почему пятьсот, внутренне вдруг возмущаюсь! Откуда цифра вообще такая — пятьсот?!

— Триста — узкоглазому. Двести — налог ублюдкам! — говорит Мыльников, даже не покосившись. Скупым жестом выдергивает откуда-то тугой, твердый платок, обозначив внимательность, и кладет его мне на колени, похлопав — нет, опять же просто обозначив похлопывание, дружески и успокаивающе.

— Уб-блюдки! — повторяет он. Холодно констатирует. Без ярости, а брезгливо.

И становится легче. Я реву уже облегченно. промокая стерильным Викиным платком капли-капельки. Вирус ты, хемингуэйный! Ничего не стал объяснять мне, но одним жестом, одним словом дал понять: Лешику верит, а во всю кабацкую историю не верит.

И поступил он просто по ситуации, единственно верно поступил. Победитель не должен метать бисер перед свиньями. Тогда сразу превратится в побежден-

ного: нет большего удовольствия для ублюдков, чем покуражиться над мечущим бисер. На то они все там и садисты, чтобы, понимая абсурд обвинений, настаивать на них. И не такой уж абсурд с их точки зрения. А какая точка зрения может быть у свиней? Вика и победил: не стал объясняться, просто огрел взглядом и молча выложил пятьсот. Правильно! Триста за монголоида, двести... двести вымогали вчерашние мерзавцы. «Такса есть такса» — вразумлял меня прыщавый давеча. Пошел он со своей таксой! С-сутенер! Пусть со своих швабр стрижет свою таксу!.. Ну да, он и сунулся состричь! С меня... Неужели я похожа на.. Утешься, не похожа! Красивая — да, что уж тут. Просто для ублюдков любая красивая женщина — кукла для постели. А если кукла решила таким образом заработать, она должна платить. Такса есть такса...

Но обидно-то! Хоть и полегчало, но обидно-то! Отдаю себе отчет в том, что Мыльников поступил единственно возможным образом (по-другому он и не мог поступить и не поступал никогда). Но! Плевать мне на то, как ко мне отнеслись садисты. Их отношение понять несложно и безболезненно для собственного самолюбия и душевного комфорта. Если на них как на людей плевать, то просто смотришь и видишь. Да и вся их свинская сущность столь незатейлива, что там и понимать нечего, честно говоря. Но вот если человек для тебя кое-что значит и к тому же достаточно умен, дело становится во сто крат сложнее. Не потому, что перестаешь видеть, а потому, что постоянно сомневаешься в истолковании увиденного.

Вика достаточно умен. Вика для меня кое-что значит. Он — ровня. Именно! Красилин никогда не был ровней: смотрела снизу вверх и ни черта не видела, а рассмотрела и... равняться глупо. Не говоря уже о многочисленной категории вечнозеленых юнцов типа Петюни, на которых иначе как сверху вниз не глянешь, куда там ровняться. А Вика... успокоил жестом и то-то и плохо, что успокоилась.

Не буду успокаиваться, не подчинюсь! Ровня на то и ровня, чтобы не подчинять! Спасибо, спасибо, но больше ничего не надо, не на-адо.

— Куда мы едем? — дошмыгав обиду, спрашиваю с претензией на высокомерное недоумение. Едем мы через Литейный мост, а там рукой подать до «дворян-

ского гнезда», что у Финбана. Такое суперсовременное «дворянское гнездо», облицованное идиотическим фиолетом. И живут в нем какие-то избранные. И Вика в нем живет. Где же ему еще жить! А я — нет. Ко мне ехать не через Литейный, а через Кировский мост. — Куда мы едем, я спрашиваю?

— Едем... — отвечает Вика нейтрально, обозначив не столько цель, сколько процесс, и оставив за мной право самой решать. Не право, а обязанность получается, демократ непробиваемый!

— На Комендантский! — проигрываю я собственному высокомерию, но все еще ерепенюсь: — Я тебе деньги должна отдать как-никак.

Сейчас он: пусть тебя это не волнует. А я: вот уж нет! что нет, то нет! А он: да ну, перестань! А я: это ты перестань, и... отдохни от этой мысли, дружба — дружбой, но...

Дружба — дружбой. Он отдыхает от этой мысли. МНЕ надо от нее уставать, а ОН отдыхает и, бесстрастно поглотив мою вводную, выезжает по набережной мимо гостиницы «Ленинград», мимо своего «гнезда», по мостику, по Куйбышева (там же нет поворота! ан для него — есть!) на прямую Кировского проспекта. И светофоры при его приближении торопливо перемигивают с желтого на зеленый.

А на переезде у Новой Деревни, где обычно получасовой транспортный застой, он проскакивает под верещащий опускающийся шлагбаум и даже ухом своим пельменным не ведет, в боковое зеркальце не глянет: что там позади.

Позади (не удержалась, обернулась) — запнувшееся, мгновенно образовавшееся стадо машин.

Мы прибыли...

— Значит, насчет рэкетиров. Ранее их можно было привлечь только по девяносто пятой или по сто сорок восьмой Кодекса. Но не привлекали. Вот почему: девяносто пятая — вымогательство государственного или общественного имущества. И наши бар-раны никак не могли решить, относится ли собственность кооперативов к общественной. Не было на этот счет никаких прецедентов ранее или специальных разъяснений. Сто сорок восьмая — вымогательство. Не привлекали, по-

тому что сложно доказать факт вымогательства: рэкетиры сразу начинали плести, что просто забирают свой должок. Или еще проще: они же не требовали никакого имущества, на что указано статьей, а просто немного деньжат. А деньги — не имущество, как считают некоторые законотворцы и законоисполнители... Да, пожалуй. Чашечку. Без сахара... Самая же главная причина беспомощности властей, на мой взгляд, заключается в том, что поскольку ничего подобного ранее не было, то бараны, коими сделала почти всех нас система, просто не могли решить, что же нужно делать в данном нетривиальном случае, а указание сверху не поступало по причине наличия вверху таких же бар-ранов... На самом деле, я в том совершенно убежден, можно привлекать рэкетиров по семьдесят седьмой: за бандитизм. Поскольку есть: первое — факт организации банды, второе — факт вооруженности (а два ножа уже значат — вооружены), третье — реальная угроза нападения на общественные организации... У тебя сейчас сбежит, убавь газ... Другое дело, доказывать — безнадежное занятие в наших условиях, при нынешней оснащенности милиции, при современной оценке доказательств. Ведь не принимаются в расчет нашими — и только нашими! — судами ни магнитофонная запись, ни даже видеозапись, сделанная без ведома подозреваемого и без его на то согласия. Подобные факты годятся только для того, чтобы заставить самого ублюдка честно, по-вышински, признать свою вину. Оттого несчастная милиция без всякой охоты бралась за такого рода дела, провальные изначально. Сейчас, правда, что-то меняется. Во всяком случае уже взята сотня-другая рэкетиров, возбуждены дела. Только неизвестно, как дела пройдут в нашем демократизировавшемся суде... Посмотрим... Нормальный кофе, благодарю... И надо учитывать: если берут одного, то он под каким угодно страхом не признается, что не один. А ведь не один. Их много и, не сомневайся, сделают всё, чтобы потерпевший забрал иск, если потерпевший такой круглый дурак, чтобы иск подать.

— То есть ты хочешь сказать, никаких гарантий...

— Я ничего не хочу сказать, Лешик. Ты попросила разъяснить, я разъяснил.

Он разъяснил. Пришли. Посиди, говорю, я пока кофеек поставлю, не возражаешь?

Терпеть не могу мужиков, которые на входе начи-

нают туфли с себя стаскивать и шарят ищуще взглядом: тапочки есть?.. ладно, я в носках, они чистые, и ноги заодно расслабятся... Плебейская привычка! Других забот у меня нет, нежели верить в чистые МУЖСКИЕ носки и сочувственно гадать: расслаблятся ноги, вдруг возьмут и не расслабятся!.. Впрочем, я и тех мужиков терпеть не могу, которые входят и сразу чапают своими дерьмодавами: о, наследил, пардон-пардон, ну, ничего-ничего! Тоже плебейская привычка! Других забот у меня нет — подтирать за каждым!

Вика же ступил на коврик и даже ножкой не шаркнул, но столь основательно ступил, что если и была на его подошвах грязь, то вся впечаталась, сошла с обуви на мой коврик.

И — в комнату, и — в кресло.

Я ему ручкой хотела по-хозяйски плеснуть: мол, займись пока чем-нибудь, музыку включи. А он уже сидит, розы красилинские вдумчиво обсмотрел и — аг-га! — будто давно искал и здесь наконец обнаружил, с искренним (искренним, клянусь!) увлечением листает журнал по вязанию. Венгерский. В «Науке» на Литейном мне повезло. Семь с полтиной, венгерский, но итальянский. Листает, изучает! И мне по-хозяйски ручкой плеснул: мол, только музыку пока не надо, чуть позже.

Умойся и утрись, Красилина.

А звуковой фон не помешал бы пока я на кухне стараюсь бесшумно выпростать коробочки с фильтрами, не шелохнув чуткую химпосуду. Дзинь-дидзинь! И ящик с визгом открывается! А и пусть в конце-концов! Я у себя дома!

— Поставила джезву! — докладываю будто не у себя дома. И вроде между прочим, вроде чтобы просто потом не забыть: — Да, Вика, возьми. Здесь пятьсот.

Берет как ничто, нырко вкладывает в задний карман джинсов, одновременно поднимаясь. Повторяет узорчатый жест, неслышно проведя пальцами по моей щеке, и устремленно идет на кухню.

А я за ним следом. Волей-неволей, но следом. Что за напасть такая! Вечно его догонять приходится, чтобы сравняться! Так нечестно!.. Хотя конфорку под джезвой надо было конечно запалить, раз уж сказала, что поставила. Ладно, сам запаливай, если такой проницательный.

Проница-ательный:

— Оригинал! — слегка шутит, чтобы не задеть.

— В смысле? — задел все же. И объяснись!

— Обычно в белье прячут. Или в книгах — объяснился.

Зло берет, вот зло берет! И на него, и... на себя: даже высокомерного недоумения толком изобразить не могу — что в машине, что здесь на кухне. Кретинство беспросветное! Я же не от Вики прячу! Я от Вики прячу, что я их, сбережения треклятые, вообще прячу. И он понимает, и я понимаю, но выглядит все не мудро. Он-то — да, мудро. А я — дура-дурой, стараясь еще и лицо сделать.

...Да, пунктик! И такой пунктик у меня есть. Храните деньги в сберегательных кассах! Удобно! Фига с два! Плавающее расписание, потная толпа, «вас много, я одна!». Хватит! Испытала на себе, когда дедовы облигации гасила перед Болгарией. Три дня угрохала. Главное, мои ведь деньги, а выдают в виде высочайшей милости. Нет уж, пусть лучше мое всегда при мне. Только место понадежней найти, чтобы в воде не тонули, в огне не горе...

Стоп! Красилина нет, и некому меня ковырять-подхихикивать! Дернуло меня за язык рассказать ему в пору сумасшедшей влюбленности, в пору безопасного для самолюбия САМОподтрунивания... Ну решилась все-таки на весь отпуск к матери съездить пять лет назад. Ну спрятала в квартире сотню (пятерками) на черный послеотпускной период. Квартира месяц пустая, Красилин в Карелии срубы кладет, тыщи сулит. Первый отпуск врозь. В общем, если заберутся, надо чтобы не нашли. Никто не забрался. Зато я вернулась (три дня поездом, сажей разит и плацкартой), с порога все содрала с себя и в стиральную машину запихала. Вода чернущая — и наружу прет, не циркулирует. Мамочки-мамочки-мамочки! Жуть с ружьем! Тут-то и сверкнуло: кто бы догадался, куда я сотню спрятала? Там слив такой выпуклый у стиральной машины, у «Риги» — на двух винтах. Под него и... Никто не подумает! И я тоже думать забыла. Ковшиком черпала-вычерпывала, отвинтила: горсть бурых ошметьев в жутких волосах и нитках. Разложила на противень и в духовку на самый малый огонь — просушить. Пока бель-

шшко вешаю, чую: паленым несет! Мамочки-мамочки-мамочки!.. Самое смешное — в банке мне их обменяли все-таки. Чего мне стоило — особый разговор. Получается, действительно — в огне не горят, в воде не тонут. А Красилину зря рассказала, скомпенсировала его несостоятельность, любя — вернулся без тыщ, с долгом в три сотни, кто-то там их нагрел-наказал, да еще с трещиной ребра, бревно сгоряча не туда двинули. Вот на мою непотопляемую-несгораемую сотню и жили до получки. За мой счет. Но зачем за мой счет еще и воображать себя бывалым добытчиком, которому просто разик не повезло, а тут ко всему прочему жена выкинула номер, разве я не рассказывал, эт-то всем историям история! Все! Стоп! Нет Красилина. И не надо. И не было его. Ничего не было.

А деньги — в коробочку с бумажными фильтрами, в третью сверху. Кто будет в химикатах рыться, если и заберется в квартиру? Там кислоты-щелочи, порошки неизвестные, гранулы всяко-аллергенные. И коробочки. С фильтрами. Видите: с фильтрами. И другая, видите, с фильтрами. И третья... Ну их! Все, что ли, ворошить?! Понятно, что не здесь. Очевидно... Молодец я? Я молодец!

И не просто молодец, но и — оригинал. Профессионал-сыскник похвалил: не в белье, не в книгах, не как все! Ему виднее! Ему знакомо! Он журнал «Вязание» с увлечением читает. Вязать — работа у него такая! Чуть что: вяжи их! Зло берет! На себя и... на Мыльникова даже больше!

Клиенты Мыльникова — они от кого прячут? От того же Мыльникова, если он столь часто обыски проводит, что и закономерности отмечает (и: вяжи их!). А меня пусть ОБХСС не касается, меня пусть всяческие «бэхи» не трогают! Я — затравленная итэдэшница, которой есть кого опасаться, помимо доблестной милиции. Ей вменяется меня беречь, пусть и бережет. Да, бережет, а не только звонит по старой школьной привязанности за день до выброса в распродажу конфискованных шмоток: учти, завтра в Апраксином после трех. Бережет, а не юродствует по поводу моих сбережений. Пусть лучше оградит меня от свинских ублюдков-садистов и прочих вымогателей раз и навсегда, а не только в случае пожарного звонка. Чтобы не от кого мне было прятаться и прятать.

Зло берет! И все-таки больше на себя, чем на Вику. Потому что понимаю всю огромность требований к нему и если выскажу сейчас, то проявлюсь мелкой истеричкой. Он-то при чем? Сделал все и даже больше, а у тебя, милая моя, рефлексии нервные к существующему порядку вещей в глобальном масштабе. Пользуйся тем, что Мыльников доподлинно знает существующий порядок вещей, и спроси как бы ненароком, как бы уходя в сторону... К слову...

У него же связи, у него же должность, он в системе работает. Поможет? Не хочу, не буду просить! Не хочу, не буду понимать — не женское дело! Женское дело — рефлексировать.

Хорошо — не просить! Но спросить?

— А я вот оригинал! — соглашаюсь я, перепрыгнув через самолюбие. — Индивидуал. Таких поискать! — и нутром ощущая, насколько неестественно мое «к слову», равнодушно интересуюсь: — К слову! Вика, ты можешь разъяснить? Все эти рэкетиры, кооперативы... На них вообще есть управа?

— На рэкетиров или на кооперативы?

— Ну на кооперативы, я знаю, есть. Я же не слепая-глухая! — смешок у меня ва-аще! Сама непринужденность, тьфу! — А на рэкетиров?

Меня, мол, постольку-поскольку занимает. Постольку — поскольку одноклассник есть человек занимательной профессии, а женщины существа любопытные. Кто им еще расскажет, если не одноклассник?! Что-нибудь такое не служебно-секретное, а типа просветительной лекции.

И Вика не пошел навстречу, не проникся, а именно прочел просветительную лекцию: «Значит, насчет рэкетиров. Раньше их можно было привлечь только по девяносто пятой или сто сорок восьмой Кодекса. Но не привлекали...» Чуть раскачиваясь в такт на кухонном табурете, спиной опираясь на холодильник, аккуратно прихлебывая кофе.

Хоть бы спросил, почему я только ему налила, а себе нет! Хоть бы спросил, где я по нынешним временам кофе достаю. И себе не налила потому, что джезва маленькая, сувенирная, всего на одну чашку. Но это не от этого. Просто всего ничего осталось: горсточка зерен на дне банки. Что за напасть: раньше кофе был — денег не было, а деньги появились — кофе днем с огнем

не сыщешь. Завтра пойду искать, глазки строить. А он хоть бы спросил!

И спрашиваю.

— Еще сварить?

Не дай бог, скажет «да»!

— Да. Спасибо.

Я не успеваю очередной раз на него разозлиться, так как испуг опережает — да, пугаюсь и теряюсь: после «Да. Спасибо» Вика встает и... не прощаясь уходит. Замок входной двери щелкает, закрывшись за ним. Ушел...

Сижу, как дура на чайнике!

Куда же ты?! Куда же ты?!!

Почему Вике проигрываю? Потому что вынуждена первой затевать разговор, спрашивать. Он ни разу не задал ни одного вопроса, чтобы представилась возможность хотя бы его проигнорировать. Или перебить, отсечь в беседе: «Ой, хватит, достаточно!» Хилый, но все же выигрыш.

Жизнь — борьба. Жизнь женщины — борьба с унижениями. Просящий — заведомо в униженном состоянии. Просящий, спрашивающий. Заведомо!

Можно, правда, по разному спрашивать. Например, как садисты в ОПОПе. Тогда наоборот. Но тут дело в том, что задавая вопрос, они знают ответ, то есть владеют ответом, который единственно верный с их точки зрения. Они только проверку ведут. Показывают кошку: кто это? Кошка, говоришь. Пра-авильно! А скажешь: собака? Бровью не поведут, отметочку между собой тебе выставят и дальше спрашивают. Если вопрос звучит экзаменующе, а не удивленно, всегда выигрывает экзаменатор.

В исполкоме вот тоже. На комиссии...

...сначала промурыжили сорок минут в зале с лепниной и позолотой. Оказывается, зала — только подступ в святая святых, где слуги народа решают судьбы народа.

— Товарищи индивидуалы! Не расходитесь и не шумите. Сейчас кооперативщиков освободят, и сразу вы. Не расходитесь и не шумите!

Разойдешься тут, пошумишь! С тобой как с равным власти будут говорить! Но именно «как». Непринуж-

денно, демократично, в духе времени — ан ей, власти, решать: быть тебе или не быть... индивидуалом. Выдать тебе патент или погодить. Нам просить, им спрашивать почему просим.

Зверякина очередную папку открывает, называет меня. Иду будто первый раз на каблуках. К тому времени, что нас запустили в зеркально-ковровую святая-святых, уже трех зарубили: двух фотографов и одну «фриволите».

(— С фотографами в нашем районе вопрос уже решен. С избытком...

— Ваше «фриволите» еще не на должном художественном уровне. Мы же о наших жителях обязаны думать, о покупателях ваших. Вкус воспитывать...)

А Зверякина вообще бы всех зарубила — по глазам читается. Дал же бог фамилию секретарю исполкома! Еще на стадии оформления кипы предварительных бумажек она всех и каждого изводила. И все и каждый предвосхищали: вот пробьемся на комиссию исполкома, там заодно вмажем по Зверякиной при всей власти! Вот ей будет-то!.. И я предвосхищала...

Головой-то я эту жуть с ружьем понимаю: сидит на ста сорока и если думает пересесть, то в той же системе. А тут идут и идут нэпманы новоявленные, деньгу лопатой собрались грести! Вот она сейчас все бросит и займется вашей лопатой, как же! Не-ет, мы у нее набегаемся, насидимся, настоимся, напсихуемся, напереписываемся... Головой-то Зверякину понимаю, но потому душой не выношу! И предвосхищала.

А пока дожидалась своей очереди, поняла, что Зверякина пусть и винтик, но в машине. И машина дорожит каждым винтиком, а сейчас она, машина, вкупе со Зверякиной будет решать. Про меня... Моя очередь.

Строгокостюмные, сверлящеглазые. Человек двадцать. А во главе — Сам.

Вопрос о квалификации.

Химик с дипломом и со стажем. Семь лет.

Вопрос о месте работы.

Лаборатория полимеров. Внушительно.

Вопрос о сырье.

Неликвиды! Неликвиды! (Ничего с прилавков не исчезнет, если Красилину комиссия соизволит утвердить и дать добро на патент!)

Вопрос о пункте сбыта.

Есть договоренность, уже есть.

На Некрасовском?

Спаси и сохрани, конечно нет! Что же я, не знаю... В вестибюле метро. На «Удельной».

Лоток?

Да, самодельный... (Пока толклись два месяца по коридорам власти, сотоварищи настрого внушали: «Про место сразу надо говорить, что уже есть. Они, исполкомовцы, по закону обязаны сами предоставить, если нет, а у них самих нет. Так что если не сказать, то — зарубят без вариантов!») Самодельный, но очень хороший! Товарищ по работе сделал, он специалист! (Петюня меньше всего специалист в строительстве лотков, даже меньше чем химик. Но ДЛЯ МЕНЯ действительно расстарался. Подозреваю, даже не сам, а в кооперативе заказал. Но уверил, что сам. Бедняжка, с его-то зарплатой...)

— Ну-у, Галина... — зырк в бумагу перед собой, — Андреевна! С лотком можно было так не торопиться. Вдруг мы вас сегодня не утвердим? — и смотрит Сам, гад, отец родной, с той самой, как они обожают говорить, с лукавинкой. — Вы, например, уверены, что ваша продукция будет пользоваться успехом? Не обанкротитесь? А то подумайте еще, и мы подумаем. Мы ведь о каждом жителе нашего района должны думать. Опытные химики району нужны, а вот нужны ли... хм!.. «дурилки»... И вообще, что это такое? Виза отдела культуры есть? — не у меня спрашивает, у своих. — Есть. Хм!

Под увесистым «хм!» Варвара качает осуждающе своим «каре» и что-то такое записывает. Словно не она визу, то есть резолюцию отдела культуры ставила! И прыскала, охала-ахала, когда я ей «крантик» продемонстрировала, а потом от широты души подарила, чтоб ты подавилась! (Как раз я его, «крантик», освоила, а «шлёпа», «цокотуха» и прочие — давно готовы!)

— Так что это такое? Что это? — Сам вопрос задал, но без удивления. Не было удивления. Превосходство экзаменатора было, да.

Все, подумала тогда, зарубили!.. И — была не была!

Мое счастье — я в третьей десятке итэдэшников шла. Власти подустали, и потом какой-то важный футбол должен был начаться, сборная — не сборная, не знаю, мне до лампочки. А Самому — нет, по-видимому. И остальным тоже. Там почти сплошные мужики, кро-

ме Варвары и Зверякиной. И чем ближе к семи, тем они чаще на телевизор взгляды кидали — пока не включенный, «Радуга» цветная (хорошо живут слуги народа!). А я так стояла, что спиной его загораживала. И — была не была!

Плюп!

— Как бы вам объяснить... — отчаянно наглею. Все одно пропадать! И вроде в порыве делаю шаг от телевизора к ним, к столу поближе.

— Что это?!!

И поняла: выиграла!

Теперь и удивление было в вопросе, и такое... остолбенение. Не только у Самого, но у всех. Еще бы! Они в телевизор смотрят, а сбоку у «Радуги» (никелированной, хромированной, полированной) торчит... кран! Нормальный водопроводный кран. Медный, с вентилем, допотопный. И капля с носика свисает, дрожит, сейчас сорвется.

— Что это?!!

А еще говорят: женщины барахольщицы! Да мужики сто очков вперед дадут! Дети и дети, дай им только игрушку. Тот же футбол. И вот... «крантик».

Даже Сам встал к телевизору, пальцем «крантик» тронул, отдернул руку, снова тронул.

И тут Варвара не выдержала, зарылась в платочек и хрюкнула тайком.

И Самого взорвало здоровым мужским гоготом.

И остальные повскакали, сгрудились — «дурилку» общупали, «да-а уж!» изрекли, как после хорошего анекдота.

Отличные, в принципе, ребята, с чувством юмора, ура!

И сразу загорелись, дрожь нетерпеливая, ощущаемая: а мне, а мне!

Всего-то игрушка, «дурилка» — пластмассовый водопроводный кран на присоске, как у мыльницы. Куда прилепишь — плюп! — там и торчит, была бы поверхность достаточно гладкая. И от настоящего неотличим (моя забота — химика, формовщика, красильщика — чтобы стал неотличим). И капля из носика висящая — тоже пластмассовая (тут уж я самый-самый молодец — у «фирменного» крантика, который Красилин привез и с которого я свою модель слизала, никакой капли не было, не додумались буржуи).

То-то! Глядите у меня! И чтоб если вопрос, то с удивлением! «Что это?!!» Она и есть, «дурилка»! Нате, радуйтесь!

Радуются! Выиграла. Отличные, в принципе, ребята! Почему-то ребята сразу становятся отличными, если у них выигрываешь. И милость к падшим призывал. Правильно призывал! Таким образом вопрос, будет ли моя продукция пользоваться успехом, отпал сам собой. И вопрос «утвердят, не утвердят» тоже отпал. Словом, все отпали.

А Сам отлепил «крантик» от телевизора и озирается с явным искушением куда-нибудь его пришлепнуть. Дети!

Зверякина от Самого по левую руку мысленно меня расстреляла. А я думаю: ну прилепи, пришлепни ей на лоб! И говорю победно:

— Дарю! Остальным для справки: станция метро «Удельная». Вестибюль! — и процокала на выход.

У дверей всего четверо соискателей мандражируют:

— Ну что там?! Что там?!

А там — хохот, как фонтан прорвало. Я так и представила, что Сам внял моему мысленному посылу и — плюп! — Зверякиной «крантиком» в лоб. Еле удержалась, чтобы не заглянуть. Нет, вряд ли ей. Все же дама. Скорее, кому-то из мужиков. Смешно-о! По себе знаю, перед зеркалом у себя всячески примеряла.

Так что выиграла за счет ошарашивания. Рисковала, но выиграла. Так и надо!.. Только когда эйфория от победы поутихла, вычислила, что промашку дала, когда остальных, кроме Самого, назвала остальными — и у них эйфория пройдет от новизны игрушки, а подкожная обида останется. Вычислила, потом на практике убедилась: ни один из всей их комиссии ко мне на «Удельную», к лотку не появился. Не то чтобы врагов нажила, но влиятельных знакомцев утеряла. А они бы мне пригоди-ились. Ведь Сам помнить помнит, но заниматься проблемами отдельно взятой итэдэшницы не будет — поручит коллективу, а те помнить помнят, но не подарок, а обиду...

— Что это?!! — вот и Вику проняло! Самоиронично, с достоинством, но офонарел.

Еще бы! Знай наших!

И сразу стал отличным парнем НА РАВНЫХ. Наконец-то. А то я ему все вопросы, вопросы: ты им дал как следует? куда мы едем? в смысле? на них вообще есть управа? еще сварить? И совсем униженное, хорошо что хоть немое: куда же ты?! куда же ты?!!

А он — никуда. Через какие-то секунды поняла, что он не ушел, а вышел. К машине. Даже поняла зачем — за чем. Я не я, если сейчас не презентует (банку? пачку? горсть?) кофе. Снова сам все просчитал и, оставив меня на минуточку идиоткой, после «Да. Спасибо» вышел, ничего не спросив.

Не-ет, ты у меня спросишь! Ты у меня еще как спросишь!

Пришел. Точно, с пакетиком. Пакетик чуть промасленный. Ого, кофе сейчас будет! Из конфиската, полагаю. Однажды довелось попробовать. У Вики же. Это не наш жмых, даже не финский суррогат (отличный, отличный, но суррогат), даже не бразильская растворючка, за которой почему-то убиваются. Это «мокко»! Чер-р-ный, будто пережженный, но просто цвет у него такой. И промасленность пакетика натуральная, от зерен. Интересно, Вика навсегда им запасся, или время от времени пополняет закрома, экспроприируя экспроприаторов? Мы ведь с ним лет семь назад «мокко» и пробовали. У него...

Да-да! И такой пунктик у меня тоже есть, не приставайте, отстаньте: кофе. И у Вики тоже. А у кого из нас нет подобного пунктика?! У кого из нас, из тех, кого долго умоляли-приучали силком с витрин: «Тот, кто утром кофе пьет, никогда не устает!», а впоследствии резко отняли. И нечего врать-завирать про неурожаи и валюту. Не верю и никогда не поверю! Ой ладно, только не надо мне ля-ля... вот как раз в этот кофий. И про политику не надо. Надоело! Что за политика, если кофе нет!

И когда Вика появляется с пакетиком «мокко» во всей красе своих превосходящих сил, я готова сдерживать эти силы до полной победы. У меня все готово, у меня готов контрудар. Ты у меня, Мыльников, спросишь! Ты у меня сейчас та-ак спросишь!

Он как должное ставит пакетик с «мокко» на стол и специфически шевелит пальцами: ополоснуть бы. Уже подался было к ванной и... офонарел. Еще и подумать не успел, а оно вот оно! И торчит из боковой стенки

беленького «Саратова» препохабный зеленый крантик. Только что ничего не было — он, Вика, сам же только что сидел, спиной опирался, лекцию про бессилие милиции читал и — выросло!

Что выросло, то выросло.

— Что это?!!

Сработало! Вика очень вкусно и красиво смеется. Не клокоча горлом, не ге-гекая, не вереща, а, запрокинув голову, чисто и свободно. И заразительно.

— Ну, Лешик! Да уж, Лешик! — снова узорчато гладит меня по щеке староприятельски, где-то даже нежно. И признает себя побежденным — в данном конкретном случае.

И мы пьем «мокко», словно семь лет назад. И он спрашивает, а я отвечаю. Он удивленно восхищается и восхищенно удивляется: ты, Лешик, даё-ошь!

Отвечаю:

— Сама делаю. Очень просто: сижу и делаю...

Видишь, всю кухню в лабораторию превратила...

В свободное от работы время, а когда же еще!..

А у меня теперь, чтоб ты знал, нет другого времени, кроме свободного!..

Давно — не давно. Год назад. Всего-то!

Для меня такое ощущение, что вечность прошла. Я теперь свою лабораторию только в ночных кошмарах вижу...

Естественно ИТД! А ты думал?! ИТД и т. п.

Свободный человек полностью! Я и не знала никогда, что такое бывает!..

Дел под завязку, но свои дела, понимаешь!

И никакой зависимости! Ни от кого!

Я же сказала: ни от кого! Сказала же: свободна полностью! Абсолютно!

Послала куда подальше и никакого сожаления! Честно-честно! Никакого!

Я наверное не как все женщины. Вот поверишь: никто не нужен! ни вот на столечко!

— А у тебя что, Вика?

Он говорит:

— Работаю.

И чувствуется, что он р-р-работает. В охотку и без пресса. Как же можно в милиции работать в охотку? И без пресса? Никак не могу понять! И никогда не пойму.

— Ты часом не полковник уже? — В их званиях я тупица тупицей. Помню, Вика был капитаном. А при его умении и желании р-р-работать, при его победительности он теперь не иначе как...

— Капитан. В отставке.. — произносит он само собой разумеющееся.

— Нич-чего не понимаю!

— Лешакова, в наше время, особенно года три назад, сказать о себе, что ты капитан ОБХСС, все равно что признаться в сокрытой судимости...

Тон у него — тон истины в последней инстанции. Ни самоуничижения, ни самоприподнимания над обстоятельствами. Да, мир так устроен: огурец зеленый, вода мокрая, Земля вращается вокруг Солнца, Мыльников — победитель, звание капитана равно судимости.

А я рассчитывала на него, да-а...

— И что, никаких связей не осталось?

Нет, совсем никаких. Он сам ушел, его даже удерживали, с документами тянули, должность предлагали, уговаривали. Но ушел, успел уйти сам. А вот следом уже посыпались как с груши, обивая бока, а то и расшибаясь вдребезги. Зачем же ему поддерживать связи с теми, кто расшибся? А с теми, кто на их месте возрос — и подавно: новая генерация, она играет в свою игру, по другим правилам. Викина генерация поступала КАК ПРАВИЛО таким образом. Новые поступают КАК ПРАВИЛО иначе. Поддерживать же связи с теми, кто усидел, приняв новую игру, — тем более не имеет смысла. Вернее, имеет прямой смысл НЕ поддерживать: новообращенные всегда святее папы римского, еретиков жгут чаще чем спички.

— Почему все случилось? Жизнь! Обещали в ближайшей перспективе: от каждого по способности, каждому по потребности. А пока, мол, не обессудьте: от каждого по способности, каждому по труду. Якобы! Но на сегодня, особенно в милиции, лозунг преобразился в: от каждого по способности, каждому по жопе!..

(Так и сказал. Я сделала вид, что не дослышала, мимо пропустила, глазом не моргнула, только зарубку сделала).

— И что теперь?

Теперь Вика — член кооператива. «Главное — здоровье!» Такое название. Свободный человек пол-

ностью, ты, Лешик, должна понимать, сама только что говорила.

Что есть здоровье? Хорошая физическая форма. Что есть хорошая физическая форма? Ай-ки-до, кун-фу. У Вики — черный пояс (Не знаю, что он означает, но сильный мастер в их китайском мордобое, поняла).

— Группа — двадцать человек, три раза в неделю. Наши бар-раны еще восемь лет назад федерацию каратэ прикрыли, потому официально преподается у-шу, невинная восточная гимнастика — дошлые люди по телевизору представили, а в принципе метода одна.

— Рэкет (ты, Лешик, интересовалась) нам не грозит, понятное дело. Хотелось бы повстречаться с ребятишками, которые решились бы шантажировать кооператив «Главное — здоровье!». Этим ребятишкам сразу на пальцах бы объяснили, что главное — здоровье, и его следует беречь. Методом от противного объяснили бы.

Но только сказать просто, что объяснили бы. На самом деле ни в коем случае нельзя — расписку давали при аттестации в спорткомитете. И если провокация — нужно не поддаваться, держаться. Конечно, провоцируют! Не без того...

— Тут свои дела, Лешик, для тебя — темный лес, и не нужно тебе знать. Тут не деньги даже, а сфера влияния. Вот было: веду урок на Каменном — подъезжает ГАЗ-24», из него четверо амбалов вылезают. За рулем, смотрю, Мясо. Тебе это ничего не скажет, но я-то его давно и прилично знаю. Он в свое время при Пеке в первой тройке ходил. Хотя Пека — это тебе тоже ничего не скажет. Короче, мои пацаны разгоряченные, им только дай. А Мясо четверых амбалов и отдал: справиться с ними — не вопрос. Вопрос — когда нас прикроют, если мы с ними справимся: тут же, или до завтра погодят? Еще и гарантий нет, что хотя бы один амбал не имеет красной книжечки, которую я имел в свое время. А это, сама понимаешь...

— Пацанам своим говорю: стоять! Вышел навстречу один, поднял кирпич (зал на реконструкции, добра этого вокруг хоть пруд пруди), разбил пополам и доходчиво объяснил: людей не калечить — расписку давал, но вот в какую черепаху мы с пацанами сейчас изуродуем замечательный автомобиль «ГАЗ-24» — на то стоит поглядеть, приглашаю.

— Сразу поняли, приглашения не приняли, влезли обратно и уехали. Мясо бровью не повел, правила есть правила, проигравший выбывает. Пока выбыл. Там посмотрим...

— Но это все к слову, что-то я разговорился, извини, Лешик. Хотя тебе, я вижу, интересно.

Опять поймал! Только я созрела состроить снисходительное внимание: распускай хвост, распускай, на то и мужик, пусть и безупречный Мыльников. Но поймал! Искру поймал, которая у меня мелькнула, мысль, можно сказать, очевидную — ту, что я заторопилась скоренько скрыть под снисходительным вниманием. Опередил!

Красилин не умеет распускать хвост. То есть он только и делает, что распускает — а он, хвост, бумажный. Чтобы подурачиться разок — годится, а чтобы изо дня в день — кого угодно дос-та-нет! Опять же оборачивать свое поражение в победу — хорошо однажды, но если превращается в систему — беги-убегай! («О, я такой зануда! Еще в институте, если два преподавателя замечали меня в конце коридора, то моментально расходились в разные стороны. А я еще долго шел ЗА КАЖДЫМ ИЗ НИХ». Да, смешно. Особенно в пору суицидентной влюбленности. «О, я такой зануда! Шеф спрашивает...» «О, я такой зануда! Стою было за квасом...» «О, я такой зану...»). Мамочки-мамочки-мамочки! Какая же ты зану-у-уда!!! И хвост бумажный давно истрепался, размок, черт-те во что превратился, а ты все веером пытаешься, веером!..

У Вики хвост натуральный — не чтобы покрасоваться, а функциональный. Если же кто-то (я!) воспринял на минуточку его в качестве роскошного бесплатного приложения, то тут же шлеп хвостом лениво:

— ...Хотя тебе, я вижу, интересно.

Проница-ательный! Еще бы не интересно! Может, в самый раз то, что мне нужно: не капитан милиции, но черный пояс. У-шу! Шу-шу-шу.

Ведь вот же! Так и есть! Сразу поняла — не просто телефонный звонок, ИХ звонок!

Мне давно не звонит никто. Междугородка разве — мать полпенсии угрохает на очередное: «ты не так живешь, надо жить не так, как ты живешь!». Или придурок-Красилин из Чухонии с неизбывными сюрпризами «перезвони, а то валюта кончается!» Еще Петюня, но

он днем звонит, из лаборатории (домашнего телефона нет, а был бы — жена его, лошадища, вусмерть уделала бы его копытами, звякни он при ней). И не день уже, а вечер. И глубокий вечер. Засиде-елись.

Досиде-елись!

— Здравствуйте, Галина Андреевна! Вы ведь здравствуете? Пока! Нет?

— Здравствую!!! — скандально-базарно пру напролом с перепугу. — А вам сейчас не поздоровится! Я сейчас мужа позову! Он вас изуродует, как бог черепаху! У него черный пояс! — И, наплевав на идиотическую ситуацию, в которую ставлю одноклассника, зажимаю трубке ухо и в голос умоляю:

— Ви-ика! Умоляю! Я тебя просто умоляю!

Ему ничего не остается — возникает из кухни, перенимает у меня трубку, презрительно встряхивает, как градусником, слушает внушительно:

— Слушаю!

Лучше бы ему не слушать. Мне — тем более. Но я слушаю, слышу (у меня очень громкий телефон, к сожалению).

Мы слышим:

— Ты, ка-аз-зел в клеточку! Подонат вонючий! Будешь приставать к замужней женщине, пестик обломаю! Понял, хлёбарь вшивый?! Монтировкой по тыкве и кайки!.. А Галине Андреевне — наилучшие наши пожелания и доброго здоровьица. И мужу ее, Вадим Василичу!

И все. Гудки. Жуть с ружьем!

Вика... что тут говорить! Плеснули помоями из проходящего поезда, попали в лицо, дальше просвистели — а ты на платформе хоть на нет изойди.

Но Вика и тут победитель. Конечно, можно НЕ ЗАМЕТИТЬ, но потом все равно придется отвернуться и вытираться.

А я ему еще и помогаю фальшиво:

— Что тебе сказали? А? Что сказали?

Вика не исходит на нет и возможность НЕ ЗАМЕТИТЬ тоже опускает. Пусть будет. Потому что плеснувший помоями мимо просвистел, зато тот, кто поставил на платформу и посулил «гляди, сейчас интересно бу-удет!» — он вот он. Она. Я. Навсегда проигравшая и сдавшаяся на милость.

3 Зак. 227

— Я боюсь! — причитаю я. — Викушка, прости поганку, но я очень-очень боюсь!

И вываливаю ему все свои страхи, всю подноготную без всяких ухищрений и претензий на якобы праздную светскость.

Что подошли на «Удельной» к моему лотку. И что потребовали. И что готова была отдать не только процент, а все! И потому вдруг ляпнула: гуляйте, мальчики! А на следующий день, то есть вечер, они меня нашли в «Неве» и...

— Вика, ты поможешь, а? Можно ведь наверное через ваш кооператив... Деньги у меня есть. Я бы оплатила... Но чтобы ИХ не было... Чтобы ОНИ ко мне не приставали никогда больше! А, Вика?

— В ресторане были другие. Не те, что требовали у тебя процент с выручки... — он говорит размеренно и сухо, будто прогноз погоды сообщает по радио.

— Да-да! Я понимаю! Их много! Они и там и тут! Но я могу, я в состоянии, у меня есть... И двух из твоего кооператива... И трех... троих... ну это... н-н... нанять...

Вика смотрит с интересом. С плохим интересом. То есть не с тем, который мне нужен, а таким: экая, мол, забавная штукенция!

— Ресторанная шушера не имеет отношения к... — он похлопывает по телефону. — Двести рублей не деньги для... — он снова похлопывает телефон. — У каждого своя поляна. Ты их свела воедино автоматически. Потому что и те, и те требовали дань. Но у них разные поляны. Уж поверь моему опыту и учти на будущее.

Я верю! Я учитываю! Я не желаю такого будущего! Я готова заплатить за двоих, за троих, даже если сутенеры из «Невы» отпадают, и остаются только рэкетиры на моей «Удельной»! Готова хоть сейчас! За двоих, за троих! Вдвое, втрое! Только бы Вика взялся, только бы он переговорил со своими в «Главное — здоровье»!

Они ведь могут, умеют! Что им стоит защитить слабую женщину! Чего бы ни стоило — заплачу! Заплáчу, но заплачý! Ты ведь возьмешься, а, Вика?

— А, Вика?

— Нет... — и глядит все с тем же каким-то чуть ли не сожалеющим интересом.

— По... почему-у-у?! — вой волчицы у меня получается.— Почему-у-у?!!

— Куда же ты сунулся, Лешик, куда же ты сунулся... — приговаривает Мыльников и гладит по щеке, гладит, гладит. — Как ты еще год умудрилась продержаться!.. Куда же ты, Лешик, сунулся...

И я уже не спрашиваю «а куда, объясни?» Я чувствую: сунулась! В каждой игре свои правила. Я их нарушила. Почти год продержалась благодаря тому, скорее всего, что просто не знала правил и не соблюдала. Несоблюдение — не есть нарушение. Нарушение — когда знаешь и делаешь вопреки. Сделала! «Гуляйте, мальчики!»

Мальчики погуляют. Ой, погуляют! И телефон мой они уже разузнали, и Краснлина по имени-отчеству выяснили (я сама думать забыла, что он Вадим Васильевич!), и адрес мой им известен, теперь уже точно известен, если номер телефона знают. И... придут.

Вика делает движение, и я постыдно вцепляюсь в него и заклинаю бабьи:

— Миленький, не уходи! Викушка, только не уходи, пожалуйста! Останься, родненький!

— Здесь я, здесь. Никуда не ухожу, Лешик... Но!.. Это сильнее меня!

Отлучается. Недалеко и ненадолго. Только журчит.

Мы слишком долго были с Мыльниковым в дружески-приятельских отношениях для того, чтобы вдруг угореть. Для того, чтобы нас вдруг кинуло друг к другу. Для того, чтобы внезапно произошло, ПРОИЗОШЛО. Ничего и не... Во всяком случае для меня. Да и для него тоже — вот что обидно! За него обидно. И... за себя.

Не ночь была, а сплошное выматывание нервов! Сначала по инерции поскулила у него подмышкой, поплакалась в жилетку в самом что ни есть прямом смысле.

А Мыльников все оглаживал и оглаживал: утешающе-дружески, дружески-ласково, ласково-настойчиво, настойчиво-требовательно, требовательно-нетерпеливо:

— Успокойся, Лешик. Все хорошо. Я с тобой. Успокойся, успокойся, успокойся, успокойся...

А я успокоилась! Я спокойна! Спокойна, как ведро

воды! Моментально все иллюзии испарились, стоило мне услышать два мягких стука, пустых и легких, упало что-то. Вечный друг, платонический приятель, одноклассник Мыльников (не спугнуть бы!) сбросил с себя туфли...

Он у нас умница! Он знает: мир так устроен!

Защиты тебе, Красилина, захотелось? И получай! Ой, кто бы защитил! Кто хотя бы не нападал! Ой, обидно за Мыльникова, очень обидно! Не только не перестала видеть, но и постоянно сомневаться в истолковании увиденного причин не нашла. Спокойствие наступило трезвое и безразличное, лишь только обувь с Мыльникова свалилась.

И я со всей трезвостью и безразличием взвесила всю цепочку, которой Мыльников думал, что приковал. Звенышко за звенышком. Нет, он не думал, конечно, не прикидывал варианты, а поступал должным образом. Он у нас всегда поступает только должным образом!

Звенышко: вытащил меня из безнадежной кретинской ситуации.

Звенышко: жест его узорчатый, раз от разу интимней.

Звенышко: кофе в дом принес, хозяин!

Звенышко: говорил-говорил да и позволил себе относительно крепко выразиться (не матом, не шокирующе, а средне, по-домашнему, свои же люди, БЛИЗКИЕ!).

Звенышко: сама хозяйка предоставила замечательную возможность оскорбиться телефоном.

Звенышко: женщина в истерике, а ему, видите ли, приспичило! Естественно, она не так поймет и взвоет про миленького-родненького, лишь бы не уходил! Вот и не ушел....

И туфли: пум-пум на пол.

Приди, дорогая! Я открываю тебе свои объятия!

«Отк’ивай, отк’ивай! Шейчаш ужнаешь!»

И не настраивайся на лирический лад...

Бог женщину наказал навечно и со строгой периодичностью — чтоб помнила и знала, каково яблоки без спросу кушать, даже райские.

Бывает, что все к лучшему! Расслабилась бы, размякла, соскучилась, в конце концов! Тогда утром — ничегошеньки из средств для удерживания на расстоянии. Полная подчиненность. Но тут, хочешь, не хочешь,

товарищ Мыльников, несгибаемый ты наш, — подчинись!

Сказано: нельзя! И подчинись... Ну сказано ведь! Неужели нужно, чтобы еще и продемонстрировано было?!

Что ты там приговаривал? Успокойся, успокойся, успокойся, успокойся!

Как ты там успокаивал? Отдохни от этой мысли. Вот и отдохни. Спят усталые игрушки...

Но нервы пришлось помотать, не пожелаю никому. Глаз не сомкнуть ни мне, ни ему. (Повторюсь: «Мокко» вам не суррогат паршивый!). Жарко и душно впридачу: зима рехнулась и весной себя воображает в конце января. А окна заклеены. И Мыльников печкой пышет.

Беседовать — о чем беседовать? Я ему уже плюнула в лицо — опосредованно, через телефонную трубку, да и теперешнее отлеживание боков не возвышает мужского самолюбия. Мыльников тоже в плевках преуспел, сказавши «нет» про конкретную помощь силами своего «Главное — здоровье!»

Вот и будь здоров!

Нет, я все понимаю. То, что зависит от него, он всегда сделает — вплоть до вынь и положь полтыщи за «Лешика». Но применить на практике свой черный пояс ради того же «Лешика» — зависит не от него. Зависит от спорткомитета, где его расписка хранится. Зависит от кооператива, где Мыльников не председатель, а только тренер (будь он председателем... и подавно сказал бы «нет». Всюду только и ждут повод, чтобы прихлопнуть — и Мясо, и краснокнижники, и конкуренты. А повод — лучше не надо!). Плюс: в одиночку переть против системы — заведомая безнадега. Мыльников и безнадега — две вещи несовместные. Вот я поперла против системы (гуляйте, мальчики!) — и: куда ты сунулся, Лешик, куда ты сунулся!

Все я понимаю, все! Но совершенно не обязана принимать. И не приму!

И промаялись целую ночь: и Мыльников, и я (тоже ведь живой человек). Хочется? Очень хочется? Перarеможется-перехочется, ишь!

Перемоглось. Шесть часов исполнилось. Сквозь стены радио запипикало, гимн заторжествовал. Гимн надо слушать стоя. Пора вставать. И метро заработало.

Мыльникову метро до лампочки, у него «шестерка» при подъезде. Он на ней мог, кстати, и среди ночи уехать. Но тогда было бы именно некстати, получилось бы: изгнан за ненадобностью и невозможностью. Мыльников такого себе не позволит. И мне не позволит. Победитель вирусный! Лучше в ночи промучиться и промучить.

Но теперь можно — утро, дела...

Безмолвный ледяной душ.

Безмолвный свежий кофе «мокко».

Безмолвное надевание фирменно-вареной «Монтаны». (Ой, каков! Мышца к мышце! Ой, боженька, за что сурово женщину наказал!.. Да-а, человек слаб. Я тоже человек... Цыц, стерва! Блюди верность бывшему мужу! К тому же, ничего больше и не остается. В крайнем случае доброхоты проследят за нравственным обликом и оградят: «Будешь ходить к замужней женщине, пестик обломаю! Привет Вадим-Василичу!»).

Сеанс окончен, Мыльников готов проститься — и мне невозможно не встать.

Думала: уйдет и уйдет, ни за что не поднимусь, дверь на «собачке», сама захлопывается. Но Мыльников ждет и остаточно подчиняет.

Покидаю жуть с ружьем, в которую за ночь превратилась постель, халат набрасываю. Прежде всего — в ванную, хотя бы физиономию сбрызнуть (Ничего, Мыльников, подождешь, если уж заставил встать! Посторонись, дай пройти!). И видок же у меня! Ни в коем случае нельзя тридцатилетнюю женщину по утрам показывать. Никому! Даже себе самой, в зеркале. А Мыльников вынудил показать. Ну я ему сейчас покажу-у! Напоследок. Даже спазм хватает от ненависти! И я хватаю готовый «крантик» из таза (они у меня там всей последней партией сохнут, до кондиции доводятся). Напоследок!

Напоследок он говорит:

— Да, для справки: твой вчерашний абонент — шофер.

— Спасибо, я поняла. Благодарю за помощь.

— Не за что.

Сама знаю, что не за что. Я не Мыльников, я не профессионал, я вчера мимо ушей пропустила фразу «монтировкой по тыкве». А Мыльников профессионал, и мимо его ушей столь пельменных неосторожная фра-

за не пролетит. Но что мне дает эта ценная информация? Ровным счетом ничего! Шофер, шахтер, лифтер, вахтер! Кто бы от них защитил, а не просто сообщил! Вот и: не за что. Сам понимает.

— Я тебе позвоню. Денька через два. Три, — сообщает Мыльников без просительности, а директивно и добавляет ободряюще: — Лешик...

Мол, мы еще вкусим с тобой, сольемся в экстазе. В самый раз будет через пару дней.

Фигушки ему!

— Ты свой пакетик забыл. «Мокко»! — даю ему понять, что ни послезавтра, ни послепослезавтра, никогда вообще. Забирай и чтоб ни малейшего повода для возвращения не было!

— Считай, подарок. Мой. Тебе, — дает он мне понять, что куда я от него денусь! Мир так устроен: огурец — зеленый, далее по тексту, и в заключение: куда я от него денусь!

Стоит уверенный, непобедимый, неотразимый. Выбритый. Когда успел?! Чтоб у тебя кран во лбу вырос!

— А это мой. Тебе! — отвечаю и с размаху (бац!) ему «крантиком» в лоб. Плюп! — Считай, подарок!

Даже не шелохнулся, не вздрогнул:

— Спасибо, Лешик!

Вот напасть-то! Стоит уверенный, непобедимый, неотразимый.... И мой подарочек («крантик» во лбу) ему... идет, не умаляет многочисленных мыльниковых достоинств, а, напротив, подчеркивает. Вот напасть-то!

— Так я позвоню! — еще директивней додавливает он.

Ой, провалитесь вы все пропадом! Непременно все, и непременно пропадом!

Закрываю за ним и буквально падаю, добредя до тахты. Действие кофе кончилось. Даже если и третий день подряд коту под хвост и ни рубля прибыли — забыться и уснуть. Не видеть, не слышать...

Мыльников свою «шестерку» завел, мотор прогревает.

Лифт вверх-вниз карабкается, гудит.

Трояша по лестнице пролаял на утреннюю прогулку.

Вода в ванной капает, не привернула до конца...
Кап-капкап-кап-капкап-кап...

— С добрым утром, Галина Андреевна! С новым трудовым днем! — будит меня сволочь-вымогатель, шофер-шахтер-лифтер-вахтер. Голос юродствующе-дружелюбный, а самое кошмарное — близкий! Рядышком-рядышком! Будто из будки у подъезда звонит. — Как спалось?

Спалось мне (гляжу на будильник) все рекомендуемые медициной восемь часов, но сон сдуло в миг! Началось! Вернее, продолжается! Забылась, Красилина? И достаточно. Есть кому напомнить.

— Кто рано встает, тому бог подает. Если больше некому, — резвится сволочь. — Я понимаю, Галина Андреевна, у вас была утомительная ночка, но пора и на рабочее место. Понедельник, день тяжелый. Но совместными усилиями справимся. Мы уж заждались, даже забеспокоились, не случилось ли с вами чего? С вами ПОКА ничего не случилось? Тогда пора-пора-а. Труд — почетная обязанность каждого гражданина. Индивидуальный в том числе. Вы помните, где ваше рабочее место? Хорошо помните?

— Что вам от меня надо?! — надрывно кричу.

— Самую малость, вы же знаете, Галина Андреевна. Самую малость. Мы ждем...

И я начинаю собираться. Не из покорности, а наоборот. Голос — рядом, и лучше я на свою «Удельную» проскользну, где люди, пассажиры и пункт милицейский, чем в квартире одной сидеть на осадном положении, куда ОНИ запросто нагрянут (да хоть через окно!), а одинешенька ничего я с ними поделать не смогу. Но зато на «Удельной» я такой-ой хай подниму! В полную силу подниму! Никаких ироничных «гуляйте, мальчики». Только: «люди! товарищи! помогите! убивают! милиция!» Пусть стыдное безобразие, но при народе, который отреагирует. Это лучше, чем трястись от страха в четырех стенках, ожидая неминуемых сволочей-вымогателей и зная, что отреагировать некому и нечем.

Собралась. «Дурилки» в сумку. Сумку через плечо. Сапоги... «Молнию» менять пора. Что за «молнии» стали делать — задушила бы собственными руками!

Ключи! Где ключи! В сумочке нет! В пальто нет!

На полке нет! Нигде нет! Вот каждый раз так! Одна и та же история! Мне бы тот брелок-свиристелку красилинскую, чтоб откликалась на звук! Ну нигде!!! А второй ключ? Тот, что Красилин позавчера растерял в ванной, когда второпях штаны подхватывал... Может, пока его удастся найти?.. Да нет никакого ключа! Ведь наврал по обыкновению, опять с собой увез, а я ползай тут по кафелю.

Озарило! Дура я, дура! В плаще я вчера была, а не в пальто! Волос долог, ум короток. Сама пальтишко с боями вернула, и сама же в его карманах роюсь! В плаще ключ, в плаще!

Да! Он.

Собралась. Умница-разумница! И что дальше?

Предположим, я выйду, а ОНИ — у порога. Ори — не ори, никто не высунется, такой уж у нас подъезд. С тех пор, как хиппари новоявленные его облюбовали — в основном, площадку между первым и вторым этажом...

Скучкуются, кассетник гоняют, балаболят в полный голос, регочут, отношения выясняют, покуривают. Тусовка называется. Ныне перед молодежью пасуют, чего там говорить, боятся. И потому стараются показать, что не боятся: «Они же хиппи! Которые хиппи, те совершенно безобидные! Подъезд не лучшее место для общения, а где им прикажете собираться? А лампочку можно ввинтить новую на лестнице. Неужели мы все разоримся на копеечных лампочках?! Важно, что не матерятся, бутылками не брякают, лужи за собой не оставляют. В наши дни молодежь покруче была — действительно, бандиты. А нынешние — цветы. Добрее к ним просто надо быть, терпимее». Заговаривание, значит, собственных страхов. Если боишься — первое дело зажмурить глаза, уши заткнуть: пугало и сгинет...

Потому ори — не ори, никто не высунется. Учитывая еще, что у детей-цветочков есть манера именно заорать внезапно, будто их режут. Типа: «на по-омощь!» Или: «убива-ают!» А потом покрыть все молодеческим хохотом... Давненько их не было, недели две. Наверно, из-за того, что теплынь на улице, не надо от мороза прятаться. Впервые очень пожалела, что не тусуется никто из них: все-таки, живые организмы, могли бы косвенно воспрепятствовать, если что. Не будут же мои вымогатели при свидетелях мне руки крутить, об-

ратно в квартиру заталкивать, чтобы уж там утюжком прижигать.

Но — никого. Я чутко вслушиваюсь, обостренно. Никого. Да и некому высунуться, если заору, — времени третий час дня, все на службе, на работе. А рэкетиры, если они есть, то и должны бесшумными быть, выжидая меня, выманивая.

Есть они, есть! Сами не скрывают: «Мы вас заждались».

Нет, ни за какие коврижки не пойду через дверь. А идти надо, не то кончится их терпение, и сами пожалуют.

Милицию вызову! Прямо сейчас!

Да? И что скажу? Приезжайте, тут двое (или трое? или... сколько?) грозятся меня... м-м... побить.

Предположим, милиция даже приедет — а никого не будет. Шофер-шахтер-лифтер-вахтер, они все могут и не у подъезда стеречь, а на остановке автобусной, тоже совсем рядом. Поди докажи, укажи. На кого? Я ведь их толком не запомнила позавчера в метро, глаза от испуга застило. Прыщавый? Мало ли при нынешнем питании и невской водичке прыщавых? (В ресторане тоже был прыщавый с-сутенер! — а не тот). Таристый? Который второй? Мало ли у нас тех, кому татаро-монгольское иго наложило на лицо свой горестный отпечаток? (Даже великий борец за мир, генсек-паралитик ту печать носил. Ничего себе примета: рэкетир на Брежнева похож, толькой молодой и урод). К тому же я до сих пор не знаю, сколько их — двое к лотку подгребли, а к подъезду могут совсем другие. Милиция без вариантов решит: паникерша. И не приедет милиция, скажет: вы где? в квартире? в своей? к вам ломятся? нет? тогда извините!..

Да когда ОНИ ломиться будут, поздно будет!

«Мы вас заждались».

И наелась я по горло нашей родной милицией! И в ОПОПе окаянном, и Мыльниковым.

Не пойду!

«Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

Не открою! Не пойду... через дверь.

Это мысль! Я просматриваю сквозь сетку-занавеску внутренний двор (меня не видно, мне видно). Окно у нас во двор, дом змейкой — пока обогнуть, я сто раз успею удрать. Дверь-то с фасада, а окно во двор. Если

только ОНИ и здесь не стерегут. Я просматриваю, мне видно — не стерегут.

Двор чист, только прутики там и сям нагишом торчат из снега. Ого, снег успел выпасть. Вчера слякоть, сегодня снежок. Ночью выпал и уже подтаивает. Но мне видно — никто не наследил, двор чист. Значит, есть возможность!

Невысоко... н-не очень высоко. И чап-чап сразу до «Удельной». ИМ в голову не взбредет, что вместо нормального автобуса до «Пионерской» и оттуда на метро одну остановку, я на своих двоих поплетусь по коломяжской грязище напрямую до... до своего места работы. ИМ не взбредет, — только мне может такое взбрести. Зато уж там, за лотком я им устрою, я им навизжусь.

Торопиться надо! Надо торопиться!

Дергаю окно в лоджии, дергаю, еще дергаю. Наконец оно с оглушающим хлопом распахивается, вся заклейка зимняя насмарку. Держу сумку с «дурилками» на вытянутой руке, отпускаю — падает грузно, наполовину зарываясь в снег. Ой, все-таки высоко! Ой, боюсь!.. Красилина!!! Решай, чего ты больше боишься — высоты или ИХ?! Тут не рассусоливать, тут прыгать надо!

Но перед этим все-таки сменить сапоги на «дутики». Не хватало мне только ногу подвернуть-сломать... «Молния», гадина, будешь ты расстегиваться?! С мясом сейчас выдеру! Не идти же в разных! Высокая блондинка в серебристом «дутике»! Сла-ава богу, расстегнулась!

И меня уже бьет лихорадка спешки, я словно вчерашний Красилин мечусь по комнате (Что бы ему хотя бы на день позже приехать! Или чуточку задержаться, опоздать на свой автобус и вернуться. Какая ни есть, но защита! Муж, хоть бывший! ОНИ же обозвали меня по телефону замужней женщиной...) Мечусь, шиплю, бешусь. Пора. Давно пора!

«Мы вас заждались».

ОНИ могут в любой момент опять позвонить, — всякому терпению приходит конец, — поторопить. Я должна быть уже далеко. Чем дальше, тем лучше!

Ой, как же так прямо прыгать? Падучей звездой, Красилина, падучей звездой! Ну?! Звездой, звездой, зв...

...вонок! Звонок! З-з-звонок! Телефонный. ИХ терпению пришел конец. Надо выгадать себе хоть минут пят-

надцать. И не снять трубку нельзя, тогда следующий звонок — в дверь.

Я снимаю трубку:

— Должна я себя в порядок привести?! Или нет?! Неужели нельзя еще хотя бы пятнадцать минут!!! Через пятнадцать минут я буду!!! Буду!!! На «Удельной»!!! Неужели нельзя еще хотя бы!..

— Галина Андреевна! Галина Андреевна, у вас... Что у вас стряслось?!

Петюня! Только Петюни мне не доставало!

— Это я, Петюня это...

— А, ты?.. Ничего не стряслось. Прости, мне надо выскакивать. Я буквально в дверях.

— Но я же слышу, что-то стряслось! Я же по голосу слышу! Что стряслось?!

Еще бы! Голос овцы, идущей на заклание и от смирения огрызающейся, мол, нечего подталкивать, сама иду, взяли, тоже мне, моду подталкивать. я сама... (вот какой у меня голос) «буду!!! На «Удельной»!!! Неужели нельзя...»

— Нич-чего не стряслось!

ОНИ, может, как раз сейчас мой номер набирают и — занято. Трудно предсказать дальнейшие их действия тогда. Вешать надо! Трубку...

— Нич-чего не стряслось!

— Я сейчас приеду! — жертвенно, благородно всполошился, лыцарь.

— Не смей! Меня все равно уже не будет.

— Не смейте!!! — вдруг вопит Петюня. — Галина Андреевна, дождитесь, я сейчас приеду.

С запозданием, но соображаю, откуда у Петюни нежданная буря эмоций в тоне: он, недоумушка, по-своему понял мою последнюю фразу...

Определенно, в моем тоне еще та буря эмоций, соответствующая: «Меня все равно уже не будет!»

Мамочки-мамочки-мамочки!

Неуравновешенная психика, травмированная, неустойчивая. Каких только слов не подбирают! Боже мой, да почему бы нельзя назвать все своими именами: больная!

— Петюня! — собираю в кулак всю холодную наставительность и этим наставительным кулаком по башке ему, по башке: — Петюня, у тебя рабочий день не кончился. Трудись и никуда не рыпайся, понял меня?!

Окатила, чтобы в чувство привести.

Он понял меня. Но рыпается:

— Я все-таки сейчас прие...

Хватит!

Я... меня уже нет. Не «буквально в дверях». А буквально в окне.

Падучей звездой, так падучей звездой!

Со снежным хрустом впиваюсь рядом с сумкой в сугроб, валюсь на больной бок, который при Красилине ушибла. Ой, больно-больно-больно!

Выпрямляюсь, сумку на спину и хромаю через двор.

А окно-то! Окно даже не прикрыла. Розы померзнут!

Возвращаться плохая примета. Бог с ними! Не померзнут. И не влезут. ОНИ.

А влезут — меня, главное, нет. И коробки с фильтрами (с «фильтрами»), главное, тоже нет. Она при мне, в... в надежном месте.

Оборачиваюсь, гляжу на прощание в свое открытое окно, чуть только задвинутое, и...

...из соседнего наплотно задвинутого окна на меня глядит, таращится прибалдевший сосед. Лащевский. Лысик. В исподнем.

Крюк сделала, чтобы к Коломягам выйти, чтобы с автобусной остановки не засекли, чтобы не нагнали, пока по глинистому, склизкому, размазанному склону взбираюсь. Еще немножко, ну еще!

Спина, будто на ладони, под идеальным наблюдением. Не оглядываться! Только не оглядываться. Поздно все равно. Ничего не изменить. Пошла и пошла. Иди!

Иду. Иду.

Всё! Зону обзора миновала. Вот моя деревня. А мой дом родной скрылся за коломяжскими избушками. Вернее, я за ними, за избушками, скрылась. Она именно здесь проходит, полустертая грань между городом и деревней. Сто метров всего и — другой мир. Теперь вперед и только вперед!

Прямо и только прямо! Или... налево? Или направо? Я же этим маршрутом ходила разик-другой от силы. И конечно только летом: матери детскую железную дорогу показывали по единственному ее приезду и на теннис до спортбазы сходили с Красилиным, когда он решил животик подобрать. (На полчаса его хватило, по-

том — корт не тот, ракетки не те, мячи облезлые, тренер, поручик Ржевский, на мои ноги пялится!.. Гордись, что у твоей жены ноги, на которые пялятся! Нет, «ноги нашей здесь не будет! Ни моей, ни твоей!» Прикинулся, что скаламбурил. Прикинулся, что взъелся: «если тебе так нравится, можешь сюда ходить, но без меня. Дорогу найдешь?» Те ракетки, те! И корт тот, и мячи в меру мохнатые, и тренер навидался всяческих ножек. Просто уже в натуре у Красилина: вместо признания «не могу», деланное «не хочу». Ах, спорт миллионеров! Ах, Борис Беккер, Иван Лендл! Ах, ракеткой — ж-жих-х! Ах, все вовне, а мы внутри во всем белом!.. Это если чисто зрительно. Попробуй сам побегай, попотей! Попробовал... «Не хочу!» Признайся хоть однажды: не могу! Не-а! «Дорогу найдешь?»).

Дорогу найду!

Слева — гомон пьяный, пивная точка там.

Справа — церквушка голубенькая, святого Даниила Салоникийского.

Заступись, Даня! Где же дорожка на «Удельную»? Летом здесь всё по-другому — черемуха, густо-зелено и вообще... по-другому. Определенно, у меня топологический кретинизм. Или патологический?

Ну где?! Где-е?! Асфальт еще должен быть...

Заступился, Даня. Вот он, асфальт. И электричка ориентирно простучала вдали. Железнодорожная станция «Удельная». Метро «Удельная». И будет горек мой удел... Топай, Красилина, топай. Километр, не меньше.

Узнаю! Узнаю!.. Котлован будущего кардиоцентра, спортбаза (она! она!), аллея дубовая, лесопарк, пустырь... Правильной дорогой идете, товарищи! Только летом лучше — парочки прогуливаются, физкультурники бегают, народ с электрички, с дач возвращается... И... тенисто. Теперь же никого и ничего. В чистом поле под обстрелом.

Иди, Красилина, иди! И не думай. О чем угодно, но об этом не думай: обнаружат, догонят, поймают. Почему ОНИ непременно должны тебя обнаружить, догнать поймать! ОНИ и знать не должны, что ты тут!

А вдруг? Мало ли, что не должны? Почему-почему? Потому, что у меня виктимность повышенная. Это такое слово. Очередное. Время от времени всплывают в обществе слова, и все кому не лень повторяют их к месту и

не к месту, поддерживая в себе ощущение, что не отстают. Спорадический. Рефлексировать. Амбивалентный. Суицид. Виктимность. К месту и не к месту. Потом слова линяют, новые возникают. Модные.

Но в отношении меня виктимность — очень к месту. И к сожалению. Означает, что жертва сама провоцирует среду на то, чтобы стать жертвой. И не поведением, а самим фактом своего существования. Фатум! (О, еще одно слово того же ряда, слинявшее давно... но действительно фатум! Ведь за что мне всё?! За какие грехи?!) И ничего не изменить. Поведение менять бессмысленно, это не от этого. А по поводу факта существования — моя решительность столь далеко пока не заходит... Нет, мне нравится это ПОКА! Сбрендила, Красилина? Нет! Мы молоды! Счастливы! Талантливы! Не чета слабакам-мужчинам! Всяким Красилиным, умозрительным теннисистам, всяким Петюням! Вот у кого виктимность так виктимность! У Петюни... Правильно, Красилина, черпай силы в мыслях о слабых, познавай в сравнении, черпай.

«Галина Андреевна, дождитесь, я сейчас приеду!»

Не было у бабы хлопот...

Петюня — хроническая жертва, просто хроническая! Жертва тех же баб из-за своего к ним отношения. И они как чуют. Ладно, похож на Есенина в худшие годы его, Есенина, жизни. Дело не в том. Это не от этого. Мало ли смазливых мальчишек! (И смазливость Петюни относительна. Длинный и сутулый верблюд. Человек — звучит ГОРБО. Выпрямись ты, плечи расправь!.. Какие там плечи! Все же мужик должен быть мужиком, а не глистой в обмороке!) Не из-за формы он жертва, а из-за содержания. Содержание у него книжное: женщина — святое! Нашел с чем святость олицетворять, с нами!

Подобные Петюни первым делом непременно женятся и непременно на распоследних задрыгах.

Дубинушка стоеросовая! И билет у него тогда пропал, и юга́ первые в жизни. Тогда, сто лет назад... Уже и посадку объявили на Московском вокзале, уже толпа ринулась. И Петюня ринулся. Но не к вагону, а к ребяткам с красными повязками — те волоком волокут соплячку, нагрузившуюся до выщипанных бровей. Верная кандидатка в «синеножки» годикам к тридцати, а пока ей вдвое меньше, но опыт уже солидный и не только по части «нагрузиться». По ней видать, по мату ее, по шмоткам, по всему. Московский вокзал!

И он, недоумушка, ринулся:
— Не смейте трогать девушку!

Чтоб у Петюни такая дырка в голове была, какая она девушка! Ему и сделали дырку в голове — дурь выветрить. Когда с кулачками полез. Сопротивление при исполнении и прочая, и прочая. Ну, дырку — не дырку, а макушку рассадил, приложившись к поребрику.

Потом их обоих — в предвариловку, в приемник-распределитель. Там уже приличный урожай собран: бомжи, фарца, цыгане, соратницы Петюниной соплячки. Ее тут же и вывернуло на цементный пол. А он замолотил в дверь:
— Откройте!!! Девушке стало плохо!!! Немедленно откройте!!! Девушке плохо!!!

Открыли, а он ее пытается на руки взять (кино!), вынести, в чувство привести, спасти:
— Вы что, ослепли?! Ей плохо!

У самого «голова обвязана, кровь на рукаве». Геррой! Сам он ослеп.

Посмотрели на него: надо же, такие еще бывают! Под колпаком стеклянным тебя, парень, выращивали? И отпустили.

Упирался: без нее он шагу отсюда не сделает!

Волевым порядком Петюню в дежурную машину усадили и домой увезли. Без нее, конечно. Жаль, с рук на руки не сдали — некому, родичи Петюнины в отпуске, в Пупышеве, участок обживают, а он парень теперь самостоятельный, школу закончил, ему в августе поступать — пусть бабку в Астрахани проведает: заодно отдохнет, заодно фруктов поест, икры (для мозгов полезно), заодно подготовится — бабка кандидат химических наук, лучшего репетитора не надо.

Ни в какую Астрахань он не поехал, да и поезд давно тю-тю. Три дня выискивал «девушку» на Московском. Нашел. Хоть трезвую на сей раз. Привел за руку:
— С прежней жизнью, — говорит ей, — покончено. Живи у меня. Садись пока, почитай, музыку послушай. А я в универсам сбегаю, поесть куплю. Ты что любишь?

Сбегал.

Ее, естественно, уже нет. И пластинок Петюниных нет, всех битлов. И кроссовок Петюниных, «адидасовских». И на кой ей сорок четвертый размер?.. Ко всему — в ванной, в ванне демонстративная кучка навалена. Го-

рячую воду включил, дубинушка, смыть. Аромат на неделю!

И ведь что? Ведь снова пошел на Московский. Снова ее нашел, был отлупцован ее дружком (дружок в «адидасах» знакомых до боли, именно до боли — именно ими и отлупцован). И... снова пошел на Московский за ней.

Я понимаю, втрескался по уши. Я понимаю: обнявшись и в пропасть. Я понимаю, возраст, восстание плоти, нетерпеж, пришла пора!..

И ведь что? Ведь нет! Ему от нее ничего не надо, он по благородству, он бескорыстно, он от высоких помыслов.

Кончилось тем, что соплячка врубилась и со всем удовольствием записалась с ним, выжила из квартиры Петюниных родителей и продолжила активную, еще более активную деятельность на поприще жадного общения с кем бы то ни было. И чтобы Петюня не подумал чего, бешено имитировала бешеную ревность.

Он сокурсницу привел с химфака чаю попить, конспект сдуть. Пока попивали и сдували, жена в той же ванной, где нагадила годы назад, ныне затеяла вешаться. На шланге от стиральной машины. Он растягивается до бесконечности, последнему дураку видно — театр. Но Петюня дурачок за последней чертой, ему той картины хватило навсегда и всюду мерещится. То-то он ненормально воспринял моё: «Меня всё равно уже не будет».

А к нам лаборантом пришел, когда со второго курса отчислили. На экзамене преподавателю нанес пощечину. Тот «шпору» засек у Петюниной сокурсницы, подошел и говорит, мол, поднимите юбку! поднимите-поднимите! очень меня интересует, что у вас там! Петюня безусловно вскочил, изрек своё «как вы смеете! не смейте!» и — не врезал, не стукнул, не ударил даже, а именно нанес пощечину.

Ну, а уж в лаборатории, где наш девичник моментально Петюню унюхал, — отдельная история! Виктимный ты наш!

...Вот и пришла! Видишь, Красилина, ничего с тобой не случилось. Видишь, Красилина, уже переезд. Уже метро. Видишь, твой вестибюль. Видишь, твой лоточек, жертвенно сработанный тем же Петю... НЕ!

НЕ вижу! Не-ту!

Был же! Здесь же стоял... Как это так! Что за жуть с ружьем! Может, власть арестовала? Я же ничего вроде

не упустила! Патент еще только через месяц переполучать! Декларацию о доходах — регулярно, тик в тик! Всё по закону! По закону же всё! Я не нарушала ничего!..

В исполком! Звонить! И не Зверякиной, а Самому! Я все правила соблюдала, не имеют права! Все правила! Все правила! Все...

...правила. Мысль просачивается, я ее всячески не пускаю, всячески прижимаю, но она просачивается. «Вы помните, где ваше рабочее место? Хорошо помните?» — сказано мне по телефону. Намек непонятен? ИХ-то правила я нарушила...

Да нет, ерунда! Не может быть! Полная ерунда! Не настолько же ОНИ обнаглели, чтобы среди бела дня прилюдно красть недвижимость. Мою недвижимость! Здесь же и пункт милиции, и дежурная у пропускных автоматов. Не может быть. ИХ бы, минимум, спросили: куда? зачем? кем санкционировано?

— Дама! — говорю я. — Здесь лоточек стоял. Такой, из текстолита, с крыльями, красивый такой...

— Увезли! — не поворачивает она головы. У нее дела поважнее: следить, чтобы все только с проездными шли, чтобы «заяц» не проскочил.

— Кто-о?! На чем увезли?!

— На машине.

— На какой еще машине?!!

— На государственной! — презирает она меня. — На «Совтрансавто»! Гражданка, посторонитесь, вы мешаете проходу пассажиров!

Мыльников: «Да, учти: твой вчерашний абонент — шофер».

— Гражданка, вы отойдете или что?

Я отхожу. В том и в другом смысле. Я начинаю тихо, бестелесно оседать на мраморные плиты. В последний момент меня кто-то подхватывает подмышки со спины и не дает упасть.

Петюня...

Только Петюни мне не доставало!

— Вы муж?

— Муж я, муж!

— Что же вы так! Нельзя же так! Хороший хозяин и собаку не выпустит...

Сижу на скамеечке, привалясь к пронизывающему

мрамору. Сквозь плащ пробирает, леденит... Сумка где?! С «дурилками»! Тут, тут...

«Муж» такси ловит. Темно. Час пик. Народ с работы пошел. Плотно, нескончаемо. Никому до меня дела нет. И — слава богу, и — раздражает. Сочувствие посторонних унизительно, оно мимолетно и неискренне: больше для себя, мол, нам милосердие не чуждо, мы готовы помочь, какие мы чуткие! Утвердились и дальше, мимо. Жди-дожидайся от них реальной помощи! «Надо на свежий воздух! Надо таблетку какую-нибудь! Надо нашатырь! Надо холодное на лоб!» Советчики! Страна советов! Надо — сделайте! «Так вот ведь муж, зачем нам вмешиваться?» В одном только поспособствуют — на свежий воздух вывести. Еще бы! Нейтральная территория, не их участок. Они, контролерши и милиция, за порядок отвечают. В пределах станции, вестибюля. Свежий воздух — за пределами. Порядок! Опять можно отвечать: порядок! И никому до меня дела нет. И слава богу!

А раздражает потому, что действительно помощь нужна! Ведь сперли лоток на глазах! «Заячий» пятак — дело государственной важности. Они не пройдут! В смысле, «зайцы». Бдительность, неусыпное око!.. Да-а? Где же мой лоток? Государственная машина и забрала, есть причины, наверное. Вам лучше знать, какие. Развелось вас, жулья, на нашей шее, скупили всё — ни постираться, ни сахару... Вот и правильно, что лоток конфисковали.

Не конфисковали! Сперли!

Не зна-аем, не зна-аем...

В нашей замечательной стране можно спереть что угодно. Необходимое условие успеха — не прятаться, не тайком, а с официальным видом деловито уведомить: мы тут у вас сейчас будем спирать... Пожалуйста-пожалуйста! Помощь нужна?

Это МНЕ помощь нужна!.. Хотя ну вас всех! Ничего мне от вас не нужно!

Сижу на скамеечке... Под дулом пулемета в метро не пойду! Ради одной остановки давиться в час пик?! И опять эти рожи видеть?!

Петюня до ночи может такси ловить. «Муж»! Нужен он мне, как мертвому припарки! Примчался, додумался, в нужное место, в нужное время. Правильно, я сама ему сказала: буду на «Удельной», через пятнадцать минут. Не ему, а ИМ, но получилось-то — ему. ОНИ, кстати, не проявились.

«Мы вас заждались».

То есть проявились — лоток-то... Другого эффекта им и не надо — приходите, Галина Андреевна, гляньте. Нравится? На сегодня достаточно. Завтра продолжим.

Лоточек мой, лоточек! С крыльями... Вот и улетучился. «Совтрансавто», шофер. Не будут же они меня действительно утюжком прижигать, деньги выпытывать. Есть средство попроще. Погрузили, повезли. «Вы помните, где ваше рабочее место?» А я-то, психопатка, из окна прыгаю, сугробы примериваю, крюк делаю, по грязище чапаю...

Теперь придется обратно. Петюня меня бросил на произвол судьбы, я его еще должна дожидаться, такси и то поймать не в состоянии, «муж»! Запропастился, юноша бледный со взглядом горящим! Пойду-ка...

— Галина Андреевна! Куда же вы?! Я ведь просил всего пять минуточек посидеть!

Он мне указывать будет, попрекать!

— Домой! Надоело.

— Я же такси... Я же ловил...

— Поймал? Где твое такси?

— Не останавливаются... — виноватый-виноватый. И бестолковый. Верблюд сутулый!

— Тогда зачем вернулся? — если надо на ком-то злость сорвать, лучше Петюни не найти.

— Вы же здесь...

— Я здесь. А тебя дома ЖЕНА ждет. И на работе — Клавдия Оскаровна, тебе с ней завтра объясняться предстоит.

Ой, Клавка Петюню завтра вздует за самовольную отлучку в разгар смены! Учитывая еще и ее ко мне отношение и всему девичнику известное, кому Петюня что ни день названивает.

— Я провожу!

— Не надо. Не трогай сумку, она легкая. Донесу, справлюсь! — и примиряюще, жалеючи недоумушку, но безвариантно почти командую: — Езжай домой. К жене. Спасибо.

— Я про «мужа» сказал, чтобы не приставали лишний раз, — переминается, угрызается, самоуничтожается. Плечи под ушами. Если это можно плечами назвать.

— Поняла-поняла. Спасибо.

Неуверенно двинулся ко входу в метро.

Ну а я двинулась к переезду. Впереди знакомый путь на своих двоих.

Обернулась и слежу: Петюня у самого входа тюльпаны торгует у прибалтов. Те шеренгой выстроились со своими пластмассовыми аквариумами, со свечками внутри (и от холода берегут и красиво... правда, у меня ассоциации: «на цепях хрустальный гроб»).

Правильно, Петюня! Жену надо цветами баловать, если провинился, если назвался мужем посторонней женщины — Фрейд не дремлет, Петюня! Пусть умозрительно провинился, но для него всё едино — слишком всерьез жизнь воспринимает.

А мои-то розочки сгибли наверняка в квартире, никто им свечечки не поставил.

Прощай, Петюня. Достаточно резину тянули. Тюльпанчики для супруги-лошадищи я тебе не забуду. Не канючь больше по телефону — не подойду. И из прежней жалости не подойду. Отжалела! Кто бы меня пожалел...

— Галина Андреевна! Куда же вы! — он догоняет меня за переездом. Растет, мальчишечка! В руке цветочки для благоверной и, не моргнув, взывает ко мне, КО МНЕ!

— Это же вам! Сегодня же двадцать третье. Тридцать лет. Дата...

Ой, дубинушка! Кто же цифру женщине напоминает! Ума бы тебе побольше! Что ни сделает, всё не то и не так.

— Мой день рождения был позавчера! — отбриваю.

— Я... я почему-то считал, что двадцать третьего.

— Позавчера. Всё надо делать качественно и в срок, Петюня. Качественно, в срок и с меньшими затратами. Езжай к жене. Порадуй букетиком.

Иду, не оглянусь. Петюня неотвязно следом плетется, дистанция в десять шагов. Отвяжись! Не оглянусь! Оглядываюсь, остановившись, — тоже останавливается.

— Я не могу вас одну оставить. Здесь...

Здесь — то есть во тьме, в глуши, в непогоди (снова посыпалось с неба — дрянь полуфабрикатная, не снег, не дождь). И ни единой души на дороге.

Как хочешь! Передергиваю плечом, вольному воля. Вот и движемся, соблюдая дистанцию. Нагнать он меня не решается. Сейчас выберемся из деревенской, из природной зоны — посажу я тебя, дорогуша, на автобус и попробуй пикни.

Лесопарк миновали, спортбазу миновали, котлован кардиоцентра миновали. Уже церквушка. По склону бы свежезапорошенному не проехаться.

Петюня решился меня нагнать, вместе высматриваем — определяем, где меньше риск сверзиться, топчемся. Он меня под руку страхует несмело. Можно, Петюня, можно. Разрешаю. Лишь бы не сверзиться. А там и автобусная остановка.

— Ну ты, ка-аз-зел в клеточку! — слышу позади.

Вся сжимаюсь. А Петюня получает три резких стука — по хребту, по почкам и, когда приседает от боли, медленно поворачиваясь вокруг оси, досыл в лицо, в переносицу. Всё в одно мгновение. Оно, мгновение, длится и длится. Я не только успеваю запечатлеть общую картину, но и тороплю чертово мгновение: заканчивайся, заканчивайся же!

Петюня увлекает меня за собой, мы падаем и катимся к такой-то матери, в тартарары, вниз по склону...

— Вы не ушиблись, Галина Андреевна? Экий у вас кавалер неловкий! — слышу голос с неба. — На ногах не стоит. А еще «черный пояс»!

С неба, не с неба — темная полоса, пропаханная нами с Петюней в снегу, упирается наверху в две фигуры, фигурищи! Уже темнотища чисто январская, но я угадываю и прыщавого, и «Брежнева».

— Вам не больно? — юродствует «Брежнев» (он по телефону говорил, он!). — А нам мучительно больно!.. За бесцельно прожитые годы. Вами... К вам спуститься? Подсобить?

И они оба демонстрируют готовность спуститься. Подсобить!

— Люди! Товарищи! Помогите! Убивают! — допускаю я стыдное безобразие, которое планировала на «Удельной». Какое тут планирование! Тут така-ая жуть с ружьем! Сверх плана белугой взревешь!

«Люди-товарищи» в сотне метров всего, на остановке! Восьмой час только, время детское — «людей-товарищей» дюжины две стоит. И никто! Ни один! Только глазеют: чего там? дерутся вроде? Коломяги, свой уклад, свои разборки! не вмешивайся, Борис (Костя, Сёма, Шура)! И не вмешиваются.

— Не переживайте вы, Галина Андреевна! — слышу сверху. — Мы не нужны, мы уйдем... Только нервы, нервы берегите! Они вам очень и очень понадобятся. Мы

завтра вас найдем, и нервы ваши будут как нельзя кстати.

Я безнадежно смотрю на далекую-близкую остановку. Потом поднимаю глаза наверх, туда где ОНИ.

ИХ уже нет.

Петюня пускает носом розовые пузыри, весь в кровище и в отключке, беззвучен и недвижим. Ой, недвижимость ты моя неподъемная! И тюльпаны вокруг разбросались. Ассоциации — кошмар! Мамочки-мамочки-мамочки! Как там медсестры бойцов с поля вытаскивали?..

«Люди-товарищи», когда я до остановки добредаю с грузом-Петюней, деликатно не замечают, не присутствуют.

Автобус пришипел, остановка опустела. Куда Петюне теперь автобус! Уж доберемся. До дома. До моего.

«Скорую» надо вызывать, ничего другого не остается! Ну не умею я, не знаю, как его в сознание привести.

Холодная вода на Петюню не действует, плескай, не плескай. Перекопошила от безнадеги ящичек с лекарствами — но-шпа, баралгин, аллохол, пектусин, инфекудин, аэрон. Ничегошеньки подходящего! Даже валидола... Зачем ему валидол, дура! У него, может, шейный позвонок перебит. И почки. И покрывало у головы намокло, кровь долго не унималась, лицо всмятку. Валидол Петюне, что мертвому припарки. Ой, тьфу-тьфу, типун мне на язык! Ой, мамочки-мамочки-мамочки!..

Дышит? Дышит. Еле-еле.

Петюня, очнись, пожалуйста! Я тебя заклинаю, очнись! Нельзя же меня так изводить — два часа никаких признаков жизни не подавать. И всё из-за меня! Я знаю, из-за меня!

ОНИ бы его не били, если бы не я. ОНИ бы его не так били. Ведь он же дохляк, сразу видно. Дали бы по шее или под дых и достаточно, ему было бы достаточно!

Петюня, очнись, очнись Петюня!

Но это всё я, всё я! ОНИ его «мужем» посчитали, Мыльниковым, которого я вчера ИМ к телефону подставила. Черный пояс! Как бог черепаху! ОНИ и ре-

шили не рисковать (закурить есть?) и сразу покалечить, чтобы он ИХ не покалечил. И Мыльников бы так просто не дался, он бы справился, запросто справился, а Петюня...

Петюня, очнись, очнись Петюня!

«Скорую» надо, «скорую»!

Рука не поднимается «03» набрать. Наберу, значит, отчаялась и передоверила тем, кто своё дело знает лучше меня. Значит, серьезный случай. Не хочу я, не хочу, чтобы с ним был настолько серьезный случай!

Петюня очнись, очнись, Петюня!

Кто тебя дергал за язык «мужем» назваться в метро! ОНИ же где-то там были, точно были, где-то там в пределах слышимости и видимости наблюдали. Не назвался бы «мужем», отделался бы парой-тройкой синяков. Сам виноват!

Ой, не ври, Красилина! Себе не ври! Сама виновата — сама вместо Мыльникова Петюню шантажистам предъявила!..

Ну, получилось так, Петюня! Господи! Господи, ты же всё можешь! Если можешь, прости!

Петюнечка! Петюнечечка!

Холод в квартире — могильный. Выстудило. Розы сникли. Их к жизни уже не вернуть. А он... его надо вернуть!

Ну что, что сделать, чтобы ты в себя пришел?!

Окно!.. Нет, его лучше пока и не закрывать — ему сейчас свежий воздух нужен. Или наоборот — в тепло? Горячий компресс! «Скорую»!

Решайся, дура, — вдруг потом уже поздно будет, вдруг уже поздно! Приедут, скажут: поздно... Вот как раз этого боюсь. И не вызываю. Но надо! Хоть что-то, но надо!.. Что? Сейчас, Петюня, сейчас решусь. Сейчас только нервы разгулявшиеся успокою парой затяжек и вызову.

На кухне, чтобы дым не в комнате, чтобы ему хуже не стало. Куда еще хуже! Гаси, Красилина, не помогает финская подачка бывшего мужа. Тут не ментоловый «Ньюпорт», тут самосад нужен! Что-нибудь крепко в нос шибающее, по мозгам моим куриным.

В нос. По мозгам. Шибающее. Тупица беспросветная! Стою же и гляжу на банки с реактивами. Рабочими реактивами. Догма недоразвитая! Всё, что лекарство, — в ящичке, в комнате. А на кухне — всё для ра-

боты... Вот же вот! NH_3. В нос! По мозгам! Шибающее! Аммиак. Тот же нашатырный спирт! Если и он не подействует...

...Петюня дергается, как током ударенный, и бьётся в кашле, сотрясая тахту. Банка чуть не выпрыгивает у меня из рук. Я ловлю ее мертвой хваткой и ладонью затыкаю горловину.

Химик дипломированный! Гнать таких химиков! Только будучи в невменяемом состоянии можно вот так под нос подсунуть двухлитровую емкость NH_3, концентрированный раствор. Токсикат! Если меня аммиак по глазам долбанул, то каково Петюне! Моё счастье, что банку удержала, и даже не выплеснулось. Наше счастье. Лежать бы нам...

Глаза слезятся, фырчим оба, у Петюни снова кровь ринулась. Сейчас, мой хороший, сейчас. Всё-всё, мой хороший, всё-всё. Полотенце влажное на лоб, компресс. И на глаза, на глаза — чтобы не воспалились, чтобы отдохнули.

Мамочки-мамочки-мамочки, как хорошо, что ты очнулся! Всё, мой маленький, мой замечательный, всё. Самое страшное позади.

Он стихает, нащупывает мою руку поверх компресса и замирает. Ему очень-очень плохо и хорошо. Он, может, годами мечтал: геройски раненый, и я у изголовья.

Неси свою ношу, Красилина, сама провинилась и неси теперь. Успеешь разочаровать, а сегодня терпи. Дважды чуть не угробила парня — шантажистами и аммиаком — и терпи теперь. И правда, ведь чуть не угробила! Слава богу, самое страшное позади. Самое страшное позади. Позади, поза...

...ди! И слышу! Всё еще впереди... самое страшное... Я слышу, слышу... такая умиротворяющая тишина в комнате, что любой звук на слуху — слышу звук. В дверь кто-то скребётся. Вкрадчиво, настороженно. Кто-то есть там, в подъезде, у моей двери! Затаенно сопит скребётся.

Добрались! Решились! ОНИ!

«Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

Петюне передалось, он мою панику кожей ощутил. Внезапно сел, полотенце с глаз спало. Ахнул от резкости. Больно! Вслушался и — полыхнул взором, опять на подвиг готов.

Я сразу поняла, но он вопреки моим утишающим жестам (скорее, благодаря им) еще упорней полез с тахты к двери. Вкрадчиво, настороженно. Сейчас он им... Ух, он им сейча-ас!

Скособоченный, скукоженный, но двигается чутким охотничьим ходом. Карикатура на зверобоя. Из боя в бой. Сейчас он им... Мало ему! Не добили, не поломали? Сейчас ОНИ все недоделки устранят. И за меня примутся!

Стой, дубина стоеросовая! Ты же не собой ради меня рискуешь, но и мной! Стой, замри, отзынь от двери!

Поздно!

Он, как часовой «стой, стреляю!», зычно вспугивает:

— Кто там!!!

Там, за дверью — секундный вакуум. Потом — порыв, вихрь и дверной хлопок — не из подъезда, а в квартиру. Рядом. У Лащевских!

— Гъ-гъ-гъ-гъ... — у меня реакция наступает. Не смех, нет, не слезы, не икота. Всё вместе. Истерика.

За стеной у Лащевских кто-то что-то своротил второпях и впотьмах. Грай, крик, бу-бу-бу, хлесь-хлесь.

— Гъ-гъ-гъ-гъ! — задыхаюсь.

«Ты у меня сейчас!.. Я тебе сейчас!.. Я тебе покажу — за почтой! Я тебе на голову это мусорное ведро надену! О ребенке бы подумал!» — дает себе волю мымра.

«Ма-а-амы-а-а!» — ревет спросонок Дашка.

А лысик-Вовик только: «Бу-бу-бу!»

«Я эту давалку с милицией выселю! Кончилось мое терпение! Всё, ей больше не жить!» — мымра кричит прямо в стену, чтобы я была в курсе.

Я в курсе...

— Гъ...

По каким же извилинам Лащевский произвивался, чтобы прийти к выводу: можно! Сто́ит бедной одинокой женщине сигануть в окошко собственной, кстати, квартиры, а соседу в исподнем засечь этот факт, как-то неожиданно у соседа в лысенькой головушке что-то смещается, и он в полночь скребется у порога: пусти, свой!.. Обмылок!

— Гъ-гъ-гъ!

Петюня всё слышит сквозь стену, как и я. Петюня

видит мою истерику. Он суров, оскорблен, неприступен и...

— Прекрати! Не смей!

...и властен! Петю-у-уня! Ничего себе, вареники! А у него-то что с извилинами?!

Не могу остановиться, не могу прекратить и не сметь. Еще безудержней захожусь.

Он плакатно, обвиняюще тычет пальцем в несчастные, почившие розы:

— Чьи?! Чьи, я ТЕБЯ спрашиваю?!

Бью себя кулаком в грудь, не в силах вытряхнуть гъгътанье, одновременно объясняя: мол, мои, чьи еще! Ну, государственный прокурор, ни дать, ни взять! Карикатура!

Петюня собирает погибший букет в горсть, как за горло, выхватывает из вазы и швыряет об пол: н-на тебе! И то же самое вытворяет со вторым букетом из второй вазы, хвать: н-на тебе!

Потом Петюня делает ко мне шаг и крест-накрест дважды хлещет по щекам.

Истерика запинается. Я сглатываю. Наконец-то вдыхаю долгожданный воздух и на сипящем, свистящем выдохе отвешиваю в ответ сипящую, свистящую затрещину. Ишь, возомнил!

Петюню отшвыривает в кресло. И снова становится тихо. Тихо-тихо. Он телячьи глядит из кресла синими брызглами — Есенин в худшие годы жизни! Если так, то бе-едненький! Не Петюня, а Есенин... как же ему жилось!

Заливается густой краской, жмурится, пряча, впитывая обратно проявившуюся слезу:

— Я ведь только хотел, чтобы кончился...

— Спасибо. Я поняла!

Я поняла, он хотел, чтобы приступ кончился. Но ведь — и не только, и не только! Петюня всю оставшуюся жизнь будет себя убеждать в обратном, истязаться будет, не сумев до конца убедить. Его проблемы! А меня последний раз по щеке били год назад. Последний и первый. Первый и последний. Красилин. И в каких бы разобранных чувствах он ни был тогда, для меня Красилин теперь только БЫЛ. Не — есть. Не — будет. Был. И сплыл. Перечеркнула и забыла, да! Забыла!

— Неужели ТЫ всё забыла? — нищенствует Петюня,

Ох, несчастье моё! Что я еще могла забыть?! И о чем таком помнить! О чем, Петюнечка! О чем?! О чё...

...м-м-м! Высверкнуло! Как тем аммиаком садануло! Я же с ним единожды таки... И напрочь из памяти вон. Не помню, забыла, хоть распни!

А он-то уже себе обширное одеяло в уме связал! Для него же — святое!

Вот жуть с ружьем!

Профкомовские двухдневные путевки, всем коллективом на выходные. По Золотому Кольцу, на Валаам, в Прибалтику, в Новгород, Кижи. Наш отечественный профсоюз из элементарного самосохранения изредка делает вид, что проявляет заботу о трудящихся. Чтобы трудящиеся не ликвидировали его за ненадобностью, даже за вредностью.

Мы славно поработали и славно отдохнем. По принципу: возьми из миллиона рубль и ни в чем себе не отказывай. Товарищи, профком решил сделать нам очередной подарок!.. Бойтесь дары приносящих, особенно если дары — за счет одаряемых (из наших же всё взносов, из наших!).

Мы славно поработали: тягомотина лабораторная, друг друга никто уже видеть не может, всё одно и то же изо дня в день!

И славно отдохнем: та же тягомотина, те же физиономии, путевки только на группу, и всё одно и то же. Дурной транспорт, третьеклассная гостиница или даже общежитие свободное на летние каникулы, комплексные обеды «не хочешь — не ешь», гиды с «фефектом фикции». И тоска-а-а!.. Сразу хочется обратно домой. А дома — тоска-а-а!..

Не надо только себя обманывать, голову морочить: мол, зато новые впечатления, новые места! Места всё те же — Золотое Кольцо, Валаам, Прибалтика, Новгород, Кижи. Из года в год. Других путевок нет, на других предприятиях и таких нет, благодарите и за такие, а то никаких бы не было, совершенно неблагодарный народ наши полимерщики!

Впечатления тоже всё те же — хоровые безголосые автобусные распевки (мы веселы! счастливы! талантливы!), шараханья из магазина в магазин (вдруг тут есть то, чего у нас нет,.. ан везде ничего нет), кучкова-

ние мужичков наших, бряцание бутылками: «К вам можно на вечерний огонек?» И пьяное по утру челомкание, братание: все-таки мы замечательный, дружный коллектив, одна семья!

В семье не без урода... Да, урод я, урод! Подобные стадные мероприятия мне вот где! Лучше я отойду в сторонку и не буду жить в вашей семье, где неизбежно подразумеваются еще и ТЕ САМЫЕ семейные отношения: под утро, когда настолько все породнились, что не грех и... вас проводить до номера.

«Вас проводить до номера?»

Нет уж, лучше я отойду в сторонку!

Но шаг влево, шаг вправо — побег! Коллектив, понимаешь ли, не по ней! Индивидуалистка! Наградили тебя за ударную работу, подарили от щедрот два дня полноценного отдыха тридцатипроцентной стоимости? И срывай цветы удовольствия, попробуй не сорви! Глядите, она их и нюхать брезгует! Клавдия Оскаровна на что начальник лаборатории, но наш парень, демократ, вон разгулялась — а Красилина нос морщит и, гляди-гляди, не пьёт! Что вы, разве наша компания ее может устроить! Она же у нас ого-го, а мы всё тьфу! Она что, совсем ни капли? Чи дюже больная, чи дюже подлая...

Залились бы вы все своими медовухами, «вана таллинами», «ворошиловками» (мужички сэкономленный лабораторный спирт нарекли: от «ворованное шило»). Не могу я по-свински стаканами глушить! Одно дело — что-нибудь вкусное типа «Мисти» ма-аленькими поцелуйчиками. А стаканами хлобыстать — не могу и не хочу!

Клавдия Оскаровна — ваш парень, демократ? И возлюбите вашу Клавдию Оскаровну! Тем более, что она только того и ждет. Накушается до кондиции и лишь о своей неотразимости всё застолье долдонит:

— Она мне в парикмахерской говорит: «А с вас я возьму за две головы!» «Берите!» — говорю, потом думаю, чего вдруг? У меня все-таки одна голова! Не вытерпела, спрашиваю: «Чего вдруг?» «А у вас волосы очень густые! — отвечает. — Шампуня больше уходит и вообще!» Конечно, ей возня лишняя! Ей проще вместо меня двух лысых старушек завить! Всяко не то что мои кудри!

(Кудри у нее! Мочало у нее! Чтобы только расчесать, дюжину гребешков обломаешь. Химзавивка на химзавивке!)

— Ребятки, меня нечто преследует! Стоит мне раздеться у врача, сразу обязательно приходят какие-то маляры, столяры. То вот только разделась, а какой-то именно в этот момент стал табличку снаружи на кабинет прибивать — дверь и открылась. Или у терапевта сижу в неглиже, справка в бассейн нужна, и входят: «Где тут у вас окна на зиму заделывать?» Или неделю назад лежу на ЭКГ вся обвязанная датчиками. Лицом к двери и абсолютно голая, ну абсолютно. И работяга в самый раз появляется, дверь начинает снимать! Иного времени найти не мог. И застыл — бесплатная картинка. А бабка-врачиха спиной к нему, ничего не видит, за ЭКГ следит и мне: «Что вы так разволновались?! Прекратите сейчас же волноваться!» У меня на экране волны, наверное, — девятый вал! Лежу, думаю: пользуешься, паразит, что я в таком состоянии, от моей фигуры взгляд оторвать не можешь?!

(Фигура у нее! Бюст, как уши у спаниеля!)

— Я в одной компании вращалась. А там всё время блистать надо было. И вот я изо всех сил блистаю-блистаю, потом гляжу: все уже пьяные и спят. А наутро никто ничего не помнит. И опять блистать приходится!.. Надеюсь, у нас сегодня не такая компания?

Такая, Клавушка, такая! И все твои распаляющие откровения разве на зэка могут подействовать, изголодавшегося за свой срок. На себя-то хоть глянь, лахудра с бездной вкуса! На шпильках и в носочках! Пуссер — «электри́к», юбка красная. И не грызи меня глазами: да, я не раскисаю, и мужики ко мне липнут (только я их щелчками, щелчками), и стакана мне не надо для утепления атмосферы.

«Чи дюже больная, чи дюже подлая!»

Ладно, отстаньте, не сверлите! Нате! Довольны?

(Ф-фу, гадость!)

Нет, мне и одного такого стакана более чем достаточно. Крепче спать буду — и то утешение.

Бедный пацанчик вот только... Ему всё в новинку. Он впервые с нашей «дружной семьей» выехал, недели не проработал, а профком его уже заодно со всем стадом облагодетельствовал. Виктимный ты наш Петюня.

Ничего не остается, как оставить его на растерзание девичнику. От судьбы не уйдешь.

Клавка все равно зря старается — для него она Начальник, существо бесполое, на такой должностной вершине, что признаков пола не разглядеть.

Да уж кроме Клавки найдутся охотницы — и Светка, и Ларисия, и Марьямушка («Ой, девочки, какой он характéрный!»).

Только на меня не реагируй, пацанчик. Не реагируй, не надо, не рисуй себе! Пойду-ка я спать от вас от всех, от ваших стаканов с гадостью и прочих гадостей без стаканов. Устала, от стенки к стенке мотает. В семье не без урода. Урод я, урод!

— Вас проводить до номера?

Не приставай к уроду, пацанчик! Вон сколько красавиц в твоем распоряжении — только и ждут. Не рисуй себе!

Нарисовал, лыцарь печального образа:

— Я женат! — гарантия от даже нескромных мыслей. С горчинкой, но гордо: мол, как вы могли хотя бы заподозрить нехорошее?!

Ой, пацанчик-пацанчик!

И ду-ду-ду полночи, ду-ду-ду! Само благородство, незапятнанность, аристократизм духа. Вычитанный. Садитесь, д'Артаньян, сказал граф де ля Фер, я расскажу вам одну историю... про одного моего друга. Е-е-есть в старом замке черный пруд, там лилии цвету-у-ут!

И ду-ду-ду полночи, ду-ду-ду! И я со слипающимися глазами, как последняя дура, как последний д'Артаньян, вынуждена клевать носом и внимать историю про одного друга, альтер эго Петюни: про давнюю вокзальную историю, про бабушку-астраханку, про его лошадищу, которую ни до, ни после и никогда доныне в глаза не видела, про суицид посредством шланга, про изгнание из университета, про: «она просто несчастный человек, и я не имею права, морального права бросить ее на произвол судьбы», про: «даже если я, предположим, только предположим, встретил человека, который... которая... ну... понимаете?.. — я все равно не смогу ее оставить», про: «как в «Маленьком принце» — мы в ответе за тех, кого приручили, она же действительно повесится, вы понимаете, вы чувствуете? вы не можете не понять, не почувствовать...»

Ой, надоел! Ой, достал! Понимаю! Чувствую! Кто кого из вас приручил?! Да я бы сама повесилась от такого мужа, но не если бы он ушел, а если бы он не ушел! От меня-то ты чего хочешь?!

И ведь ничего! Платоник, Тургенев хренов! Нашел себе Виардо! Не рисуй себе! Я тебе не Виардо, я только одного хочу: чтобы ты наконец иссяк и дал мне хоть пару часиков поспать! Голова раскалывается от твоих изливаний и от стакана с вашей гадостью! Сплю я, сплю!

Ду-ду-ду. Ду-ду-ду...

Ну хорошо! Я сама инициативу проявлю, да! Только уйди!

На!..

Было, не было? Боже мой, я даже не помню, где, куда мы тогда выезжали. Вроде Таллинн. Нет, Новгород! Или Кижи? Точно, Кижи! Иначе бы наша дружная семейка распивала, скажем, «Агнес», если Таллин. Или «медовуху», если Новгород. А мне «ворошиловки» нацедили, из запасников... Или по Золотому Кольцу мы тогда?..

«Неужели ты всё забыла?»

Все-таки мы, бабоньки, существа непредсказуемые. Супервирус Мыльников с чем пришел, с тем и ушел. А тут...

Бог с ним, с божьим наказанием. Теперь замывай, не замывай — проще сгрести в узел и выкинуть. Сейчас только проснется, бедолага.

Надеюсь, прошедшая ночка его наконец отвратит от меня. Сам хотел, сам добивался? Получи! За все перенесенные тобой невзгоды по моей вине. А уж что получил — не моя вина.

Холодно-то как. Морозец, что ли, приударил? Да, минус семь за окном, на термометре. Стоило мне всю зимнюю клейку порвать, и морозец тут как тут. Вот напасть!

Кофе поставить? Петюня, просыпайся! Петушок пропел давно! На работу пора. Просыпайся же!

И не растолкать — боязно коснуться: живого места нет. Лицо-то распухло, ничего себе! Куда же он с таким лицом пойдет, на какую-такую работу? Его и за

порог не выпустишь — сразу заметут, чтобы неповадно было. Да просыпайся, ну!

— Ам-м... м-мыам... Сейчас, сейчас! — гундосит. — Еще минуточку, еще самую маленькую секундочку. Самую ма-а-а... ам-мыам-ам... — Спит!

Как хочешь. Не обессудь — кофемолкой приходится жужжать, посудой греметь, радио включать на полную громкость: должна я знать, который час, будильник не завела вчера. Ты у меня проснешься!

— Московское время шесть часов тридцать минут. Международный дневник...

Кофе готов. Вставай же, соня! Никакие посторонние шумы на него не действуют. Петюня! Петюнечка! Пе-е-етя!.. Петр, черт возьми!

— Еще чуть-чуть, ну пожалуйста! Ну масенькая, сейчас-сейчас. Уже встаю, уже встал... Ну, Таньчик... Ну, Татьяшенька... Я уже не сплю.

Он уже не спит. Он после мгновенной гробовой тишины подскакивает (куда там вчерашнему NH_3!), осознав, кого и как он назвал, и где, в чьем доме находится. Фрейд не дремлет, Петюня. И ты не спи.

Он уже не спит. Сидит на тахте, глаза раскрыть боится. Так зажмуренными глазами на меня и смотрит. И скорбно-скорбно шепчет:

— Галина!!! Галина!! Галина! Галина...

— ...Андреевна, — тепло, даже где-то ласково подсказываю я. — На работу пора, Петюнечечка. Кофе стынет. На кухне... — и отправляюсь на кухню.

Слышу сочные удары, Петюня кулаком молотит подушку и взрёвывает:

— Почему! Ну почему! По-че-му!!! Почему всё так... Всё так... почему! По-че-му! За что?! За что мне?!!

А мне за что? Не за что. Ты, Петюня, в ответе за тех, кого приручил — и отвечай: Таньчик, Татьяшенька. А меня еще никому не удавалось приручить. Не бери в голову, отдохни от этой мысли. Я вешаться на шланге от стиральной машины не буду. Во всяком случае из-за тебя, Петюня, точно не буду. Других поводов предостаточно, более весомых. Прощевай, Петюня. Иди к жене. Ах, жаль, тюльпанчики вчера на склоне остались! Могу розочки предложить, они чуть подувяли, но главное не подарок, главное внимание. Вот и подаришь. От нашего стола вашему столу. Таньчику, Татьяшеньке, лоша-

4 Зак. 207

дище. И не задавай вопросов, ответы на которые тебе прекрасно известны. Почему-почему! По кочану!

Слышу — Петюня не унимается, всё молотит и взрёвывает.

Слышу — звонок. В дверь!

Кого черти принесли полседьмого утра?!

Внутри ёкает. ОНИ! Только ОНИ с утра пораньше способны названивать в квартиру одинокой беспомощной женщине. С агрессивными намерениями!

«Мы завтра вас найдем, и нервы ваши будут как нельзя кстати!»

Нашли...

На цыпочках докрадываюсь, плотно закрываю дверь в комнату (кавалера моего будто молнией разразило — стих! только его мне именно сейчас не хватало!) и очень сварливо, ну очень сварливо:

— Кто там?

— Милиция.

— Да что вы говорите! Никогда бы не поверила! — провоцирую, чтобы еще голос подали.

— Участковый уполномоченный Грибанов. Разрешите?

— Не разрешаю, конечно!

Голос-то не тот, не «брежневский». Но прыщавый-то, прыщавый ни словечка не проронил вчера. И третьего дня тоже. Знаем мы ваши штучки! Пришло время — проронил.

— Я сейчас в милицию позвоню! Посмотрим тогда, кто из вас милиция. Учтите, замок у меня сложный, сразу не взломать. Ноль два всегда успею набрать.

— Гражданка Красилина, нам уже звонили. Я уже здесь. По заявлению. Откройте, если вам не трудно.

Мне трудно, мне о-ох до чего трудно! Потому что я слышу за дверью еще голос. Голосок. Голосочек. Меццо-сопрано. Не найдется такого кузнеца, который смог бы шантажисту-«Брежневу» за ночь перековать его волчий голос...

— Это он, товарищ сержант! Я слышала его! Это он! Он там, товарищ сержант! Сделайте что-нибудь, товарищ сержант! Вы же милиция!

— Откройте, если не трудно.

Тру-у-удно!!!

«Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

...Не могу я их винить. Но пусть тогда и они меня

не винят. Головы стереотипами набиты и потому чуть только видимое расходится с заранее воображенным — нутро протестует!

«Таньчик-Татьяшенька» — не лошадища, скорее пони — миниатюрненькая, ладненькая, копытца тридцать третьего размера, не больше (у меня и то тридцать четвертый), «маленькое черное платье», ленточка в гриве, челка мохнатая, и глаза тоже от пони: покорные, печальные, всё примут. И принимают:

— Можно я не буду заходить? — у милиционера спрашивает. — Можно я тут посижу на ступеньке? — Опустилась на голый камень, утешая-приговаривая про себя: — Живой, главное! Главное, живой!

Хоть кусок сахара ей на ладони выноси! Таньчик-Татьяшенька, дубленушка на вздрагивающих плечиках внакидку. Никогда ее не видела, но по Петюниным откровениям сложила стереотип: одно слово, Московский вокзал! Даже облегченно вздохнула, когда открыла, а там рядом с милиционером эдакое воздушное созданьице, не лошадища, не жена, не она.

Не лошадища, да. Но жена. Но она.

Ай, Петюня, ай, фантазер, ай, предатель! Жену предал, меня предал, себя предал — рассказками, из книг вымороченными: е-е-есть в старом замке чё-о-орный пруд! Только бы себя де ля Фером чувствовать!

(Порядочным, кстати, засранцем был граф, образец для подражания! Втюрился, сам напросился в мужья — и какое его дело, что у женщины в прошлом было?! В настоящем-то и в будущем (да! да!) она — любящая и преданная жена! Нет, собственное самолюбие ему дороже! Карать взялся... Да кто ты такой, чтобы карать?! Не можешь себя победить — отваливай, испарись! Аи если не себя, то лучше тогда он ее победит!.. Потом бегают, шпажонками отмахиваются, поражаются: «У-у, злодейка! Чего мы ей такого сделали, чего она нападает?!» Не нападает она! Защищается!).

Атосы вшивые, само благородство! Фантазеры, предатели, Петюни чувственные!

Ты у меня сейчас отчувствуешь своё!

— Вон отсюда! Карета подана, граф!!!

Уже встал, причиндалы свои изыскивает. Глиста в обмороке! Прикрылся ладонями, как перед штрафным ударом. Не будет тебе от меня штрафных ударов, мало тебе вчера навесили! Вот тебе твои портки, за креслом.

Нет уж, носки сам ищи! Буду я их еще вынюхивать по углам! Куда вчера закинул, там ищи. Найдешь!

— Гражданочка, я извиняюсь, но...

Никаких «но»! Ишь, блюститель порядка! Конная милиция нравов! Тоже стереотип: волевой подбородок, литое матерое тело, всезнание на лбу написано. А тут: вообще без подбородка, такая же глиста в обмороке, но еще моложе, и полное незнание предмета. Всего и милиционер, что в форме. «Новая формация», Мыльников сказал? Неудачная формация! Представления не имеет, что делать, с чего начать, кто виноват. И в квартиру не войти — «пони» на лестнице сидит, нельзя ее так оставлять. И отступать невозможно — я ведь ясно даю понять, что захлопну дверь и открою ее только чтобы Петюню вышвырнуть, пусть только манатки соберет, и снова захлопну! Не тушуйся, сержант, когда перед тобой в буквальном смысле грязное белье выворачивают! Никаких «извиняюсь», никаких «но»! Я милицию к себе не звала! А когда звала, где ты был, участковый уполномоченный Грибанов?!

Накачала себя так, что вот-вот лопну. И... лопнула. Весь воздух из меня вышел, когда на шум мымра Лащевская выскочила во всеоружии:

— А-а-а, доблядовалась, самогонщица!

Бабья ненависть — убойное оружие. А я всё своё распатронила на Петюню, на сержанта молокососа... и вообще. Воздух из меня вышел.

Не могу я их винить. Но пусть, пусть тогда и они меня не винят! Стереотипы — от них не сбежишь, не скроешься. «Няма», беспросветная «няма»!

— Идите, идите, я покажу! Я понятая! Я эту прошмандовку выведу на чистую воду! Вот, видали?! Вы смотрите, смотрите! Во что кухню превратила!

— Так-так. Агрегат.

— Я химик! Химик я!!!

— Упекут тебя года на три на химию, станешь «химиком»! И мы все от тебя наконец отдохнем!

— Живой главное! Главное, живой!

— Так-так, что у вас в банках? А в баллонах? Так-так, и змеевик...

— Для фенолов это! Для фенолов! Я их перегоняю!

— Знаем мы твои филоны! Весь подъезд провоняла! Не слушайте ее, товарищ сержант! Ф-филоны!

— Так-так, придется на работу сообщить, гражданка Красилина...

— А она безработная! Она — ИТД! Вы что, не знаете их? Шатия-братия! И мужа бросила! Очень приличный человек, с положением! А она каждую ночь хахалей водит!

— Не смейте трогать эту женщину!

— А-а, ещ-ще один! Штаны застегни, сопляк! Женой своей командуй!

— Так-так. Спокойней, гражданин. Разберемся. И с вами разберемся. Вы здесь прописаны? Это ваша жена? А кто? Где? Кто ваша жена?

— Живой, главное! Главное, живой!

— Она вас по всем моргам, по всем больницам ищет. К нам в милицию...

— Вы на нее посмотрите! Этой оторве все равно!

— Не смейте!!! Галина Андреевна, не слушайте старушку! Вы всё равно самая лучшая, самая...

— Петюня, заткнись!

— А-ах, старушка?! А-ах ты!

— Товарищи! Товарищи! Спокойней, спокойней!

— Главное, живой! Живой, главное.

— Варя! Варя, чего это? Чего ты? Иди домой, Варя! Дашутка зовет...

— А ты не высовывайся, кобеляка! У-у, про ребенка сразу вспомнил! Вот и цацкайся! Я его вчера крючьями от ее двери оттаскивала, товарищ милиционер! А она — в окно! И серьги из квартиры пропали! Воровка!

— Так-так. Гражданка Красилина, приводы были?

— Какие приводы?! Какие серьги?! Какое окно?! Вы что, спятили все?!

— Вас раньше задерживали? Предупреждаю, мы проверим.

— Да... Товарищ сержант, я всё объясню...

— Варя, в ломбарде серьги! Забыла?!

— Без разницы! Не высовывайся, сказала! Товарищ милиционер, обратите внимание! Вот, вот — под окном! От нее вмятина! Она прыгала! Я их застукала! А он-то — больным прикинулся! Я по аптекам мотаюсь, без ног совершенно! А он тут с прошмандовкой!.

— Не смейте трогать этого человека!!!

— Пет-т-тюня! Иди к жене! Товарищ милиционер, я всё объясню, я сейчас всё...

— Так-так. Ваши следы? Под окнами? Ваши?

— Н-нет! Это не от этого! Товарищ мили...

— А чьи же? Других следов нет, гражданка Красилина. Окно на зиму заклеивали? Жарко стало?

— Да! Мои, мои! Но это не от этого! Товарищ милици...

— Протокол на нее! Протокол! Я понятая! У-у, давалка!

Уйдите все!!! У-у-уйди-и-ите-е-е!!! Все-е-е!!! Разобью! Все-е-е!!! Уйди-ите!!!

И разбила бы! Схватила, взметнула над головой баллон. Наугад схватила. H_2SO_4 крупно обозначено, серная концентрированная. Не аммиак, но сгодилось бы! Разбила бы, ей богу!

Ушли.

— Я вас вызову в райотдел.

Вызывай, вызывай, но сейчас уйдите! Ушли.

Лащевские в свою щель заползли с тараканьим еле слышным шуршанием; вдруг психопатка на самом деле кислотой плеснет, она такая! Ушли.

Петюня сберегающе, чтоб только мне не повредить, переступил порог, поднимая ноги так, будто не порог перед ним, а барьер. Переступил, уставился на свою Татьяшеньку, дернул головой и мимо нее — на улицу. Ушли.

Пони — за ним вскачь, спорхнув со ступеньки. Задержалась только на секунду, смерила меня, изрекла и — ну мужа догонять.

А изрекла она... именно изрекла...

Руки опустились, грохнула бы я баллон без вариантов после ее прощальных слов. Не знаю, каким чудом удержала. И стою, судорожно в стеклянные бока вцепившись. Пошевелиться боюсь, а то грохну.

Изрекла она:

— Будьте здоровы...

Женщина женщину всегда поймет. Между нами всякая «няма» исключена.

Никакой Петюня не фантазер, не предатель, не де ля Фер. Ничего он не придумал, когда откровенничал. А то, что «пони» с печально-покорными глазами НЕ МОЖЕТ быть лошадищей с Московского вокзала — обратная сторона того же стереотипного мышления.

Еще как может! Кто сказал, что не может?! Может и есть. Женщина женщину всегда поймет.

Не врал Петюня. Хотя бы потому, что сам ни сном, ни духом об интенсивности и разнообразии контактов дорогой жены, способной обзвонить морги-больницы и приговаривать «живой, главное! главное, живой!» и вместе с тем... Одно другому не мешает. Даже помогает! «Понял я, что в милиции делала моя с первого взгляда любовь!» Ни фигашеньки не понял! Петюня по-прежнему ни сном, ни духом. Татьяшенька — святое.

Но уж позволь мне самой делать выводы, дубинушка стоеросовая, как женщине, когда рассказываешь о женщине. Мы всегда друг друга поймем. Дадим понять.

Она и дала понять:

— Будьте здоровы...

Но Петюня! Петюня! Если бы она его «наградила», он бы ни за что со мной не... Я для него более чем святое. Виардо недоделанное. Он ведь должен ощущать «награду»! Это нам хоть бы хны, а мужики на третий день корчатся... И если он не подозревает, то... что мне остается подозревать?!

Для Московского вокзала «пони» слишком ухожена, не тот контингент. И тряпки на ней излишне импортные, излишне элегантные. (Мужа кинулась искать, а на ней «маленькое черное платье»! И дубленушка еще та, канадская. Валютная! Годы идут, квалификация повышается...)

«Будьте здоровы!»

Петюня ничего не подозревает. Петюня и тогда, в Кижах (или в Новгороде?) ничего не подозревал. А может быть уже тогда?!

Тогда... тогда... Но тогда и Красилин! И...

...нет, Мыльников и тут избежал! Да-а, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Победитель! Вирус окаянный! Вирус на вирус дает плюс.

Но почему, если да, почему ее не изолировали?! Почему она разгуливает и... и... Она же знает! Ведь у нас даже указ был! Сажают за сокрытие! Даже если она анонимно обследовалась, то должна прийти и сказать: так и так! Должна!..

Теперь что же, и я должна?! Не-ет, ни за что! НИ ЗА ЧТО! Вот тебе и ответ, Красилина! Не хо-очешь,

чтобы тебя изолировали?! Никто не хочет. И «пони» не хочет. И не будет. Знает и молчит.

«Будьте здоровы!»

Знай и молчи. Лучше мести не придумать.

Нет, враки! Не бывает, не должно так быть! Она просто на испуг взяла! Женщина женщину всегда поймет, только не поймет, когда та врет — сама такая.

За чем же дело стало? Ступай, Красилина, проверься анонимно! НИ ЗА ЧТО! А вдруг — да?! НИ ЗА ЧТО!.. То-то и оно. Лучше жить и не знать, чем знать и не жить.

«Будьте здоровы!»

Симптомы? Симптомы! Ломота... Ерунда, это не от этого. Резкое похудание. Нет, нет. Сорок девять килограммов — нормальный вес! Диета, гимнастика, но только не... Обмороки! Вчера в метро... и когда Красилин осьминожку подсунул! Это тоже не от этого. Просто стресс! Не может быть, чтобы это от этого!..

«Будьте здоровы!»

Я драгоценно ставлю на пол баллон с H_2SO_4, опустившись на корточки. Потом драгоценно, медленно поднимаюсь с корточек. Слабо тяну на себя дверь, чтобы ее наконец закрыть, и, не справившись, всласть, с грохотом впадаю в обморок. В очень глубокий обморок еще оттого, что успеваю осознать: впадаю в обморок! Симптомчик!

А больше ничего не осознаю.

«Будьте здоровы!»

NH_3!!! Удар-р-р!!! В нос!!!

Отскочить! Отползти!

Дрыгаю ногами — они упираются в мягкое, сминаемое: ни на сантиметр не продвинуться. Запрокидываю голову, бьюсь в бессильном кашле. Только не открывать глаза! И не вдыхать! Тогда — всё! NH_3! Разбился! Два литра! Всё! Но там же H_2SO_4 маркировано!

— Порядок! — слышу. — Поря-адочек!

Ватка, нашатырь. Белые халаты. Бригада...

А-а, бригада! «Скорая»! Я — дома. Я — на тахте. Баллон не разбился, никто ничего не перепутал с реактивом — просто верное средство: ватка, нашатырь... (Легче тебе было бы, дура, если бы H_2SO_4 раскокалась?!). Отлегло...

...и тут же взбаламутилось! Вздернутый шприц, бисерная высокая проверочная струйка. Сейчас вонзят!

— Не надо! Не на-а-адо!!!

— Поря-адочек! — вонзили... — Теперь поря-адочек. Нервишки у вас, однако. Взрослый человек, уколов боитесь. Сейчас еще таблеточку... Ну-ка, разожмите зубки! Во-от, не надо капризничать. Это амитроптилин. Сейчас успоко-оитесь.

Не успокоюсь! Что вы наделали! Убийцы в белых халатах! Не боюсь я уколов, теперь сами бойтесь! А я не скажу! НИ ЗА ЧТО! «Сейчас успоко-оитесь». Не успокоюсь! Не успо...

...каиваюсь, ус-по-ка-и-ва-юсь. Туман истомный подступил, густой.

Глухо пробивается сквозь него:

— Родные у нее есть? Она одна живет?

— Доктор, что-то серьезное?

— Обычный обморок. Похоже на голодный. Ее накормить некому? И нервная система истощена. Так и до ДМП недалеко!

— Я, понимаете пса выгуливать, а он — сюда. Лает, разоряется. Дверь приоткрыта. И — она лежит. А там еще вся постель в крови. Я, понимаете, хотел и милицию сразу вызвать, но...

— Не надо милицию. Ничего криминального.

— Но кровь...

— Не надо милицию. Впрочем, дело ваше. Вы с ней хорошо знакомы?

— Нет-нет-нет! Я, понимаете, пса выгуливать, а он... Мне на службу...

Ой, мамочки-мамочки-мамочки! Позор-позорище! Так осрамиться! Век не забуду теперь и при встрече с Трояшкиным хозяином только глаза прятать! Уже прячу, пря-а-ачу, успока-аиваюсь... Хорошая таблетка — амитроптилин! Успока-а-а...

«Простите, мне — на службу. Был доктор. Сказал, прийти в поликлинику завтра. Сказал, ничего серьезного, а мне на службу, простите.

Сосед».

Дундук! Кто же записки карандашом «Косметика» пишет! Единственным моим карандашом! И за то спасибо!

Замечательное настроение! Жуть с ружьем! Хоть хихикай! И хихикаю. Трояшка — друг человека! Со-

сед — дундук: «кровь! милицию вызвать!» Не слишком ли много милиции на душу населения?! На мою душу грешную! Много крови, много песен! Врачи — дундуки: «ну подумаешь, укол! укололся и пошел!» Направление в поликлинику рядом с запиской соседской. Небось инсулин вкатят, глюкозу. Всё теми же допотопными многоразовыми шприцами. Эх, раз! Еще раз! Еще много, много раз! Хихикаю...

А, живем однова́!..

Кто же меня заложил с Петюней вместе?! Кто навел, кто знать мог?! Неужто «Брежнев» с прыщавым?!

«И нервы ваши будут как нельзя кстати!»

Вряд ли они, вряд ли. Хихикаю. Если ОНИ Петюню с Мыльниковым спутали, то знать о его дражайшей супруге-пони всё вплоть до адреса и домашнего телефона — вряд ли, вряд ли. Не сама же она ИМ позвонила: «Случайно не попадался вам мой муж? Не знаете, где он может быть?» Хихикаю. Точно! Сама позвонила, сама! Но не ИМ. А — ей! Знаю, кому!

Хорошая таблетка — амитроптилин! Надо бы раздобыть на будущее. Через врача знакомого! Только где его найти — врача знакомого?! Зря Красилин веселился-забавлялся «образчиком женской логики»! (Представляете, она к дантисту пришла, села, а тот посмотрел и говорит: «У вас же все зубы в идеальном состоянии!» А она: «Я знаю». А он: «Что же вы ко мне пришли?» А она: «А я слышала, вы хороший врач!»). По-моему, логичная логика! Заранее надо готовиться. Каждая женщина должна иметь личного парикмахера, дантиста, гинеколога и косметолога. Чтобы когда началось, было бы к кому. Дантист пока — тьфу-тьфу! — в запасе, но амитроптилин — не его профиль. Непременно надо найти такого, чтобы с амитроптилином. Хорошая таблетка!

Не будь ее, я, пожалуй, сорвалась бы и наговорила боевой подруге Клавдии Оскаровне всего того, чего она только и дожидалась.

Не дождется!.. Хихикаю. Вечер. Уже вечер. Какой у нее домашний? Ага!

— Клавдию Оскаровну будьте любезны?

— А кто ее спрашивает?

— Приятельница. Давняя приятельница.

— Минуту. Кла! Ну, Кла-а-а!.. Тебя!

— Сейчас! — отдаленно. — Я только выключу, а то у меня бигуди убегут!

— Клавушка, приветик!

— А кто это?

Будет тебе, будет! Мудрено меня не узнать. Тон, согласна, для тебя, лахудра, неожиданный, но голос не узнать бы не могла! Ждала ведь, превкушала после вчерашнего — наведя Петюнину благоверную на след давней приятельницы!

(«С работы не пришел? До сих пор? Нет, я его не отпускала, но он даже пораньше сегодня ушел... Что вы, какие могут быть извинения! Да, я уже легла, но дело серьезное... Я вас понимаю, я вас очень хорошо понимаю... Нет, не представляю даже куда... Он по телефону с кем-то беседовал и ка-ак вскочит! Мне показалось, с дамой. Не с вами, нет?.. Я решила, что с вами. Он ТАК беседовал, что я решила: с вами... Нет, даже предположить не могу. Вы уже обращались куда-нибудь?.. Нигде, ничего? Знаете, попробуйте записать адрес. Телефона я не знаю, не помню, но адрес есть... Что вы! Не за что!.. Непременно сообщите, если что-нибудь выяснится. Все-таки наш сотрудник...»)

Телефона она не помнит! Всё она помнит! И адрес продиктует: то-то будет весело, то-то хорошо! За всё, про всё Красилиной, которая ее в грош не ставит!

«А кто это?»

Ждала ведь, предвкушала.

Не дождешься! Выкуси!

Я это, я! И жизнерадостнейшим тоном сообщаю: у меня «чэпэ»! (навострилась? прицелилась? лах-удра!) Мне позарез нужна вот такая связка-цепочка. Или приблизительный аналог. И наговариваю ей осьминожкинский полимер. Нет ли у нас в лаборатории?.. Ой, правда?! Клавушка, ты меня спасаешь! Понимаю, «не совсем то», но ты-то понимаешь, для нашей с тобой квалификации — пара пустяков! Сама выправлю. Главное, что не пластизоль. Петюне передашь завтра, ладно? Он ко мне занесет... А что с ним такое? Нет, не знаю, не слышала. А что такое?... Ну ничего, так ничего. Значит, передашь. Ой, Клавушка, ты просто моя спасительница! СПА-СИ-ТЕЛЬ-НИ-ЦА!.. Что — жизнь? Жизнь прекрасна, Клавушка!.. Не-ет, конечно! Естественно, я по всем скучаю, но менять свободу обратно на нашу вонючую теснотищу и в мыслях нет! И не

зови, не вернусь! Мне простор нужен, пра-а-астор и свободное парение! Я же индивидуа-а-ал! Ист! Дас ист индивидуалист!.. Ой, прости, мой полковник бибикает, нам еще через весь город до восьми в консульство успеть, на прием. Вечер китайской кухни! Осьминожки! В собственном соку!..

Ну наворотила! А пусть! Так и надо. Ни в жизни бы Клавка полимер не отдала, если бы не предвкушала: это только присказка, сказка впереди. Отзывчивая и щедрая подруга дней моих суровых: на, возьми-подавись полимером, только заканчивай присказку, сказку начинай... Так нá тебе, лахудра, сказку — возьми-подавись! Подавится. От зависти. Даже если не поверит ни слову. Хихикаю.

Уже не хихикаю. Эйфория таблеточная кончилась. Спад не наступил, но подъем кончился. Слабость. «Голодный обморок». Жуть с ружьем! Я ведь четвертые сутки крошки во рту не держала, только кофе глушила. То-то гадаю, чего мне так плохо, откуда обмороки и похудание. Симптомчики! Блефанула пони. Наверняка блефанула. Или... нет. Ой, лучше об этом сейчас не думать, ой, лучше не думать, чтобы нервы не трепать. Если есть, то всё равно ничего не изменить.

Да-а, чтобы нервы не трепать, вообще надо перестать думать о том, что есть. И ничего не изменить, вот ведь как всё разом навалилось! Четвертые сутки не ем, четвертые сутки не сплю. То есть сплю, но по-идиотски. День с ночью перепутала. Сколько я под уколом с таблеткой продрыхла? Больше двенадцати часов! Опять мне ночь коротать, бездействовать?! Натощак! Универсам до восьми, а уже без десяти. Не успеть, и нет там ничего. И не попрусь я в такую погоду. Опять всё развезло, увязнуть по уши можно!

«Гидрометцентр сообщает, что похолодание, которого ленинградцы так долго ждали, вновь не оправдывает надежд. Лишь на два дня температура опустилась ниже нулевой отметки. Но уже сегодня к вечеру теплый воздух с Атлантики оттеснит холод к востоку. Потепление будет сопровождаться небольшими осадками, возможен слабый гололед, ветер юго-западный, западный, пять-десять метров в секунду».

Никто не оправдывает надежд! Даже похолодание! Никто и ничто!.. Отдохни от этой мысли, Красилина. И вообще отдохни. Мисс миллионерша! По кабакам

категории люкс взяла моду шляться, а дома даже холодильник отключен, всего и продуктов — пяток яиц с незапамятных времен. Протухли давно, наверное. Китайская кухня, китайская кухня: счищаешь скорлупу, а оттуда на тебя глаз смотрит. И плачет! Бр-р-р!.. Масла всё равно ни грамма...

О, мука ведь оставалась! И сгущенка еще с красилинской шабашки в лоджии валяется. Я же сметанник могу испечь! Он же без всякого масла готовится! Если хоть одно-два яйца не испортились, то запросто! Яйца, стакан муки, банка сгущенки и... сметана, черт побери! Где ты сметану возьмешь, Красилина, дурья башка! Сметанник — без сметаны. Не уподобляйся боевой подруге Клавдии Оскаровне («Девочки! Я во Фрунзенском такую шерсть видела, такую шерсть! Шестьдесят процентов хабэ, сорок процентов акрила! Нечего хмыкать, Красилина! Всего рубль стоит»).

Что же теперь — с голоду подохнуть?

«Ее накормить некому?»

А вот представьте себе, некому! Готовить должен мужчина, не женское это дело. Я из любого мономера любой полимер сварю, а еду пусть варит мужик. Пусть добычу в дом приносит и варит... Где только его взять, мужика настоящего?

И ладно! Не трави себе душу, Красилина. Доктор Хайдер терпел и нам велел. Утречком сходишь за сметаной, а пока сиди и вари из мономера полимер — блюдо китайской кухни, осьминожку. Обсказали тебе приблизительный аналог — и вари. Даром ли дипломированный химик! Не рассчитывать же на то, что Клавка настолько сбрендит и действительно завтра Петюню с образцами ко мне подошлет. Совсем без мозгов надо быть!

Работай, Красилина! Кто не работает, тот не ест. И не думай ни о чем, только о работе. Работа, работа, работа. Пора «крантики» разнообразить осьминожками. Отдых есть перемена деятельности... Сейчас мы ее пероксидом водорода проинициируем, поглядим. H_2O_2...

Не думай о том, где ты будешь реализовывать «дурилки». (С-сволочи! ОНИ!).

Не думай о последней партии «крантиков» в сумке, не заглядывай туда, каша там из обломков, когда по склону вместе с сумкой кубарем летела. (С-сволочи! ОНИ!).

Не думай о новых неизбежных взятках государственной мафии. И что СЭСу с пеной у рта доказывать предстоит: не вредно, не токсично, не из пластизоля, а красители не кадмиевые! (С-сволочи! ОНИ!).

Не думай о грядущем процентном отчислении мафии подпольной. (С-волочи! ОНИ!).

Не думай о том, куда ты сунулся, Лешик, куда ты сунулся! Затрахали окончательно! Пусть бы хоть без последствий, а то ведь один морды учит бить под девизом «Главное — здоровье!», другая напрямую желает: «Будьте здоровы!» (С-сволочи! ВСЕ!).

Работай, не отвлекайся!

Не отвлекайся, Красилина, не тебе звонят, квартирой ошиблись. Оттрезвонят и уйдут, не отвлекайся. Уже ушли, уже не звонят. Нет, не унимаются!

О-ой, шугану сейчас! Ой, как шугану, кто бы ни был!

— Кто?!

— Милиция. Вызывали?

А как же! Только ее и вызывала! Денно и нощно! «Отк'ивай, отк'ивай!..» Шейчаш вы вще у меня ужнаете!!!

Уже повернув замок, уже дернув ручку... (Мысль бросилась вдогонку. Поздно! Слишком большой отрыв!) узнала, осознала: ОНИ!

Старо как мир, а действует. Может быть именно потому, что старо как мир. Один — хамло непросыхающее, тупица агрессивная. Второй — вежливо угрожающий, с потугами на интеллект и (конечно, ну конечно же!) тайный союзник жертвы, сокрушающийся: ничего не поделаешь, обстоятельства сложились определенным образом, но мы-то с вами понимаем...

— Но мы-то с вами понимаем, Галина Андреевна, не так ли? — «Брежнев» даже учтив и не издевательски, а искренне. Во всяком случае изображает искренность отменно. — Я ведь не изображаю перед вами что-то такое. Я действительно искренен. Не обмануть же я вас хочу. Наши условия вы знаете, всё честь по чести. Мы вас уважаем и понимаем, но и вы должны нас понять и уважить. Не так ли?

— Где мой лоток?!

— Где-где! — встревает прыщавый мордоворот. —

Там же, где гаечный ключ семнадцать-на-девятнадцать! — Он выбивает беломорину из пачки и калечит бумажную гильзу мощными пальцами с трауром под ногтями. Такой лапищей кому угодно шею свернуть проще, чем папироску размять.

— Я кажется сказала: у меня в комнате не курят! — отстаиваю независимость, прикончив сигаретку в пепельнице и выщипывая следующую из пачки «Ньюпорта» (Да, только так! Кто в доме хозяин, я? Я и устанавливаю свои порядки! Хочу — курю, а больше никому не позволю! Пустили вас в приличный дом, ведите себя соответственно или... Что, собственно, «или»? Классический способ сохранения хоть крупицы, но самолюбия: уже и приговор прочтут, и к водоему подведут, и камень на шею привяжут, и говорят: «Вот носки тоже надо будет снять». «А вот это уж, извините, ни за что!» — упираешься. «Как знаете». Бултых! В носочках ты, без них...).

И тем не менее!

— Я, кажется, сказала! Еще повторить?!

— Да пошла ты! — хозяйствует в моем доме прыщавый.

— Синюха! — подчиняет «Брежнев». — Тебе ДАМА, кажется, сказала?! Положи курево!

— Да пошел ты! — подчиненно огрызается мордоворот.

— Значит так! — демонстрирует командирскую жесткость «Брежнев». — Одно из пяти: или ты прислушаешься к ДАМЕ, или четыре раза по морде.

— Да пошли вы! — сдается Синюха, втискивая беломорину обратно в пачку.

— На кухне у вас можно, Галина Андреевна?

— Пусть только форточку предварительно откроет. И пальцем ни до чего не касается! — горю я как швед под Полтавой, имитируя подписание пусть капитуляции, но отнюдь не безоговорочной, а на вполне почетных условиях. Заодно пусть ОНИ не думают, что в кухне у меня что-то есть. В коробке с фильтрами. Да и нет там ничего. А что было, то... в надежном месте. И не в книгах, не в белье.

— Синюха! Слышал? — направляет «Брежнев» прыщавого на кухню. — Разумный компромисс... Видите, Галина Андреевна, во всем возможен разумный компромисс. Не так ли?

Старо как мир, а действует. Из двух зол надо выбирать меньшее. Но помнить, не забываться, что меньшее — оно тоже зло, даже если убеждает, что желает тебе только добра. Я помню, я не забываюсь, но куда деваться, деваться-то куда!

Где была моя голова, когда я их впустила в квартиру?! Где-где! Там же, где вот тот самый... гаечный ключ. Психологически объяснимо и оправдано. Еще Мыльников семь лет назад зазывал в своё «дворянское гнездо» и прокручивал кошмарики по «видику» (По-моему, Мыльников был в Питере самым первым владельцем «видика». Нет, вторым! Первым был тот, у кого его изъяли, превратив в конфискат). Так вот, всяческие «Челюсти», «Кинг-Конги», а потом и «Ужасы на улице Вязов» — они до визга страшили, до немоты... Но! Только пока страшилища оставались за кадром, пока только атмосферка сгущалась и нагнеталась. А стоило акуле, горилле, когтистому Фредди объявиться и... ф-фуф! Даже некое облегчение наступало. Тоже кошмарик, но куда более терпимый. При том, что акула по-прежнему жрет пловцов, горилла рушит небоскребы, Фредди сечет в капусту всё, что под его когтистую руку попадет.

Потому и впустила. Атмосферка моими страшилищами, моей парочкой сгущалась и нагнеталась по всем правилам. И когда открыла и прыщавый с порога запел «Бо-о-ояре, а мы к вам пришли! Дорогие, а мы к вам пришли!», а «Брежнев» тут же заткнул напарника «Синюха! Одно из пяти!..» и предупредительно осведомился: «Галина Андреевна?..» (мол, впустите?), — впустила. С чувством глубокого удовлетворения, облегчения, чуть ли не с возгласом: «Сколько вас можно дожидаться?!»

Дождалась! Акула по-прежнему жрет, горилла рушит, Фредди сечет в капусту. А ОНИ, перестав быть абстрактно-ужасающими ИМИ, сидят и чин-чином оговаривают условия почетной сдачи. Не впусти я их, кошмарики продолжались бы и продолжались. А теперь — хоть кончится всё это. Чем кончится, чем?! Сама знаешь, Красилина: внутренне уже вызрела.

— Видите, Галина Андреевна, во всем возможен разумный компромисс... Ох, если бы вы знали, как я от него устаю! — кивнул в сторону кухни. — А лоток ваш никуда не денется. Мы, как вы понимаете, сами заин-

тересованы в том, чтобы вам его вернуть. У вас снова будет возможность реализовывать свой товар. А у нас...

— ...отстригать у меня десять процентов? — упрямлюсь саркастически.

— Пятнадцать, — миролюбиво уточняет «Брежнев».

— Па-а-ачему это пятнадцать? С какой-такой стати?! — чуть язык не прикусила от ненависти к себе: ишь возмутилась! А на десять процентов, выходит, согласна? А, Красилина?

— Большие накладные расходы с вами, Галина Андреевна. Сами посчитайте. Сбор данных — информация нынче недешево стоит. Погрузка, перевозка, доставка... теперь еще обратная погрузка, перевозка, доставка. Оперативные действия... Наконец престиж: слухи, сами знаете, разносятся молниеносно. Сегодня вы заупрямились, а мы вам даже процент в назидание не повысили, — завтра кто-нибудь другой заартачится, решив, что мало чем рискует, в крайнем случае те же десять процентов, а то и вовсе отстанут. Не отстанем, Галина Андреевна, не отстанем. Просто из чувства самосохранения обязаны всё учитывать и контролировать. Все мы живем в социалистическом обществе. Социализм — не только строй цивилизованных кооператоров. Социализм — еще и учет и контроль. Помните?

— Вы же грабители! — не возмущенно, а констатирующе говорю я, оттягивая неминуемое.

— Грабь награбленное... Не мы изобрели, а всё то же общество. Не нам менять... — разводит он руками сокрушенно и тоже констатирующе. — Сколько с вас государство содрало за патент? А налог с оборота какой? А СЭСу вы сколько в лапу дали? А вы знаете, что постановление готовится по кооперативам, по индивидуалам, вообще по новому налогообложению? Кто же больший грабитель? Нельзя жить в государстве и быть свободным от него, кажется так. Помните?

На редкость политически подкованный шофер! Вождей шпарит с листа!

— Мы ведь, Галина Андреевна, с вами еще по-божески. Годик предоставили, чтобы вы могли основательно на ноги встать, стабилизироваться, оценить свои возможности. Мы-то их давно оценили. Что такое в конце концов для вас пятнадцать процентов? Пустяк, не пустяк, но вполне приемлемая цифра.

— Отъемлемая... — еще и шучу, оттягивая неминуемое.

— Как угодно... — покладист, дальше некуда.

— И если я скажу «нет»? — дразню себе нервы, оттягивая неминуемое.

— Тогда, Галина Андреевна, остается одно...

— Из пяти! — оскорбляюще подхватываю. — Или я соглашаюсь, или четыре раза по морде, да?

— Зачем вы так, Галина Андреевна? — обижается он за фирму. — Вы не могли не заметить, что в отношении вас никаких насильственных мер мы не предприняли. И не предпримем. У нас есть масса других рычагов, вы не могли не заметить.

— Заметила, заметила! Человека чуть не убили! — обвиняю, оттягивая неминуемое.

— Ваша вина, Галина Андреевна, только ваша вина. Во-первых, мы предупредили, что приставать к замужней женщине недостойно настоящего джентльмена. Думаю, Вадим-Василич нам был бы только благодарен, узнай он об э-э... эксцессе.

— Не надо меня Вадим-Василичем шантажировать! — злорадствую. — Гоните в шею ваших информаторов, они вам устаревшие сведения поставляют. Я уже год в разводе и мне наплевать с высокой горки на Вадим-Василича и его эмоции.

— Знаем-знаем, Галина Андреевна! А также знаем, что ему, напротив, не наплевать. Отнюдь не наплевать. Он вас по-прежнему нежно лю...

— Вон отсюда!!!

— ...бит. Зачем вы так, Галина Андреевна? Судя по вашему настроению, всё неоднозначно в нашем запутанном мире. Успокоились? Тогда я продолжу свою мысль, которая вам почему-то кажется знакомой...

— Кого? — суется из кухни в комнату на звук прыщавый с невпопадным вопросом.

— Вон отсюда!!! — отвожу я душу на мордовороте. — Марш на кухню!

— Да пошла ты! — огрызается он.

— Синюха! Одно из пяти... — напоминает «Брежнев», подавшись из кресла.

— Кого? Ка-а-ав-во?! — будоражится прыщавый, но усовывается назад.

— Вы всегда в паре работаете? — перевожу я тему.

— Ох, если бы вы знали, как я от него устаю! — обреченно жалуется «Брежнев». — Но ничего другого не остается. Иногда он незаменим.

— Например, человека покалечить, чуть не убить, да? Нанимать чужого, наверное, дорого? Ну для этих, как вы сказали? Оперативных действий.

— Не-ет, не в том дело. Между прочим, не так дорого, как может показаться. Ну сколько... Человеческая жизнь — от пятисот до тысячи. Рублей. Ваш нынешний месячный заработок в самый неудачный период. Вот и считайте.

— Угроза? — надменно бравирую, оттягивая неминуемое.

— Галина Андреевна, что вы в самом-то деле! — устало отмахивает он. — Мы же с вами интеллигентные люди.

— Особенно ваш... м-м... коллега.

— Вы жестоки к людям, Галина Андреевна! — (Мне это нравится! Я — жестока! Я!) — Надо принимать их такими, какие они есть. За каждым — судьба. Между прочим, бывший сокурсник. Подавал немалые надежды. И чемпион Союза. Спорт и не таких губил. Банальнейшая история!.. А я, видите, подобрал. Не пропадать же ему совсем. Да, не сахар. Но существует, даже мыслит. По-своему. Он — тоже объективная реальность, данная нам пусть в неприятных, но ощущениях. Милосердней надо быть к людям, Галина Андреевна, милосердней.

— Вчера вечером вы наглядно показали, что у вас слова с делом не расходятся.

— Ваша вина, Галина Андреевна! Опять только ваша вина. Зачем было про «черный пояс» придумывать? Угроза? — передразнивает он мою интонацию. — Так что Синюха только защищался. С опережением. В строгом соответствии с недавней государственной доктриной: мы, конечно, никогда первыми не нападем, но наш удар может быть упреждающим. У нас ведь на Руси еще с Петра-великого повелось. Помните? Если к тебе приближается супротивник, превосходящий силою с явным а такижды тайным, но разгаданным намерением ударить, ударь первым, поелику потом поздно бысть. Помните? Между прочим, целиком и полностью укладывается в тринадцатую статью: необходимая оборона.

— А в девяносто пятую или сто сорок восьмую ваши действия никак не укладываются? Целиком и полностью? — пугаю, оттягивая неминуемое.

— О-о, Галина Андреевна! Уважаю, уважа-аю. Подготовились, проконсультировались. Тогда должны знать, что нет, никак. Ясно?! — вдруг рявкает. Не чтобы устрашить, а внутри, видать, задело. Даже из кресла выскочил.

— Ка-ав-во-о?!! — прыщавый тут как тут.

— Синюха! Одно из пяти!.. — отсылает он напарника обратно жестом того самого медного Петра-великого.

— Да пошли вы! — снова усовывается.

— Что за кличка, фу! Он же тоже человек. Тем более сокурсник. Милосердней надо быть к людям, милосердней! — отыгрываюсь для вящего самолюбия. — Мы же с вами интеллигентные люди. Не так ли? Вы, кстати, что заканчивали? Философский? Исторический? Или...

— Юрфак, — примиряет он воспалившуюся ситуацию возвращением в кресло и свойской усмешкой. — Продолжим!

— А почему «Синюха»? — логично не отстаю я. Разве не логично? По-моему, даже очень.

— Это не кличка, это определение, — отстаивает «Брежнев» постулат «мы же с вами интеллигентные люди». — Наши в Финляндии всех алкоголиков так зовут. Там они, в смысле алкоголики, на полном гособеспечении. Между прочим, резонно. Их там не лечат, не перевоспитывают, как у нас безуспешно стараются. Считается — бессмысленно, если человек сам выбрал. Такой пропащий добровольно сдает квартиру, имущество и не претендует ни на что. Государство предоставляет ночлежку, кормежку, пособие мизерное — марок десять-пятнадцать. Живите как знаете. И живут. Наши их прозвали «синюхами» — прикипело. Больше всего их в Турку — там верфи, там они и пасутся, клянчат. Выглядят, между прочим, не так жутко как наши, но ВЫГЛЯДЯТ. Не очень напористые, но подходят, просят: «Дай марку!» И тут же уточняют: «На кофе!» Жека фактически у нас без всякой Финляндии «синюхой» стал. И если бы я его не подобрал почти уже с пола...

Я пресекаю его моим специфическим движением «ой, хватит, достаточно!» и спрашиваю:

— А вас как зовут?

«Брежнев» натыкается на мой логический забор, и на секунду сохраняет лицо человека, внезапно наткнувшегося на забор. Но только на секунду:

— Леонид Ильич, как же еще? Разве сразу не заметно?

— Заметно, — соглашаюсь.

— Между прочим, о Финляндии. Вернемся к теме. Итак, всё неоднозначно в нашем запутанном мире. Даже если вы настолько охладели к СЕБЕ, что вам все равно, как отнесется к вам бывший муж... бывший, мы владеем информацией, зря вы столь пренебрежительно о наших сведениях... В общем, не настолько же вы охладели к НЕМУ, чтобы не представить, не предположить, каких дров может наломать человек, попрежнему вас любящий. Тихо-тихо-тихо! Умерьтесь... Из чистого милосердия подумайте: человек в заграничной командировке, не чужой вам человек, между прочим, и вдруг узнает: мужики по ночам, милиция, «скорая», скандалы (соседи небось уже вовсю сигнализируют?), драки безобразные при всем честном народе прямо на улице... и тэ дэ и тэ пэ...

ИТД и т. п. Связался черт с младенцем! Куда ты сунулся, Лешик, куда ты сунулся!

Если бы у меня хоть капля осталась от той сумасшедшей влюбленности, от той суицидальной влюбленности в моего законченного кретина! Но: «Всё, Красилин. Достаточно. Я достаточно подушек проплакала. Без повода, с твоей точки зрения. Сегодня ты дал повод. По лицу меня до сих пор не били. Но я плакать не собираюсь. А ты собирайся... на выход с вещами! Всё, Красилин, всё! Какие могут быть еще разговоры?!» Якобы волевым усилием прекратила. Волевым усилием — когда себя насилуешь и поступаешь поперек. А ведь вдоль поступила. По течению. Несло, несло и вынесло. Такого всего налипло, пристало — пора в сухой док становиться на профилактику. Чувство проходит медленно, но верно и много ранее, чем осознаешь. А когда осознаешь, уже и не надо из себя раба выдавливать. По капле. Сам вытек, самопроизвольно. Непросто признаться, но хоть самой себе можно?.. Дай мне Красилин по физиономии три, ну еще два года назад — оправдала бы, а себя засудила: заслужила — носи! А тут никаких взбрыков. Просто повод лучше не надо. То, что он, в отличие от меня, не остывает — его про-

блемы. Пожалуйста, можешь хоть вечность «еще долго идти за каждым из нас», как ты выражаешься.

Ах, если бы у меня хоть капля осталась! Я бы на него понадеялась-положилась, я бы за него не отвечала, он бы за меня отвечал. А я бы... плакала в подушку, психовала, беспокоилась, называла бы в сердцах дурачком, кретином, павлином, пижоном беспочвенным!

Но — ни капли. Выдавила. Вытекло. Само.

Теперь хочешь — не хочешь, беспокойся. Не за него! За себя! За себя в отношении к нему. Понятно, нет? Не хочу и не могу, чтобы из-за меня он наломал дров. Из-за меня — не надо! Только у него налаживаться стало в его Чухне — и опять всё на слом! Всё равно бы потом на слом (золотое клеймо неудачи на еще — ВСЕГДА! — безмятежном челе), но потом и не по моей вине. Я и поводом быть не хочу. И не буду!

Будешь, ставят перед фактом, будешь! Если не согласишься на вполне приемлемые-отъемлемые условия.

И не ОНИ мне устроили соседей-Лащевских, милицию старой и новой формации, лыцаря-Петюню, пони-лошадицу, «скорую», которая мне чудом ДМП не диагностировала, то есть депрессивно-маниакальный психоз и т. д. и т. п. Не ОНИ мне устроили ИТД и т. п. Сама, всё сама. А ОНИ только пришли и взяли. То, что плохо лежит. Плохо, ой плохо!..

— Вы меня слушаете, Галина Андреевна? Вы о чем-то задумались? Не могу ли я хоть чем-нибудь помочь? Не потеряли нить наших с вами рассуждений?

— Кстати, о кофе! — доблестно создаю видимость, что нить нет, не потеряла. — Мы не в Финляндии, не в Турку, но кофе хочется, ночь просидели. Не возражаете? Присоединяйтесь. Марки с вас я не потребую.

— Единогласно! — ратифицирует «Брежнев» негласное соглашение (Я не сказала «да», милорд! Вы не сказали «нет»!). Конечно, соглашение! Попробуй не согласись, Красилина. — Между прочим, Галина Андреевна, я поговорю со своими. Знаете что? Пожалуй, мы с вами сможем их убедить на десять процентов. А-га?! — подмигивает заговорщицки: «мы с вами».

— А-га! — в тон подгадываю я. Ой, безнадега-безнадега. — Так что? Кофе?

— Я бы по такому случаю не отказался и от подлинного напитка «синюх».

Дотягиваюсь до бара, нащупываю в нем «Мисти»,

— Га-а-алина Андреевна! — в полный голос демонстрирует «Брежнев», насколько он сражен.

В такой полный голос, что из кухни рефлекторно доносится заспанное:

— Ка-ав-во?! Ка-а-ав-во-о-о?!

«Брежнев» прикладывает палец к губам, потом той же рукой хлопает себя в грудь: мол, виноват, виноват.

— Ему ни в коем случае нельзя! — посвящает он меня в домашние секреты заговорщицким шепотом. — Сразу «развяжет» и уже не человек. Будем милосердны. А-га? Тш-ш-ш!

— А-га! Тш-ш-ш!

По рюмочке всего и... Был «Мисти» и нет «Мисти».

— Я вам еще достану, Галина Андреевна, не печальтесь. По своим каналам.

— Не стоит беспокоиться... Леонид Ильич.

— Это вам теперь не стоит беспокоиться, — кивает он поощрительно, дав понять, что оценил. — Теперь все ваши беспокойства на нашей совести. Теперь и навсегда вы под нашей надежной защитой.

Кто бы защитил! Кто хотя бы не нападал!.. Допрыгалась? Допросилась?..

— Синюха! Не спать на посту! — тыркает он прыщавого мордоворота Жеку.

Тот так и задрых с беломориной на губе. У форточки в кухне, на сквознячке.

— Ка-ав-в-во-о-о?!! — взбучивается. — А-а! Ну? Хоп?

— Хоп, хоп! Кофе хочешь?

Я разматываю кофемолкин шнур, мельком выглядываю через форточку: «моя» вмятина полуторасуточной давности оплыла и затвердела — пепельница чешского стекла. Папиросных бычков в нее набросано десятка три.

— Под моим окном гадить не стоило бы! — делаю выговор младшему по званию.

— Свинья ты, свинья! — корит «Брежнев». — Сейчас когда пойдем, все до единой подберешь!

— Н-ну! — всегда готов Синюха. — Видала? Поладили!

Я кривлю губой, и «Брежнев» перехватывает у меня кофемолку, учтивый-учтивый!

— Позвольте, поухаживаю! Жека, ты абсолютно не умеешь себя вести. Перед тобой ДАМА, а ты как по-

следняя Синюха ей тыкаешь! — Он сжимает кофемолку, та жужжит.

Перед ним ДАМА. ДАМА молчит. Потом как последняя Синюха тыкает ему:

— Леонид Ильич, а ты чего это после юрфака и вдруг в шоферы подался?

Не сморгнул даже. Только жужжание сбилось на затихающий вой, но тут же снова набрало обороты.

— Так ведь свобода дороже, Галина Андреевна. Вам ли меня не понять. Сам себе хозяин, не так ли?

— Опять же не просто самосвал, а «Совтрансавто», да?

— Опять же, опять же!

— Опять же валюта перепадает?

— Валюта, валюта. Ваши информаторы не хуже наших, Галина Андреевна, поздравляю!

— Спаси-ибо!

— Ка-а-ав-в-во-о-о! — бросается было Синюха.

Отсутствие интеллекта иногда полезней в жизни, чем его наличие. Рефлекс всегда опередит мысль. Потому Синюха и бросился на меня.

Но я-то тоже на рефлексе, мысль еще не оформилась, а действо проделано. Опоздал, мордоворот прыщавый!

В кулаке у меня — клизма. Ведь надавлю! Не шевелитесь лучше, добром прошу!

— Аш-два-о-два! — предупреждаю. — Гуманитариям не понять? Пероксид водорода! Без глаз останетесь! И кожа клочьями слезет!

(Это вам не тридцатипроцентный раствор, это вам не пергидроль, которым блондинки недоделанные высветляются, это вам девяностопроцентный, инициатор полимеризации! Но очень и очень годится, чтобы любого изуродовать почище обожженного Фредди!).

— Не подходи! — грожу я и пускаю чуть-чуть из клизмы им под ноги: пузыри, ш-ш-шипение, скворчание. — Понятно? Поставь кофемолку и...

— Так хорошо обо всем договорились и нá тебе... — сетует «Брежнев», ставит кофемолку.

— Теперь одно из пяти. Или вы оба исчезаете, или четыре раза по морде. Пероксидом! — конкретизирую.

— Ц-ц-ц, — переживает за меня «Брежнев». — Так славно договорились!

— Вперед, вперед! — зову их на выход и конвоирую под клизменным прицелом. — Чего застряли?!

— Люди пусть пройдут, — показывает на шум за дверью «Брежнев».

— Тяф-тяф! — шум. — Троян, Троян, нельзя! Троян, кому сказал?! Тяф! Тяф-тяф!

Из «Брежнева» раздается свиристельно-электронный сигнальчик. Часы импортные носит, с-сволочь, с музыкой.

— Вы не передумаете, Галина Андреевна?

— Скорее всего нет.

— Ц-ц-ц. Ведь так по-хорошему, по-доброму всё было. А теперь... эх-х!

И они, переждав Трояшку, исчезают из моей квартиры.

Я смотрю на будильник. Мамочки-мамочки-мамочки! Опять без двадцати семь. Паршивые часы у шофера-шахтера-лифтера-вахтера. Барахольские! Заранее играют, спешат. Или запаздывают... Зато с музыкой!

«Вы не передумаете, Галина Андреевна?»

Передумала. О чем только ни передумала, пока не передумала! Обо всем...

Зареклась в такую слякоть из дома выходить, но не помирать же с голоду!

Теперь отныне и навсегда единственной проблемой у меня будет, пожалуй: не помереть с голоду.

Старушка по склону семенит навстречу, прямиком от Даниила Салоникийского. Подзывает жестом, подманивает. Ей-то что от меня нужно? Ну?!

— Вот ты молодая, горя не знаешь! — (Это я-то! Тебе бы мои заботы, бабка!) — А когда узнаешь, помолись богу. Вот я сейчас шла баночку майонезную сдавать, а она с отбитым краюшком. И помолилась: господи, помоги мне сдать баночку! И у меня ее приняли!

Понятно. Избыток чувств. Надо с кем-то радостью поделиться. Богомольные старушки всегда чуют с кем делиться. За версту чуют!

Других проблем у меня теперь не будет: только боженьке молиться, чтобы майонезную баночку с брачком приняли, чтобы денежку выдали.

«Вы не передумаете, Галина Андреевна?»

Передумала. Час-другой просидела с клизмой наперевес, тупо уставившись в своё стеклянно-лабораторное хозяйство. «Дурилки» вы мои, «дурилки». Кончилось ваше время. И «крантик», и «шлепа», и «лягуха», и «мышка-норушка», и... Кончилось. И моё время кончилось.

Прав «Леонид Ильич» хренов:

«Давно бы так, Галина Андреевна! Верное решение. ИТД — заманчивая стезя, но все-таки не для прекрасной половины. Тут не всякий мужик сдюжит, не то что ДАМА».

И теперь: экономика должна быть экономной. Претворим в жизнь! Ничего другого не остается, сидючи без твердого заработка, пока-а еще устроишься куда-нибудь. Куда угодно, только не в свой бывший гадючник-девичник под Клавкин диктат. «Опытные химики району нужны» — сказал исполкомовский Сам. Посмотрим...

Час-другой просидела, продумала. Здорово на НИХ клизма подействовала! Надолго ли? А потом? Сила действия равна силе противодействия. Могу представить, что за противодействие ОНИ мне устроят. Я конечно сто лет в Ленинграде живу, осада-блокада дело если не привычное, то знакомое: в генах засело. Но девятисот дней мне не выдержать. Хватило и неполной недели, чтобы в голый нерв превратиться.

Устала я. Уста-а-ала! Дальше хуже будет, если на ИХ условия не согласиться. А согласиться и... — дальше хуже будет. Еще хуже!

«Теперь вы под нашей защитой!»

Не нужна мне ВАША защита. Куда ни ткнешься, всюду: знаете, все зависит от очень многих обстоятельств. Знаете? Знаю! Всё и все зависят от всего и от всех. Зависимость проклятущая! От конъюнктуры рынка, от исполкома, от болгарской Ванги (катастрофа! катастрофа!), от погоды, от того, кто и как пукнет в программе «Время». Даже от... Красилина (Ишь взвился, когда почувствовал год назад: вышла из подчинения. Любовь, любовь! Для него прежде всего важно не то, как он относится ко мне, а как я к нему отношусь. Никак! Уже никак, хотя давно никак. И моя ИТД — последний штрих, окончательно зачеркивающий так называемую любовь. ЕГО любовь. Она для Красилина, в первую очередь, — моя зависимость от него. Фигушки!

Любишь — люби, я-то при чем? Пушкина читай, Александра Сергеевича, руководство к действию: «если я люблю, какое твое дело?» Слабо́? Слабо-о... Твои проблемы, Красилин. Хочешь — не хочешь, от тебя я независима).

Но ОНИ приходят и волей-неволей... от тебя я зависима. Просто жуть с ружьем! И не в том дело, не в том! Я даже от тебя, Красилин, готова была бы зависеть, мне не привыкать! Но не от НИХ!!!

«Теперь вы под нашей защитой!»

Спасибо, не надо! Десять процентов, пятнадцать — это не от этого! Просто зависеть от ИХ дружбы поунизительней, чем зависеть от ИХ вражды.

«Вы не передумаете, Галина Андреевна?»

Передумала. Просидела с клизмой в обнимку, и телефонный звонок угодил в самый раз — я уже издергалась, что ОНИ не проявятся.

Проявились:

— У вас очень низкая культура отказа, Галина Андреевна, — поучает «Брежнев». — Вы не передумали? А то мы тут уже приготовили небольшой сюрпризик...

— Бомбу под дом заложили? Или по-простому, что-нибудь с оптическим прицелом? — не оттягиваю я неизбежное, а наоборот тороплю, бегу неизбежному навстречу.

— Зачем же бомбу? У нас, вы могли убедиться, достаточно иных действенных...

— Ой, отстаньте! Плевать я хотела на...

— Мы же с вами интеллигентные люди... — с укоризной увещевает «Брежнев».

— Не перебивай ДАМУ, интеллигент! Плевать, повторяю, я хотела на всех вас и все ваши сюрпризы. Заходи или подсылай своего боевичка.

— Галина Андреевна, учтите: я звоню в двух шагах от вашего подъезда.

— Да не вызову я никого! Можешь не предупреждать. Трусишка зайка серенький!

...Ушел. Надеюсь, теперь навсегда. Насовсем.

Подавитесь моими деньгами. Не десять, не пятнадцать, а всё — получите и подавитесь! Сотню оставила на бедность. Должно хватить на месяц пока не устроюсь. Раньше вдвоем с Красилиным на сотню протягивали. Правда, теперь инфляция, но и я — не вдвоем. Много ли надо одинокой безработной? Сметаны банку

и чтобы все отстали. Ничего не надо мне, только чтобы отстали! В Чухне две тысячи марок безработным выдают в качестве пособия? Я — не в Чухне, мне сотни достаточно. А Красилин — в Чухне? Пусть и вкалывает за свои четыре тысячи марок (большой прогресс: в два раза больше чем безработное пособие!) и ни прямо, ни косвенно ко мне не относится. И всяческие шоферы-шахтеры-лифтеры-вахтеры — не относятся! И милиция, и петюниция, и лошадиниция, и мымриция, и... — все вон!

— Давно бы так, Галина Андреевна! Верное решение. ИТД — заманчивая стезя, но все-таки не для прекрасной половины. Тут не всякий мужик сдюжит, не то что ДАМА! — попытался на прощание поправить пошатнувшееся самолюбие «дорогой товарищ Леонид Ильич».

По-моему, я его все-таки поставила в тупик. Но это так, попутный результат. Главное — все вон!

И он — вон.

...Автопилотно действую. Реторта. Плитка. Осьминожка. Цикл раскрытый, гадай что из чего выросло. Что выросло, то выросло, Красилина! На кой бог тебе теперь осьминожка? Кончилась твоя ИТД. Да так как-то... автопилот.

Автопилотно чашки кофейные перемыла. Накопилось за три дня — не счесть. Или за четыре? Вечность! «Мокко» иссяк...

Автопилотно белье погрузила, замочила. «Лотос» на исходе, а в хозяйственном — шаром покати. Довели город трех революций! Хоть четвертую устраивай.

Автопилотно подмела, тряпкой прошвырнулась. Пылища — не продохнуть. И розочки наконец в мусор. Они свое отстояли. Белые розы, белые розы, ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Автопилотно банку сгущенки в лоджии ископала, вспорола. Лизнула длинную каплю. Достаточно. Остальное — для сметанника. Слишком расточительно будет — ложками хлебать. Переходим на строгий режим экономии, Красилина. Стакан муки. Граммульку соды с уксусом. И меси, меси тили-тили-тесто. Как на наши именины испекли мы каравай! Кого хочешь выбирай! Выбрала... Всё что можно я себе уже выбрала. Кушай на здоровье. Пока оно у тебя есть. Вернее, пока ты

доподлинно не знаешь, что его у тебя нет. Кушай. Сметанник. Сме...

...таньчик-Татьященька. Курица ты, Красилина! Не о том надо думать, а о том, что сметаны-то нет. Где твоя башка, Красилина, курица автопилотная! Где-где — там же где гаечный ключ семнадцать-на-девятнадцать. Если курице башку оторвать, она еще долго бегает и, кажется, даже кудахчет — непонятно только чем. Вот и я. Курица. Всего лишили, а чего-то делаю, чего-то хлопочу по дому, чего-то...

Да, зареклась в такую слякоть из дома выходить, но... Сметаны мне, сметаны!

...Пропадите вы пропадом, отцы города недорезанные! Сметаны и той нет! Ни в Коломягах, ни в универсаме, ни в ближнем, ни в дальнем! Впору действительно молиться по старушьему наказу Даниилу Салоникийскому: ниспошли! А лучше: порази к чертовой матери чертовых отцов! Кстати, когда отцы врут, что не в состоянии прокормить детей, с них алименты дерут в обязательном порядке. Неплохая идея: исполнительный лист отцам города от пятимиллионного ребенка. Агушеньки!

Придется в центр ехать, что ли? В час пик опять. В пасть метро. Про такси забудь теперь, Красилина, не вспоминай. Погуляли и будет...

Наплевать! Пусть! Наплевать. Пусть нечем даже наплевать: башку куриную отвернули. Фигурально. Но и на это наплевать. Смирись, гордый человек! Смирилась, смирилась. И не человек я больше, а так... население.

Население жаждет сметаны. Оно, население, (я!) программу выполняет. Продовольственную. Заложили в тебя программу — и действуй.

На «Петроградской».

— Нет, сметаны нет. Сегодня и не привозили.

Пешочком по Кировскому. Три гастронома, один специализированный, молочный.

— Вы что?! Сегодня же среда! Какая может быть сметана?!

На Малой Посадской.

— У нас ее и не бывает. В Елисеевском попробуйте.

Елисеевский так Елисеевский.

Очередь так очередь.

Давка так давка.

Есть? Есть и есть. Какая разница. Постоим...
— Сначала чек пробейте, а потом подходите!
— Мне — в банку.
— Какая разница! Сначала чек!
— Какая разница? Мне — в банку.
— Есть разница!
Есть и есть. Чек и чек.
— Ку-уда без очереди?!
— Я уже отстояла...
— Нечего-нечего! Молодая еще!
И на том спасибо. Какая разница...
— Я вас не толкнул, а культурно подвинул и всё!
Какая разница...
— Доплатите в кассу семнадцать копеек!
— У меня нет лишних семнадцати копеек...
Нич-чего у меня нет. Ни-че-го. Какая разница...

Вот сметанник теперь есть. Почти есть, если сметану достала. И проблема досуга сама собой решена: был день — нет дня.

«Отк’ивай, отк’ивай! Шейчаш ужнаешь!»

Нет у меня больше никакой дверебоязни. Ничего у меня нет. Как после первого аборта. Чутье осталось — опять кто-то в квартире засел — но страха нет. Ну отк’ою, ну ужна́ю. Какая разница? Голову-то уже оторвали.

Поворачиваю ключ, толкаю дверь и...

...что я говорила! Так оно и есть. Оно!

Оно, Красилин, высится в прихожей этаким сицилийским гангстером, расставив ноги и слегка присев. Палец у него на спусковом крючке. «А где твой черный пистолет?» Вот он, в судорожных красилинских руках — на вытянутых руках натуральный, тяжелой фактуры, опасный, громадный, чуть ли не маузер целит мне в голову.

Нет у меня головы, Красилин, нет. Но рефлексы остались. Не хотела, не думала (какая разница!), но рефлексы сами за меня сработали.

Ка-ак грянула сумкой. Наотмашь. По пистолету.

И в сумке сметана грянула разбитой банкой.

И пистолет в пол грянул: выстрел!

Уши заложило, огонь, дым!

Мимо! В пол! В обувную полку!

И мысль: ну, если он мне последние зимние сапоги продырявил, то берегись!!!

— Я не хотел! Я не то!.. — кричит Красилин. — Не хотел! Не то я!!!

Что да, то да: ты, Красилин, — не то...

И маузер, и наган, и браунинг, и кольт — на любой милитаристский вкус.

— Я давно на него зарился, — говорит Красилин. — один раз даже пытался с собой прихватить в Союз. Нас вообще-то чисто формально проверяют на таможне. Главное, правильно заполнить таможенную декларацию. Еще обязательно сличить написанное в твоем заграничном паспорте и один к одному перенести в свой въездной — выездной талон. Но с паспортом сличить непременно, а то там запросто может оказаться совсем не то, что ты сам о себе знаешь. Раздолбайство — наша хроническая национальная черта! Могут в паспорте написать, что ты 1089 года рождения и фамилия твоя Чингисхан. И будь любезен буква в букву переноси в талон. Пограничники совершенно индифферентны: им важно чтобы паспортные данные совпали с тобой же заполненным талоном. Не совпадет — и они по десять раз могут переспрашивать медленно, белоглазо, чисто по-фински. И только смотрят: паспорт-талон-человек. паспорт-талон-человек. Таким образом, к слову, человек запросто может сгинуть за границей. В нашем ОВИРе какая-нибудь канцеляристочка заполнит на тебя паспорт, ошибется в фамилии, ты вынужден ошибку повторить. А сгинешь — наводи о тебе справки, не наводи... Толку-то! Такой-то к вам въезжал? Нет, такой-то не въезжал судя по талонам. Справляются-то по верным данным, а не по ошибочным! Такие дела... Мы уже не первый год ездим, научены, а новички, особенно туристы, попадаются за милую душу. Потому что исходят из здравого смысла. А у погранцов свой здравый смысл... Я когда пытался по-первости пистоль провезти, тоже исходил из здравого смысла: игрушка! Даже в баул не спрятал, за пояс заткнул (к нему и кобура прилагается — во!). И что бы ты думала? Изъяли и разломали прямо при мне! Говорю: «Вы что? Игрушка ведь!» Они говорят: «У нас именно с помощью таких игрушек шестьдесят процентов банковских ограблений происходит, извините». Извинил, естественно. Зато вот на этот раз положил в баул на самое дно и

в декларации написал: игрушка-сувенир. Без уточнений. Никакой не пистоль, а просто игрушка. И пожалуйста! Говорю же: чисто формально проверяют... Хорошая игрушка? Тебе понравилась? Гал, ну Гал!.. И пистоны к ней специальные. Абсолютно не отличить от настоящего, скажи? Ну скажи, Гал, ведь не отличить? Гал, ну Гал!

Хорошая игрушка. Мне понравилась. И пистоны. Абсолютно не отличить, да. Не скажу!

Что Красилин за дверью в квартире — догадалась, в общем. Кому еще быть, кому я еще нужна, у кого еще второй ключ есть? Только у него.

Что он круглый идиот, еще раньше догадалась — идиот, которому доставляет неизбывное удовольствие пугать до кондрашки своих ближних (меня, в частности).

Что за кордоном давно научились делать игрушки неотличимые от оригинала — догадалась еще со времен «шлёпы», «лягухи», не говоря уж о «крантике».

А вот что пистоль — игрушка, каюсь, не догадалась сразу. Абсолютно не отличить, да! Но это не от этого! Пистоль пистолем, но лицо — рожа красилинская, стоило двери открыться! Никакого предвкушения розыгрыша не было на его роже. Был отчаянный страх и припертость к стенке. ТАК не сыграешь. Красилинские эмоции я, слава богу, изучила за семь лет — и подлинные, и мнимые.

Вот сейчас — мнимая эмоция: бравирование, балагурство и подарок-сувенир (вроде как мне). «Дурилка» — первый класс!

А подлинная эмоция — загнанность и припертость, когда я ключ повернула. Не загоняла я его, не припирала — а он и не меня рассчитывал увидеть, не в меня целил. То есть не то, чтобы рассчитывал, но допускал. И пистоль сувенирный (не ври, Красилин!) не мне в подарок, а «дурилка» для самозащиты. Павлин с бумажным хвостом! Даже для самозащиты — и то игрушку, пусть абсолютно неотличимую. И так он во всем! И по отношению ко мне — тоже так. Большое чувство, большое чувство! Абсолютно неотличимое, но... «дурилка». Себя же дуришь, Красилин, себя. Я тебе давно всё высказала.

— Ну скажи, Гал! Ведь не отличить? Гал, ну Гал!

— Я тебе давно всё высказала... Кровь унялась?

(Он, балбес, умудрился раскроить ладонь, располосовать, когда кинулся банку сметаны спасать. Ничто ее уже не спасло бы: дребезги измазанные. Сумку теперь только выбросить. Еще бы с головой туда залез! Ой, устала я, уста-а-ала. Перекись, вата — и вата на исходе, а тут на Красилина ее трать, самой мало! — бинт. Посиди, пережди. Пока кровь уймется, но далее извиняй: не хочу никого видеть! Тебя, Красилин, в том числе. Ни-ко-го не хочу видеть! Устала я! Уста-а-ала!

— Кровь унялась?

— Кажется...

— Ты надолго?

— Не знаю. Обстоятельства всякие... Можно? Или... прости, Гал, ты кого-нибудь ждешь?

— А ты?

— То есть?

— Я и спрашиваю: то есть?

Ладонь потетешкал перевязанную, обсмотрел, паузу протянул: черт! не унимается! сквозь бинт, видишь, проступило.

Вижу. Я всё вижу. Не всё пока понимаю, хотя брезжит. Но вижу всё. Очень тебе, Красилин, не хочется уходить. Изучила я твои эмоции, подлинные и мнимые. Сейчас ты у меня есть запросишь, чтобы чуток времени выгадать, да?

— Гал, у тебя не найдется чего-нибудь перекусить Я, понимаешь, сразу с поезда, он в двадцать с минутами приходит, всё закрыто, ничего не успел и...

— Сметана. Была.

— Прости. Ну прости, Гал!.. Я же не нарочно! А... хотя бы яичницу на скорую руку, а?

— С кетчупом, с сыром, с корицей?

— То есть? — не понял тона.

— Да так. Не обращай внимания. Цитата. В БДТ. Пьеса забавная. Была тут на премьере с... неважно. «Кушать подано!» Не обращай внимания... — Съел, Красилин? Боже мой, все-таки в нас, ведьмах, что-то сидит! Нужно тебе мужика добивать? И так он — блин блином. А не удержалась. Устала, уста-ала, а не удержалась. «Кушать подано!» — Ни кетчупа, ни сыра, ни корицы. Возьми сам в холодильнике. Там яйца. Придется всмятку, масло кончилось. Сальмонеллеза не боишься? Да! И хлеб — сухарь. Можно водой попрыс-

кать и в духовку. Оживет. Уж прости, я гостей не ждала.

— Сам я, сам! — обрадовался, занеуклюжил.

Какое там «сам»! Даже достать из холодильника ничего не в состоянии, раненый-обезрученный! Сиди, ладно. Сама я.

Сидит. Ест.

— А ты, Гал?

— Я не хочу. Ешь... — у-у-у, за что такая пытка! Слюнями истеку, захлебнусь, сглатывая. Но не буду. Этих яиц — не буду. Им сто лет в обед. Я, в отличие от Красилина, сальмонеллеза боюсь. У него, может, всяческие заграничные прививки, а мне для полного счастья только и не хватает того самого... изойти на... О! Прививки, кстати!

И то ладно, что не «китайская кухня», не глаз плачущий внутри. Не испортились, уцелели, долежали. Пару штучек надо оставить на сметанник. Или одно хотя бы! Вот жрёт! Куда в него только влазит! Остановись, Красилин, заворот кишок будет — а у меня сметанника не будет!.. Тьфу, сметана то...

— А соль?

На! Засолись! А соль! Ассоль! Прынц хренов! Будьте моей женой!.. Мыльников байки травил: жена мужа отравила. А им ничего не доказать (Мыльников тогда еще не бэхом был, а в уголовке). Парочка развелась, ждали-ждали размена в такой же однокомнатной халупе. На ножах жили. Муж (то есть бывший) демонстративно сжирал все съестные припасы, которые жена (то есть бывшая) по магазинам как проклятая, как я за сметаной, добывала. Тогда она рыбы купила, даже не просто рыбы, осетрины где-то исхитрилась. Выставила на солнцепек уже отваренную, а потом — в холодильник. Он по обыкновению пришел, сожрал и — ногами вперед. Ботулизм. Поди докажи злой умысел! Поди засади. Тогда пол-торговли нужно сажать, и весь Агропогром судить — не пересудить, если проанализировать, чем живем-кормимся. Но Красилин — ничего, никаких признаков отравления не подает (Жуть с ружьем! Ситуация-то аналогичная! Доказывай потом всяческим мыльниковым, что не воспользовалась мыльниковской же подсказкой, рецептом!). Нет, жив-здоров. Никаких признаков, кроме признака завидного аппетита.

А неплохо было бы, если вдруг — брык! Он. Или я. Какая разница! И нет больше проблем. Ни одной!.. Лучше даже я, чем он. То есть что я говорю! Гораздо лучше! Мне похорон деда на всю оставшуюся жизнь хватит для нервотрепных воспоминаний. Всё ведь сама тогда, всё сама! И никто, и никто!.. Так что, Красилин, чур я первая! А ты со мной помучайся, я с тобой достаточно помучилась. Боже мой, о чем я думаю! Какая разница!

А со стороны поглядеть — идиллия! Кухня. Ночь. Жена мужа кормит. Любящая жена любимого мужа с любовью...

— Так ты не ждешь? Гал?

— Кого? — «Ка-а-ав-в-во!» внутренним голосом, будто давешний Жека-синюха.

Что ты себе вообразил, Красилин?! И впрямь вообразил: идиллия?! Дурак какой!

— Гал, где твой полковник?

Вот тут, каюсь, не поняла я красилинского тона. Вижу всё, брезжит что-то, но не поняла.

— Како-ой еще полковник?!

— Ну... в штатском. Помнишь, ты в субботу говорила?

— Нет никакого полковника! — устала я, уста-ала. И в БДТ совсем даже и не «с...», и вообще не в БДТ (попадешь туда, как же!). Пьеску дали почитать, по рукам машинопись бродит, ничего крамольного, но не берется никто ставить почему-то. А смешная...

— Ка-ак нет?!

— Так! Ты что, ревнуешь? Поздно, миленький! Еще, может, по физиономии мне дашь?! Или сразу предложишь воссоединиться?! И попробовать всё сначала?! Я же вижу всё, вижу! Ну говори-говори, выкладывай! Я тебе давно всё высказала! И с тех пор ничего не изменилось! А справочка у тебя есть, кстати, что у тебя СПИДа нет?! Знаем мы ваши заграницы! Секс-шопы! И переводчиц ваших знаем! Тасенька-масенька! Таньчик-сметаньчик!!! — несет меня, ох несет!

— Ка-а-ак нет! Мне он нужен!!!

— Отношения собрался выяснять?! Да он тебя одной левой! У него... как его... черный пояс!

— На хрена мне ваши отношения!!! — орет Красилин. Несет его, тоже несет. Понесло-о! — Мне полковник нужен!

— Нет никакого полковника!!!
— А «одной левой»?! А «черный пояс»?! Ка-ак нет?!
— Не ваше дело! Вон отсюда!
— Пока ты мне его не дашь, я никуда...
— Нет никакого полковника! Боже мой, что за идиот!!!

Идиот размякает и сползает на стул кашей-размазней. И тихим, жидким голосовым мазком повторяет:
— Ка-ак нет?..
— Так. И не было. И нечего здесь снова рассиживаться! Поел? Насытился? Иди...
— Я тебя убью...— обещает размазня убито.

Я всё вижу, и брезжит почти отчетливо. Не за то он меня убьет, что полковника завела. А за то он меня убьет, что нет никакого полковника. А он, идиот, очень на него полагался. На чтобы «в штатском» и «свой». «Свяжи меня с ним, дорогая, по старой дружбе, в память о былом. Дело есть». Загнанность, припертость, пистоль.
«А Галине Андреевне — наилучшие пожелания и доброго здоровьица! И мужу ее, Вадим-Василичу!»
И мужу ее, Вадим-Василичу. Наилучшие пожелания.
И мужу ее, Вадим-Василичу. Доброго здоровьица.
ОНИ его достали. Загнали, приперли. Из-за меня. Я во всем виновата, мое упрямство!
«У нас, вы могли убедиться, достаточно иных действенных...»
Могла. Убедилась. Во что ты превратился, Красилин! Что они с тобой сделали! Нет, не они! Я! Каюсь, я!
Сейчас всё пройдет, сейчас я тебе всё расскажу и всё пройдет: ОНИ ушли, нет ИХ, не будет больше, навсегда и насовсем! Сейчас я...
— Я тебя убью...— отрешенно повторяет Красилин.— Я тебя убью.

Тут не выдерживаю! Я ему, можно сказать, спасительную весть собираюсь сообщить: кошмар кончился! А он вместо благодарности: «Убью!» Напрочь флюидов не ловит. «Убью!» Тут не выдерживаю и без всякого внутреннего голоса в мордоворотной тональности и громкости:
— Ка-ав-во?! Ка-а-ав-в-во-о?!!
Он вздрагивает: знако́м ему возглас, знаком.
Я вздрагиваю: который час? шестой! кто настолько

спозаранку способен меня беспокоить по телефону? ОНИ? Уже не должны! А звоня-а-ат!

— Не поднимай! Галонька, только не поднимай!

Балбесина лысеющая! Ты же просто не в курсе пока, что ОНИ отстали, что я ИМ всё до предпоследней сотни отдала. И ни меня, ни тебя ОНИ больше не колышат. Ты просто не в курсе. А я в курсе. И сейчас наговорю много теплых-ласковых слов тому, кто осмеливается звонить одинокой усталой женщине в такую рань!

— Не поднима-ай!

Поднимаю.

— Да, не сплю... Какую информацию? По каким каналам?.. А по телефону никак нельзя?.. Думаю, это будет лишне... Нет, не преждевременно, а вообще не надо. Я считала, что ясно дала понять... С кем бы ни было связано... Почему не догадываюсь? Более того, не просто догадываюсь, а знаю... Да он сам тут сидит... Давно, да... Ради этого стоило звонить в шестом часу?.. Тем более не надо... Если только ради этого, то тем более не надо приезжать... А я считаю, что нет... Вам с ним — не о чем... Да, я так считаю... Мы с ним сами разберемся... Даже если не во всем, то никого это не должно касаться... Я сказала, не надо приезжать... Хорошо! Но никакого смысла не вижу, честно говоря!

Красилин извелся, приплясывая вокруг меня, жестикулируя, выражая мимикой, звука не проронив.

Опускаю. Трубку.

— ОНИ? Я же просил: не поднимай! ОНИ? Так и знал! Так и знал! ОНИ! — Красилин всё той же неразорвавшейся гранатой мечется, шипит, скачет от стенки к стенке. — Ах, черт! Ах, черт! Вот ведь черт! Вот ведь! — и таки взрывается: — Я же просил тебя!!! Не поднимай!!! Я тебя просил или нет?!!

Надо же, какого страха нагнали. Телефонных звонков боится, двери открывающейся боится — застрелить готов бывшую жену потому что вдруг это не она, а ОНИ! Ключ подобрали и проникают. Нет у них ключа — только у меня и... у тебя. Отдал бы, кстати. Давно пора.

— Суетишься много, — остужаю. — Смотреть противно.

Замерзает, остекленев. И вид у него нашкодившего щенка, которого сейчас носом ткнут. Не совсем понимаю эмоцию Красилина, мне бы в своих эмоциях разобраться! Хуже нет говорить на два фронта по телефону, безлично. Чтобы ни тот, ни другой фронт не перешел в наступление. Хуже нет, и не удалось. Хотя Красилин не понял, с кем я беседовала, но легче не стало. А с кем и о чем?

— Лешик. Ты, я знаю, не спишь... Я для тебя по своим каналам кое-какую информацию. Тебя заинтересует. Я сейчас приеду... Нет, по телефону нежелательно, лучше мне приехать... Преждевременно? Мы же договорились, что я загляну через пару деньков. Как раз... Это связано с одним твоим давним знакомцем... Уверен, ты не догадываешься. Я не интригую тебя, но лучше — не по телефону... Хорошо! Фамилия Красилин тебе говорит о чем-нибудь?.. И давно сидит?.. Гони в шею!.. Хорошо! Тогда я тем более приеду!.. Я его сам — в шею!.. Да, считаю, что надо!.. Нам с ним есть о чем поговорить... Считаешь?... Я хочу с ним разобраться... Во всем вы не разберетесь, тем более ты... Всё! Я сейчас приеду!.. Ты сказала: не надо, а я сказал: надо!

Если, конечно, наши с Викой реплики совместить, то всё понятно: вздыхатель решился на серьезный разговор — с поливанием бывшего мужа, с уверениями типа «всё будет хорошо!». Сольемся в экстазе (где же преждевременно, коли пара деньков миновала!). С диктатом сильнейшего, берущего на себя решение житейских проблем. И т. д. и т. п.

Но для перекаленного Красилина наш с Викой разговор состоял только из моих реплик — и такая «няма» выродилась для бывшего мужа, что однозначно решил: ОНИ!

Но Вика-то! Вика! Он же победитель, он же не вздыхатель! Или для перекаленной меня его реплики однозначно выродились в иную «няму»? Зачем бы ему вдруг звонить так рано и так бурно? И что за каналы у него такие информационные, если порвал все связи с прежней работой?!

Чего-то я не понимаю! И не хочу я ничего понимать! Не мое дело — понимать! Понималка перетрудилась, раскалывается! Отстаньте все!

— ОНИ? — не отстает, просительно настаивает Кра-

силин уже без истерики, а мирясь: общая беда объединила, вместе справимся.

— Нет, не ОНИ. Приди в себя, Вадик. Кончилось всё. У НИХ теперь ни повода, ни причины... Я уже не ИТД. Всё позади, Вадик... На работу надо устраиваться... Ой, устала я, Вадик, как я уста-а-ала.

— Ты ИХ не знаешь, Галонька, — вперился в стенку, а говорит мне, проникновенно-проникновенно. — Ты ИХ не знаешь. Эх, если бы полковник был... Ты не знаешь, ты не всё понимаешь, ты не сможешь понять... Ну, ничего-ничего! Мы справимся! Нам с тобой и не такое... И с работой тоже. Я с шефом столкуюсь, я и тебя от НИХ заберу... Черт, ку-уда заберу?! Черт, черт, черт!

Боже мой, сто лет тебя Вадиком не называла, само вырвалось. Ведь страдает неприкрашенно, под спудом что-то держит, никак не высказать.

Выскажи — пойму! Таська что ли? Переводчица? Какое мне дело, Вадик, до Таськи! Мало ли что было. Нельзя начать всё сначала. Но когда ничего не остаётся, можно ведь попробовать всё по новой. Уцепиться друг за друга и — хуже-лучше? — просто по новой. Яростной влюбленности не будет, но в знак признательности очаг могу обещать. Пусть тусклый, но тебе же, Вадик, неважно. Лишь бы я у тебя была, вот что тебе важно. Могу обещать. Могу обещать, что если вдруг, то ты и знать не узнаешь. Ой, Вадик-Вадик, что тебе еще остается! Ой, Красилина-Красилина, Лешакова-Лешакова, что тебе еще остается! Только не хотелось бы мне быть причиной...

— Вас на СПИД проверяют?

— Проверяют, проверяют... — машинально, о неважном, о второстепенном бормочет он. — При чем тут СПИД!

Ни при чем. И я жалобно тяну ноющую ноту, всё горше и горше: оттого, что обманула лошадища-пони, что заставила меня тянуть ноющую ноту — и всё горше и горше оттого, что обманула. Зачем, ну зачем так врать было. За что?..

Ой, Вадик-Вадик, если бы ты знал!..

— Галонька-Галонька, если бы ты знала!.. — он риторически обнимает меня, все так же вперившись в стенку.

Глажу пальцем его залысину. Вадик-Вадик...

— Ты не знаешь, Гал, ты не всё понимаешь, ты не сможешь понять... Ну, ничего! У меня хватит сил! У нас с тобой их хватит! На двоих, на троих!

(Выскажи! Пойму! Не дура же я совсем! Ребенок у тебя намечается от кого-то?)

— На всё хватит! — и маскируя тяжесть, груз, спуд под деловитой бодростью (общая беда объединила, вместе справимся), чеканит: — Всё правильно! ИТД — заманчивая стезя, но все-таки не для прекрасной половины. Тут не всякий мужик сдюжит, не то что ДАМА! (Слово в слово!) Я же тебе еще тогда говорил, год назад... Ничего, я с шефом столкуюсь, мы тебя оформим. Заграница, представляешь! Я тебе всё там покажу, повсюду повож... Гал! ЧТО!

Меня отщелкивает от Красилина пружинной волной. Он мне говорил! Год назад, еще тогда! И не только он, и не год назад! СЛОВО! В! СЛОВО! «Брежнев»!

Брезжило, брезжило — набрезжило! Ах, вот та-ак?! Дура я, дура! Но не дура же я совсем!

— Тяф-тяф! — отсигналил утреннюю прогулку Трояшка.

Зря я грешила на буржуев, совсем не барахольские часы у шофера-шахтера-лифтера-вахтера. И не часы вовсе. Это попутно, это не главное — да и мало ли привозят из-за кордона всякой всячины, тех же брелков со свиристельным отзывом небось не одна тысяча по Союзу наберется — с отзывом на высокий, тонкий звук, будь то свист, женский щебет, собачье тяфканье. Но тут — попадание в попадание!

— Знаешь, Красилин, — сообщаю новость. — А «Брежнев»-то твой батарейку где-то раздобыл. Для брелка.

— Какого брелка?!

Врешь, Красилин! Врешь!

— Который ты фарце сдал прямо на перроне. В субботу. Только за что ты человека обижаешь? У него почетная профессия шофера, а ты — фарца, фарца-а!

— Не знаю никакого шофера! Гал! Ты ЧТО?!!

— Какой же ты... Ты... Какой же ты...

— Гал! Ну, Гал! Подожди! Давай поговорим! Поговорим давай! Ты выслушай! Ты только выслушай!

— Не прикасайся ко мне!

— Выслушай же!

— Ка-ав-во?! Ка-а-ав-в-во-о?!!

— Не надо так! Ты не всё понимаешь, ты не сможешь понять! Я ведь... Люблю ведь я!!! Тебя!!! Теб-б... б-б-б...

Он б-б-бкает, сжав ладонями виски, раскачиваясь, и не врет слезами (кто придумал про «скупую мужскую»?).

— Я же вернуть хотел... б-б... Я не могу без те-б-б... Ты не слушай слова, ты прости за слова, я не умею сказать... Мы с ним просто говорили... По душам... Там тоска-а... и каждый русский — свой. А Ильич, Леня — тем б-б-б... олее.

— Он что, действительно Леонид Ильич?

— Представляешь? Мы по душам... Там же все наши вместе держатся... Шофер... Мы долго и не раз... Ты не думай, не месть, а просто люб-б... б-блю. И он... что я прав, сейчас об-б... щая тенденция... и налоги... и посадят и вообще пропадет девка... то есть ты... Он об-б... щал помочь... Что поможет... Мы так с ним не договаривались, чтоб-б... б-бы так далеко заходить. Он об-б... щал только пугнуть. Не пугнуть, нет! Ты не слушай слова! Я узнал, что ОНИ увлеклись, они сами дали мне понять... Я сразу приехал. В суб-б... боту! Я же видел, чувствовал, что ты, что у теб-б... б-бя всё на пределе! А ты не сказала. Мне никак не остаться б-б-было. Я им... ему позвонил. Из Хельсинки. Говорю, мы так не договаривались, прекращайте! А они, а он говорит: «Чего-о?! Ка-азел в клеточку! Теб-б... бя не спросили!» Я им тогда... А они... Сам навел, говорят, и молчи. Или, говорят, в ментовку поб-б... б-бежишь?! Не поб-б-б... А теперь они и с меня треб-б-б... И об-б... бещали, если я не... то...

— Ничем не могу помочь, дорогой! Даже одолжить не могу. Не из чего. И потом тебя, то есть их, рубли наверное не интересуют? Только марки? Нету. Даже на кофе... Ты на автобус не опоздаешь? Или тебя Леонид Ильич по договоренности подвезет на «Совтрансавто»? Кабина просторная! С ветерком!

— Зачем ты так?! Зачем?! Так?! Я, если хочешь знать, тайком почти. Я вообще не имел права приезжать!

— Это уж точно! СЮДА приезжать ты права не имел!

— Зачем?! Ну зачем так?!

— У тебя заграничный паспорт в порядке? А то подари какой-нибудь канцеляристочке шоколадку. Чтобы ошиблась в буковке, фамилию не так написала. А ты — буква в букву перенеси во въездной талон! И сгинь! Сгинь! Для меня хотя бы сгинь навсегда!!!

— Зачем ты так?! Зачем?! Так?!

Отвратное зрелище: зареванный мужик!

Нет, лю-у-уди, нет у меня си-и-ил! Мало того, что подставил по большой любви, еще и сам влип и сочувствия требует и обижается, не получив! Искренне! Я не знаю, как всё это назвать! Как вообще всю эту жи-и-изнь назва-а-ать! И не хочу, не буду! Застрелюсь или убью!!! Всех! Всех! Не-е-ет у меня больше си-и-ил!

Звонят! Опять в дверь звонят! Мыльников, ты же всегда появляешься вовремя! А сейчас не вовремя! Даже если сказал: я сейчас приеду. Должен ведь чувствовать! Чувствилище изменило?! Ну заходи, полюбуйся! Мы во всем разобрались, хотя ты сказал: вы во всем не разберетесь, тем более ты. Мы разобрались, я разобралась — и не знаю, для чего ты здесь нужен! Но тебе лучше знать, если пришел! У тебя свои каналы информации! Уж не мордовороты ли тебе ее поставляют как сэнсею?!

Сейчас, сейчас! Замок теперь стал заедать! Сейчас открою! Вот!

«Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

Ну, здрасьте, Ви...

...ка... а-ак?! Петю-тю-тю... С ума сойти! Петюня! С чемоданчиком! Клавка что?! Все-таки совсем без мозгов?! И не великоват ли чемоданчик для полимерных образцов?!

— Я пришел, Галина Андреевна! — Петюня стоит на границе квартиры, не переступая черты. И рожа, ну рожа! Все цвета радуги! Разукра-асили.

— Доставай. И, прости, у меня времени для тебя нет. Вообще нет. Ни для кого.

— Я всю ночь не спал, Галина Андреевна. Я решил. Она опять вешалась. И с балкона хотела прыгнуть. Но я решил. Я пришел! — герой-пионер, подвиг совершил. — Что с вами?! Кто вас оби...

— Б-б-б... — остаточно доносится из комнаты.

Петюня меняется в многоцветном лице. ПЕРЕСТУ-

ПАЕТ ЧЕРТУ, отстраняет меня (Петюня! Меня!) и шагами Командора — на звук, в квартиру:

— Кто этот мужчина?! Что он тут делает?!

Он, Красилин, ничего тут не делает, он приподнимается с тахты и... звонко падает обратно — Петюня наносит ему книжную аристократическую пощечину, потому и звонко, потому и падает, что тахта под коленки пришлась.

Потом... Потом... Боже мой, кто-нибудь! Ну хоть кто-нибудь! Они же глотку друг другу перегрызут! Два инвалида! Один — синяк на синяке, другой — рука забинтована. Они катаются, рычат, сипят, волокутся, ойкают, задев больное место, вываливаются из квартиры, трутся о штукатурку, бьют головой об ступени, раскровениваются...

Дети-цветы, хиппари морозонеустойчивые после долгого перерыва опять обсели площадку между этажами — затихли было, но поняли: не про их души. Старшее поколение меж собой грызется, последний бой.

Дети-цветы свесились с перил, подзуживают, улюлюкают:

— Давай-давай! По кумполу! По кумполу!

— Мы вмес-те! Мы вмес-те! Р-р-ра-а!!!

— Зе-нит — чемпион!

Припадочно топаю ногами, трясусь:

— Разнимите их! Разнимите!

Боже мой, ну хоть кто-нибудь!!! Но...

...только не это! ЭТО — Лащевский в пижамных штанах и с молотком, полный решимости покончить раз и навсегда.

Машина! Скрежет! Тормоз! Дверь подъезда — с петель! Вика! Все-таки он вовремя! Опять он вовремя!

Черный пояс! Молоток Лащевского на замахе — в лампочку, выбит. Брыз-з-зь! Только ввинтили.

В-в-вх! В-в-вх! В-в-вх! Не уследить! Что за звук?! Руки, Викины руки: в-в-вх! в-в-вх! И — груда тел. И Вика в замершей, искривленной плоскости — чуть задрав голову: кто там еще? между этажами?

И мымра:

— Уби-или! Уби-и-или!

И вторящее мымре хиппаревое то ли резвящееся, то ли перепуганное:

— Уби-и-или! На по-о-омощь!!!

И когти мымры у самых моих глаз.

Отшатываюсь, опираясь на что-то (обувная полка!), хватаю! Сам ложится в ладонь: и маузер, и наган, и браунинг, и кольт. И палю в белый свет как в копеечку!

— Не-е-ет! Бух!
У! Бух!
Ме! Бух!
Ня! Бух!
Боль! Бух!
Ше! Бух!
Си-и-ил! Бух! Бух! Бух!

В мымру! В лысика! В Красилина! В Петюню! В Вику! В ИТД! В и т. п.! В исполком! В шоферов! В полимер! В продавцов! В дефицит! В алкашей! В лошадищ! В хиппарей! Во! Всю! Эту! Жи-и-изнь! В се-бя!!!

Никого нет. Ничего нет. Ни снаружи, ни внутри. Наизнанку вывернутая. Опустошилась. Долго я барахталась. Мамочки-мамочки-мамочки! Долго агонизировала, «ю-юьф» издавала... (Идет человек, за ним крокодил. Крокодил в спину ему свистит: «Ф-фью!» «Прекрати!» «Ф-фью!» «Сказал, прекрати!» «Ф-фью!» «Если ты не прекратишь, я тебя сейчас наизнанку выверну!» «Ф-фью!» Схватил, вывернул наизнанку, дальше пошел. Крокодил всё так же следом и в спину ему: «Ю-юьф!»)

Мне же так мало надо. Нам, бабонькам, так мало надо! Ерундовину (тряпочку, цветочек, лучик, открыточку!) — и мы за радость эту крохотную уцепимся, надуем до предела и еще побарахтаемся, всплывем, пусть кругом потоп. «Ю-юьф!»

Денег нет. Плеча рядом нет. Работы нет. Защиты нет. Сочувствия нет. Пощады нет. Веры нет. Спичек... Сил нет! Совсем нет сил! Спичек — и тех! Духовку зажечь, спечь — и даже спичек нет! Зажигалку никто и не починил, рой мужиков — и никто! Некому починить! Зажигалку-галку-галку... галку... некому починить.

Сырым тестом мне питаться?! Стакан муки, банка сгущенки — ладно, без сметаны сметанник! Смирилась! Но не сырое же тесто! Должна быть в доме хоть одна спичка?! Мамочки-мамочки-мамочки! Двадцать минут — и корж готов. Только бы духовку зажечь. Да! И яйцо не забыть вбить, а то корж не поднимется. Осталось

одно-единственное от идиллического ужина. Вобью, испеку. И — «ю-юьф!»

Вот спичка! С ваткой намотанной, в туши. Размотаем! Не горелая, целая! «Ю-юьф!»

Зажечь, испечь. Сначала — яйцо!

Цок! Мамочки-мамочки-мамочки!

Длиннющей, ускользующей, неминучей зеленой соплей — в тесто: плип! Она, китайская кухня! Одно ведь оставалось! И мне досталось. Запах-запашище! NH_3 в квадрате! В кубе! За что мне?! Ну за что?!

Срочно, немедленно — из квартиры! Всю китайскую кухню — в мусоропровод! Ф-фу!

В ящичке почтовом, в дырочках — белеется, топорщится. Открыточка! С запозданием. Поздравление? Мама? Больше и некому. Тридцать лет. «Ю-юьф!»

Да, открыточка... Вызов на административную комиссию. В исполком. Зачем мне исполком?! Я уже не ИТД... Но это не от этого. Это не ИТД. Это — и т. п. На предмет нарушения т. Красилиной правил социалистического общежития. Мамочки-мамочки-мамочки! За что! Ну за что мне!

Крохотное бы что-нибудь! Кро-о-охотненькое, чтобы на глоток воздуха: «ю-юьф!» в себя и еще побарахтаться.

Есть же, есть люди в миллион раз хуже меня, но они живут как люди, а я?! Уж лучше не жить! Мамочки-мамочки-мамочки!

Ш-ш-ш-ш... Не нужна мне теперь духовка. Не будет мне коржа. Ничего мне не будет. Выключила. Ничего и никогда мне больше не будет. Мамочки-мамочки-мамочки! Включила. Ш-ш-ш-ш.

«Отк'ивай, отк'ивай! Шейчаш ужнаешь!»

Откинула дверцу. Двадцать минут и корж готов. Нет коржа. Двадцать минут и я готова. Спекусь. Мамочки-мамочки-мамочки! Если сухарь водой попрыскать и — в духовку, то оживет. Если меня попрыскать и... Хорошую религию придумали индусы... И никаких проблем! Всё по-новой! Ни ИТД, ни и т. п., ни налогов обдирающих грядущих, ни окружающей ненависти, ни безработицы, ни безденежья, ни страха, ни упрека, ни безнадеги. Ничего больше! Ничего больш...

...ш-ш-ш-ш-ш. Мамочки-мамочки-мамочки! Колени подгибаются. Сами подгибаются. И голову, голову —

туда. И глоток в себя: «ю-юьф!». Это безболезненно. Это нужно только чуть-чуть подождать. Опять ждать! Но не кислоту же пить! Не осетрину же ботулизированную есть (где она!). И никаких мук. Мамочки-мамочки-мамочки! Ш-ш-ш-ш-ш...

Темно, вонюче и — не страшно совсем, просто раздражает! Мгновенно должно быть! Брык и всё! Опять ждать... Опять ждать... Что за жизнь! Даже смерть в этой жизни и то ждать... Мамочки-мамочки-мамочки!

Щекотно за ухом. Будто давешним узорчатым жестом провели. Смахнула, стряхнула. Меж пальцев кракнуло. Липко.

Бро-бо-бом-м! Подскочила, башкой о «потолок» духовки: бро-бо-бом-м! Ой, больно-больно-больно-больно! Таракан! Дрянь какая! Какая дря-а-ань! Ой, мамочки-мамочки-мамочки! Под воду, под сильную струю! Какая га-а-адость! Он, насекомое, усиками будет шевелить, а я — брык?! Я брык — а он, насекомое, по мне будет ползать, семенить, щекотать! Дрянь какая! Какая дря-а-ань!

Мне ДМП присвоят посмертно, депрессивно-маниакальный психоз диагностируют, а они все будут ползать, семенить, щекотать: по магазинам, по совещаниям, по заграницам, по кабакам, по жизни... с песней! Фигушки! Фигуш...

...ш-ш-ш-ш-ш...

...шп! Выключила!

Головенка болит! Голове-е-онушка! Ой, больно-больно-больно-больно! Шишка будет. Теперь шишка бу-у-удет! Бу-у-у... У-у-у! У-у! Мамочки-мамочки-мамочки! Что же мне делать, что делать мне-е-е! Кто бы защитил! Кто хотя бы не нападал! Лю-у-уди! Кто нибудь! Кто-нибу-у... у-у-у! Лю-у-у... у-у-у-у!

Мамочки-мамочки-мамочки! Какой там код?! Сто лет не звонила. 8-892-0... и номер.

«Неправильно набран номер. Справки по телефону...»

Почему же неправильно?! 8-892-0... и... Я же помню! Я же не могла совсем забыть! Мамочки-мамочки-мамочки!

«Неправильно набран номер. Справки по телефону...»

Не ноль, а двойку надо, вспомнила! 8-892-2... и...

Срывается номер! Срывается и всё! Всё срывается в этой жизни! Кто бы защитил! Кто хотя бы не...

— Да! Кто это?

— Мамочка-мамочка-мамочка! Ма-ам!

— Галчик, ты?

— Мамочка-мамочка-мамочка!

— Что произошло?! Я тебе варенье послала. Дошло? Что у тебя произошло?!

— Ничего. Совсем ничего! Ма-а-амочка! Я к тебе хочу-у!

— Объясни немедленно, что произошло!

— Ничего! Совсем ничего! Ма-а-а...

— Ты опять врешь! Ты всё время мне врешь! Я же слышу: произошло! Это всё твой образ жизни! Нельзя так жить, как ты живешь! Так никто не живет! Надо жить не так, как ты живешь!

— ...

— Что ты замолчала?! Сказать нечего?! Нечего возразить?!

— ...

— Ты что, позвонила, чтобы молчать?!

— ...

— Галина!

— ...

— Вся в отца! В мерзавца! Скажешь что-нибудь или нет?! Не молчи, мерзавка! Твои же деньги идут!

— ...

— Ну?! Господи, зачем я тебя рожала! Зачем только я тебя рожала!

— ...

— Гал-л-лина!!!

— ...Я тебя не просила! Знать тебя не хочу! Дурная, злая баба! Кто тебя просил меня рожать?! За что?!! За что ты меня родила?!! Не хочу тебя слышать!!! Не хочу тебя знать!!! Не хочу!!! Жить не хочу!!!

Пип-пип-пип-пип...

Кто хотя бы не нападал...

Пип-пип-пип...

Кто бы, кто...

Пип-пип...

Мамочки-мамочки-мамочки!

Ой, больно-больно-больно-больно-о-о... О-о-о! У-уоу-у...

...500. 459. 458. 457.

...мыло, извлеченное сотрудниками ОБХСС на подпольной фабрике кооператива. Следы, оставляемые самодельным мылом (к нам поступило и продолжает поступать очень много звонков) смываются таким количеством натуральных моющих средств, что впору объяснить нынешний дефицит. Кроме того, пользование кооперативным товаром — язык не поворачивается именовать его мылом — вызывает непредсказуемые кожные раздражения, которые многие неостывающие головы готовы приписать экологической обстановке в Невской губе...

...412. 411. 410.

Теперь как всегда видеосюжеты...

405. 404. 403. 402. 401. 400.

Трудно поверить, но то, что вы видите, произошло не где-нибудь, а в нашем городе. Сегодня во второй половине дня, около восемнадцати часов, в районе Бывшего Комендантского аэродрома эта женщина...

февраль — июль, 1989.

Часть вторая
ИДИОТ

ЧАС
ТРЕФ

«И я мог бы так же говорить, как вы,
если бы душа ваша была на месте души моей;
ополчался бы на вас словами и
кивал бы на вас головою моею;
подкреплял бы вас языком моим
и движением губ утешал бы».

(Иов 16 : 4)

ТРЕФ — ...кресты
ТРЕФ — ...поганый, **недозволенный**

Вл. Даль

«Криминальная хроника. Разъяснять, что этот человек смертельно опасен, думается, нужды нет...»

Дверь молчала.

Он еще раз позвонил, позвал: «О-о-о-о...» — долго нажимая, и коротко ткнул: «...ля!» Это он, открой! Только он так звонит, ты же знаешь. И Нюша знает.

Никого не было. В квартире. На лестнице — тоже. Может, и к лучшему.

Он вкрался в собственный карман плаща-куртки (осторожно!) и растопырил пальцы, увеличивая дыру, чтобы влезть за подкладку по локоть, глубже. Именно туда провалился пистолет. Сразу после выстрела. Нырк в карман и, прорвав его, — за подкладку. Заряженный, снятый с предохранителя. Всего четверть часа назад, когда на Миргородской...

...— Брось пистоль, пидар гнойный! — сказал амбал и пообещал: — Тогда мы тебя не будем бить ногами, только руками. Почки сохранишь, проссышься. Брось! Он все равно незаряжен, понял?!

Врет, блефует. Амбалу не хотелось за так, на дурнячка терять оружие. Вот и брал на испуг. И амбал и остальные ражие юнцы (пятеро!) брали его на испуг, но сами медлили, не накидывались. С чего им медлить, если пистолет незаряжен? Но это соображение пришло потом, когда пришло вообще хоть какое-то соображение.

А четверть часа назад он инстинктивно нажал на спуск. Амбал был уже в метре от него. Еще шаг и...

И он сразу после выстрела резко сунул пистолет в карман. Детский атавизм: что у тебя в руке, ну-ка покажи! ничего! и руку за спину, спрятать.

И побежал. Оттолкнувшись плечом от бетонного забора, к которому уже почти прижали. Не оглядываясь. По серой снежной каше Миргородской. Пистолет бил по колену сквозь полу плаща. Только бы не стрельнул! Заряжен, снят с предохранителя. Только бы не по-

скользнуться! На Миргородской — как заяц в лучах фар, не свернуть. Надо свернуть!

На первую же улицу, на Харьковскую. Оглянулся — за ним не гнались. От угла Боткинских бараков метров двести, и уже сумерки, но еще можно разглядеть: один лежит, остальные хлопочут вокруг, вслед не кинулись. Верно! Какой кретин будет безоружным гнаться за вооруженным?

Сознание двоилось: кошмар! неужели весь этот кошмар — со мной?! надо объяснить! должны понять! тюрьма в любом случае! надо что-то делать!

И детективный, вычитанный опыт: главное, не паниковать хотя бы внешне! три дня Кондора! выкручивались же и не из таких передряг! надо сесть и обдумать!

Сесть он теперь всегда успеет... Черт, вот чернуха!

До Ольги рукой подать, на Староневском. Сесть и обдумать. У нее. Больше негде, больше некуда. Не в «гробешник» же прятаться. Только к Ольге. Тем более, что из-за нее все и заварилось. Из-за нее, из-за нее!

А пока — спокойствие! Пусть напускное. И плащ расстегнуть, «молнию» спустить, чтобы этот... не бил по колену, чтобы вдруг не стрельнул. И прогулочным шагом, не обращая на себя ничьего внимания. Прогулочным!

Он вошел в будку. Телефон безмолвствовал. Естественно! Рядом с будкой торчал на стене козырек с трафаретной надписью «Таксофон», но таксофона как такового пока не было. Переводят северную столицу на южный вариант: старые будки уже отключены, а новые козырьки еще не подключены. Вот ведь п-п... проп-пала с-собака!

Он, прижимая никчемную трубку к уху, медленно спустил «молнию», отставил набрякшую металлом полу плаща. Досадливо, напоказ долбанул по телефону и ступил на улицу.

Он не шел, а именно ступал. Не пошевелить бы лишний раз этот... Холод не чувствовался. Волосы под вязаной шапочкой «NEW SHA» взопрели и слиплись, очки запотели, от свитера — ощутимый парок. Разгорячился. Дышал носом, хотя воздуха не хватало. Но втягивать полной грудью, душа нараспашку, — гарантия простуды. А ему надо быть на ногах. Ч-черт! Ему те-

перь все время надо быть на ногах! Кошмар! Неужели весь этот кошмар — наяву?!

Стоп! Главное, не паниковать! Выкручивались же как-то! Сейчас по Харьковской, не спеша, не спеша...

— На ста-арт! Внима-ание! Арш-ш! — истошно раздалось впереди. И — нарастающий гулко-пустой грохот.

Он чуть не ринулся назад. Тьфу! У детской площадки — железные барабаны-тренажеры в ряд. И пацанва, упираясь в поручни, раскручивала ногами, набирая и набирая скорость. «Арш-ш!» — и поджали ноги, дожидаясь, у кого последнего барабан остановится, тот и выиграл.

— Я выиграл! Я первый! Я!..

— Не считается! По новой! По новой!

— Не фиг! Не фиг!

— По новой! Ты не сразу ноги отпустил!

— На ста-арт! Внимание! Арш-ш!

— Бегу-у-у! Я бегу-у-у!!!

Бегут. И он бежит. От... от всех. «Внимание! Арш-ш!» По-немецки «арш» — задница. Именно.

Сейчас до угла Староневского. Угловой пивбар закрыт, «пива нет». А кружечка не помешала бы. Или баночка. Баночка «Хайнекена». Остыть. Но к лучшему, что закрыт. А то вечная толкотня у дверей, свидетели. «Такой-то не проходил? Между восемнадцатью тридцатью и восемнадцатью сорока пятью? — Такой-то? Вроде проходил. Точно! Проходил!»

Теперь по Староневскому в сторону Лавры. Ленвест. Доска почета, Смольнинский район («У-у, г-гер-рои!»). Теперь через проспект. На зеленый свет, на зеленый. Отныне нельзя нарушать правила. Все, пришел! Теперь под арку рядом с «Молоком», пересечь двор-колодец, к подъезду. Пятый этаж, последний. И всего одна квартира на этаже. Ольга.

Он... он не знает, что с ней сейчас сделает! Потому что не соврала! И это хуже, чем если бы соврала!

«— Ты на СПИД не проверялся?

— А надо?

— Как хочешь».

Он же был уверен, что соврала! Он и пошел-то на Миргородскую в ярости на столь очевидное вранье: выяснит, и на этот уж раз всё, хватит, хва-тит!

И вот... не вранье. И поэтому, да, поэтому на нем труп. Ведь так говорят, кажется?

А с Ольгой... он действительно не знал, не представлял, что с ней сейчас сделает. А ничего. Теперь, наверное, ничего. Просто пришел. Куда ему еще идти? Ведь не к жене Жене! И не в какой-нибудь там «гробешник»!

Дверь молчала.

К лучшему? И это тоже к лучшему? Как он не подумал?! Будь Ольга дома, следовательно, и Нюша тоже. Нюша бы и открыла. Нюша знает его по звонку и в три прыжка промахивает коридорную кишку, носом сбрасывает старинный дверной крюк и обрушивается на грудь, когда дверь под почти центнерной тяжестью распахивается. И выбирай: либо дверью по лбу, либо шаг в сторону, прямиком в объятия Нюши. «Ха-арошая Нюша, ха-арошая!» Ньюфаундленд. Колени бы не подогнулись.

А имея за подкладкой заряженный и снятый с предохранителя пистолет, принимать на грудь шесть пудов живого веса... Где гарантия, что в кармане не грянет случайно? Как он не подумал?!

Но в квартире никого не было. На лестнице тоже. Куда они могли уйти? П-п... проп-пала с-собака!

Он добрался до пистолета. Даже не ощупью, а невесомыми касаниями попытался определить: ствол, рукоятка. Теперь тихохонько-тихохонько... Целый год прошел, пока вытаскивал, год усиленного режима. Так он себя ощутил, когда наконец-то вытащил — не зацепив за рванье кармана. Разжал ладонь.

На ладони лежала очевидная «солянка» — затвор от одного, ствол от другого, рукоятка от третьего. Никогда доныне пистолет в руках не держал, не доводилось. В армии — только АКМ, только на контрольных стрельбах и последующих чистках-сборках. И было-то когда! Пятнадцать лет назад. И вообще... ТТ, «Макаров» куда ни шло, а тут — разобраться бы, где у самодела предохранитель и какой он! Ничего страшного, ничего сложного, только не надавить на курок.

Надо было бросить сразу после выстрела. Вычитанный опыт: «Крестный отец», Корлеоне-младший, сделал дело и скользяще-бесшумно уронил на ковер...

Нет, не надо было бросать. Без перчаток, дактилоскопия. Ч-черт! Как не хочется в тюрьму!

Почему в тюрьму?! Почему непременно в тюрьму?! Он только защищался! Их шестеро было, и оружие амбалу принадлежит... принадлежало. И дружки амбала амбалу под стать, хоть и малолетки, дети до шестнадцати! Они бы убили, если бы не выстрел. Он докажет! Докажет! А пока... не выбрасывать же. Пацаны какие-нибудь найдут, те же бегуны барабанные: о, игрушка! И как выбросить, куда выбросить?! В сугроб? В мусоропровод? В Неву? И... зачем? Это, наоборот, свидетельство того, что он не считает себя виновным. Выбросил — боишься. Не выбросил, принес куда надо и рассказал — смягчающие обстоятельства. Срок скостят.

За что срок!!! Он защищался! Ему и так после Миргородской сроку осталось... сколько, кстати? Год? Три? Пять? И — тюрьма. Нет, он объяснит, он докажет! Он сам подойдет к первому попавшемуся милиционеру и сдастся. Он скажет: «Товарищ сержант, у меня к вам просьба. Проводите меня куда следует. Я не сумасшедший, я нормальный, я не преступник. У меня в кармане оружие, я хотел бы сдать, я не собираюсь применять. Проводите меня, я не сопротивляюсь, я оказываю содействие. Вы видите, я трезв, я сам». И все будет хорошо. То есть все равно будет плохо, но хуже будет, если схватят — и доказывай: я сам, я сам!

Пистолет клацнул. До курка он не дотрагивался, только интуитивно прошелся ладонью поверху — сильно и мягко. Пистолет (он понял) встал на предохранитель. Аккуратно переложил в левый карман. Вот! Вот еще будет свидетельство на пользу: он правша, а оружие специально в левом кармане, чтобы объяснить, если схватят: не собирался применять, шел сдаваться. А еще лучше упаковать пистолет в дежурный полиэтиленовый пакет. Нет, пакет сейчас для другого сгодится. Для того, чтобы не схватили внезапно, чтобы сам успел.

Внизу хлопнула дверь подъезда. Он замер. Страх. Хорошо, что этаж последний и всего одна квартира — Ольгина. А вдруг это они и есть, Ольга с Нюшей?!

Не они, шарк-шарк, одышка, до третьего этажа, бряканье ключом, снова тишина.

Стемнело стремительно. Он вышел из-под арки и понял, что боится. Боится толпы. Боится безлюдья. Всего боится: темноты, света. Всего!

«Чего тебе бояться, когда идешь сдаваться! Чего тебе бояться, когда идешь сдаваться!» Мысленно бормоча, заглушая иные рефлексы вошел в магазин рядом с аркой. «Молоко». Час пик миновал. Народу — никого, на прилавках — ничего. Плохо! В толпе, в очереди не заметили бы, не запомнили. А тут едят глазами, как бы чего не украл. Что у вас красть?! Всего пяток заляпанных грязью бутылок осталось. И без крышечек. Жрите что дают, пока дают.

Он спокоен. Он непринужден. Пусть запомнят. «Таким запомнится». Все равно не сопоставят: грохнул человека и отправился за молочком, чушь! И вообще, «чего тебе бояться...»

«День сегодняшний был ознаменован не самыми приятными новациями. Телезрители сообщили, что даже при покупке пачки сигарет или двух плавленых сырков в некоторых магазинах у них требовали паспорт. И это уже полный абсурд. Некоторые уже продавали свое право на покупку. Пока это стоит недорого, пять рублей. Дети и внуки пожилых людей, не имеющих возможности самостоятельно выйти на улицу, безуспешно пытались купить то, что строго по паспорту. Словом, неразберихи и печальных эмоций предостаточно. Продуктов по-прежнему мало, а вот бумаги, похоже, избыток — и для талонов, и для визиток».

«...когда идешь сдаваться».

Выбрал бутылку почище. Ч-черт! И денег-то всего рубль с мелочью! Отсчитал мелочь на кассе. Положил молоко в полиэтиленовый пакет — достаточно прозрачный, чтобы разглядеть: бутылка молока. На выход, на выход!

— Гражданин!!!

Он опять чуть не ринулся. И ринулся бы, но столбняк нашел. Застыл.

— Еще четыре копейки! Оно девятипроцентное, жирное!

У-ух-х! Да нате вам ваши четыре копейки! Орут так, будто он человека убил. Ч-черт! А ведь убил...

Наружу! На проспект. Прошиб озноб. Это от холода, это не от страха. Не от страха! Теперь ему нечего

бояться, замаскирован надежно: убийцы не разгуливают через час после преступления с бутылкой «девятипроцентного, жирного» в полиэтиленовом пакете. Теперь никто его не схватит, пока сам не отдаст себя в руки правосудия. Правосудия? За что его судить?! Ну за что?!! Кто поймет, кому объяснить?! Он сам толком не понимает, сам объяснить не может, как же так все... Ольга. Надо ее дождаться, увидеть, надо выяснить... и вообще... попрощаться. Куда Ольга с Нюшей могли подеваться?!

Он машинально брел в сторону вокзала.

Вот и «Кошмар парашютиста» возник впереди, новоявленный памятник в центре площади Восстания, подсвеченный. (Ольга как-то бросила специфический взгляд коренной ленинградки на этот ребристый столб с острой звездой на верхушке и уничтожающе прошипела: «Кшшшмар парашшшютиста!» Сразу представился бедняга, опускающийся на площадь и тянущий стропы, чтобы не напороться — в сторону, в сторону).

Он сообразил, что чисто машинально брел не в ту сторону. Центр, вокзал, полно милиции. И Невский тоже не обделен их вниманием.

Он сам, сам сдастся. Но не сразу, не сразу же! То есть сразу же, но сначала дождаться Ольгу, объяснить, объясниться. А пока центр города — самое неподходящее место. Но не совершать же резкий поворот на сто восемьдесят градусов! Подозрительно...

Надо уйти в первую же попавшуюся улицу — вот она, Гончарная. Получалось, он описывает круг. Так, глядишь, и до Миргородской... Преступник всегда возвращается на место преступления. И что он там потерял?! Нельзя. Нель-зя. А куда?

Видеосалон. На Гончарной. Не все ли равно, какое кино крутят! Последний рубль за вход — два часа в тепле и темноте. Должна ведь Ольга за это время вернуться домой, где бы она ни была. Где же она?!

Оказалось, не все равно, какое кино крутят. Зальчик был полон. Эротика. Как раз то, что ему бы сейчас не видеть, не слышать, не помнить. Соль на раны. Хорошо хоть фильм из «мягких»: много бюстов, моря, пляжа, музыки, шипучих напитков, ш-шуток. Ничто ни о чем. Просвещение подростков. Зальчик и заполнен-то почти целиком подростками. Сидели не шелохнувшись,

опасаясь скрипнуть стулом — как бы кто чего не подумал. Затаенно сопели.

А в двух телевизорах развлекались и развлекали «пляжные девочки». Соль на раны.

Сколько же прошло? Два года. Уже целых два?! Еще только два?! Как вечность и как миг.

Зеленогорск. Дюны. Солнце. Гульба. Все свои — всех знаешь и ни с кем не знаком. Пусть Юрка видит, что не зря взял его в дело. Он именно тот человек, который нужен Юрке: каждый журналист ему и сват, и брат — обратное утверждение тоже верно. Неоценимый кадр в Юркином деле.

— Коллеги! К киношникам в Репино? Или на могилки в Комарово? Или в бунгало?

Ольга...

— Девушка, вы в какой газете?

— Я ни в какой, я экономист.

— Тоже неплохо! Экономика должна быть! Точка! Конец цитаты!

Луна. Теплынь. «Сторожка лесника». Гульба. Предостерегающие Юркины взгляды и выжидательно-угрожающие физиономии вокруг: что-то парень разошелся.

Он разошелся, был пьян, а скорее — упоен. Состояние, когда бог хранит: и не икаешь, не виснешь на даме, а нагло кружишь вальс под рок на четырех квадратных метрах и мелешь не такую уж чепуху. И местные мафиози сторонятся, уступают: кто знает, что за тип и что за люди с ним.

— Ты едешь? «Вольвенок» уже под парами.

— Юр, пор-рядок. Я остаюсь. Будь спок! Завтра буду как штык!

И проводы. Он и она. Ночь. Запахи. Чистосердечное и бесшабашное предвкушение: пусть хоть кто прицепится, он их всех одной левой! И никто не цепляется.

И дом отдыха — не то Чезаре Павезе, не то Пальмиро Тольятти, не то Сакко и Ванцетти. И жуткая, черная, тяжелая тень в прыжке — навстречу из зарослей. И его сильный вздрог. Древний, первобытный испуг. Понятный, простительный, но испуг. С-собака!

— Нюша, Ню-ушенька! Заждала-ась! — и выразительный взгляд экономиста Ольги.

Собственно, весь день и вечер у нее был такой взгляд: выразительный тем, что ничего не выражал. Ни равнодушия, ни интереса, ни радости, ни грусти. Наверно, так смотрят в микроскоп. Или нет, под микроскопом хоть что-то наблюдают, изучают. Точнее: так смотрят в телевизор на таблицу. Зеркало души, потемки. Вероятно, из-за почти бесцветности. Глаза у Ольги были чуть серые, чуть голубые, чуть желтые. И ничего не выражая, выражали вместе с тем все сразу: и равнодушие, и интерес, и радость, и грусть, и оборону, и... нападение. Гадай.

— Ню-ушенька, ма́-аленькая! Ну пойдем спать, пойдем.

Два года позади. Уже два?! Еще только два?! Соль на раны.

О чем он?! О чем?!! Надо придумывать, как выкручиваться, а он... А что тут придумаешь? Думай, не думай — все одно. Потому пялься в экран и грейся. Гони, не гони непрошенные ассоциации — они вот они. А когда еще и гигантский ньюфаундленд время от времени проносится по экранному пляжу, чтобы очередной раз сдернуть купальный лифчик у очередной «пляжной девочки»...

— В этой собаке водятся мыши! — острил он про Нюшину шерсть. Ревнуя. Нет, завидуя.

Если бы Ольга относилась к нему как к Нюше. С той же привязанностью. Именно! Чего не было, того не было — привязанности. А было: угар, волна, поток... любовь? В постели — да. Изощренность, возникающая только при полной искренности, чуткость к каждому вдоху, движению, слову. «Да... Да... Да...» А потом, после — все тот же взгляд. Сеанс окончен.

И он, веря, что не врет, зная, что врет, пытался привязать к себе:

— Хочешь замуж?

— Ты сначала разведись.

— Мои проблемы! — бросался в пропасть.

— И реши.

— А когда решу?

— Посмотрим.

— Но ты выйдешь?

— Таких вопросов не задают.

А каких?! У него к Ольге было много вопросов, но отвечать она не собиралась. Он и не задавал. Кроме про «замуж», как последнее средство. Веря: не врет. Зная: врет. Но должна ведь она понять! Что, собственно? Что по правилам игры должна довольствоваться известным положением ничьей жены приходящего мужа? Но должна ведь понять: его семья — табу. Должна ведь!.. Никто никому ничего в этой жизни не должен.

Старо как мир. И одно из трех. Либо мужчина морочит голову и жене, и любовнице, и больше всего себе, приговаривая садомазохистски: «какой, все-таки говнюк! какой говнюк!», но сохраняя видимость идиллической стабильности — и там, и... сям. Либо, взвесив, а то и не взвесив (само собой происходит), провоцирует взрыв:

— Знаешь, я устала! Я очень устала от всего! И не приходи больше. И не звони.

И мужчина опять же садомазохистски приговаривая: «вот и ладненько! вот и все к лучшему! я никого за язык не дергал!», возвращается к очагу и демонстрирует (а то и само собой происходит) прилив нежных чувств к жене.

Либо... рвет прежнюю привязанность ради новой.

Неиспользованным оставался последний вариант. Все остальное было.

И метания с Гражданки на Староневский:

— Жень, где мой свитер?! Да не этот! Тот, другой!.. Да, опять! А чтоб они все там провалились! Да, завтра опять ехать. Куда-куда! И не спрашивай! Снова глушь, тараканы! А я знаю, на сколько?! День, три, пять. Пока не отпишусь!

И метания со Староневского на Гражданку:

— Да, Оль, чтобы ты была в курсе! Что тебе из Риги привезти? Мне на недельку завтра надо будет смотать. Что ты плечами пожимаешь?! Действительно надо!

— Надо — езжай.

— А насчет привезти?

— Как хочешь.

— Но что?!

— Что хочешь.

И взрывы:

— Всё, хватит! Езжай куда хочешь, делай что хочешь, но сюда больше не приходи. У меня сил больше нет!

И неделю, месяц, другой, третий: «все к лучшему!» Пока он не доходил до той кондиции, когда на ногах-то твердо, а руки сами к телефону. И:

— Олллы! Изв-вни, но зв-вню. Я пслютн трезв. Просто не м-могу без т-бя!

Но вот рвать с корнем, чтобы заново укореняться? Нет и нет. Потому что не было у Ольги привязанности. Только к Нюше. Ох, какой голос прорезался среди ночи в трубке:

— Ты можешь приехать?! Да. Сейчас. Мне плохо. Мне очень плохо!..

«...без тебя!» — мысленно договорил он за Ольгу. Были в ее тоне и горе-горькое, и мольба, и тя-а-ага.

Подскочил, нацепил первое попавшееся, домашне матерясь в адрес мифических сволочей, готовых на край света выдернуть не свет не заря «ради нескольких строчек в газете»:

— Спи, Жень, спи. Не надо никаких бутербродов. Не знаю как надолго! Откуда я могу знать! Звякну. Спи!

И — на такси. В три ночи, с Гражданки! Поди поймай! Поймал. Весьма своеобразно. Шофер все приговаривал: «Сразу бы и сказал! Х-хэ! Сразу бы и сказал!» И компьютерное диско из приемника, бешеный ритм, совпадающий с его состоянием. Что и как дальше — он не знает и знать не хочет! Но прорвало, прорвало!

Не видел он доселе Ольгиных слез. А тут при ее чуть ли не прозрачных глазах еще и слезы по стакану, сверк. Ну же, Оля, ну! Что?!

— Ню-у-уша исчезла! Пропа-ала!

— Успокойся, успокойся! Сейчас же! — хотя успокоиться прежде всего надлежало ему. Значит, Нюша... А он-то!.. Но сделал вид, что так и понял сразу со звонком. И мчался-то через весь город, зная доподлинно: дело в Нюше, а не в нем. Не из-за него же Ольга будет звонить на Гражданку и умолять. В порядке вещей. В том порядке, который давно и надолго (навсегда?) установила Ольга. В непредсказуемом порядке. Для него — непредсказуемом. — Успокойся, я сказал! Найду!

— Да-а где ты ее найдешь! Раньше не мог? Ее уже собачники давно могли... и-и...

И он ходил-бродил, звал вполголоса среди белесой ночи. Все те же Харьковская, Миргородская, Полтавская. Стрелял курево у вахтера при фрагменте откровенной кремлевской стены (да-да, угол Миргородской и Полтавской! только за воротами не Кремль, а какое-то желдоруправление, что-то вроде).

— Отец, собаки не видел? Ньюфаундленд. Здоровенная такая. Может, внутрь пробежала?

— Да сквозь меня мышь не проскочит! Не психуй, парень! У них сейчас свадьбы. Женится пару-тройку раз за ночь и вернется, куда денется!

— Вернется, жди!.. Вот ведь п-п... проп-пала с-собака!

Пропала собака. Порода ньюфаундленд. Возраст три года. Окрас черный. Кличка Нюша. Сука. Блядь! Мать-перемать! Не могу больше жить в этой стране!

«Вот именно!» — подхватывала Ольга что ни день этот то ли бородатый, то ли вечно актуальный анекдот о словесной и эмоциональной цепочке замордованного среднестатистического гражданина. Такая у них была СВОЯ шутка: чуть что не так, и «ах ты ж, проп-пала с-собака!» Эвфемизм. «Вот именно!» — подхватывала Ольга, причем придавала последней фразе анекдота более чем осмысленную значимость. Выплескивала: «С-совдеп! С-совок!» И не надо на эту тему говорить, ее уже трясет от всех ускорений, перестроек, совершенствований хозяйственного механизма! Что он, гуманитарий, может возразить?! То есть может именно как журналист, властитель общественного мнения. Но не ей, только не ей! Читателям — пожалуйста. Пусть читают. А она газет не раскрывает, сессии-съезды не смотрит, она не гуманитарий, она «точник», экономист. И:

— Н-не могу больше жить в этой стране!

— Пропала собака? — подхватывал он, оборачивая нервный выплеск в СВОЮ шутку.

— Ой, хватит! Надоело! Уже утомляешь в конце-концов! Что-нибудь новенькое придумай!

Непредсказуемость и есть. И выразительность ничего не выражающего взгляда. Проп-пала собака!

А в ту ночь — нашлась. Нюша. Он позвонил через полтора часа поисков:

— Не волнуйся, я никуда не исчез. Ищу. Сейчас поеду к собачникам, суну им десятку, если Нюша у них. А если не у них, то чтобы имели ввиду. Только не переживай, Оль!..

— Я не переживаю! Нюша пришла. Сама! Представляешь, пакостница! Морда — хоть говори ей «съешь лимон»! Еще мне беспородных щенков не хватало! Ты где?! — и голос радостный, безмятежный, зовущий... разделить хеппи энд.

А когда он уже в пятом часу утра поднялся на пятый этаж и, утопив самолюбие, плюхнулся в кресло, отмахиваясь от Нюши («Не надо меня облизывать! Не на-адо! Не прощу измены, не прощу-у!»), играя на Ольгу («Уйди, нехорошая псина! Гулена! Я спать хочу! Хочу спать!»), то получил:

— Спать, спать! Немедленно! Охо-хо, а завтра отчет в исполком... — и ему с неподдельным недоумением: — Ты что, остаться думаешь?

— Я в кресле подремлю, не побеспокою! — уже с нажимом и выпирающей под этим нажимом обидой ответил.

— Как хочешь.

И в Ольгином «как хочешь» не было варианта: а то под одеяло? И был вариант: а то домой, на Гражданку? метро вот-вот откроется.

Непредсказуемость. Сам домысливай.

А видео-ньюфаундленд все носился и уворовывал предметы купальников. Дались ему лифчики!

И толкуй каждое Ольгино слово по собственному усмотрению, в меру своего воображения. Вдруг ни с того, ни с сего обухом по голове:

— Найди мне кобеля.

— Э... что?!

— Кобеля, кобеля! Можешь найти приличного кобеля?

— Тебе?

— Нам! — глядя столь же непроницаемо-бесцветно, сколь на дорожке зеленогорского обитальяненного дома отдыха, когда он первобытно вздрогнул из-за Нюши.

И тут тоже вздрогнул. Ничего себе вареники! «Найди мне кобеля». Ничего себе!

— Постараюсь.

— Ой, опять одни разговоры. Как всегда.

— КАК всегда?!

— Никак. И не кричи на меня.

— Я?!

— Ты даже не замечаешь. Учти, с хорошей родословной. Нам с Нюшей полукровки не нужны.

Она, казалось, и не допускала двоякого толкования любого своего поступка, фразы. Именно потому любой ее поступок, фраза имели для него второй смысл. Домысливай, домысливай.

— Ты на СПИД не проверялся? — вчера вдруг ни с того, ни с сего.

— А надо? — придав ироническую озабоченность.

— Как хочешь.

Вот и домысливай. То перманентная паника, как бы Нюша «олимпийку» не подхватила. В восьмидесятом на Олимпиаду занесли, достаточно обнюхаться и через неделю — всё. А то как бы между прочим: «Ты на СПИД не проверялся?»

Вот и проверился!

Он в сердцах пнул что там было под ногой. Упало, забулькало. Молоко, проп-пала с-собака!

Пригнулся, нашаривая пакет. Мокро, грязно.

Фильм кончился. Дали свет. Просвещенная молодежь, распаленный румянец и деланное равнодушие, двинулась на выход. И ему бы надо побыстрей.

А он стоял, сжав сквозь пакет полупустую бутылку за горло. Руки в молочных потеках, лужица у ног. Эротика! Стиснул зубы от бессилия и бешенства.

Просвещенная молодежь, минуя его, ухмылялась, фыркала, даже гоготнула.

С-сволочи, мастера — золотые руки! Молоко это, молоко! А то они не видят! Но нет большего удовольствия обвинить в собственных грешках взрослого дядю. О-о-отлично понимая, что — молоко, но картинка-то, а?! С-сволочи! Он готов был их всех сейчас... да, расстрелять! Расстре... Тяжесть в левом кармане, стоило ему подняться, напомнила.

Ч-черт, за что! В чем он провинился?

Титры окончательно уползли вверх. Оба экрана беспрограммно зарябили, зашуршали. И включились на ленинградский канал пока не начался следующий показ:

«В дежурной части ГУВД просили обратить внимание на то, что только за два последних дня три тяжких преступления совершено на почве ревности. Один пен-

сионер избил до смерти супругу, а двое других изранили жен ножами.

С завтрашнего дня изменяется телефон доверия — телефон психологической помощи для тех, кто не видит выхода из сложных состояний или вообще находится на пороге самоубийства. Так вот с завтрашнего дня с девяти утра номер звучит следующим образом: 118-40-41.

Криминальная хроника. Разъяснять, что этот человек смертельно опасен, думается, нужды нет. Между восемнадцатью и восемнадцатью тридцатью сегодня он напал на группу подростков и ранил из пистолета одного из них, несовершеннолетнего Олега Ланкина. Ланкин в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Учитывая место преступления — у самых Боткинских бараков — и показания свидетелей, друзей пострадавшего, можно полагать, что преступник вышел из кабинета анонимного обследования на СПИД с положительным результатом, в котором нет ничего, естественно, положительного, имея ввиду реакцию на СПИД. Человек этот, судя по всему, отчаявшийся и готовый на все, озлобленный. Об этом говорит немотивированное нападение на группу случайных прохожих, по сути еще детей. У него к тому же огнестрельное оружие и неизвестное число зарядов в обойме. Установлением личности и обширным комплексом оперативно-розыскных действий, помимо сотрудников Смольнинского РУВД, занимаются все без исключения компетентные службы города. Его приметы: очки с дымкой в металлической оправе, вязаная шапочка с надписью «Нью шоу», темный свитер, джинсы, коричневый плащ с подстежкой и капюшоном. На вид ему не более сорока. Приметы скупы, но достаточны для случайного опознания. Если вам покажется, что он вам встретился, не пытайтесь его задержать, а немедленно звоните по телефону 292-02-02».

«Чего тебе бояться, когда идешь сдаваться!»

Только одного — можно не успеть, пристрелят. Это он-то напал на случайных прохожих?! Это они-то по сути дети?! Это у него-то оружие?!

У него. Они. Он.

Не так же все было, не так!!! Да, после восемнадцати часов. Да, получив результат анализа. Но во всем остальном — не так!!! А как?

Действительно, нервы взвинтились. Еще бы! СПИД. Пусть и утешили: «вторичный анализ покажет точно». Утешили или взяли на поводок, чтобы никуда не делся, вернулся за результатом?! Мысли... какие могут быть мысли?! Он из Ольги душу вытрясет! Она-то причем?! Как — при чем?! Не от Женьки ведь! Кровь регулярно сдавал, там проверяют — ничего не было. А вдруг там и заразили? Не было — и стало. Это да, это шанс мотивировать — и Ольге, и Жене. ЖенéЖéнеженéЖéне. И как там еще со вторичным анализом будет. Вдруг — нет. А вдруг — да. Вот ведь... проп-пала с-собака! Какой, к хренам, шанс мотивировать! Не простуда на губе — он, СПИД! Или... нет. Но Ольга не могла ни с того, ни с сего сказать. Могла? Домысливай, домысливай! Могла. Он же был уверен, что соврала! И с того, и с сего. И домысливай... Какие сейчас могут быть мысли?! Дойти бы до Ольги и выяс...

— Сигаретки не будет?

— Нет, — кинул привычно. Никто из ленинградцев уже с полгода и не спрашивает. Все равно что в блокаду хлебушка попросить у первого встречного.

— Ты ж куришь!

— Последняя! — Что еще за «ты»! Отвлекся, рассмотрел.

Один, два... шестеро. Он как раз дошел вдоль длинного, бесконечного бетонного забора от выхода из Боткинских до угла. Из-за угла. Ч-черт! Шестеро. Не умением, так числом. Стайка. Стая. Здоровенькие, налитые, люберменные, накаченные. До них ли ему! Не вовремя...

— А докурить? Дай на затяжку.

А когда — вовремя? Никогда. Отстраненно-скучно думал: драться всегда некстати — зимой скользко, весной грязно, летом жарко, осенью мокро.

Зимой скользко. А придется. Безнадежно придется. Подобные люберята берут не только числом, но и умением. Собственно, умение им и не терпится проявить, реализоваться.

— Не боязно? — снизошел тоном старшего и кивнул на забор: мол, он ведь и оттуда может быть, из Боткинских.

— Зараза заразу не берет. Я бы «стрельнул».

Он пошел прямо на них, глядя в упор на амбала, на Олега Ланкина, как теперь выяснилось. Драпать надо,

начхав на стыд! Такая гамма была в глазах амбала-Ланкина, что надо драпать, если удастся. Не шпана они, а борцы за святое дело чистоты нравов. То есть да, шпана, но внушившая себе: мы за святое дело!

Он даже где-то нечто подобное читал. Или слышал. Нет, читал. «Спидоноску придушили! — с кретинической радостью крикнул...» В «Неве», кажется.

Знали эти люберята, что он из Боткинских. Не случайно попались навстречу. И очень говорящая интонация была в «я бы «стрельнул» амбала. Драпать надо! Большое удовольствие — бить, зная: битье освящено. Невозможно отказать себе в таком удовольствии, если энергия прет, и есть на что ее употребить. Драпать надо!

Он пошел прямо на них и, когда люберята сомкнули плечи, перекрыв путь вперед, но допустив просвет сбоку, ринулся в этот просвет, на ходу заложив кулаком под дых крайнему. Без толку — пресс каменный. Но хоть пять метров форы?! Тот же крайний зацепил его, подсек под щиколотки. Зимой скользко. Упали оба. И никакой форы, и теперь уже никакой пощады. Сейчас затопчут, запинают.

Не торопились. Правильно. Для них, сопляков, избиение избиением, но не менее важно, как оно обставлено. Для них это — действо, процесс по лучшим западным и отечественным киношным образцам. Вычитанный, высмотренный опыт: тебя сразу пристрелить, или желаешь помучиться? желательно, конечно, помучиться! н-на!

— Вставай, гнида! Вставай! Пидар гнойный! З-зараза спидоносная! Встанешь, нет?!

Он сделал попытку подняться. И получил тычок подошвой в шею. Ляпнулся лицом в серо-снежный асфальт. Хрустнули очки. Стекла, уф-ф, целы, но оправу перекосило.

С-суперы! Действо! Каждое святое дело имеет свой ритуал. А непременная часть ритуала — врага мордой в грязь. Конечно, врага! Кем еще может быть спидяра, как не врагом рода человеческого.

Попытался еще раз. Ничего иного не оставалось. Удалось. Никто не ткнул. И верно, эту часть ритуала проехали. Дальше?

Привалился спиной к забору и скривился в презирающей усмешке. Ч-черт, проп-пала с-собака! Сам же кого-то киношного изображает, никуда не деться.

А люберята изображали справедливое возмездие, неотвратимое. Зловещщще молчали, образовав теперь уже плотный полукруг. А позади стена. Ч-черт, действительно, зловещщще!

Амбал, изображая героя-мстителя, повторил многозначительно, со сталью:

— Я бы стрельнул! — и выученным жестом выхватил из-под мышки... пистолет.

Почему на проклятой Миргородской никогда никого нет! И даже ни одной машины мимо!

— Но тогда будет кровь. А твоей, спидяра, кровью травить нашу землю мы не станем. Будешь жить. Но плохо! Будешь доживать. Мы постараемся. Сейчас постараемся! — и фактически подал команду остальным: — Только никакой крови!.. Не терплю крови! — слышанным и выученным тоном.

И последним, завершающим штрихом — крутанул на пальце пистолет. В-великолепная... шестерка.

Зимой скользко. Пистолет сорвался с пальца, подпрыгнул, вертясь в воздухе. Амбал от неожиданности цапающе, неловко дернул руками вслед — задел, подвернулся на снегу. Остальные чисто рефлекторно тоже дернулись. А пистолет ударился об забор и упал, стукнув по плечу врага рода человеческого, к ногам.

Он прихватил огнестрельную железяку за рукоятку. С-суперы! Ковбои! Нечего было выпендриваться! А потом... потом тот самый выстрел.

Счастье, что на проклятой Миргородской никогда никого нет. И что ни одной машины мимо.

«Опять в самых неприличных формах дает себя знать дефицит гробов, отмеченный, судя по звонкам, в нескольких моргах города, в том числе в Сестрорецке».

А если бы все-таки кто-нибудь там был? Из посторонних. Свидетель. Проезжал, проходил, из окна смотрел. Нет там никаких окон. Четыре часа назад, как только вернулась способность соображать после выстрела и бега, решил: повезло, что никого не было. Те-

перь же понял, до чего скудно он тогда соображал, самую чуть. Единственные свидетели — пятеро «по сути детей». И шестой... если выживет. Взятки гладки.

Заражен? Да.

Стрелял? Да.

Оружие в кармане? Да.

Не его оружие, не его!!!

А чье? Значит, напали на тебя шестеро, приставили ствол. А ты, защищаясь, переборол всех, отобрал пистолет, грохнул одного из напавших и сбежал, не получив ни одной царапины, даже очки целы, да? А они все врут. А ты — нет. Расскажи своей бабушке!

Абсолютно ничего общего с ним не имел фоторобот в телевизоре. Разве что очки, вязаная шапочка.

Он тут же, застопорившись в дверях видеосалона на выходе, судорожно сдернул очки. «Кто же так делает, идиот! Проще нет — засветиться!» Ага! Дыхнул на стекла и принялся протирать шапочкой. Нормальный, привычный жест очкарика. Так-то лучше. Но теперь обстоятельства вынуждают бродить с непокрытой головой — ночью, — и без очков — ночью, — во всяком случае до той поры пока... Что — пока?!! Не пойдет он теперь сдаваться! Бандарлог какой-нибудь пусть сам лезет в пасть, а он не бандарлог!

Пакет с содержимым опустил в первую же урну. Из маскировочного средства тот превратился в свою противоположность: только очень СТРАННЫЙ человек станет разгуливать по безлюдному, ночному проспекту с наполовину пустой молочной бутылкой. И вообще разгуливать. Ночной январь — не лучшее время. Староневский проспект — не лучшее место. «Обширный комплекс оперативно-розыскных действий». И переулки не спасут, туда в первую очередь направят поисковиков.

Под крышу, под крышу! Должны же они, Ольга с Нюшей, вернуться! Только... только сначала надо дозвониться до Женьки. Из автомата. От Ольги, при Ольге говорить с Женькой будет н-не совсем... Совсем не! А при нынешнем раскладе — и более того. Да-а, еще поди найди исправный автомат!

Не работает. И этот тоже. Этот вовсе раздраконен. И опять не работает. А здесь? Гудит!

— Жень!

— Опять, да?

— Опять, опять! Чтоб они все провалились! Короче, я в Пулково. Погода дрянь! Никак посадку объявить не могут.

— А куда? Надолго? Ты ел?

И его понесло на хмуро-деловитой ноте спешащего не по своей воле. Стремительно преодолевал на виражах логические препятствия. Слалом:

— В Ригу... (Туманней, туманней! Есть ли рейс на Ригу в такое время?) ...или в Вильнюс. Короче, в Прибалтику. Без разницы. У них по всем трем республикам завтра митинг. Мне нужно быть. Хоть где. Куда билет достанется. Если достанется. Пока никакого. (Билет, проп-пала собака, авиа! Регистрация пофамильно. Проверяется на раз!) Не исключено, проторчу еще с полчаса, плюну и махну машиной. С Куртинайтисом. Да здесь литовец один, языками зацепились, ему завтра тоже надо быть — кровь из носу. Народнофронтовец. Очень кстати. У него машина. Только вот бензин... Если договоримся на стоянке, то мы поехали. Он тоже хотел самолетом, но — вот. (Убедительней, убедительней!) Короче, если меня нет, буду нескоро, могу там застрять. Сама понимаешь.

Слава богу, Женька понимает. Во всяком случае, покорно принимает. И не проверяет. И не допускает мысли о... о чем бы то ни было. Просто у мужа работа такая — журналист на договоре. Везде и нигде. Хлопотно, зато независимо. Никакого начальства, никакой руководящей и направляющей силы. Никакие команды не принимаются, только предложения — и если они его заинтересуют. Жареный факт, акула пера. Такой имидж. В глазах Женьки. Так она понимает и не просто покорно принимает, но и с затаенной благодарностью. За свой одинокий отпуск двухлетней давности:

Горящая путевка, только на одного, Пицунда! И вернулась. НЕ ТАКАЯ. С виной, сквозившей из-под оживленно-приподнятых настроений и подчеркнуто туристских впечатлений. «А море! А сосны! А рынок! А знаешь, как будет «доброе утро»? «Дила мшвидобиса», вот!» И он как раз после Зеленогорска (Ольга!) выказывал всепонимание и проницательность, но ни словом не обмолвился. Кто же ее, Женьку, научил по-грузински, кто ее приветствовал по утру: «Дила мшвидобиса!» Почему вернулась НЕ ТАКАЯ?.. Не обмол-

вился. Словом — нет, видом — да. Не упрекай, да безупречен будешь.

И если его нет ночь, сутки, трое, неделю — он работает. Он ведь не Женька, которая, искупая собственную мимолетную вину, не проявленную им вслух, принимает его отлучки как специфику профессии. И только! И ни в коем случае не... И даже мысли о проверке ни-ни!

Она — нет. А «все без исключения компетентные службы города»? Про Пулково, да, он сказанул сгоряча, бессознательно — потому что на другом краю города: где Гражданка и где Пулково. Ладно хоть на вираже удержался: не самолет, а машина, Прибалтика без конкретного указания. Куртинайтис. Слава богу, Женька от спорта отрешилась, как зарок дала, после травмы на брусьях. Хотя и раньше ей что баскетбол, что футбол! Только гимнастика! Мало ли в конце-концов Куртинайтисов! Слава богу, телевизор у них гикнулся полгода назад, и нового днем с огнем не сыскать — и Женька не смотрела, не видела. А видела бы — не сопоставила. Где акула пера и где убийца, вооруженный пистолетом и СПИДом! Он сам бы не сопоставил еще вчера, сам бы стал прикидывать: бога-атый матерьяльчик! Еще вчера. И вот сегодня...

Тихо, тихо! Нервы, нервы! Женька паниковать не будет, гарантия — несколько дней. Даже если «компетентные службы» выйдут на него, а значит, и на нее, Женька одним своим спокойствием уведет: разве похожа она на жену, у которой исчез, не вернулся муж? Несколько дней, а там время покажет. Если у него будут эти несколько дней. Ч-черт! Ну, будут! Дальше что?! Тихо, тихо! Нервы, нервы!

С Женькой порядок. Может, и Ольге прозвониться? Предварительно. Нет, надо сразу очно, глядя в глаза. Чтобы разговор получился. По телефону у них никогда никакого разговора не складывалось. Обмен репликами:

— *Алло! Что делаешь?*

— *Работаю, что же еще.*

— *А потом?*

— *Не знаю пока.*

— *Позитивные предложения есть?*

— *У меня-а? А у тебя?*

— *Можно в журдом. Посидим...* — *спешно прикидывая, где бы урвать четвертак, если «ладно». Но:*

— *Ну, не-ет. Мне вчерашних посиделок хватило. В себя надо придти...* — *и выжидающая пауза.*

— *А... а завтра? Что завтра делаешь?*

— *Работаю!*

— *А потом?*

— *Не знаю пока.*

И не спросишь, каких-таких вчерашних посиделок и с кем! И хоть перебесись — на каком основании претензии? Непредсказуемость предсказуемого, уже клишированного телефонного обмена. Нет, надо очно, в глаза, пусть и ничего не выражающие! СПИД, говоришь?! Не проверялся ли, спрашиваешь?!

Откуда ему взяться! С женой последний раз ночевал больше месяца назад и уже после того кровь сдавал — там проверяют. И вообще, где Женька и где СПИД! Грешно думать! Значит, кто? Больше ведь никого не было. Никого, кроме... Тоже грешно думать? Он и гнал невольные соображения все два года, не подпуская их и близко: пшли отсюда! Соображения отбегали и присаживались неподалеку, выжидая момент, чтобы снова наброситься. И моментов таких предоставлялось достаточно:

— Мать-перемать! Не могу больше жить в этой стране!

— Вот именно!

Он-то, восклицая в сердцах «не могу», знал: «но буду», куда денешься, и пробовать без толку. За Ольгиным «вот именно» ощущалось: пробовала, и жила здесь временно.

— С-совдеп! С-совок! — должен ведь когда-то срок кончиться, доколе!

И чем дольше, тем сильнее она раздражалась: пора, ну уже пора обратно — туда, где не просто побывала разик-другой, а жила. Как? С кем?

Неизвестно, не спросишь. Сама же — ничего о себе. В ее прошлом ему рисовались краснорожий финн, полулысый итальянец, зубастый и чернильный негр. Естественно, никакой любви, во всяком случае, безрассудной. Рассудок на первом месте, расчет. Экономист. Зачем экономисту знание, пусть поверхностное, нескольких языков? А владела. И явно не на уровне «читаю и перевожу со словарем», а на бытовом уровне «не читаю, но могу объясняться». Что же за быт у Ольги был до любви безрассудной — до него?

Она требовала праздников. Но разве не праздник: ты, я и — никого?! Сначала искренне надеялся: да, она тоже так чувствует. Конечно, тоже, конечно, так, но... ТРЕБОВАТЕЛЬНОЕ молчание, за которым: и куда же мы, ты и я, сегодня пойдем?

— Никуда! Просто здесь будем, у тебя. Ты и я.

— А праздник?

— Вот он и есть!

— Ну уж не-ет! Сколько можно!

— Что ты сегодня такая злая?

— А что ты сделал, чтобы я не была такая злая?!

— Логично...

Праздник для Ольги был выход в свет: от престижной театральной премьеры, до престижного кабака. Когда он еще не бросил безнадежных попыток внушить ей: «праздник уже в том, что вместе», и подпускал: «с милым рай и в шалаше», она резко уточняла: «инзе коттедж, так по-английски».

— Для них, конечно, и коттедж — шалаш... — старался спустить на тормозах, — а у нас тут...

— Вот именно! — ставила точку.

«Пшли отсюда!» — отгонял он соображения и сам же лез им навстречу, ища подтверждения и боясь найти.

— ...Л-любопытно, — как бы между прочим, про себя.

— Что?

— Да вот... — как бы равнодушно пододвигая газету. — Ксавьера Холландер. «Любовь — это также и боль. Ну, например, я умираю, хочется спать, совершенно изнемогаю, но нет никаких сил оторваться от любимого. Но такая любовь — еще и уважение. Интуитивное понимание друг друга».

— На ЕЕ месте и я бы так рассуждала.

ЕЕ место! Там ведь вводка: «Лишь немногим в нашей стране это имя будет знакомо. На Западе же оно очень известно: бывшая уличная проститутка, хозяйка борделя в Штатах, а ныне популярная писательница, автор эротических романов, многие из которых выходят миллионными тиражами».

Все, конечно, зависит от обстоятельств. Обстоятельства времени. Места. Образа действия. И в тоне Ольги была не зависть, а раздражение: проклятая зависимость от обстоятельств — не времени, не образа действия, а... места:

— Не могу больше жить в этой стране!

— ВОТ ИМЕННО!

И когда он разливался соловьем, заполняя тягучий бесконечный период ожидания халдея в кабаке журдома, и уже полностью исчерпал какую-то там светскую тему, а в зал свойски пришел светский лев Лева:

— Кстати, Оль! Только не оборачивайся. Потом. Интересный организм появился! — и развлек даму историей о льве-Леве, пишущем на моральные темы ныне, а в прошлом подвизавшемся в «Прибалтийской», где его звали «папой». Эк, журналист меняет профессию!

— Я знаю...

Леву?! «Папу»?! Знакомы?.. И домысливай.

И когда в другом каком-то престижном кабаке к ним за столик рухнул пьяный в хлам боров, он самую малость выдвинулся вместе со стулом и в холодной (до судорог) ярости впечатал каблуком по печени. Без грохота и битой посуды, без скандала. Боров отключился и ополз. И борова утащили волоком не как пострадавшего, а как перебравшего.

— Не стоило, — бесцветно-ровно сказала Ольга. — Я сама бы с ним справилась, мне достаточно сказать.

А — «стоило». Не за то, что рухнул за столик, а за хождения кругами до того, за ловлю Ольгиного взгляда и мерзкое шевеление языком при этом.

— Не стоило...

«Пшли отсюда!» Соображения «шли», но недалеко и ненадолго. И куда им деться, если за все два года Ольга о себе ничегошеньки не рассказала. А он — домысливай. Даже в момент угара, волны, потока: изощренность, возникающая только при полной искренности... а только ли из-за полной искренности? Да. Хотелось думать: да, из-за нее.

— Приду-умай что-нибудь! — в момент угара, волны, потока. — Сколько же может так дли-иться!

— Придумаю! — обещал, веря, что не врет, зная, что врет. Что тут придумаешь!

— Знаешь, давай тогда просто договоримся: ты звонишь, когда тебе удобно, и мы видимся, если я не очень занята.

— Ты что?! Ты что-о-о?!! — заорал, устроил сцену.

— Но я не могу так больше!

— *А ТАК можешь?!*

— *А что, что ты предлагаешь?!*

Он, да, ничего не мог предложить: ни шалаша, ни коттеджа, ни ежедневного праздника в ее понимании. Только самого себя. И она принимала его, но взамен — нет. Себя ему — нет.

И ее «ты на СПИД не проверялся?» было вот чем:

Если ты не врешь, что давно не спишь с женой, если ты донор, ныне рискующий все больше и больше (наша-то медицина! Элиста, Волгоград, Пермь, Астрахань, Горький... Ленинград), если заразился и, значит, заразил (не она же тебя! любишь — доверяй, а домыслы гони, если действительно любишь), если обратно, к жене, дорога отрезана, то... То, наконец, порвешь там и придешь. Чтобы остаток дней — вместе. И он — в состоянии вины, а она — наоборот. Они жили недолго, но счастливо, и умерли... Если же не умерли, если ошибка в диагнозе, то главное: уже порвал, уже пришел. Не было ведь сказано: «У меня обнаружили... И кроме тебя, больше некому». А был невыразительно-выражающий взгляд и мельком: «Как хочешь». Камешек в воду — за круги она ответственности не несет. Никто его не гнал проверяться.

Что-то слишком сложновато. Слишком замысловатый расчет. Пусть экономист — представитель точной науки, во всяком случае, с математическим складом ума, но все же... не до такой степени! А до какой?!!

— *Приду-умай что-нибудь!*

— *Придумаю!*

И придумал. Вполне вероятно, сам все и придумал, пока шел на анонимное обследование в Боткинские, на Миргородскую и накачивал себя: ах, вот такие теперь вареники?! думаешь, не пойду, не проверюсь?! думаешь, тьмы низких истин нам дороже?! думаешь, путана на покое, подчинившаяся, наконец-то, не рассудку, а чувству, заслужила положение «выше подозрений?!» думаешь, можно окончательно привязать, не привязываясь самой, и таким путем?!

Ничего подобного Ольга могла и не думать. Могла и не рассчитывать. Так только... камешек в воду. Проверь! Он сам, сам себя накручивал и накачивал, как придет после Боткинских и тем же мельком:

— Да! Я, кстати, тут проверился. Знаешь, ни-чего! — и проницающе, всепонимающе... как Женьке после Пицунды.

Ольга не Женька, она не покорится. А уже и не надо! После подобных экспериментов самое время рвать навсегда: «вот и ладненько! и все к лучшему! я никого за язык не дергал». И пусть с Женькой нет угара, волны, потока. Зато есть ровность и преданность — он ответит ей тем же. Скрепя сердце, но ответит. А Ольге ровностью и преданностью пусть отвечает Нюша. Никто никому ничего в этой жизни не должен. Доколе же в самом-то деле можно! Все! Хватит! Вот проверится и...

...И проверился. Не будет он говорить с ней по телефону, только очно! Есть о чем!

Он опять стоял на последнем, пятом этаже. Прежде чем нажать на кнопку, вслушался — ну? Были там, в квартире обитаемые шорохи, бряки, звяки. Долго стоял, долго вслушивался. Собирался с духом.

«О-о-о-о... — позвонил-позвал, — ...ля!»

Были, были они в квартире! Вернулись. Нюшин ведь скулеж! Слышно ведь! Но не мчится, не открывает, подскуливает. В комнате ее Ольга заперла, что ли? А сама? Где?

Не может же он уйти, не увидев ее. Да и увидев, не может уйти! Куда? К Женьке? К Юрке? В «гробешник»?!! Не-ку-да! И время — к полуночи.

«Туалет — место общего пользования. Здесь стараются пребывать как можно меньше. Но кто как. Анне Николаевне Калининой здесь лучше, чем дома...

— А как вы попали-то сюда?

— Да вот тут знакомые, я и пришла. Рассказала, и пустили, и все.

— Вы что же, здесь теперь так и живете?

— И живу, и ночую.

— И совершенно невозможно попасть в свою квартиру?

— Я не пойду! Я лучше повешусь! Он сказал: я тебя все равно убью. И ключ отобрал.

Ей 76 лет. Есть дочь, зять, трое внуков, проживающих на Купчинской, 8, в квартире 603, где есть и ее

квадратные метры. До тех пор, пока работала, была нужна...»

«О-о-о-о... ля!» — еще позвонил-позвал.

— Кто?

Он хоть и вслушивался, но не уловил, как она подошла. Бесшумно. И вздрогнул. Даже не от неожиданности, а от... постановки вопроса. Никого иного, кроме него, и быть не могло. И по звонку ясно, и... вообще. И если она знает, но спрашивает... Нет, она не спросила, она поставила вопрос. «Кто?»

Он обреченно не ответил. Молчал.

— Знаешь, который час? — снова не спросила, а поставила вопрос сквозь дверь.

— Я приходил. Где ты была?

— На случке.

Он скрипнул зубами. Никогда не допускала возможности двоякого толкования. И теперь тоже. Конечно же, Нюша! «Найди мне кобеля». «На случке». Вот где они пропадали.

— Впустишь?

— Зачем?

Действительно! «Ну ты ска-ажешь! — Ну ты спросишь!» Да нет, опять не вопрос, а постановка его.

— Видеть хочу.

— А я нет... — в ее приглушенном голосе не было испуга, страха, обиды, даже категоричности. Безучастно. С той самой невыразительностью, выражающей все и ничего.

Он дурацки потоптался в кромешной тьме. И дурацки поинтересовался:

— Что делаешь? — с дежурной интонацией, с какой звонил ей на работу. Длинная тишина. — О-оля! — и понял, что за дверью пусто: поговорила и вернулась к своим делам, на кухню? в комнату? в другую? Беззвучно. Только Нюша подскуливала, унюхав, узнав его.

«О-о-о-о... ля!» — снова потребовал он звонком. Ч-черт! Так-то уж нельзя! О-ля!

— Да? — и опять неожиданно и совсем рядом, только дверь разделяет.

— Что делаешь?

— Телевизор смотрю, — с той же дежурной интонацией, с какой отвечала «работаю».

Но у него мгновенно сел голос. И так говорил сипло, чтобы ни в коем случае никто не высунулся на звук в нижних этажах. А после «телевизора» голос сел, как отсекли.

— И... и как?

— Макинрой проигрывает.

— Оля, нам надо...

— Нам не надо.

За безучастностью, за «Макинроем» явно угадывалось: видела, узнала, «разъяснять, что этот человек смертельно опасен, думается, нужды нет». Какие эмоции? Неизвестно. Чужая душа — потемки. Ольгина — да, потемки.

— Оля, пойми, я не собираюсь ничего выяснять. И тем более винить...

— Меня-а?!

— Прости. Я и говорю, что... Ну, открой!

— Нет.

— Хоть позвонить от тебя можно?

— Нет.

...Не находил себе места. Какая, к хренам, метафора! То есть сначала да, метафора. Когда, получив днем на Миргородской регистрационный номер, сдал кровь на вирусологический анализ, и ему было сообщено: результат часа через три, можно и завтра.

Нет уж, он придет через три часа!

И ходил-ходил, не находя себе места. Убивал время. Обошел оба этажа Гостиного, прочелночил весь Невский, потом Староневский, мимо Ольгиной арки (не-ет, к ней он нагрянет только получив результат, и уж тогда все выскажет!), до Лавры, в Лавру, обратно, еще раз мимо арки (не-ет, только после!).

А если представить: таки — да? Не представлялось. То есть возможность исключить нельзя, но с тем сладеньким, щекочущим отвлеченным кошмарчиком, даже приятным — из ряда: вдруг завтра ЛАЭС взлетит, как в Чернобыле? тогда что? о-о, ну тогда понятно что! Хотя совершенно непонятно. И не взлетит, не имеет права! Потому... потому что не хочется. Там и жена от первого брака, и сын уже в пятый пошел. Максимка. Нет, не представлялось!

И не находя себе места, явился за полчаса до обозначенного срока. Еще не готово.

Выкурил на свежем воздухе сигаретку, вернулся.

Не готово.

Еще одну. Уже не отлучаясь от входа, убеждая себя в полном хладнокровии, поминутно заглядывая внутрь и, все перепутав, затягивался на крыльце и выпускал дым в коридор.

Готово...

— Зачем? Какие мазки? Какой посев? Что за серологический анализ? Он так необходим?

— Затем, чтобы не было ошибки.

— В чем?!

— В том!.. Через десять дней окончательно станет ясно.

— А сейчас? Сейчас что, НЕ ясно?!

— Вирусологический анализ — самый первый, первичный. Мы отправим ваши анализы на улицу Восстания, там наша базовая организация. Придете через десять дней...

— А если не приду? Если скроюсь?

— Указ об ответственности известен? За десять дней носитель или больной может заразить до тридцати человек.

— Так то носитель! И больной! Вы что, хотите сказать...

— Пока ничего категоричного. Но в ваших же интересах воздержаться от контактов. А через десять дней...

— У вас же анонимное обследование!

— Правильно. Вы когда-нибудь сдавали кровь? Как донор?

— Регулярно. Э-э... периодически. На Рентгена.

— Ваши паспортные данные нам не нужны. Кровь — точнее, чем досье. Пятнадцать факторов, двенадцать и еще три, по которым можно определить человека. И зачем вам скрываться? У нас еще не было случая, чтобы кто-то отказался от помощи. Без нашей помощи вы можете через полгода...

— А с вашей помощью?!

— Не поняла.

— Когда я сдохну с вашей помощью?!

— Куда вы торопитесь! Период инкубации восемь лет. Если первичный анализ подтвердится...

— Вы каждого отправляете на серо... на вторичный?

— Не каждого.

— Значит...

— Пока ничего категоричного, говорят же вам!

...И — люберята, амбал Олег Ланкин. И — криминальная хроника. И — Ольга: «нет».

И — некуда деться, некуда скрыться. Убийца в городе. Усиленные наряды, посты — на транспорте, в местах скопления и на безлюдье. Проверка подвалов, чердаков, подъездов. И — перетряхивание карточек с номерами на Миргородской, пятнадцать факторов. И не исключено, что уже звонят Женьке и спрашивают о друзьях, знакомых, коллегах, где он мог бы остаться: «Ничего серьезного. Профилактика». И — Ольга, где он мог бы остаться, но: «...винить... — Меня-а?!» Она, лучше не выразить, уверена — не больна и не носитель. А если и носитель, то «принес» ей он. А не наоборот. Винить ЕЕ? А его?! Его за что?! У него — откуда? Кровь? Донорство? Не регулярное, но периодическое, когда в кармане вовсе шиш. Но там же, на Рентгене, на станции переливания — проверяют! Да. Но — до, но — не после!

А если все еще обойдется? И через десять дней окажется — ложная тревога?

Ничего не окажется! Ведь труп! Ведь пистолет! Ведь «отчаявшийся, готовый на все, озлобленный» — про него. По телевизору. И десятки публикаций (мало ли он их читал!) про шараханья социума от зараженного, как от прокаженного.

Что там — прокаженный! В средние века с колокольчиком ходил, предупреждая: сторонитесь. И сторонились, просто сторонились. А нынче — придушат и посчитают себя правыми: в пределах необходимой самообороны. Он-то «отчаявшийся, готовый на все, озлобленный», как... как все и каждый в этой с-стране... проп-пала с-собака! Но плюс СПИД, и плюс пистолет. Только звякни он «колокольчиком» — придушат. Не сами, но первым делом наберут объявленный номер: 292-02-02 или просто 02.

А Ольга?! Разве Ольга не могла уже позвонить?! Уже теперь, не пустив, не открыв!

Не могла. Не пустить — да. А звонить, сообщать — нет. Ведь тогда и она попадает под пресс. Нет, не по-

этому, не будь уж таким говнюком! Просто не могла и все! При всех ее...

Не находил себе места. Без всяческих метафор. Вокзал, казалось, сгодится на какое-то время. Казалось, пока шел к нему, играя в пассажирскую спешку, вскидывая к глазам руку с часами, нервно цокая языком, прибавляя ходу — не беглец, но опаздывающий.

Как раз пора отправления всяческих «стрел». Хотя бы присесть. В зале ожидания. Ноги гудели. Который час он на ногах? Восьмой. В конце-концов без посещения туалета он долго не протянет. А они ведь, проп-пала с-собака, платные! Последняя мелочь!

Не находил себе места. Все скамейки заняты.

Милиция. И в зале ожидания.

И в несвежей, «банной» атмосфере касс второго этажа: «На Москву ничего нет!»

И у буфета.

И у платформ.

Всюду! Или так казалось. Обычно по ним скользишь взглядом и... знаешь, что да, вот они, но не имеют к тебе отношения, не по твою душу. А сейчас?

Он очень смутно представлял «весь комплекс мер», о котором объявил телевизор, но волей-неволей относил каждую маячившую фигуру в форме к себе. Да. Вот они. По его душу.

Старался не щуриться. Особая примета — «колокольчик» — очки с дымкой. А без них — нечетко, размыто. И пусть! Пусть так, но не щуриться — иначе любой определит в нем очкарика, снявшего очки. Пусть лежат в одном кармане с... оружием, которое он готов сдать. Готов? Чего же тянуть? А он знает?! Не знает!

Милиция. Всюду была милиция. Расплывчатые фигуры, узнаваемые по форме.

Он убеждал-уговаривал себя: ничего страшного, ничего страшного! Ничего страшного хотя бы в том, чтобы надеть очки, шапочку... голова мерзла. Особая примета — «колокольчик» с надписью «Нью шоу» — шапочка служила прокладкой для очков в том же кармане, чтобы не разбились о пистолет. А в другом кармане прореха.

Будь проклят этот пистолет! Этот день! Эта ночь! Эта... проп-пала с-собака!

Он убеждал-уговаривал: сдавайся, сдавайся! Решайся! Другого выхода нет!

«Стрéлы» отправлялись одна за другой. У платформ маячили милиционеры. А если договориться с проводником и уехать? Бред! Сколько им ни предложи — кочевряжатся, а у него денег — ни рубля. И сегодня они все начеку. Разве что — электричка. Куда? Хоть куда! В Сосновый Бор, да?! К Максимке, которого жена от первого брака не без успеха наущает?! В Бор — не с Московского, а с Балтийского. И электрички уже не ходят. И не в этом дело, не в этом!.. И вообще на транспорт (любой!) у них предварительный расчет. У них, у всех, кто его ищет. Первым делом преступник попытается скрыться: вокзалы, магистрали, шоссе, линии метро. Гон. «На вид не более сорока. Очки. Шапочка «Нью шоу».

На самом деле — «NEWSHA». Разница невелика. Один из немногих Ольгиных подарков. Из начесанной Нюшиной шерсти.

Ольга работала свитер — толстой вязки, со вкусом. Он прикидывал интонационную смесь из удивления-благодарности-дурашливости, с какой сказал бы ей по окончании работы: «Мне-е?» Зря прикидывал, свитер она работала себе. И не подала виду, что заметила его потерянность (да не в свитере дело!), но тут же с порога, открыв ему, будучи в обнове, уничижающе вздохнула, смерив выражающе-невыразительно:

— В чем ты ходишь! Ну что у тебя на голове!

— Головной убор.

— Вот именно! Отдай его бедным! — и вручила шапочку.

NEWSHA — Нью ша — Ню ша — Нюша. Кто не знает — не поймет, кто знает — промолчит. Или не промолчит, а решится рано-поздно объясниться с женой, но только сам, сам... «Как только тебе позволяют ходить в таком виде? И рядом-то находиться стыдно!» Ни в коем случае не вслух, но подразумевалось именно это. Получи подарочек и... домысливай.

Ни-ку-да! К Юрке? После того, как Юркина Еления сделала «лицо», они с ним только по работе и на работе общаются. Да и близняшки Юркины еще гукают-ползают. А... СПИД? Совесть надо иметь. И не совесть, а инстинкт самосохранения. На куски растерзают, если слух дойдет. Друзья? М-мда, они друзья, но не до та-

кой степени, чтобы принять... Не в «гробешник» же ему... А к Женьке?! Ни во что не посвящая: просто не договорился с бензином, вместо Прибалтики — фига с маслом, ч-черт, целая серия репортажей накрылась, лучше не заговаривай сейчас со мной, я злой как... как не знаю кто, еще повезло: в метро успел!

В метро! До «Академической». Всего за пятачок. В метро тоже нельзя. Там милиция дежурит как нигде. И на входе, и на выходе. И телевики — на все перроны. Если узнают, то попался: любая станция — замкнутое пространство, а если успеть прыгнуть в вагон, то... лишь до следующей станции. По рации сообщат, в тоннеле не выскочить. Если узнают.

Но могут не узнать! Могут. Но могут и узнать. О чем он?! О чё-ом?! Сам же решил сдаться! Решил... не сейчас, не теперь. Еще чуть-чуть. Еще малость!

Нет, в метро нельзя. Не хочет он под землю. Под землю успеется. Ч-черт, куда деться от неконтролируемых ассоциаций! И вообще куда деться! До «Академической». Только на метро. Или... такси? Без рубля в кармане?! Да пусть и с рублем! С пятью! С десятью! На диспетчерской будке у вокзала был плакатик:

«Товарищи пассажиры! В связи с острой нехваткой таксомоторов пользуйтесь другими видами городского транспорта!»

Простенько и вежливенько. Эти водилы давно решили, что существуют для чего угодно, но не для перевозок. Да хоть тогда, когда он своеобразно поймал «зеленый огонек» — когда «Ню-ша пропа-ала!» На пустом проспекте Науки тормознул, распахнул дверцу и услышал:

— Четвертак!

— Рехнулся, мастер?!!

— А кто тебе дешевле сдаст?

Он оторопел, в какой-то миг решил: пропади пропадом, пусть четвертак, но вдруг понял и взревел:

— Да мне ехать!!!

— А-а, тогда десятка!

И всю дорогу таксер хмыкал: «Так бы и сказал! Так бы сразу и сказал!»

Такси существуют не для перевозки пассажиров, а для продажи водки. Или вообще не существуют. Для него, сегодня, сейчас — нет. И нельзя на Академическую. Невозможно!

Бывают удачные браки, но не бывает браков упоительных. Кто-то из классиков, афористов, чтоб их! И ложь во спасение удачного брака используется каждым вторым (первым?). Эксплуатация порядочности. И запас прочности, ресурс этой порядочности неограничен: ведь ложь — во спасение, во спасение жены, не виноватой в том, что брак просто удачен, а упоение — на Староневском. И не моргнув глазом, встречать взгляд юной жены, жены-ребенка — взгляд, в котором и мысли ни-ни о... Да, не моргнув! Потому что он этим спасает ее, жену-Женю. Все шесть лет совместной жизни — от всего спасает, всячески опекает, щадяще воспитывает. Жена-ребенок, звезда гимнастического помоста. В прошлом, до злополучных брусьев.

Не моргнув. А теперь? Он передернулся, представив Женьку: «Ты ел? Я сейчас тебе сосиски! Отварить или пожарить? Знаешь, не переживай. Не поехал — и к лучшему. Там в Прибалтике такое творится — «Правду» читал?.. Ну не смотри ТАК. Молчу, молчу. Картошку пожарить? Я быстренько. Ты же так не наешься». Спасая ее? Да. Но теперь... он же будет таким образом спасать себя и... губить ее. И себя губить, и себя! От совести умирают? Нет, но бросаются из окна, вешаются, стреляются. Из... пистолета. Передернулся.

А рассказать? Не поминая Ольгу. Мало ли где и как. Донорство... А с чего тогда пошел проверяться? Просто взбрело? И — оружие, труп. Женьке — за что? И какая у нее будет реакция, он не стал даже представлять. Из всех вероятных — от соболезнующе-преданной до отторгающей — никакая невозможна. Для него. Лучше, действительно, застрелиться. Пока есть чем. Или сдаться. Он же решил. Решился! Но тогда всплывет все остальное... Или пропасть без вести? Как? Ка-ак?!!

Ч-черт! До каких пор он будет бродить по вокзалу! Ну еще полчаса, час. Пока ноги держат. «Падая в воздушную яму» при виде каждого нечеткого милиционера, просто при виде любой фигуры у телефонных автоматов: куда звонят?! 292-02-02?! И ноги-то уже не держат. Пора!

Он еще постоял «у Ленина» — традиционного всеобщего места встречи (изменить нельзя, сколько бы ни гоняли). Пора, пока есть возможность сдаться самому. Он ИМ поставит условие, чтобы Женьке не сообщали.

Ну не условие, он взмолится. Люди же ОНИ! Должны же понимать! Иначе... иначе он объявит голодовку, нападет на конвоира (хлопнут — того и надо!), да просто с разбегу об стенку в камере — и привет!

Поймал себя на том, что мысленно — уже там, у НИХ, уже сдался. Значит, да, сдался. Сам. Пора. Пока не поздно. Чему быть, того не миновать. Извлек очки, подправил дужку, перекошенную после встречи с люберятами. Пока не позд...

...но. Но! Цветовое пятно сразу стало резким и четким: 01.21. Над выходом на платформы. И все вокруг стало резким и четким. И от выхода на платформы (резко и четко!) «к Ленину» шел милиционер. Не через зал, не прямиком, а как-то бочком по окружности, тщательно не глядя в сторону вознесенного стелой бюста. Не приближаясь, но определенно — сюда. К нему?

Кроме него, здесь тетка на чемодане, грызет яблоко. Парень с зачехленными лыжами, еще один, женщина без возраста и... он. А если просто «граждане, здесь не скапливайтесь»? А если нет?! Он должен сам! Только сам! Иначе... Никаких иначе!

Псевдо-скучающе, не торопясь, от нечего делать, даже вроде зевнув, он отошел к кооперативному киоску: шарфы, платки, дамские причиндалы. Закрыто, но внутри лампочка. Он ПРОСТО ТАК! Он скуки ради! Просто поглазеть! Деть в никуда еще несколько минут! Оглянулся на табло (а который это у нас час?), из последних сил стараясь «не видеть» милиционера. 01.22. И человек в форме, «не видя», шел именно к нему.

Чем обратил внимание?! Надел очки? Слишком долго стоял? Отошел к киоску? Просто намаячил на вокзале? Важно ли?! Важно то, что это — к нему. Точно, к нему! Не паника — нюх. Так же, как он «не видит» милиционера, тот «не видит» его. И приближается.

Он досадливо щелкнул пальцами: сколько можно дожидаться! Хватит! И решительно развернулся, двинулся во второй зал, к выходу в город, от следящего. Следящего?

Поведением мотивируя не бегство, а экономию уже потерянного, увы, времени, прибавил шагу. В город — нет. Освещенная площадь с «кошмаром парашютиста» — как на ладони. А вот направо — еще залы-зальчики, анфилада. Воинские и какие-то еще. Через них. Следящего?

Милиционер, «не видя», шел следом, сокращая дистанцию. Вел. Пока не преследовал, но вел. На всякий случай. «Не более сорока, коричневый плащ, джинсы». Убийца в городе. «Темный свитер». Теперь еще и очки. «Очки с дымкой в металлической оправе». Вел на всякий случай.

Он должен сам сдаться. Но теперь как? Теперь не «сдался», а «пойман». Зальчики кончились — выход во внутренний вокзальный двор. Из него — только либо на площадь, либо к платформам, либо... снова «к Ленину». Не пойман. Еще не пойман! Он сейчас оторвется от этого и сдастся другому, но сам! Еще чуть прибавить! Где грань между быстрой ходьбой и бегом?

Снова оказался «у Ленина», невольно сделав круг, и... пошел по второму. «Хвост» не отставал, теперь не просто вел — преследовал. И опять направо. Нет, не в залы-зальчики, а рядом — темный коридорчик с пиктограммным указателем туалетов. Есть ли оттуда проход наружу? Есть! Но все в тот же внутренний двор.

«Туалет бесплатный» — на картонке шариковой ручкой. А терпеть нет сил. И ни на что больше нет сил!

«От происшествия, случившегося в 60-м отделении милиции Василеостровского района, больше всего страдают сами работники отделения. Несколько дней в здании отсутствует электроосвещение, не работает радиосвязь. Пытаясь вести дела в романтическом свете свечей, охранители порядка не стали романтиками и на светлое будущее не надеются. Получить новое помещение, как говорится, не светит. И даже не греет — котельная тоже пришла в упадок.

— Обращались мы везде, во все инстанции. Нас все отфутболивают, требуют большие деньги, мы никому не нужны.

— Как такое может быть вообще-то?

— Потому что милиция просто беззащитная...»

Он всем телом налегал на дверь, вжимая ее плотно-плотно. Если дернут, нужно чтобы осталось впечатление: закрыто. Никто не подпирает, не прячется, не скрывается — просто закрыто. Дышал шумно, с подвыванием, уткнувшись в собственный рукав, глуша звуки.

Кислородное голодание. Напрягал слух: вот шаги — уже откровенные, быстрые, преследующие. Вот тишина, пауза. Сейчас дернут дверь. Сейчас! Не дернули. Проскочил блюститель! Надолго ли? Выглянет во двор — пусто. И вернется. А сил нет. Ни на что.

А если сейчас попробовать выскочить и... и что, обратно «к Ленину»? А нос к носу с милиционером? А «стой!» в спину? И тогда уже явное бегство, большой драп, гон. И сколько же терпеть?!

Он на цыпочках, пытаясь бесшумно, отошел от двери к кабинкам, заторопился с «молнией», еле сдерживая рвущееся мычание. Потише, потише, по стеночке, не журчать! А если вдруг и застукают, то вот и объяснение: понятно, куда спешил? Он просто спешил, он не убегал. Попробуй не спешить, если приспичило. Пусть вваливаются, пусть командуют: руки вверх! Пардон, но руки заняты, минуточку... Он непроизвольно осклабился. Но никто пока не вваливался. След потерян? Неужели так просто?! И окно. Через окно? А куда оно? Целиком закрашенное. Непонятно куда, хоть в тот же внутренний двор. Есть ли смысл? И шпингалеты намертво краской схвачены. Да и так просто милиционер не уйдет. Где-то поблизости. Где?

Здесь! То есть там... Сквозь стенку — гулкий удар, ржавый визг петель (короткий, потом протя-ажный), и снова удар. Он силился представить, что там происходит. Да. Милиционер в соседнем туалете: крадучись к ряду кабинок и сапогом по хилым дверцам, отскок в сторону (убийца вооружен!) — визг петель, да-да, короткий при пинке и протяжный при инерционном возврате. Пусто? Следующая.

В соседнем туалете?! Этот страж порядка, он что... в пылу охоты совсем ориентацию потерял?! Или...

В заячьем ужасе он огляделся. И только сейчас осознал: нет привычных писсуаров, только кабинки. И запах. Иной. Вонь обычная для всего бесплатного, но со специфическим оттенком. Господи-боже-мой! По коже прошелся лютый мороз. Счастье, что здесь никого не было, когда он проник внутрь и навалился на дверь. Иначе такой хай и ор поднялся бы! И понятно, почему милиционер не дернул за ручку — даже в пылу охоты не потерял ориентации. А он — потерял. Не время было буковки рассматривать. Первое попавшееся!

И теперь он — в «Ж». А преследователь, как в кино, выбивает ногой кабинки в «М», и палец, как в кино, не исключено, на спусковом крючке. Но когда выяснится, что в «М» — нет, где гарантия... Нет гарантии. Охотник придет сюда: приличия приличиями, но долг превыше. Долг — задержать преступника. Изощренного и извращенного, не брезгующего даже проникновением в «Ж», лишь бы укрыться... Он был в «Ж». В глубокой и беспросветной ж... И не мог взвесить, что хуже: появление здесь милиционера? появление первой, кого нужда заставит?

Он потерял. Потерял последнюю возможность хотя бы встать с независимым видом, облегчаясь напоказ, — и доказывать потом: сам готов был сдаться, но можно хоть сначала... люди вы или кто, должны понять! А теперь какое «напоказ»! В женском-то! Изощрен и извращен! Бежать! Сломя голову!

Он качнулся к выходу и на самом деле чуть не сломал голову, оскользнувшись на грязном кафеле. Застыл, ловя баланс. И звуки застыли. И время. И мысли. Опоздал! Надо было раньше, когда милиционер шуровал через стенку. А сейчас... не шурует. Вышел ли, ушел, не ушел, в коридоре выжидает?

Оглохнув от напряжения, вжимая уши, — ни в коем случае не хлюпнуть, не издать шороха-шолоха! — докрался до кабинки, до самой дальней. Если это какая-нибудь женщина зайдет, то... то сунется в первую же, ближайшую.

Осторожно, как на ежа, полуприсел и пригнулся (нет здесь его, нет!), двумя руками вцепился в задвижку. Нельзя, чтобы обнаружили! Невозможно! Сколько он так способен просидеть? Вечность! Сколько бы ни понадобилось! Только не надо его обнаруживать, нельзя. Милиционер ли, женщина ли. Не надо! Стыдно, грязно, противно, беспомощно и безнадежно. Все безнадежно, как ни верти, ни вертись.

Дверь открылась. Он не видел и не слышал, но почувствовал — в десятке метров от него. Входная. Движение воздуха. Не женщина — той незачем соблюдать бесшумность. А вот милиционеру — который для профилактики обязан обследовать любое место, где может укрыться преступник... и при том, что место это «Ж»... и не попасть в идиотскую ситуацию, если там кто-то есть из действительно «ж»...

Он замер в кабине. Чуял: на пороге стоит человек в форме и так же, как он, слушает тишину. И этот человек в форме чует его. Флюиды, флюиды!

Долго. Очень долго.

— Вихады́!

Он понял, что флюиды флюидами, но милиционер не уверен: здесь ли? Уже уверен: из женщин никого. Но не знает: есть ли кто? И командует: «вихады!» (выходи!) в пространство. А вдруг? На пушку берет... Ч-черт, а если в прямом смысле на пушку? Лучше застыть, замереть — нет его тут!

— А, сяни́ ахзувы́!.. — высказал невидимый охотник на своем родном. — Вихады! — поверив в отсутствие и просто отводя душу. Эффект пустой комнаты, которой опасаешься, зная наверняка, что опасаться нечего. — Сяни анасы́, атасы́!..

Уйди же! Уйди! Дай сдаться! Дай выбраться из позорного положения и достойно произнести: арестуйте меня! Дай!

Не дал. Вероятно, элементарное любопытство: а как у них? Не каждый день выпадает возможность осмотреть незнакомое и недоступное да еще под благим предлогом: служба! Или рвение. Или преодоление внутреннего страха без особого риска: ведь «нет его тут». Скорее всего и то, и другое, и третье.

Милиционер, уже не таясь, распахивал дверцы в кабинки, гортаня вполголоса на своем родном. Мат? Что же еще!

Все ближе и ближе к нему. Секунды на раздумье. Ка-акое раздумье! Спрятаться не удалось. Сдаться с почетом тоже. Надо срочно, мгновенно, вот сейчас проявиться голосом, чихом, словом, шмыганьем и — проппала с-собака! — смириться с позором. Или лучше если застрелят? От неожиданности, инстинктивно. Лучше?

Он издал натужный характерный звук. Что может быть натуральней... Идио-от! Сидя на унитазе в ШТАНАХ! Куда натуральней! Идио-от!

Милиционер, угадалось, отпрыгнул и от внезапности крикнул очень тонко:

— Стой!

— Товарищ милиционер, вы не подумайте ничего плохого... — неуклюже сказал он сквозь перегородку.

— Стрэлят буду!

— Не надо стрелять. Я сам. Сам выхожу.

— Вихады!

Он толкнул коленом дверцу, подняв руки над головой: видно же, видно — никакого оружия, не сопротивляется, готов оказать всяческое содействие! Видно же! Залился моментальной густой жаркой краской — до чего п-п... д-д... п-погано!

Милиционер, пацан, и двадцати нет, но сержант (сразу после армии?), но с жесткой мужской щеткой усов, смугл, горбонос. (Ольга: «Понаехали в Ленинград!» И он якобы пропускал мимо ушей, лишь бы не нарваться на ее: «Да ты сам-то!») Милиционер держал руку у бедра, на расстегнутой кобуре, следил за каждым его движением. И то ладно, что не достал, не наставил: пальнул бы внезапно, сдуру, как... Именно: как «озлобленный, готовый на все». И глаза у сержанта странные, не уловить выражения. А какое выражение было у него самого, когда нажал на курок? И тот... Ланкин?.. упал. Какое?

— Не надо стрелять, — повторил он. И заспешил: — Товарищ сержант, у меня в левом кармане...

— Вихады! — перебил пацан в форме — Рука не атпскай!

Он со всей осторожностью, на какую только способен, стал выходить, шевеля только ногами, только ногами (лужа и лужа! вонючая и вонючая!) — по прямой. Упаси шевельнуть рукой, плечом, бедром, шеей. Не спровоцировать!

Он все-таки оглянулся, огибая милиционера, пропускавшего его вперед. Зверино почуял. И зверино же, не человечески метнулся назад. Жить! Что-то внутри подсказало. Бестолково, не по канонам каких-либо школ, нырнул плечом, рассек воздух и — попал. Сержант схватился за лицо, фуражка и пистолет разлетелись в разные стороны. Пистолет! Был в кобуре, оказался в руке! Брызнула кровь. В нос попал. Локтем. И ужас — ужас в глазах милиционера при виде собственной крови.

Второй раз — коленом в пах, более осмысленно и целенаправленно.

Пацан в форме уйкнул и повалился лбом в пол. Стук как у стакана. Отключился.

Надолго? Только бы не навсегда. Только бы на подольше. Чтобы успеть отсюда подальше.

Вне закона. Теперь — вне закона. Посмотреть надо было, что там с этим сержантом. Надо было подобрать с пола табельное оружие, вложить в кобуру, привести в чувство, вызвать...

Не надо! Тем более вызывать! Вне закона — это когда любой встречный не просто может, но и должен его прикончить. А горбоносый новобранец готов был прикончить — без всякого провоцирования, при полном послушании.

«Разъяснять, что этот человек смертельно опасен, думается, нужды нет».

Думается! Им думается! И проще пальнуть в спину, конвоируя уже сдавшегося (он ведь сдался, сдался! сам!). Вот сержант еще миг и пальнул бы. Пистолет уже вынул из кобуры тайком. СПИД! И первобытный посыл: бей! И без мысли: выстрел — рана — кровь, кровь, опасная как раз когда наружу. Но... инстинкт: бей! Подобно встрече со змеей, пусть и не ядовитой. Потом разберемся, а сейчас — избежать, избавиться! И табельное оружие тишком вытаскивается из кобуры. В спину.

Да, он оглянулся и понял взгляд горбоносого. У того сработало: бей! У него сработало: спасайся!

Спасся. И не сдался. И теперь такой возможности нет. Не будет. Трижды прикончат, пока только руки будут подниматься. Не говоря уж о каких-либо объяснениях. Змея! Бей! Вооружен! Опасен! Инифицирован! Бей!

«В условиях всеобщего несытого существования наступил и аптечный голод. Самое время для бурной деятельности целителей всех мастей. И добиваются они порой поразительных результатов.

— Скажите, а какой процент у вас излечившихся больных?

— Сто процентов...

Альберт Михайлович Чистяков, кандидат медицинских наук, врач-венеролог продавал у себя в кабинете копеечные мази и вакцины за большие деньги, словно это панацея. Если кому-то довелось лечиться у этого доктора вазелином от венерических болезней, стоит снова проверить здоровье, а заодно и лечебное зелье во Фрунзенском РУВД. Телефон 292—41—04».

Он собрал все остатки воли в кулак — только не оглядываться. Пусть идущий сзади, следом нагонит и... окликнет, тронет за рукав, пусть даже оглоушит по затылку. Но — не оглядываться! Иначе он просто побежит. Оглянется и — побежит. А бежать некуда, и второго дыхания нет как нет.

Он свернул с Лиговки в первый же проулок, не отдавая себе отчета зачем. Просто нервы.

Просто когда ушел с вокзала, оставив в женском туалете бездыханного сержанта, выбрал Лиговку — в сторону из города, длинно, нескончаемо: сколько угодно иди озабоченной походкой припозднившегося гостя. Иди, иди до... а хоть до Московского проспекта. А там... да хоть до Пулково по Московскому. Иди до первого милицейского патруля, попавшегося навстречу. Хуже — догнавшего сзади. Вот-вот! Лиговка — магистраль, по ней и в два часа ночи нет-нет и проносятся машины. А он, уловив нарастающее рычание, съеживался и задерживал дыхание: вот поравняются, затормозят, чуть обогнав, посыплются отовсюду, скрутят. Нервы!

Он гадал по рычанию — грузовик? легковая? «козел»?

«Все без исключения компетентные службы» могут быть на чем угодно: «козел» с оперуполномоченными, легковая гэбэшников, грузовик со взводом внутренних войск. Лиговка — магистраль: просматривается на километр. Если кто покажется впереди, есть шанс вильнуть в первый же проулок. Но вот сзади... Сзади — гадай.

Очнулся ли тот, на вокзале, в «Ж»? Если да, то по тревоге подняты такие силы после «разрешите доложить», что и грузовики, и легковые, и «козлы» вместе взятые пущены на поиски, в погоню: далеко уйти не мог, успеть найти и обезвредить. Нападение на сержанта милиции, на власть — это уже... это... это о-о!!! Вне закона.

А если тот, в туалете, НЕ очнулся? Лбом об кафель. Стук был тошнотный. Пусть он оборонялся — кто поверит?! И кто вообще будет слушать?! И какая самооборона против милиции, против власти?! Не думать-не думать-не думать! Лучше предположить, что горбоносый очнулся и не доложил: кавказцы болезненно самолюбивы, а тут еще где-где — в «Ж», нос разбили, по самому дорогому коленом въехали, да при исполнении, да при табельном оружии. Не должен, не должен сержант никому рассказать. Просто оступился — зима, лед, непривычно, январь. Нет, не должен! Если... очнулся.

Машины проносились мимо, обдавая его веерной снежной грязью. И он каждый раз стекленел. Глупость, что пошел по Лиговке. А что — НЕ глупость?! Не та ситуация, чтобы трезво оценивать. Только совершив глупость, понимаешь через минуту-три-пять: глупость. И стараешься исправить. И делаешь следующую. Понимая это в следующую минуту-три-пять.

Он свернул с Лиговки в первый же проулок. Начало третьего. Пусто. Ни грузовиков, ни легковых, ни «козлов». Сырая тишина. Только его шаги. И... чьи-то еще. За спиной. Не приближаясь и не отдаляясь. Кому придет в голову прогуливаться в начале третьего?! След в след?!

Не оглядываться, только не оглядываться! Иначе придется бежать. Убегать. Пусть окликнут, тронут за рукав, шарахнут в конце-концов, догнав! Но — не оглядываться. Шаги! Мужские, крупные, размашистые.

Он миновал один тусклый фонарь, другой, еще один (режим экономии: один-два). Остановился, как налетел на стену, и принялся всматриваться в циферблат своих часов у следующего фонаря. Ну?! Тот, кто идет за ним, не может не догнать, не может не спросить, обязан спросить: «кстати, который час, не скажете?» Или, да, пусть — шарахнуть по башке. Лишь бы не так — молча и невидимо, при категорической недопустимости оглянуться. Ну?!

Чужие шаги смолкли одномоментно с тем, как он остановился. Не оглядываться! Рассмотрел циферблат. Три. Без четверти. Самое подходящее — увеличить скорость, даже перейти на трусцу: надо же! без четверти три! припозднился!

Снова задыхался. Снова испарина от напряжения. И очень холодно. Мороз. Маразм. Крепчал.

Тот, кто за спиной, тоже перешел на трусцу. Что за герой-самоучка! Сказано ведь по телевизору: не пытайтесь его задержать, а немедленно звоните! Вот козырек таксофона, как раз по дороге. Двушка не нужна, герой?! Окликни сейчас же! «У вас не будет двушки?» Но звони! Замри у козырька и звони! 02 — без монеты! Звони! Только отстань!

Он проскочил мимо таксофона, дальше. Шаги следом не отставали. Еще переулок! Туда! Не отставали. Он запетлял. Загнать решил, герой-самоучка?! Ни за что! Только не оглядываться! Все равно ничего не видать — очки

запотели и уже затянулись ледком. Протереть? Нет, теперь нельзя останавливаться! Глупость! Почему нельзя?! Потому что! Сейчас он доберется до первого же проходного двора — здесь есть, он знает, он бывал, Марата-Достоевского-Разъезжей! — и... И в полную, скрывающую темноту, стать за углом: проявись герой-самоучка в поле зрения — рукояткой по затылку. Вычитанный опыт. Но рукояткой, рукояткой. Не попасть в висок!

Он деревянными пальцами обхватил пистолет-«солянку» в кармане. Успеть переложить из левой в правую. А еще успеть бы протереть стекла! Чтобы не промахнуться... Продвигался почти наугад, как в молоке. Ежик в тумане хренов! А за спиной — мужские, крупные, размашистые шаги. След в след, попадая в унисон, только чуть запаздывая. Обнаружить себя боится герой-самоучка?! Уже давно обнаружил! И, погоди, будешь знать, как геройствовать и мотать нервы! Уже намотались, уже на разрыв, уже лопнут. Ч-черт, за что! Снег. Слякоть. Ноги отказывают. Сердце отказывает. И легкие. И голова. Глупость! Почему? Потому!!! А что делать?! Рукояткой по черепу из-за угла — там видно будет! Шаги! Шаги за спиной!

Он скорее угадал, чем разглядел, смутное пятно — арка, проходной двор. Проходной? Если нет? И пусть! Ему бы только укрыться, спрятаться, исчезнуть там — и оттуда рукояткой по черепу герою-самоуч...

Все оборвалось и рухнуло вниз, в пропасть — из-под арки выметнулась мощная, остроухая тень и летяще, безмолвно понеслась на него. К горлу!

Овчарка! Натаскана! Три-четыре прыжка! Сверкнуло искрами: засада! поджидали! гнали! сзади и впереди! отрезано! все! не выхватить! не нажать! горло! овчарка!

Он вжал голову в плечи, пряча горло, закрыл его двумя руками. Овчарка в последнем прыжке достала...

«А сейчас парижский репортаж, снятый нашей бригадой:

В Париже, где с преступностью тоже все в порядке, хотя и далеко до нашего размаха в этом смысле, в оружейных магазинах, в частности, здесь, на Рю де Бурсе открыта свободная продажа слезоточивого газа. И не

только в привычной нам понаслышке форме баллонов, но и в патронах. Газовый направленный удар выстреливается на пять-шесть метров из пистолета и парализует нападающего, не причиняя ему существенного вреда. Кроме того, в моде револьверы, стреляющие очень мелкой дробью, что тоже недурно для защиты, но исключает убийство или тяжкую травму.

— Как я заметил, в стволах стоят перемычки. То есть пулей из него выстрелить невозможно?

— Да.

Нормальная черта нормального общества: если власть не может дать гарантию безопасности каждому человеку, она не отнимает у него возможности самому защитить себя».

— Ральф! Ральф! Назад!

Ральф норовил лизнуть и сучил задними лапами, положив передние ему на плечи, жаждал уестествиться. Гон.

А он держался на пластилиновых ногах, приговаривая-осаживая! «Ну-ну-ну! Ну-ну-ну! Ну-ну-ну!»

— Ой, простите! Вот шизуха! Вот шизота!

— Очки! — как самое важное выцедил он.

— Ральф! Кому сказала! Фу, Ральф! Ральф, ищи! Ищи!

Овчарка нехотя опустилась на все четыре. Пряча морду, искоса-виновато посмотрела (посмотрел? Ральф...) на хозяйку.

— Ищи! Очки, Ральф, очки! Ищи! Кому сказала!

Очки слетели в миг. После собачьего толчка. Разбитого звона слышно не было — есть надежда. В снег? Хотя ему в тот миг вообще ничего не было слышно. В тот миг он умер. Хлоп — и нету. Еще счастье — не «хлоп» на мостовую. Что его удержало от провала в обморок? То есть обморок явно был. Но — стоячий. Вот это и называется — остолбенел. Окаменел. Не слыша, не видя, не соображая — просто вертикальный каменный столб, без признаков жизни.

Слух вернулся — никаких шагов за спиной, лишь сексуально-собачий скулеж у лица и почти детский голос: «Ральф! Фу!»

Зрение вернулось — дама с собачкой, выгул перед сном. Не дама — подросток-переросток. Но и не собач-

ка — собачище почти с Нюшу. С такой хоть где хоть когда не страшно. А позади? Наконец-то оглянулся — никого на двести метров по переулку, ни-ко-го!

Соображение вернулось — эхо! его собственные шаги! Он все время пытался убежать от самого себя. И ни следа от мнимого героя-самоучки. От самого себя бежал. «Я бегу-у-у!» — малец на барабане-тренажере!

«Ах, засада! Ах, окружили! Ах, отрезали!.. Дама с собачкой! Девочка Фиялка и песик Свиник!.. Мать-перемать, не могу больше жить в этой стране!.. Ничего-ничего, уже недолго осталось. В смысле, жить. Мы отдохнем, мы отдохнем!»

На него напал истерический икотный смешок. Образина-Ральф, возлюбивший с первого... э-э... нюха, — запахи Нюшины эфемерные для человека, долговечны и призывны для пса.

— Вот шизня! Ну, шизота!.. Ральф!

Ральф порылся в снегу, нашел, прикуснул осторожными зубами. Очки!

Если стекла целы, сумасшедше загадал он, то... то все обойдется. Как-нибудь, но обойдется!

Стекла уцелели. Но одна дужка оторвалась и пропала безвозвратно. Слишком много выдалось сегодня на долю очков: мордобой на Миргородской, туалетный поединок, и вот... Усталость металла. А его собственная усталость?!

Он продышал линзы, протер, попытался приладить на переносицу. Радужные разводы от влажной, спешной протирки, искореженный ракурс. И не держались очки, норовили сползти. Он сосредоточился на них, чтобы унять дрожь — дрожь от воображаемого преследования, от всамделешнего, не воображенного нападения, от злости на идиотизм нападения, на девочку Фиялку и песика Свиника. И все больше злился — дрожь не унималась, а стала более заметной, как только он сосредоточился на очках: зубы можно сжать, чтобы не стучали, но трясучка стылых пальцев — вот она. Ему просто холодно! Мороз! Понятно?!

— А если проволокой? — несмело предложила хозяйка Ральфа. Беспочвенный совет, демонстрация участия. — Ральф! Куда! — Овчарка носилась зигзагами в обозримом отдалении, дорвалась до кустиков. — Нет, правда! Если проволокой?

Он исподлобья глянул на подростка-переростка: лыжный комбинезон, кроссовки, ералаш непокрытых волос, прыщи-хотюнчики...

— Конечно, проволокой! — вложил максимум обвиняющего сарказма. — Кто в такое время собак выгуливает?! Как вас и родители-то выпустили! — и внезапно для самого себя блефуя: — Телевизор, что ли, не смотрите?! Не боязно?

— Я как раз смотрю! — (он опять застыл над пустотой). — Как раз только что «Русское видео» кончилось. Там — Мадонна! Прикол! Полный оттяг!.. А Ральф терпеливый. А больше некому вывести. Маман в горах катается, а у нас каникулы. И раньше никак нельзя — возбухнут: «выгул запреще-ен! не-ечего тут! де-ети кругом! зараза всякая!» Никакой у него заразы! И не кусается! А чего бояться-то?

Виноватость обязывает. Могла ведь с поколенческим хамством отразить: «А кто в такое время по улицам шляется?!» Ну без балды, кто?! Только... только тот, о ком сказано по телевизору («Я как раз смотрю!»). В отличие от Ральфа — заразный, и укусить может. А ей не боязно. Поздно включила? Пропустила мимо ушей? Прикидывается? А чего ей бояться, имея волкодава?

— Ральф! Где плетка?! Накажу! А ну, домой!.. Нет, без балды, у нас в кладовке до фига всяких мотков. Можно пришпандорить. Или... или вам недалеко?

Долг виноватости исполнен. Приглашение и не приглашение. Сочувствие выказано, предложение сделано с заведомой гарантией, что принято не будет.

— Мне недалеко.

— Ага! Тогда... еще раз извините! А ну, домой!

Ему на мгновение захотелось мстительно принять приглашение. Он задним числом, оставшись в прежнем одиночестве, незряче пялился в смутное пятно арки, куда вернулась «дама с собачкой», вернулась домой.

«А ну, домой!» — Ральфу, а не ему. А хорошо бы — ему. Опять же в кладовке всяких мотков до фига. А пришпандоривать самодельную дужку можно долго. Достаточно долго, чтобы напроситься на: «А пока чаю, нет?»

Нет. Куда ни шло, если квартира отдельная. А если коммунальная? Гремящий чайник в ночи, общая кухня. Крадись, не крадись по коридору, сосед-соседка тут как тут, те, чьим заботам поручен подросток-переросток. «Ребенок уже взрослый, но присмотрите». Тем более, что

7 Зак. 207

уже взрослый. Пожа-алуйста, нате вам — привела неизвестного, а по телевизору сообщили, что... Нет и нет!

Будь у «дамы с собачкой» и отдельная квартира — тоже нет! Если он сядет в тепле, то уже до утра не встанет. Не странно ли: шел человек, спешил домой, в семью скорее всего (в три-то ночи куда еще спешить?), а тут воспользовался приглашением (на минутку! очки починить!) и вздремнул. Да так крепко, что толком не очнулся, когда его стали вязать «компетентные службы». А уж они-то непременно нагрянут на вызов: «Я на минутку позвала, а он сидит и спит. А я не знаю чего делать! Полная шизня!»

Век не отмоешься. Воспользовавшись доверием и неопытностью... и так далее. Да и не было никакого приглашения! Сказано было: «Или... или вам недалеко?» Понял? Иди!

И недалеко. Рядом. Таки рядом...

«Криминальная хроника. В Невском и в нескольких других районах была зарегистрирована целая серия изнасилований и развратных действий в отношении девочек восьми, десяти и двенадцати лет. Угрозыск работал днями и ночами. И наконец задержан и изобличен в совершении этой серии Кирилюк Алексей, учащийся техникума. Развратные действия он совмещал с подчас самыми жестокими и изощренными издевательствами над жертвами, побоями и вовсе немыслимыми выходками».

— Что ты мне подставил не знаю что, когда я собиралась поцеловать тебя в щеку?!

Ухо. То есть он его не подставлял, а уклонился от ритуального чмоканья, обозначив готовность к нему, — и соответствовать, и не обидеть.

Здесь, в этой среде объятия и поцелуи — крепкие и громкие — были ритуалом. Независимо от пола, возраста, эмоциональности, взаимности. Аффектация будто на подмостках плохонького театра, вампука. Ироническая аффектация, но столь беспрерывная, что не с чем сравнить: а иначе они могут? а как? Маска? А за ней? А не снять.

Он не находил себе места где бы приткнуться. Зная, помня о «гробешнике», но не подпуская мысли о нем,

Куда деться, куда?! Некуда! Не в «гробешник» же! И вот...

Инстинктивно сюда и направлялся. «Вам недалеко? — Мне недалеко». Сам пришел. Инстинкт сильней сознания. Бытие определяет.

Сознанием: не будет здесь ни сна, ни отдыха, как и не было никогда!

Инстинкт: больше некуда!

Сознанием: если начнут прочесывать, то «гробешник» среди первых адресов.

Инстинкт: не его ведь станут искать, а просто поводом воспользуются всыпать и разогнать! и его в крайнем случае разгонят, ну всыплют! зато... не поймают!

Сознанием: понимания и сочувствия жаждешь? от кого?! от вечно играющих в понимание и сочувствие?!

Инстинкт: ничего он не жаждет! только согреться и прикорнуть! и знать, что не будет вопросов: откуда? с чего вдруг?

И таки — «гробешник». Таки привел инстинкт.

Полуподвал, в котором невозможно жить. Но жили: Велл и Аку-Аку. Остальные, еще три семьи, выехали, дожав городские власти объявленной голодовкой перед исполкомом: с младенцем на руках; старушкой, приговаривающей: «Христа ради! Христа ради!»; женщинами, зыркающими иступленно. Имеем право!

Велл и Аку-Аку прав не имели. Они не имели права жить в этом полуподвале, в котором невозможно жить. И потому жили — уже не в одной прежней комнате, а и на освободившейся площади. Самородок Велл и его верная Аку-Аку. Они нашли друг друга. Оба кочевые и вот — осевшие, снявшие угол. Хозяйку видели только раз — в толкучке на Сенной, где обо всем с ней и порешили. «Синеножка». Сгинула. Очень возможно, что давно улеглась на Ковалевском среди «безродных» — хватанула чего-нибудь метилового. Но Велл и Аку-Аку затвердили накрепко: сначала найдите хозяйку, а потом попробуйте выселить — мы ей заплатили за десять лет вперед!

Тянули волынку. И в переносном, и в самом что ни на есть прямом смысле. Волынка у самородка Велла была еще самым простым и объяснимым инструментом среди того множества, из которого Велл извлекал звуки. «А вы фокстрот сыграть смогли бы...» Смог. У самородка были, кроме волынки, и скрип-скрипка и бас-чемодан,

и эскимосская струна-жила, и нечто под названием «гундон». Все бы ничего: мало ли виртуозов двуручной пилы, ложкарей, расчесочников! Была бы музыка! Музыки не было. Звуки, да, были. И слухи: странная парочка появилась, черт-те что, но в этом что-то есть...

«На флейте водосточных труб» — всплыл штамп-заголовок, когда год назад он решил снять сливки, накалякать сотню-другую строк о странной парочке. Заработок — мизер, ну червонец. Но не в заработке дело, он у Юрки в конторе полкуска ежемесячно имеет. А вот поддержать реноме акулы пера, чтоб помнили о таком, не забывали в кругах пишущих — да.

Готовился к чему-то ну... курехиноидному, поп-механическому, с необходимой долей юмора, стеба. И... чего не было, того не было. Велл извлекал звуки. Скрип-скрипка — нечто рогатое, нареченное так только из-за цикадного скрежета. Бас-чемодан — веревка, пропущенная сквозь объемистый кейс и привязанная к длинной бамбуковине, издающая при натяжении и щипке действительно контрабасное бммм-бммм. «Гун-дон» — действительно гундосящий и вместе с тем дон-донкающий.

Велл — самородок. Велл извлекал звуки и... молчал. Аку-Аку говорила: парадигма цивилизации, карма, аура, ламентации, маргинально окультуренный универсум, сакрально, га-авно.

Он старался соответствовать компании — какие-то искусствоведы, короеды, прочие еды-веды, невнятный иностранец с картонным ящиком «Хайнекена» и идеей контракта в одночасье, умноглазый «дятел» (домашний и участливый, этакий Мукусев из «Взгляда»... но откровенный, за версту, стукач), обиженные судьбой дамы: если нормальное лицо, то непременно ортопедическая обувь, а если ноги как ноги, то лицо... ортопедическое. Под стать говорящей-говорящей Аку-Аку. Иного ее имени не знали, а похожа она была точь-в-точь на этих... с острова Пасхи, каменных, открытых миру Хейердалом. И Велл — две толстые сальные косички, спущенные вперед на грудь, тоща, зеленоватокожий, отрешенность. Только периодическое прикладывание к тонкому и длинному, до пола, мундштуку-трубке — глубокий усиленный всос, дымок, запашок, и опять к м-м... музыкальным инструментам. А может, и трубка-мундштук тоже входит в число инструментов. Короче, а-ля индеец?.. индиец?

«Одинокому йогу сдается гвоздь в коммунальной квартире».

Компания внимала, рассеяно прихлебывая баночный «Хайнекен», стараясь не пшикать, вскрывая голландское пивко. Соответствовать компании было и просто, и трудно. Просто — потому что немногого стоит придать своей физиономии глубокомысленность без тени (упаси Господи!) насмешки, пусть даже изнутри так и просится: «Как над нашим над селом аура зеленая! Карма ехать в гастроном, покупать крепленое!» А трудно — потому что уже обещал. Одним своим присутствием в «гробешнике» обещал: напишу, опубликую.

Так бы и сделал, если бы Велл и Аку-Аку хоть самую чуточку относились к себе не всерьез. Или компания воспринимала бы происходящее не столь близко к сердцу. А воспринимала. Вероятно, он чего-то не понимает. Вероятно, он и есть тот самый маргинально окультуренный универсум. И уже было созрел для двухсот издевательских строк: «Вот я, маргинально окультуренный универсум, влип в...» ради самоутверждения и червонца (почему нет? зря что ли ночь профукал? лучше бы на Староневском...).

Лучше бы на Староневском. С Ольгой. Так и рассчитывал: полчаса-час потратить на самородка, потом — к Ольге, потом утром, вернувшись домой, сымитировать раздражение бездарной потерей времени. А имитировать ничего не пришлось:

— *Бездарная потеря времени! Бог-гема! Всю ночь, Жень, представляешь?! Дрынь-брынь! Бу-бу-ду-ду! Сакра-ально! И не уйти никак!*

— *Но почему? Ты же мог сказать... я тебе гриль сделала... или позвонить...*

— *Же-ня! Потому! Что-нибудь непонятно?*

— *Я понимаю, понимаю. Я же ничего... Вот гриль только. Ты голодный? Ты же голодный! Тебя там хоть кормили? Я сейчас! Только под душ на секундочку — проснуться, а то не спала.*

И пока жена-Женя в ванной...

— *Алло! Это я.*

— *Слышу.*

— *Мне вчера никак не удалось...*

— *Я поняла.*

— *Оля! Не надо так!*

— *Как?*

— Я тебе замечательного принесу... э-э... пива.

— Я не пью пива. Пора бы усвоить.

— В общем... Ты что сегодня делаешь?

— Работаю.

— А после?

— Не знаю пока.

— Но дома будешь?

— Не знаю.

— Подожди! А где ты будешь?

— Не знаю. Все? У тебя где-то вода течет. Слышно. Приятных водных процедур.

— Да подожди ты!!!

— Ну?

И Женька в полотенце:

— Ты мне?

— Нет! — погасив рычажок, в опустевшую трубку: — Ничего не получится! Считайте, мимо! И мне жаль! И больше чем вам! А вот в таком тоне с собой я не позволяю говорить даже самому себе! Да-да, учтите на будущее. Все!

...Ничего и не получится — не очень-то и покривил душой. Ироническая аффектация — да. Но не по отношению к высокому искусству, творимому самородком Веллом. А всерьез писать о кака-фонии в «гробешнике» — смешно. А смеяться — грешно. Издеваться и язвить — концщунственно. Ибо:

Велл-то доживает последние... дни? недели? месяцы? Рак крови. Да-да, ничего уже нельзя предпринять, и Велл знает. За операцию берутся только в Израиле и еще где-то в Бельгии. Но это — валюта, минимум сто тысяч, где ее возьмешь! Так что вот... «Гроб с музыкой» — Велл сам так назвал эту комнату, еще пытается шутить, хотя знает. А что ему остается? И ей, верной Аку-Аку! И ведь только-только пришло время! И фирмач готов хоть сейчас контракт предложить. И пресса наконец-то внимание обратила (Вот-вот! Понял?!) А тут такое... такая... Но они оба — молодцом! Держатся! Вида не подают. Ироническая аффектация.

Таким вот манером дама в ортопедической обуви звучно перешушукалась с дамой, имеющей ортопедическое лицо. Велл был целиком поглощен звукоизвлечением. Аку-Аку — статуя с острова Пасхи. Фирмач-иностранец по-русски ни бум-бум и в кондиции... Остальные — дюжина поклонников — внимали музы... ы-ы... звукам. Умно-

глазый «дятел» телепатировал представителю прессы со-чувствие и со-участие. А за спиной представителя прессы таким вот манером поступала информация: «Она сегодня мне сказала: знаешь, Велл совсем плох. Но сама — молодцом!»

И он, представитель прессы, осознал, что пока вся эта бодяга не закончится, ему не уйти, да просто не выйти, не выбраться (полуподвал еще не был расселен, и все набились в «гробешник»). Он осознал, что синим пламенем горел его червонец — и черт бы с ним, не напишет и не напишет, но придется что-то обещать, не в лоб, в лоб никто не спросит, мирское, но... надо. Он осознал, что Женька нынче его не дождется, оно и запрограммировано, а вот Ольга, которая его тоже не дождется!.. Он осознал: и на елку не влез, и задницу ободрал, и все шишки на него свалятся. Что и произошло.

А закончилось действо только-только к открытию метро. И поклонники-поклонницы очнулись от транса, зашевелились, потянулись к исполнителю с прощальными поцелуями-объятиями, расползлись из прелой, густой, настоенной на травке духоты «гробешника». Аку-Аку собирала по углам пустые банки «Хайнекен» в картонную коробку «Хайнекен» — вероятно, с мыслью использовать их в перспективе под очередной доморощенный звуковоспроизводящий инструмент. Ища глазами: еще ведь должна быть одна, где-то тут должна быть.

И, помимо хозяев, остались только заснувший здоровым — западного образца — сном фирмач, умноглазый «дятел» и... он, представитель прессы, отягощенный банкой пива в боковом кармане. Банкой, доставшейся ему как и всем, но невскрытой: маленький презент Ольге, свидетельство вращения в престижных кругах, оправдание своего отсутствия на Староневском.

Остался. Почему? Зачем? Из, как говорят по абсолютно иному поводу, ложно понятого чувства долга. Должен ведь он что-то сказать, пусть туманно и общо, но посулить. Да и фирмача до такси дотащить — минимум двое нужны. Должен...

Чепуха! Никто никому ничего в этой жизни не должен! Умозрительно повторяй хоть сто раз на дню, а явь такова, что остался...

А Велл вдруг закатил глаза и выгнулся, задышал часто-часто-часто.

— Ну, вот! — как-то даже облегченно отреагировала Аку-Аку. И стукачу: — Саша? Есть?

Умноглазый «дятел»-Саша полез в пиджачный пистончик.

А представитель прессы отсутствующе изучал инструменты самородка — руки в брюки, сдвинув полы куртки за спину, чтобы «Хайнекен» не выпирал. Не видя, не слыша. Но видя и слыша:

Одноразовый шприц многоразового использования со вставленной горелой спичкой. Промывка... нет, обливание шприца из заварного чайника. Суета вокруг тела.

— В шейную, в шейную, говорю! Я же знаю! На руках давно затромбированы.

— Вижу я, вижу. Не мешай.

— А это..?

— Эфедрон, эфедрон! Обижаешь!

— А я... а мне?

— Обижаешь!

— Да! — сказал он слеп и глух. — Да! Про вас просто так не напишешь! На бумаге звук не отразить. Здесь даже радио — не совсем то. Скорее, телевидение. Это видеть надо... — озабоченно залистал блокнот-телефонник, локтем придерживая карман, в котором бултыхался и звякал о ключи маленький презент. Листал, якобы намечая: — В «Колесе»? М-м... В «Колесе»! Или «Монитор»? Бэлла. Бэлла. Где у меня Бэлла? Ага! Так. Все! — и схлопнул блокнот. — Значит, так! Я позвоню. Сегодня же. Хотя гарантий...

Суета вокруг тела кончилась.

Он приготовился к суете над другим телом, уже с его участием, — приготовился к транспортировке фирмача.

Но «дятел»-Саша сделал статуе с острова Пасхи ручкой, Аку-Аку в ответ сказала с иронической аффектацией «пока-пока!» и принялась укрывать иностранца пледом в утюжных подпалинах. Велл пребывал в ином мире, в лучшем из миров, судя по блаженной успокоенности. Временно. А через... дни? недели? месяцы?

— Осторожно, здесь таз! — предупредил в коридоре умноглазый. Тьма кромешная.

«Он ударил в медный таз и вскричал: «Карабарас!» Впору! В самую пору! Проп-пала с-собака!

— Могу подвезти. Тебе куда? — «тыкнул» на улице стукач-Саша, располагая к дальнейшему общению.

— Мне рядом. Знаете... — прорвало, — я очень долго привыкал к тому, что «вы» — это не только множественное число, но уж когда втянулся...

— Ну-ну. А то пивка?

...Карабарас! Проп-пала с-собака! Карабарас! И ни единой двушки! Уже можно бы позвонить Ольге, объяснить. И ни единой! Теперь только из дома. А там — Женька. Карабарас! Не у «дятла» же было просить! Проп-пала с-собака! Бездарная ночь! Да хоть вы все испейтесь пивами, искуритесь, исколитесь, изболейтесь раками! Хрен вам, а не телевидение!

...Да и не было у него никаких особых выходов на ТВ. А через два где-то месяца в «Мониторе» таки-прокатали сюжет. «На флейте водосточных труб». Велл и Аку-Аку.

— Женька! Же-ень! Брось свои пельмени! Беги сюда! Во — видишь?! Те самые, которые тогда... Из-за которых я... Вот идиоты! Я ж ум-молял: только не «на флейте...»! Н-ну штамповщики! А Велл-то — ничего, молодцом! Держится! Я тебе говорил, помнишь? У него...

А через день, у Ольги, ненароком:

— Вчера «Монитор» смотрела?

— А что мне еще оставалось делать?

— Оль!

— Что?

— Ничего... Так вот, обратила внимание на ту... парочку музыкальную? Вот как раз с ними я и... Теперь понимаешь?

— Теперь понимаю, с кем ты предпочел провести ночь.

— О-о-оля!

— Да?

— Ничего... Ха-арошая Нюша, ха-арошая! Лохма-атая!

Предъявлял алиби, которого ни Женька и Ольга не требовали. По разным, впрочем, причинам.

Но предъявлял. С неба ведь свалилось! Естественно, он пальцем не пошевелил — даже в направлении телефонного диска, — чтобы самородок появился в «Мониторе». В кругах пишущих не подберешь сам, подберет другой... И с идиотической радостью предъявлял. Зарекшись от еще хоть одного хоть когда посещения «гробешника». На кой ему! Ан...

«Задержан гражданин, подозревающийся в очень серьезных прегрешениях. Имени и фамилии он не называет. Окружающих пытается убедить, что является душевнобольным. Для придачи большей достоверности этой версии неизвестный каждый день предается крайне негигиенической процедуре: сам себя тщательно измазывает своими фекалиями. Экспертизой, несмотря на слой фекалий на одежде и руках, он признан вменяемым. В интервью, оставшись один на один, внезапно стал откровенен.

— Тебе придуриваться не надоело?

— Нет.

Я полагаю, опознавший его окажет ему значительную услугу: у неизвестного отпадет печальная необходимость в неаппетитной процедуре».

...Он уклонился от ритуального чмоканья, подставив ухо, — и очки снова спрыгнули, сгинули в коридорном мраке. Он опустился на корточки, зашарил по полу.

Вспыхнула еще одна спичка — Аку-Аку не столько светила ему, сколько себе:

— Не ищи, все равно не найдешь. Свет отключили. И батареи тоже. Измором берут. Не раздевайся, у нас холодно.

«Не раздевайся» — очень кстати, учитывая пистолет в плаще. А «не ищи» — очень некстати: без очков худо. Нет, пока не найдет, с корточек не поднимется. Заодно избежит встречи глаза в глаза. Совсем не хотелось встречаться глаза в глаза, черт знает, что у него на лице написано — он не потрудился, не успел, был не в силах изобразить лицом удобоваримую легенду: я тут к вам заскочил, потому что... потому... м-м...

Меньше всего занимало Аку-Аку, почему. Но для себя-то ему необходима легенда. Для себя и для мукусевоидного «дятла»-Саши, неоступного друга дома, который, не исключено, здесь. То есть исключено, что здесь его нет. «Все без исключения компетентные службы города». Ориентировка: плащ с капюшоном, джинсы, шапочка, очки. Да, очки! Где они, проклятущие?! Вот они!

Раздавленно кракнули под каблуком, стоило только чуть сдвинуться.

— Я же говорила, не ищи, — сказала о неважном, второстепенном Аку-Аку, пока он пусто совал палец в бесполезную глазницу оправы. И сказала о важном, о первостепенном: — Знаешь, Велл совсем плох... Ты проходи, проходи. Еще Саша должен подъехать — мы решили, что это он. Курить у тебя есть?

Курить у него уже не было. А хотелось!

Он прошел. Компания изменилась мало, почти не изменилась. Только иностранец был другой, нежели годичной давности, но так же пьян, — буйноволосый, с луковичным пучком на макушке. И не было Саши, который еще должен подъехать... по чью душу?!

Стоял дорогой двухкассетник, из него звучал Велл всеми своими гун-донами, скрип-скрипками, бас-чемоданами. Во плоти же самородок отлеживался на тахте — будто и не на тахте, а на лафете: безжизненность, но значительность. Совсем плох. Рак крови. Дни? Недели? Месяцы?

Год прошел! Живехонек! И в журдом ходок! Трижды-четырежды «представитель прессы» натыкался на Велла и Аку-Аку в пивном зале журдома и удостаивался аффектированно-радостного узнавания: ему делали ручкой через головы поклонников, подносивших и подносивших свежие кружки. Как-никак он в определенном смысле — крестный отец, на ТВ похлопотал... С тех пор все изменилось в лучшую сторону: заметили, оценили. И выселить их так просто теперь не выселить. Это на бомжей власть имеет право устроить облаву и, отходив «демократизаторами», закрутив руки, вытурить на сто первый километр. А покуситься на интеллектуальную элиту, о которой и по ТВ, и вообще... фирмачи вьются... на богему — ни-ни! Тем более кто же не знает, что самородок совсем плох?! Выселишь — и плюралисты хай поднимут! Весь дом давно расселен, а этих-то куда деть? Они не то что на новую, на старую площадь прав не имеют, а поди ж ты! И властям приходится довольствоваться отключением электроэнергии, тепла, воды. Измором брать и... сотворять мученика: «Велл-то, знаете? На них сейчас исполком по новой накинулся, но держатся молодцом!»

Причину долгожительства сообщали друг-другу скорбным шепотом: на спецампулах сидит, ему фирмачи привозят из-за кордона, с красной печатью, даже там, представляете, такие ампулы — с красной печатью!

Живехонек! Да Велл еще хоть кого переживет! Хоть (вот уж точно!) «представителя прессы», крестного отца... Ч-черт! Проп-пала с-собака! И переживет ведь!

Было тесно и смрадно, будто года и не прошло, время остановилось. Свеча коптила, никто не сщипывал нагар — не до пустяков: му-зы-ка! са-краль-но! Пустые бутылки там-сям, лепта фирмача — «Grappe». Итальянец?

Компания кашпировски раскачивалась, плавно поводила шеями. Никто и никак не отреагировал на него — расчет, если называть расчетом инстинктивный бег, оправдался. До поры! А явится «дятел»? Не думать, не думать!

Наоборот! Думать, думать... мать-мать-мать! Логически! «Дятел» если и явится, то не за ним, а просто... делать свою работу, пасти. Компетентные службы тоже должны думать логически! Никто из богемной компании, никто из «гробешника» не пойдет САМ на Миргородскую проверяться — именно из-за большой вероятности «да». Эфедрон, джеф. Живем пока живем. И друг с другом живем. Независимо от пола, возраста и эмоциональности. С иронической аффектацией. Богема! Положено! Двое мальчишечек в компании так и отливали «голубизной». А тот, с кем рядом он притулился, был то ли тот, то ли та — в бесполом салопе и с неандертальскими чертами. Только когда сосед под влиянием самородных звуков издал в свою очередь рыдающий звук и приник к его плечу, стало ясно: не сосед, а соседка, гинандра.

Нет, никто из них по своей воле не пойдет в Боткинские! А по ТВ сказано: «вышел из кабинета анонимного обследования». Не станут компетентные службы искать здесь, если мыслить логически, а это они умеют. Можно перевести дух. Где проще всего спрятать лист? В лесу!

Перевести дух не удавалось. Лист в лесу. Он и дрожал, как лист. Осиновый. От проступившего изнутри холода. Оттаивал и дрожал — организм отзывался с запозданием на многочасовое хождение по морозу. Хуже другое — гинандра истолковала его колотун по-своему и приникала все плотнее. Пистолет впивался в бок, а отстраниться некуда, хоть вываливайся в коридор! Аку-Аку, казалось, в забвении подобно остальным, но поощряюще благославила взглядом. Проп-пала с-собака! Говорил же себе: не в «гробешник» же! Выспался, называется! Отдохнул! «Гусеничный ход»! Прав был Юрка, от-

парировав тогда... давно... за теплым задушевно-мужским разговором...

— *Будь ты с ней проще! И с собой тоже!*

— *Юрк, не могу! Я — не ты. Это у тебя включается «гусеничный ход» при виде женщин. Танк!*

— *У меня?! Да ты по части «гусеничного хода» мне сто очков вперед дашь!*

— *То есть?!*

— *А то и есть! Не в смысле танка, а в смысле гусеницы! Ее муравьи тащ-щ-щут скопом, она упирается, извивается, но... То и есть! Нет, скажешь?*

Да. Пожалуй. «Гусеничный ход». Но где Ольга, где Женька, где пусть даже жена от первого брака — и где тутошний «организм», который и женщиной назовешь только с большого бодуна! Гинандра! «А-а-а!!! Я столько не выпью!» Спаси и сохрани!

И когда в коридоре — карабарас! — оглушительно сорвалось с гвоздя и столь же оглушительно донеслось «ёксель-моксель», он тут же встал. Спасительные правила вежливости: входит гость, все встают. Ежели-вы-вежливы.

«Дятел»-Саша принес курить...

Голова кружилась. Он затянулся всего три раза. Чтобы не выделяться. «Беломорина» шла по кругу, потом вторая. Третью, персональную вдыхал Велл. Антракт.

«Дятел»-Саша умноглазо и приятельски подмигнул, произнес чревом, не шевеля губами:

— Давно сидим?

— Порядком... — ответил так же тихо и чревом.

— А тот?

— Угу.

Тот — пьяный луковичноголовый фирмач. Не интересовал Сашу спидоносец. У каждого своя специализация. У Саши — ныне фирмач.

Они оба смотрели на компанию свысока. Так получилось. «Дятел» как вошел, так и не сел, — только ловко метнул на колени Аку-Аку пачку «Беломора». А он как встал (ежели-вы-вежливы), так и не рискнул вернуться к вожделеющей гинандре. А больше никто не приподнялся.

И получилось: со-чувствие и со-участие, умноглазый стукач и он, вместе. Хочешь, не хочешь, а получилось.

Он чувствовал, как «дятел» ПРИВОЛАКИВАЕТ его к себе: дружим, со-трудничаем. И выбирай между неандерталкой и компетентным службистом! В нынешнем положении?!

Он потому-то в ущерб брезгливости принял «беломорину», затянулся и пустил ее дальше по кругу — обозначил свою принадлежность к потребителям, но не к поставщику. Что угодно, только не со-трудничество с поставщиком-Сашей, «дятлом», стукачом: сегодня приволакивает, дабы обнять, а завтра задушит в тех же объятиях — сегодня фирмач, завтра спидоносец. Наша служба и опасна, и трудна.

Лучше от греха подальше примкнуть к богеме! А еще лучше — вовсе уединиться. Заснуть! Самую чуточку поспать!!!

Голова кружилась. Он негромко, но внятно сказал:

— Что-то мне... — и показал пальцем кружение. — Давненько я не...

Аку-Аку из своего угла пальцами же показала идущего человечка и жестом: туда, по коридору направо.

Правильно показала. Он по стеночке доковылял до нащупанной двери, толкнул ее, чиркнул спичкой. Правильно показала, правильно поняла: не туалет ему нужен, а лежбище.

Комната словно после погрома — ни намека на целую мебель, лишь раскуроченная этажерка и... матрац, тряпье, школьные учебники, иной хлам вразброс. Спичка угасла. Матрац! Ура! Наконец-то!

Он по памяти, вытянув руки, дошел до лежбища, споткнулся и упал очень удачно, прямиком. Только пружины хрюкнули. Спа-а-ать! А завтра... Что — завтра?! Неважно! Сегодня — спать! Лучше лежать, чем сидеть. Лучше умереть, чем лежать. Лучше? Это он теперь всегда успеет.

Но Саша-то каков, а?! Ведь посторонившись у выхода в коридор, провел-таки нежно-профессионально по плащу справа: нет ли чего? На всякий случай. А нет ничего, выкуси! Даром ли пистолет предусмотрительно переложен в левый карман?! Недаром! Теперь пусть попробуют взять — он откроет беглый огонь из положения лежа! Мой дом — моя крепость! Веллу и Аку-Аку можно — почему ему нельзя?! Они заселились, и он тоже! Прежние жильцы съехали? Съехали! Свято место пусто не бывает! Ур-ра! Живем!

Краем сознания: это все «травка». Эйфория. Разухабистый минер, отплясывающий русского вприсядку на минном поле. Это все «травка»! И пусть! Спа-а-ать!

Спать пришлось недолго. Сон, ясная, сочная картинка — цветовая гамма, какой не бывает в жизни, а только в кино на зарубежной пленке:

Он шел по зеленому бесконечному — до горизонта — лугу. И в небе ни облачка, синь. И вокруг ни души. Вдруг услышал кого-то за спиной. Да! Гигантский троглодит! Уже занес такой же гигантский каменный топор! Дыхание пресеклось, он совершил дикий, невозможный скачок и побежал. Троглодит нагонял, нагнал, снова заносил топор! Стра-а...

...а-ах! Проснулся. Отдышался. У-ух! Это все «травка»! Во рту — конюшня. Снова закрыл глаза и...

...очутился на том же луге. И троглодит стоит поодаль, озирается: куда этот-то подевался? Ага, вот он! И опять гон, нехватка воздуха, свист топора, и...

...он выцарапался из сна. Резко сел, пружины опять хрюкнули. Встал. Зажег еще одну спичку. Подобрал с пола книгу, успел прочесть: Н. Киселев. Геометрия. Для шестого класса.

Спичка угасла.

Геометрия — это хорошо. Он в темноте шуршал страницами. Осязаемые, потрепанные. Киселевская геометрия. Понятная, не заумная. И треугольники равны, не конгруэнтны. Его поколению повезло. А Максимке в Сосновом Бору придется привыкать, заучивать: треугольники не могут быть равны, могут быть только конгруэнтны. Откуда у человека тяга усложнять все простое? Жена от первого брака — Женька — Ольга... Нет, не о том надо, не о том! Надо — о геометрии: углы, тангенсы-котангенсы, катеты-перекатеты. Сплошные абстракции и ни боже мой конкретики, никаких зримых образов... бразов... разов... зов... в-в...

И сон опустил его на прежний луг. Только троглодита не видать — нигде, до горизонта. Не дождался наверное и ушел. И он понял, что остался один, совершенно один. Бесповоротно один! Настолько один, что даже бежать не от кого, даже от троглодита! Зелень под ногами, синь над головой, и во всем мире — ни-ко-го! Он брякнулся на траву и зарыдал. Густым, не своим голосом.

Очнулся. Уже в тутошнем, посюстороннем, реальном испуге: не расслышали бы его рыданий-метаний! Очнулся и сообразил: да, рыдал не своим, густым голосом. И не он рыдал. Кто-то рядом с ним, в комнате, в изножье. Ощутил чьи-то лапы на своих коленках. Рефлекторно дернул ими, поджав к подбородку.

Спичка брызнула шипящей искрой, но в милисекунду успела осветить. Кошмар перехватил горло: троглодит! материализация! из сна! здесь!

А осознав, он всю душу вложил в пинок, выпрямив поджатые ноги. Угодил в мягкое.

Гинандра даже не ушиблась. Скорее всего. Падение с матраца было глухим, войлочным. В ее салопе хоть с вышки без парашюта прыгай.

Стало тихо. Он ловил хоть малейшее движение, шорох. Тихо. А вдруг... мало ли что?! Куда он ей задвинул?! Ногами! Амбал-Ланкин, теперь гинандра. Джек-потрошитель великанов. Специалист по крупногабаритным особям. «Я нечаянно! Я нечаянно! — Ладно-ладно! Кому надо разберутся!»

Он обозначающе кашлянул.

«В эти первые дни января телетайпы сухо отстучали информацию. Петров А. Г. 1939 года рождения в 22.10 в парадной дома по проспекту Суслова ударил по голове деревянной палкой гражданина П., который при доставлении в больницу скончался. Девятого января Петров явился с повинной.

— Я понимаю, что я виноват. Но в данном случае я к нему никакой злости не имел. А вот с его стороны — я не знаю, что бы он сказал».

Рыдание возобновилось. Невидимая, но слышимая (значит, слава богу, живая!) гинандра причитала:

— Почему-у, бо-оженька, почему-у-у! За что-о мне-е! Я не могу так больше жи-ить, боженька! Я в окно брошусь! Я не бу-у-уду жить, не хочу-у! Прости меня, боженька, больше не могу-у! Ведь должен ведь кто-то! Хоть кто-то ведь до-олжен! Я на все, на все я готова, бо-оженька! И никто-о!.. Ноги мыть и воду пить! И никто-о-о! В окно брошусь! Должен ведь хоть кто-то, бо-оженька!

Никто никому ничего в этой жизни не должен!

Он сидел на матраце по-турецки, обхватив себя под мышки, и безмолвно, ледяно ярился. Снова накатила дрожь — от холодины в неотапливаемой комнате, от соседства с троглодитом во плоти, от стенаний-завываний. Ему бы их заботы!!! Это он с полным правом может возопить: «Почему-у, боженька, почему! За что-о мне-е!» А вся гробешная нежить и это право норовит урвать, перехватить, на шаг опередить! Велл очень плох! Аку-Аку, страдалица, очень плоха! Гинандра очень плоха! Всем им, проп-пала с-собака, до того плохо, что дальше некуда — и потому хорошо! Провели черту по асфальту и балансируют на ней, как на канате: ай, один неверный шаг и — всмятку! Аффектация! Вампука!

Большое удовольствие — чувствовать себя белым офицером в харбинском кабаке: все кончено, возврата нет, и пальцы тянутся к револьверу — застрелиться под звезду ностальгического шонсона Таню Иванову:

«Се-е-е-ерым утром кри-и-ик печальный
Слы-шу в не-е-е-ебе жу-равлей.
Всё-о-о-о прощаясь, у-летают
Стаи из страны моей...»

Или ронять слезу по загубленной девственности под ту же Таню Иванову, под «Натали», обожаемую путанами всех рангов и мастей:

«Серое ут-ро настало,
Наши друзья ушли домой,
И остались мы одни, любимый!
— На-та-ли!»

Это ж так вкусно — погоревать, посетовать! Вот умру я, умру, похоронют меня! И кругом будут плакать — и тетя Полли, и Бэкки Тэчер! Это ж так вкусно — взывать к боженьке: я в окно брошусь! По причине, правда, незагубленной девственности. Какая разница, по какой причине! Но в окно!

Во-во! Из полуподвала. Вместо каната — линия на асфальте. Вместо небоскреба — полуподвал. «Дывлюсь я в окошко, тай думку гадаю — чому я нэ Гаршин, чому нэ лытаю?!» Суицидальные взбрыки как продление кайфа. Нежить!

Не жестоко ли?! Можно ли вот так, чохом?!.

Можно! Ему можно! Теперь можно! Теперь, после всего происшедшего и неизвестно чего предстоящего! Когда не изображаешь, что на грани, а оказываешься на

ней, за ней, то... ни малейшего кайфа. Инстинкт самосохранения включается: лишь бы выкарабкаться! Господи-боже-мой, лишь бы выкарабкаться! Лишь бы не в тюрьму! Лишь бы выжить и жить! Лишь бы поскорее кончилось, лучше бы не начиналось!

А ему тут, проп-пала с-собака, истерики закатывают! Троглодитами травят во сне и наяву!

— Кот-торый час?! — с ненавистью произнес он в пространство и... повалился на спину. Его просто снесло гигандровой массой.

Она рухнула из тьмы, облапила за ноги и, уткнувшись головой ему в пах, заголосила:

— Миленький! Хоро-оший! Не гони-и! Только не гони! Я все сделаю-у-у, я сама все сделаю! Миленький! Маленький! Настоя-аащий! Не гони-и! Боженька, за что-о-о!..

В самом-то деле, боженька! За что, так твою перетак, не могу больше жить в этой стране! Ему — за что, за какие заслуги подобное сокровище привалило?!! Основательно привалило — ногой не шелохнуть. А за то самое! Впредь не зарекайся! Дал зарок: в «гробешник» — ни за что! А сам? И получи!

И получал. Если изнасилование неизбежно, то расслабься и получай удовольствие. Народ мудр...

Но тут удовольствие было злорадным: что-что, а изнасиловать его сегодня не удастся. Нет сегодня силы, способной поднять на подвиг!

— Ты ведь пожалеешь меня, миленьки-ий, настояащенький! У тебя кожа красивая, у тебя профиль красивый, у тебя живот красивый, ро-овненький... — а далее зарокотала нечто горячечное, откровенное, арго. Тиская и лобзая.

Тискай, не тискай. Лобзай, не лобзай. Нет такой силы сегодня! От контактов лучше воздержаться, сказали в Боткинских? Он и воздержится. Не в СПИДе дело, не в Указе об ответственности. И возжелал бы — чем черт не шутит! да и темно, простор для воображения: не гинандра рядом, а... а хоть кто! — но устал. Просто уста-а-ал!!!

— Я устал... — сказал он извиняющимся шепотом, и получилось невольное обещание на будущее. Прав Юрка: «гусеничный ход» в крови.

Мысль отбрыкаться, побороть, предстать в полурастерзанном виде перед богемной компанией, возмущенно

отплевываясь и требуя избавления,—эта мысль отжила свое. Смешно, стыдно, глупо. Лежи и не рыпайся. И не рыпался. Лежал. Устал. От всех и от всего. «Гусеничный ход».

— Ты устал, ма-аленький! — подхватила гинандра. — Ты поспи, хорошенький мой! Как тебя зовут, слааденький мой?

— Олег! — автоматически соврал он.

— Олежек, Олеженька, олененоче-ек мой! Тебе хоолодно, миленький! Я укрою, я отогрею, ма-аленький! — и завозилась, стягивая с себя салоп и перегружаясь наконец-то голова к голове. — Спи, мой краси-ивенький, мой единственный. Отдохни. А утром я разбужу...

Он согрелся. От гинандры исходил жаркий и пока безопасный уют. До утра — безопасный. А там-то он задаст стрекача! Со свежими силами. Как только проснется.

...Проснулся от режущего глаза, пляшущего света.

Фонарик!

И командный голос:

— Та-ак! А тут кто?! Документики, граждане!

Вот и все! Абзац! Подкрался незаметно...

Из коридора доносилось нестройно:

— Не положено! Не положено!

— Вы скандала хотите?! Нет, вы хотите скандала?! Я?! Это мой муж! Телевизор надо смотреть! Знать надо! Вы ордер предъявите сначала!

— Граждане! Разберемся! Со всеми разберемся, граждане!

— Скузо! Скузо!

— А иностранцам тем более не положено! Давайте все в машину, по одному! Не надо шуметь, граждане, не надо нервничать. Давайте по-хорошему!

— Не трогайте его! Он болен! Он не может передвигаться! У него рак!

— Скузо!

— Мы будем звонить итальянскому консулу!!!

— Да по мне, хоть папе римскому! Давайте, граждане, по-доброму — в машину. С документиками у кого есть.

— Старшина! На пару слов!

— Никаких слов! ТАМ поговорим!

— Старшина!!!

— Ясненько. А документик? Ясненько... Сильченко! Всех в машину. Этот товарищ может остаться. И турист тоже. Турист с ним. Остальных...

— Не имеете права!

— Имеем, граждане, имеем. На три часа без ордера для выяснения личности. Ну что, силком?! Не желаете по-хорошему?! Гарифулин, что там у тебя?!

— Еще двое, товарищ старшина!

Двое — гинандра и он.

Он обреченно выпростался из-под гинандровой ручищи, сел на матраце и принялся обхлопывать себя в поисках «документика». Оттягивая неизбежное, симулируя непросып.

Гарифулин тряс за плечо гинандру:

— Гражданин! Пора вставать, гражданин.

В дверях — старшина, а далее, в коридоре — тоже силуэт, «дятел». Нет пути. Не вырваться. Все!

— Гражданин-н!!!

— А?! Ур-р! Гр-р! Кто?! Где?! Я-а-а гражданин?!!

Гинандра смахнула с себя пушинку-Гарифулина и затрубила:

— Мур-рло! Бы-ы-ыдло! Мент позорный! Хамло!.. Олежек! Ты где, Олежек?!

— Сильченко! Сюда! Ко мне!

Втроем, Гарифулин — Сильченко — старшина, они смиряли гинандру, увлеклись.

Можно попробовать дернуться, но... но коридор загораживал стукач Саша.

— Та-ак, сопротивление! — пригрозил старшина. — Документики ваши, гражданочка! Где проживаете? Адрес?.. И вас касается, гражданин, и вас! Что, не найти никак?!

Захолонуло.

— Он со мной... — вдруг вступил умноглазый «дятел». Вполголоса и внушительно.

— Яс-с... — осекся старшина. — Ясненько! Знаете гражданочку? — обратился уже не как к задержанному, а как к свидетелю.

— Первый раз вижу! — тупо открестился он, будто не был только-только застигнут с ней под одним салопом.

— В машину ее! О! Сильченко! А кто у машины?!

— Ник... ик!.. кого! Товарищ старшина, вы же сами команду дали: ко мне!

— Рас-пус-тяй! А ну, взялись! Выводим ее! Гражданка, не вынуждайте применять силу!

Но вынудила. И пока ее буквально кантовали по коридору под грохот шалтай-болтайного таза, она запоздало извещала:

— Пестеля, тринадцать, я проживаю! Квартира шесть!!! Олежек!!! Пестеля, тринадцать, шесть!!!

Не милицию она извещала. Его опять, в который раз заколотило. Остались вдвоем: он и «дятел». В прежнем полном мраке.

— Разве Олег? — со-участливо спросил «дятел».

— Разве не Олег? — вызывающе ответил он.

— Почему же! Пусть... Пошли?

— Куда?

— На волю! Потеплее что-нибудь накинь. Прохладно...

Он накинул гинандровый салоп.

На воле действительно было прохладно. И по-прежнему сумрачно-черно.

Милицейский «луноход» сотрясала внутренняя борьба.

— Остальные разбежались... — посетовал старшина. — Ну, ни на минуту нельзя одних без присмотра оставить! Эх, Сильченко ты, Сильченко!.. Как всему дому покоя не давать, так первые, а как отвечать, так кто куда! Правильно говорю?

Правильно, правильно! Нежилой дом, идущий под капремонт, которому всякие-якие из полуподвала не дают спокойно спать. Повод для облавы не хуже любого другого. Аналогичный случай произошел у Казанского летом, где «представитель прессы» любопытствовал среди неформалов, кучками обсевших ступеньки собора, — листовки, выборы, споры, «долой». И на тех же ступеньках некий страж порядка монотонно вещал в мегафон:

— Расходитесь, товарищи! Не мешайте проезду транспорта!

Где транспорт?! На ступеньках?! До первого транспорта на Невском метров сто через фонтан!

— Товарищи, не скапливайтесь! Вы нарушаете транспортное движение! — и так до прибытия подкрепления.

...За спиной бибикнуло. «Дятел»-Саша уже сидел за рулем бежевой «Волги», позади него громоздился не проспавшийся толком итальянец.

— Олег!

Ах, да! Это он — Олег. До поры, до времени. Пока не привезут на «Волге» в известное учреждение, не включат настольную лампу, не предложат курить и: «А теперь давайте начистоту?» Вот и выбирай — «луноход» или «Волга». И не скажешь: «Мне рядом, на метро».

«Он со мной» — пометил умноглазый стукач, и нет теперь иного пути. Протиснулся на переднее сиденье, корячась в неуклюжем салопе.

Он сам! Никто его не хватал! Сам сдался!

Сдался? «Дятел» положил ладонь на переключатель скоростей — в сантиметре от пригревшегося пистолета в левом кармане. Сейчас огладит нежно-профессионально, нащупает даже сквозь салоп и... проведет приемчик — пикнуть не успеешь! В машине-то сподручней — не улица, где преступник способен пальбу открыть сдуру.

«Волга» взяла с места в карьер. Он не успел пикнуть — «дятел» резко бросил правую руку внахлест, припечатав кадык. Приемчик!..

Щелк! И рука вернулась к рулю. А на колени, прикрытые салопом, упал ремень безопасности.

— Пристегнись.

Он заперхал, сглатывая и сглатывая.

— Задел? Извини! У тебя как со временем?

Он неопределенно пожал плечами. Знать бы самому, как у него со временем! На зеленом циферблате, вделанном в зеркальце, — 06.18. Получается, поспать удалось от силы полтора-два часа, не больше!

Умыться бы! Побриться бы! Позавтракать! До спазм захотелось есть. Последствия «травки»? Где-то что-то он слышал или читал: как реакция наступает ужасный жор. У него и без всякой «травки» пора наступит жору. Когда он в последний раз ел? Вчера? Год назад? Вечность?

— Тогда мы в одно место сначала подкатим, не возражаешь?

Он не возражал. Сдался. Везите куда хотите, делайте что хотите. Только делайте, делайте! «Кошки-мышки», понимаешь ли! «Он со мной», случайно по горлу предупреждением, «одно место»! Несложно догадаться — какое...

Да! Так и есть. Пустота росла и поглощала изнутри

его всего, и сердце прыгало в этой пустоте беспорядочно, аритмично. Пять углов. Загородный. Владимирский. Угол Невского...

Светофор. Долгий красный, пока вся утренняя свора по центральному проспекту не пронесется. Долгий красный. Вечный бы красный! Нет... Зеленый.

И, да, по Литейному. Одно место. Какое еще место может ждать его на Литейном?!

«Волга» миновала перекрестки Жуковского, Некрасова, Пестеля... Он ерзнул, демонстрируя: здесь бы непрочь высадиться. Как же, как же! Пестеля, тринадцать, шесть! Спасибо, подбросили! А вообще-то, ладно — не срочно, не обязательно, не к спеху... Машина не свернула, шла прямо. Прямо, прямо, прямо — там большая яма. Чего тебе бояться, когда идешь... когда везут сдаваться?! Так называемый Большой дом уже показался в поле зрения. Все!

Но еще отсрочка. Впереди, у гастронома «на Лавруше» маячили оранжевые куртки, черепашьи полз «технический» трамвай, и зарубежная механическая страхолюдина перекладывала асфальт. Десять минут. Двадцать. Полчаса.

Проп-пала с-собака! Проще выйти и — пешком! Всего ничего осталось до... до одного места. Не убежит он, не убежит! Лучше пешком, чем вот так, на нервах! Только еще сдать оружие. Добровольно!

— Ексель-моксель! — высказался «дятел», барабаня пальцами по баранке.

— Да, Саша! — выдавил он. — У меня... я... пис-с... — дальше не выдавливалось, «-толет» никак не выдавливался. — Пис-с-с...

— Я сам сейчас уделаюсь! — приободрил «дятел». — А-а, ексель-моксель! — рискованно завернул вираж, выехав на встречную полосу, обогнул ремонтное скопище и, чуть не врубившись лоб-в-лоб в троллейбус, проскочил Чайковского.

Все! Большой дом. Литейный, 4. Приехали.

«Волга», взявшая было разгон, визгливо тормознула у самого входа — у массивных дверей... ворот?

«К событиям безусловно примечательным относится визит в город и, соответственно, участие в оч-чень серьезном заседании в Большом доме нового министра внут-

ренних дел России Василия Петровича Трушина, генерал-полковника внутренней службы. Министр производит впечатление очень неплохое — его реплики звучали не как команды, а как живая часть живого диалога. Вместе с тем твердость чувствуется в нем нешуточная. На сегодняшнем совещании в Большом доме генерал-полковник Трушин имел возможность узнать почти все о силах города, противостоящих преступности».

Он вдруг поверил, что все позади. Даже не позади, а просто — не было. А если и было, то не с ним. А если и с ним, то надо выбросить это из головы и вести себя непринужденно, молодцевато, КАК ОБЫЧНО. Вычитанный опыт: глядя на него, никто бы не предположил, что на его совести труп. Так и надо!

После того, как гаишник тормознул их у Литейного, 4, и «дятел»-Саша (ексель-моксель!) вылез объясняться и объяснился, и «Волга» покатила дальше, через мост, а там — к гостинице «Ленинград», и он с «дятлом» выволок итальянца из машины, и они втроем сквозь швейцаров (не сморгнул никто! свои!) протопали к лифту, впихнулись («скузо!» — рыгнув кислым выхлопом), и втроем же, попав в номер-люкс, первым делом сгрудились, нависли над импортно-голубым унитазом... После всего этого пришло облегчение. И в прямом, физиологическом смысле, и... не только.

— Е-о-оксель-мо-о-оксель! — фонтанировал Саша.

— Ва бе-е-ене! — вторил итальянец.

— Я смотрю в унитаз хохоча! У меня голубая моча! — жеребятился он («глядя на него, никто бы не предположил...»).

— Ё-о-о!.. — «отпадал» Саша. Никакой не «дятел». Просто Саша. Пусть и «дятел», пусть стукач, пасущий иностранца по высшим соображениям-надобностям! У каждого своя работа, не так ли?

Кроме благодарности, никаких иных чувств к хорошему парню Саше не было. Кроме благодарности и признательности. Не зря же они еще год назад в «гробешнике» сошлись — обменялись мельком, и ясно ведь стало тогда еще: сошлись!

И вот он в безопасности, он в номере-люкс туриста-фирмача, он со-участник в деле, не исключено, государственной важности! Снова книжный опыт: «мы сами

толком пока не знаем, так что никаких самостоятельных действий не предпринимать, просто сопровождать, наладить дружеские отношения, обратить внимание на круг общения...»

Саша умноглазо подмигнул. Вместе! Они — вместе! Пусть его ищут, пусть!

Он ощутил себя под крылом — под надежным, защищающим крылом. ОНИ должны понять! Понять и — отмазать. В конце-концов, он же ни в чем не виноват, а пользу может принести большую. Акула пера, вход в богему и не только... У НИХ влияние и никому не известные ниточки — дергать. Если ИМ рассказать, поймут. Саше! Выбрать момент и рассказать! Должны, не могут не оценить — в конце-концов, не каждый способен почти сутки, скоро будут сутки, уходить от «всех, без исключения, служб города»!

Оповещение по ТВ — вокзально-туалетный сержант — цепной Ральф — облава на «гробешник» — гаишный стоп у самых у врат Большого дома... а он, накося-выкуси, не попался! Не попался!!! Кто еще способен на такое?! Никто!.. А СПИД... нет его! Не может быть! Ошибка! Вторичный анализ докажет! Все так удачно сложилось, и вдруг — СПИД! Нет его, неоткуда взяться! Ошибка! Жизнь продолжается! Он еще позвонит! Ольге! Женьке! Выяснит! Выяснится!

В номере заквакал телефон. Фирмач, спотыкаясь о полуразобранные (полусобранные?) баулы, добрался до аппарата:

— Пронто!

Зажестикулировал-заголосил неореалистически.

Саша — впечатление, что ухо востро, понимает, но вида не подает — хозяйски достал из раздвижной тумбы (бара?) пупырчатую бутылочку с оранжевым содержимым, свинтил, вылил в стакан на два пальца и дополнил до краев из другой бутылочки — «Schweppes».

— Будешь? — спохватился, протянул пупырчатую.

— Да ну! Химия! — ложно отказался он, повертел в руках. «ORANGE. SUNQUICK». Зря отказался! Очень хотелось. Пересохло внутри. Вкусно, наверно! Но гордость паче унижения.

— Марьо! Ка-анчай трендеть! — призвал Саша. — Завтракать пора! Слышь, ты, Чиполлино!

— Моменто! Моменто!

А похож! На Чиполлино! Волосы, схваченные в пучок...

Кстати, позавтракать и он бы не отказался. Позавтракать, пообедать, поужинать — и в одну посуду, пожалуйста. Только денег — ни шиша. На кофе только и хватит. На одинарный. Будь он гость — другое дело. Но он же не гость, он со-участник, со-ратник. Фирмач-чиполлино, конечно, раскошелится. Да и Саша вроде не скупердяй. Но не ронять же престиж: сухим из воды вышел, никому не попался, суперагент — и вдруг «Шура, заплатите за кефир!»

Марьо кончил трендеть.

Вышли все втроем. Лифт — вниз. Ковер-ковер-ковер. Зимний сад с натуральными птичками и ненатуральным глазурованным истуканом... смутно без очков, не определить... кентавром? Валютный бар. Мимо. Сиреневые старушки и белесые, оскаленные старички навстречу. Некоторое «о-о?», стеснение.

Он понял, что выделяется. Салоп-п!!! Этим-то двоим хорошо, эти-то в некоем спортивном-импозантном — чего им утепляться? на колесах же! из гостиницы в машину, из машины в «гробешник», из «гробешника» в машину и опять в гостиницу! А он — в салопе. Мишка на Севере. Позавтракать! Благо плащ короче салопа, а то бы вообще — из-под пятницы суббота. Фигура! Осталось на лбу написать: это я! Чтобы за версту. И без шапочки «нью шоу», и без очков, и плащ скрыт, но... И умыться не успел, побриться...

Паники в мыслях не было — после возникновения «моста» с умноглазым коллегой в нем опять проснулся бесшабашный минер: никто никогда не словит! Паники не было, но неловкость — да. Сковывающая.

Ковер-ковер-ковер кончился. Начинался паркет-паркет-паркет. И громадное, необъятное зало. Столики-столики-столики. Салфетки-приборы-икебаны.

Он уже на границе ковер-паркет поймал боковым зрением: WC.

— Я догоню!

— Давай! — поощрил Саша. — Мы в «канатке».

Памятуя о вчерашнем конфузе, замешкался, убедился — «М» это «М». Заняв кабинку, содрал с себя и салоп, и плащ, оббивая локти и колени. Прикинул, а надо ли? Надо! Скомкал плащ, сунул в унитаз и спустил воду. Он не настолько идиот, чтобы переоценить смывной

напор бачка и пропускную способность «очка», но плащ (то есть уже просто комок) приобрел вид большой мокрой тряпки, половой. Именно! Он задвинул ее в самый угол, пожамкал ногами, сплющивая. Потом перекинул салоп через локоть и вышел. Из карманов плаща все перегружено, пистолет стиснут подмышкой — крепко, как держат градусник. Но теперь рукой особо не пошевелить.

Он пересек границу ковер-паркет и этак делово, с прищуром стал выискивать среди столиков Сашу с фирмачом — чуть играя, чуть педалируя. Иначе попрут. И понял, что Сашу с фирмачом — потерял... И найдет ли?! Никто не сигналил ему от столиков. А без очков — щурься, не щурься. И, лавируя, приближался хорошо, но служебно одетый человек. Чеаек? Мэтр!

Попрут!..

... — Вот в Кондопоге был негр — это да! — застольно говорил Саша, заглаживая неловкость от инцидента.

Собственно, никакого инцидента. Ничего особенного не произошло. Не произошло ведь! Так он себя убеждал.

Его, конечно, не поперли — он собрал остатки наглости воедино и там, посреди залы, щелкнул пальцами в адрес мэтра, готового попереть. Мол, а-а, ты-то мне и нужен! И гадким, барским тоном потребовал:

— Э-э... милейший! Мне в «канатку».

Делом он занят, делом. У него с умноглазым коллегой тут совместное мероприятие особой важности, а не глупости типа выпить-закусить. Незримый «мост» соучастия действовал. Читанная-перечитанная в десятках книг фраза: «Он знает что-то, чего не знаем мы». И выражение лица соответствующее.

Мэтр проникся и, умудряясь сочетать достоинство с подобострастием, выказываемое уважение с плохо скрываемым презрением, повел меж столиков. И привел... к лестнице. (Все-таки поперли?!) Пусть из верхнего зала в нижнее.

— Там и гардероб, — двояко посоветовал мэтр.

Удивительная в отечестве сфера обслуживания. И уважат по высшей категории, но так, что хочется все равно непроизвольно утереться. Ну, если внизу — никакой «канатки», а только выход, то он вернется и устроит

мэтру веселую жизнь! Он действительно верил — устроит! С привлечением вышестоящего начальства, суровым отчитыванием, ответными извинениями! Цыць! Ему, понимаешь, в «канатку», а его, понимаешь, футболят туда не знаю куда! А куда? Плохо представлялось — какая-такая «канатка»?

Оказалось, бар. И, да, гардероб рядом. Он ОДНОРУКО сдал в гардероб гинандровый салоп и шагнул в интимную полутьму.

«Канатка» — канатный бар. Даже без очков он разглядел — потолок сплошь увит корабельным пеньковым канатом. А в центре круглая стойка с пятью-шестью барменами и пятью-же-шестью телевизорами, чтобы каждому и отовсюду было видно — со столиков вдоль стены по окружности.

За одним из столиков — ура! вот они! — уже завтракали Саша с фирмачом. Кофе, канапе рыбно-мясное, крапчатые сервелатные ломтики. На двоих.

— Ну ты запропал! — с некоей странноватой заботливостью встретил Саша. — Возьми там себе что-нибудь, садись.

— Да-да! — Легко сказать: возьми! Он целеустремленно направился к ближайшему бармену, на ходу выискивая в джинсах мифический бумажник, осекся на полпути: — Ч-черт! «Лопатник» в тулупе остался. Сейчас! — и показал движение на выход, к гардеробу.

— Брось ты! — со-участливо остановил Саша, вынул свой... вот уж «лопатник» так «лопатник»: судя по пухлости, внутри не меньше штуки. — На!

Червонец. Красненькая. В нем опять взыграла гордость паче унижения:

— Да мне всего-то мелочь, на кофе.

— Вот и на!

Взял. Заказал двойной. Еле удержался от хотя бы сыра (сыра хотя бы! с горошиной масла! в дырочках! со слезой!). Но сам сказал: на кофе. И пусть бармен не думает! Деньги-то в наличии. Просто все эти сыры, канапе, колбасы по утрам — тьфу! Не ест он по утрам, так сложилось, привычка. Один маленький двойной! Ясно?!

Вернулся к столику с чашечкой, протянул Саше бумажную сдачу.

— Да ладно тебе, Олег! — но небрежно втиснул рублевки в «лопатник», а от мелочи отвернулся: — Ну-у! Олег! — укоризненно, дружески.

Мелочь осталась в сжатом потеющем кулаке. Ничего унизительного! Со-ратники! Сочтемся славою! У богатых свои причуды. Какие могут быть между ними счеты!

Кофе был очень кстати. Еще более кстати был бы сыр... или канапе, или колбаска. Или элементарный кусок хлеба! С маслом! Ладно, без масла! Придется обойтись...

А вот сигаретку он стрельнет. Век не курил! Среди розеток с бутербродами небрежно лежала пачка «Моге». Он небрежно выудил тонкую коричневую сигаретину, свойски кивнул фирмачу-чиполлино, клацнувшему зажигалкой. Затянулся. О-о, хорошо-о! Постарался отвлечься. Глаза попривыкли к первоначально ослепляющему полумраку. А ничего тут обстановочка! И музычка! И да-амы. Сюда бы с Ольгой. Она обожает вот такие престижные закутки, вот таки... Нет, с Ольгой — нет. Его неприятно покалывало изнутри. Сначала даже не отдавал себе отчет — почему? И отгонял мысль, но она возвращалась обратно. Да-амы. Вот именно. Чем-то походили, нечто навеивали, отдаленно напоминали. Шарм, но своеобразный. Сюда с Ольгой?! Нет! И обстановочка тут — не... Помимо роскошных дам в креслах, «канатка» полнилась вкрадчивыми личностями — те курсировали от бармена к бармену, от столика к столику. Несколько раз приостанавливались около, предлагали (что?), требовали (что?) — их объектом внимания служил Саша.

Итальянец очень живо жестикулировал-жестикулировал и говорил-говорил-говорил, попеременно обращаясь то к Саше, то к нему. Ни слова не понять, но по жестам — о радужных перспективах совместного участия в судьбе музыкального самородка. Заканчивая каждый речевой период вопросительной интонацией: мол, понятно?

— Ва бене! — подтвердил Саша и умноглазо приглашал к со-участию.

— Ва бене! — нахально со-участвовал он, светски прихлебывая кофе. Они сюда не развлекаться пришли, не якшаться с подозрительными личностями пришли! Они сюда работать пришли! В таком месте только работать, а не водить сюда спутниц.

Итальянец жестами озаботился дальнейшей судьбой Велла и Аку-Аку после облавы.

— Ва бене! — дал понять, что все будет улажено, Саша.

— Ва бене! — столь же авторитетно успокоил фирмача он. А действительно! Все в его силах. Да ему на пару с коллегой раз плюнуть — самородков из милиции вытащить!

Тут-то к ним как-то незаметно присоседился негр. Тихой сапой — не было, и бесшумно объявился. Цветасто-пестрый, поддакивающий, не вклинивающийся в беседу, но по касательной забирающийся в нее — тарабарскими англизированными междометьями. И получилось в какой-то момент, что их уже четверо. Фирмач-Марьо очередной речевой период посвятил представителю прессы, а Саша демонстративно отстранялся от новоявленного собеседника, норовящего нечто сообщить.

Еще подумалось в параллель глубокомысленным кивкам фирмачу-чиполлино: коллега-Саша ведет себя непрофессионально — нельзя же так явственно отталкивать человека, тем более негра-иностранца, тем более идущего на контакт, а ну как в будущем пригодится!

И услышал:

— Пшел вон, паскуда!

— Са-аша! — бессмысленно укорил он и... заткнулся. Умноглазый и доброжелательный коллега ответил чужим, льдистым взглядом.

И он вмиг осознал: Саша не коллега, Саша работник (пусть нештатный, хотя кто знает?) известного ведомства. А он сам для Саши — подопытный, сырье? никто? И льдистость проявилась по отношению к негру, но нет гарантии, что на очереди не он!

Негр, болезненно припадая на одну ногу и почти неслышно приговаривая «уй-уй-уй-уй!», уковылял по стеночке вкруг бара, впал в ранее незамеченную дверь — подсобку? дансинг? Никто и не моргнул. Ни бармены, ни да-амы в креслах, ни фирмач-Марьо — тот вообще увлекся и ничегошеньки не заметил.

— Паскуда! — повторил «дятел» (да, снова «дятел»!), предлагая разделить эмоцию: мы же вместе! вместе!

Но он оцепенел — «мост» обвалился. Как же «дятел» ткнул негра — до колик! Это вам, дорогой представитель прессы, не пьяному борову каблуком по печени засадить, оскорбившись за спутницу. Профессионализм не в эффектности, а в эффектности при полной незаметности.

— За что?!

— В метелочке не нуждаешься? — зло проговорил «дятел». — А то можно Виталика обратно кликнуть!

— М-метелочка? Какого Виталика?

— Негра Виталика! — объяснил последней бестолочи Саша. — Папу-Виталика. А то он предлагает, смотри! Любую метелочку, выбирай из присутствующих. Что в рог, что по лбу! Дороговато, правда!.. Все нормально, Чиполлино! Все нормально! — обратился к забеспокоившемуся фирмачу и пустился в объяснения не столько, впрочем, для итальянца, понимающего через пень колоду. — Ексель-моксель! Развелось паскуд! Вот ты — итальяно?

— Итальяно, итальяно! Си!

— Во-от. Ты итальяно из Милана.

— Милано, Милано!

— Во-от. А этот... ну этот... негро, негро, понял?! Виталик Карнаух. Из Ленинграда. Он черный, потому что батя у него был черный, негро, понял?! У бати в Ленинграде был амор, а потом он уехал. А Виталик и по паспорту русский, и по иностранному ни бе, ни ме. Наш натуральный русский, только благодаря своей наследственной роже беспрепятственно через все кордоны проходит и метелочек пестует — они его за папу держат. Понял, Чиполлино?!

Фирмач готовно кивал лукавой головой, вежливо делая вид, что понимает. А «дятел»-Саша повышал и повышал голос, чтоб его поняли и метелочки (страшитесь, паскуды! все вы на заметке!), и коллега (мы ведь коллеги, не так ли?!).

Не так. «Мост» не налаживался.

— А в «Прибалтийской» раньше папой был такой... Лева! — выказал осведомленность он, чтобы не выглядеть последней бестолочью.

— Ну-у-у, это устаревшая информация! — поправил «дятел». — Там давно уже Равиль, года четыре!

— Да, я знаю! А наш Левушка теперь...

— Я знаю! — прервал Саша. Он уже сменил льдистость на прежнюю располагающую умноглазость. Но контакта не получалось. — А какие кадры у Левы были! М-м! Не приходилось сталкиваться, Олег?

Олег? Да-да, это он — Олег. Странновато спросил «дятел»! И посмотрел странновато! Где и как можно было столкнуться?! С кадрами светского льва-Левы, в прошлом папы-Левы?

— Не приходилось! Увы... — скрасил он резкость ответа нарочито сокрушенным «увы».

— И счастлив твой бог! — утешил «дятел». — А то, знаешь, СПИД не спит! Эйдс! — пояснил замороченному непонятно-русским диалогом Марьо. — СПИД — ЭЙДС! Ва бене, Чиполлино?!

О-о, ва бене! Эйдс, о-о! — фирмач сделал страшные глаза, сложил руки на груди — покойницки.

Метелочки незаметно вымелись. И подозрительные личности куда-то делись. Из двери, куда впал негр-Виталик, выдвинулись два бугая, жвачно шевелящих мощными челюстями и в такт челюстям ритмично мнущих в руке теннисные мячики. Перманентная тренировка. Он не разглядел, но догадался — мячики. Сам баловался в свое время, мышцы качал. И теперь хоть и без очков, хоть и смутно, хоть и в полумраке — определил почти наверняка: мячики.

Мордобой? Мало ему за истекшие сутки мордобоев! Он еще крепче сжал в кулаке слипшуюся мелочь, а подмышкой вспотевший и выскальзывающий пистолет. Если что — лишь бы не вывалился. Что — если что?! С ума поехал?! Не боец он, не боец! Одной рукой не отбиться, а другую никак не задействовать. Ох, не ко времени, не ко времени! И с кем в паре отбиваться?! С «коллегой», странновато намекающим: СПИД, Лева, кадры, «не приходилось сталкиваться?».

«Дятел» сидел спиной к бугаям и откровенно нарывался:

— Знал бы ты, Олежек, до чего меня вся эта шушера достала! Ой, ка-ак достала! — и точно показал большим пальцем через плечо в жующе-мнущих верзил.

— Все-таки не надо было, Саша! — заявил он. Громко заявил! Чтобы слышали! Он осуждает! Он умиротворяет! Погорячился приятель, с кем не бывает! — И зачем ты завелся?! Верно, Марьо?! Си?! — С ними за столиком фирмач! Иностранец! Из Милана! Не устраивать же драки в присутствии зарубежного гостя! Что он о нас подумает?!

— Си, си! Ва бене! — откликнулся постольку-поскольку зарубежный гость Марьо.

— Вот видишь! И Виталик ни при чем! Он же ничего плохого не сказал. К тому же какой-никакой, но негр... — молол черт-те что, голос вдруг завибрировал.

— Таких негров в Питере — каждый третий! — безмятежно залепил «дятел». — Вот в Кондопоге был негр — это да! — забалагурил, вроде бы заглаживая неловкость от инцидента. (Собственно, никакого инцидента! Ничего особенного не произошло!) Но впечатление было: резвится и нарывается. — Единственный на всю Кондопогу. Местная девица поступать ездила и вернулась с подарочком. Ну, подарочек вырос, Федей зовут, ПТУ закончил, слесарем работает. Мужик как мужик, только черный. Спился, естественно. У негров с этим слабо, организм по-другому устроен. Прогулы начались. Его сначала щадили — негр все-таки. Потом надоело. Мастер вызывает. Федя, говорит, ты почему вчера на смену не вышел?! Тот: я не я, как не вышел?! Всю смену над насосом провозился, там просто темно, меня и не заметили! Мастер усмехается: как раз, говорит, заметили! Тебя же, Федя, вчера в три пятнадцать у ларька видели, ты пивом накачивался! А это был... не я! — по-детски упорствует Федя. Да-а-а?! А кто?! КТО?! Единственный негр на всю Кондопогу. Белая птица с черной отметиной! Представляешь, Олег?! Нет, ты представляешь ситуацию?!

Он представлял ситуацию. Даже слишком хорошо представлял. Он сам был в этой ситуации. А «дятел» усугублял ее, прикармливая байками, водил как рыбу на леске. Знал с самого начала? Ориентировку получил? Вычислил? Почему тогда не сдал на Литейном? Почему не довел до логического конца приемчик в машине? Почему, в конце-концов, не оставил на милость старшине в «гробешнике»? Или предоставлял возможность сдаться? Самому сдаться? Что бы там ни было, а еще год назад возник же мост! Ну, не симпатия, но что-то вроде!!! И теперь дал шанс сдаться!

Он так и сделает! Он буквально еще минуточку — и сделает! Он только позвонит сейчас и — все! Имеет он право позвонить? Всего на минуточку! Попрощаться!

— Кстати! — абсолютно некстати сказал он. — Мне бы позвонить. Откуда тут можно?

— А вот, от любой стойки! — «дятел» ненароком развернулся к залу и увидел то, что давным-давно чувствовал спиной.

Оба бугая лениво шли по окружности к их столику, Играя челюстями и мышцами.

Пистолет все же не удержался и вынырнул из-под свитера, упал на пол. Метал-л-л!

— У вас упало! — бородато пошутил «дятел», не оглянувшись, — следил за приближающимися верзилами. И даже со спины было заметно, как стукач-Саша предвкушающе щерится.

Фирмач-Марьо сидел по другую сторону и тоже не видел, что там такое упало. Фирмач-Марьо, как и стукач-Саша, не сводил глаз с бугаев и то ли радостно, то ли перепуганно бормотал-частил:

— Мафиа! Мафиа! Мафиа!

Он поднял пистолет и сунул его за пояс джинсов, накинув поверх свитер навыпуск. Никто ничего не видел! Никто! Ничего! Не видел! Кроме...

...кроме двух верзил, которые были к нему анфас-анфас.

— Что угодно? — высокомерно спросил Саша. «Он знает что-то, чего не знаем мы». Счел внезапную заминку бугаев подтверждением своего всемогущества.

— Ему звонить, пусть звонит! — парламентерски предложил один из двоих, не сходя с места.

— Скузо! Скузо! — залопотал фирмач-Марьо.

— Все нормально, Чиполлино! Сиди где сидишь! А ты звони, Олег, звони!.. Так что угодно?

Оба бугая не сделали ни шагу. Очевидно, выдерживали паузу, чтобы он все-таки позвонил и... и убрался со своей «пушкой». Мало им, бугаям, хлопот! Иди с миром, ты свою лояльность выразил по отношению к НАШИМ, громко выразил — они, бугаи, поняли и приняли к сведению. Для острастки не мешало бы, конечно, надавать по ушам, но если у тебя «пушка» за поясом, то... иди с миром. Звони и уходи!

Он так же по окружности, но в противоположную верзилам сторону, приблизился к стойке. Только сейчас заметил: ни одного бармена не остакось, все вообще куда-то подевались. Взял трубку с кнопочным набором и латинскими непонятными обозначениями. Надавил поочередно, стараясь не выпускать из виду общую картину — не самую веселую картину. После трех цифр шел переливчатый зуммер.

— Город через семерку, Олег! — подсказал «дятел» — Саша.

— Да-да, спасибо, я знаю! — Он нажал семерку, потом — свой домашний. Занято. Еще раз. Занято! Проп-

пала с-собака! Еще! Занято!!! С кем Женька утречком раненько болтает! Дила мшвидобиса! — Занято... — досадливо констатировал он. И озабоченно: — Ч-черт! Я ведь тогда не успеваю!

— На такси успеешь! — подыграл умноглазый Саша... нет, не умноглазый, а снова льдистый, готовый измордовать превосходящего противника, только пусть лишние выйдут. — Давай, ексель-моксель, мотай! Успеешь!

— Да? — нерешительно испросил разрешения. — Тогда я действительно... — и бочком-бочком к выходу.

Фирмач-Марьо темпераментно зажестикулировал, дотянулся, впихнул визитку.

А «дятел» дослал вслед:

— Позвони мне вечерком. Непременно. Пять-шесть-семь-восемь-девять-шестьдесят девять. Очень просто запоминается.

Он вынырнул.

«В гостиничном номере задержан гражданин, решивший, несмотря на присутствие в номере хозяев, зайти и посвистывая начать собирать их вещи. Как только туристы из Алжира, проживающие в номере, попробовали возмутиться, сразу же получили ножом по горлу. Данные свои этот человек скрывает, взятки предлагает баснословные — за свое освобождение. Опознавших его звонить: 224—02—02».

Все опять стало на свои места.

А он-то возомнил!

И воображал равноправный, партнерский диалог с умноглазыми коллегами умноглазого Саши — они разберутся, у них квалификация выше милицейской, у них собственные методы для восстановления подлинной картины происшедшего на Миргородской у Боткинских.

И прикидывал мужественный монолог обреченного (под псевдонимом!) на страницах периодики, чтоб у любого грамотного скулы свело от негодования: человек своей кровью жертвует для спасения больных-пострадавших, а медицина наша в награду делает из него больного-пострадавшего! На Рентгена! На станции перелива-

ния! Больше неоткуда взяться. Одних лечат, других калечат, паразиты!

И мысленно репетировал линию поведения с Женькой: печать мудрости, приходящая со знанием близкого конца, самоигральные усмешки с горчинкой — усмешки старшего, щадящего чувства младшей. Сродни, конечно, «гробешному» оптимистическому сетованию «он совсем плох, но держится молодцом!» Но! У него-то НА САМОМ ДЕЛЕ! А Женька примет. Женька-то? Примет!

И сладострастно вычеркивал из памяти Ольгу, не пустившую на порог. Ах, ты так?! Так?! И уверена, что у тебя — ничего?! А такой как есть, значит, — не нужен?! Здоровье сомнительно, и шалаш вместо коттеджа?! А из предлагаемых развлечений только журдом с грязными, залитыми скатертями?! Ну да, куда уж нам! Мы в заведения подобные «канатке» не ходим, нечего нам там делать! А тебе, значит, есть?! Или было?! Ну и кукуй одна! С Нюшей! И если очередной раз собака сбежит — да от тебя даже собака сбегает, это ньюфаундленд-то, покорнейший и преданнейший! — то ищи-зови сама! Дураков нет, проп-пала с-собака!

И пестовал надежду-уверенность: СПИД — вовсе не СПИД! При всеобщей безалаберности и неразберихе чего проще ошибиться? Ничего нет проще! И тогда... все по-прежнему. Минус Ольга. Вот и ладненько! Вот и все к лучшему! Он никого за язык не дергал, да!

Как говаривает Юрка:

— Терпеть не могу умных женщин! Все книжки у Елении отбираю, только про птичек и животных разрешаю читать. И сказки! Русские.

Кстати, Юрке бы звякнуть, за деньгой в его контору наведаться. Четыреста рублей — это вам не мелочная сдача с рубля. Сегодня как раз выдача. А потом с Женькой — в кабак. Хватит ему шляться по престижным злачным местам с... вычеркнуто. А бедная Женька все дома и дома сиднем сидит, в том же банальнейшем журдоме раза три-четыре была, хотя диплом у нее тот же. Да что журдом! А вот как свяжется он с ней прямо отсюда, из «канатки» — и вечером рука об руку к заранее заказанному столику. Да, с женой зашел — диковину ей показать. Для нее это диковина. А то явишься с... вычеркнуто... Явишься завсегдатаем, предупреждая заранее даму: там своеобразная обстановочка, ты не тушуйся только... И... сам же стушуешься, осознав, что как раз

дама в той своеобразной обстановочке завсегдатай, и знакомых полно у нее тут, да-авненько не виделись!

Возомнил.

И пребывая в компании стукача с фирмачом периода «а ничего тут обстановочка», действительно думал позвонить жене-Жене. И даже потом не оставил этой мысли. И потом тоже. И потом. И осваивая кнопочный телефон у опустевшей стойки — тоже. Кому еще? Юрке? Да. Но позже. Юрка только к двенадцати в конторе появляется, а дома у Юрки — Еления, не искушай судьбу.

И благовидно покинув «канатку», неуклюже приняв у гардеробщика салоп, неуклюже отлепив монету-мзду от ладони, всучив ее за обслугу, ежесекундно ожидая грохота профессионального мордобоя за спиной, выскочив из стеклянных дверей наружу, на набережную, он — поискал глазами таксофон.

Поблизости нет.

Но он найдет! И дозвонится до Женьки! «Дятел»-Саша, без сомненья, справится и все уладит. А вечерком можно смело заявиться на правах где-то даже завсегдатая. Как же, как же, добро пожаловать, помним, запомнили!

Возомнил...

А все опять стало на свои места.

— Жень! Ну наконец-то!

— Ты откуда?! Ты где?!

— Здесь я, здесь! Кто у тебя на проводе висел?! Я уже полчаса не могу до тебя...

— Тебе звонят и звонят!

— Кто?!

— Не знаю. Незнакомые какие-то. Ты где?!

— Да здесь я, здесь! В... Таллинне. А что говорят?

— Ничего. Я отвечаю, что ты в Прибалтике. А они: «когда вернется?» Я говорю, сама не знаю. Спрашиваю: «что-нибудь передать?» Говорят: «ничего, извините». Так ты здесь?!

— Здесь! В смысле здесь, в Таллинне!

— А я обрадовалась, думала: здесь...

— Жень! Последняя монетка! У меня все сносно. Я еще надолго! Тут тако-ое...

— Какое? Ты ел? А надолго — это как?! Возвращайся скорей! Будь поосторожней! Ты ел? Где ты устроился?!

— Все в порядке, Жень! Я... — и опустил рычажок, отключаясь. «Последняя монетка».

Возомнил... Набредил было: самолетом — таки шиш, машина, не успели ста километров отъехать, сломалась, всю ночь с Куртинайтисом на разных языках матерились, только к утру обратно выбрались — и вот он здесь.

«Как же, как же, добро пожаловать, помним, запомнили!»

Не дай Бог, чтобы запомнили!

«Будь поосторожней!» Да уж! Что будет, то будет! Он не здесь! Он в Таллинне! Для Женьки. И для всех, кто с утра пораньше его вызванивает. Нашли. Высчитали. След! Жена...

И: «Не подскажете, Евгения Павловна, из ближайших друзей вашего мужа...» И: «Юрий Викторович, вы его хорошо знаете. Поймите, мы спрашиваем не из праздного любопытства. Не было ли у вашего друга... м-м... привязанности?» И: «Пожалуйста, Ольгу Алексеевну... Ольга Алексеевна? Соколинская? Вы не будете возражать, если наш товарищ с вами встретится и задаст несколько вопросов?» Именно так и будет. Он-то ИХ стиль знает, приходилось сталкиваться... давно, на третьем курсе.

Все стало на свои места.

Это не свои места!!! Все перепуталось и перевернулось! Сутки назад! Даже меньше! Он ведь... Он хотел... Он никак не...

«Разъяснять, что этот человек смертельно опасен, думается, нужды нет...»

Знай свое место!

За что, Господи?! Почему именно он?! Почему не... не кто угодно?! Чем он-то провинился?!!

«...не пытайтесь его задержать, а немедленно звоните по телефону 292—02—02».

«Площадь Ленина. Следующая — Чернышевская. Осторожно, двери закрываются».

Почему не... тот же Юрка! Который ничем никогда не болел, кроме американизма, — то есть носил яркие, шириной в ладонь подтяжки, гулко ими хлопая, кожаную жилетку, шейный платок, чуингам, «монтана», ноги на стол (не из хамства, а полезно — кровь отливает!), за рулем не меньше ста километров в час. Тот же Юрка,

притягивающий женщин, как магнит, и остающийся при том, как магнит, холодным и твердым:

— *Старик, тебе не понять! Все женщины делятся на категории. Мне вот попадается всегда категория женщин, у которых я — второй.*

— *Одновременно?*

— *Дундук! Вообще, второй. Знаешь: «Ты у меня второй!» Потом еще некоторые психологический ход делают, нерешительно: «...а может быть и первый! Не знаю... тот... давно... он что-то такое со мной делал». Вот тут важно сразу пресечь и вроде бы откровенность за откровенность: мол, уж что-что, но будь уверена — второй! Да! А который первый, тот у них у всех непременно летчик-истребитель! Непременно разбился! Да! И еще: «Ты на него похож!» Старик, я похож на всех мужчин Северо-Запада и Средней полосы нашей необъятной!*

— *Скотина ты, Юрк!*

— *Я?! А ты у них спроси.*

«Чернышевская. Следующая — Площадь Восстания, Московский вокзал...»

— *Или спроси у своей жены от первого брака, кто из нас скотина, ты или я?*

— *А причем тут...*

— *При том! Обещать меньше надо. А в идеале — вовсе ничего не обещать!*

— *Что я обещал?! Кому?! Когда!*

— *Да сколько я тебя знаю, всем и каждой! Одним своим видом! Глазыньками! Всерьез и надолго! Гусеничный ход! Вот и плати четверть за пацана и не ной, что он волком смотрит, и не сваливай на нее, мать имеет право, понял?! Женьку свою воспитывай, если больше некого.*

— *А причем тут...*

— *При том! Обещал опекунство? Стерпелся-слюбился? Прижился в квартирке? И опекай, если обещал.*

— *Я-а-а?!*

— *Ты, ты!*

«Площадь Восстания. Московский вокзал. Переход на...»

Он сжался, поглубже прячась в салоп, прервав мысленный ретроспективный диалог с Юркой. Московский вокзал!

Нет, он не сходит. Да он подвинется, он пропустит. Он не стоит на дороге, просто некуда двигаться. Нет, он

не выйдет, а потом опять зайдет! Да, будет стоять как пень. Да, он пень. Да, немой. Да, тупой. Но не выйдет! Какое ему дело до ваших чемоданов! Как хотите, так и вытаскивайте. Да, пусть через голову!

Отлив иссяк.

Прилив. Его приплюснуло к железяке. Больно! Пусть...

— И, старик, мне-то хоть не надо ля-ля-тополя! Нашел, наконец, отдушину? И дыши! Никто никому ничего в этой жизни не должен. Красивая! Умная! Независимая! Одинокая! Есть где, есть когда, есть, главное, с кем...

— Заткнись!

— Во-во! Небось и ей наобещал? Слушай, а она тебе не предлагала упростить отношения? Мол, будет время — приходи, и — наоборот? Чтобы «но проблем», а?

— Заткнись!!

— Во-во! Предлагала. Умная женщина. Я еще в Зеленогорске понял. Жаль, что сам-то я терпеть не могу умных женщин, ты знаешь. А то бы...

— Заткнись!!!

— Сядь, дундук! Положь бутылку! Это «скотч». Восемьдесят рублей. Раскокаешь — вычту из зарплаты. И-иэх, скотинушка ты наша. Да-да, не я, а ты! Я хоть им ничего не обещаю! То есть обещаю, но только то, что могу дать. И они понимают. И довольны. И Ленку ни на кого не променяю. Нормальная глупая, здоровая, добрая баба. Кстати, старик, она сейчас должна пацанов из яслей привести — учти, если будет «лицо» делать, не обращай внимания. У меня временный затык, комбинация одна прогорела — я ей сказал, что занял тебе семь тысяч, а ты не отдаешь...

«Владимирская...»

«Из Исаакиевского собора в тяжелом состоянии истерики доставлена жительница Парижа Дюран, туристка. Причиной истерики стало знакомство с советским бытом — очередями, магазинами и тому подобными привычными для нас явлениями. Диагноз — несовместимость реакции с ситуацией. Она в больнице. Судя по всему, скоро иностранных туристов перед отправкой в

Союз заставят проходить спецкурс психологической подготовки».

До полудня придется кататься. А там — звонить Юрке и просить получить за него под предлогом пребывания в липовой прибалтийской командировке. Юрка поймет и спрашивать не станет: понятное дело — командировка... на Староневский. Не впервой, «но проблем»!

Если только... если только Юрка вчера не сопоставил телевизионный фоторобот с реально существующим собственным сотрудником: «Да это же... Ленк, глянь!»

Нет, если и сопоставил, то свою Елению не посвятил бы — пусть она книжки читает про птичек и животных. А друзья меж собой всегда сами разберутся. Разбирались же до сих пор! Он дозвонится до Юрки и назначит ему встречу где-нибудь в городе — пусть Юрка подъедет, а там... и вывезет подальше. Куда? А куда угодно! Пока бензина хватит! На дачу, в Пупышево! На Юркину дачу!

«Пушкинская. Витебский вокзал и Театр юного зрителя».

А пока не клясть надо вагонную теснотищу, а радоваться, что беспрепятственно в метро проник, и теснотище радоваться — проще нет затеряться в толпе спешащих на работу, и по эскалатору не бежать («Не бегите по эскалатору!»), и пересаживаться из поезда «туда» в поезд «обратно» за две-три станции до конечной, чтобы основной пассажирский массив не рассосался, чтобы было среди кого затеряться и не выделиться в поле зрения мониторов, следящих за платформами. Проще нет!

Хотя так судить от мог только задним числом, уже решившись и с внутренним еканьем влившись-растворившись в потоке пассажиров. А до того — ни дать ни взять законопослушный алкаш: «Девввшка! Мжжжно я пт-тачок оппщу и в мммтро пппройду?! — Нельзя! В нетрезвом виде запрещено! — А мжжжно все-таки? Я тллльк пппсмтреть! Там, говорят, ле-е-естница-чудесница, сама едет! Ммраммр взззде, как во дворце! Вагонннчки зелененькие туда-сюда, туда-сюда! — Вы что, гражданин! Никогда в метро не были?! — Так не пппскают!!!»

Он-то был трезв, но ходил вокруг да около метро, не рискуя сунуться в вестибюль на свет. Снаружи хоть мгли-

сто, рассвет все тужился, но никак не мог разродиться, десять утра, но январь. Мозгло, пробирает! Он-то был трезв, а очень хотелось напиться! Согреться и вообще распрячь нервы. После «канатного» напряжения, после блуждания в перекопанных дебрях за гостиницей «Ленинград» (не через Литейный мост же идти — прямиком опять к Большому дому!), после еле сдерживаемого шараханья от каждой фуражки-шинели (военно-медицинская Академия рядом! фуражки-шинели кишмя кишат!), после телефонного разговора с Женькой... Да мало ли у него поводов — напиться?! Не поводов! Причин!

У Финбана от тоже бродил-ходил, не рискуя сунуться в зал ожидания — что ему там делать? достаточно с него вокзальных приключений! Финбан... Эх, было бы сейчас лето — и на два года назад, и электричкой до Зеленогорска, и Ольга! Но — зима, да и время вспять не повернуть. Проп-пала с-собака! Хоть бы на сутки вспять! А лучше все-таки на два года. Он бы за версту к Ольге не подошел! Не-ет, подошел бы! Но вел бы себя иначе! Или... или так же. Тогда — на пять лет назад, когда взял Женьку под опеку. Или — на все двенадцать, когда Юрка сговорил его на завоевание второй столицы: «начнем с Бора, там прописку дают, главное — зацепиться, до Питера меньше ста километров, всё не две тысячи».

«Технологический институт. Выход на правую сторону».

Надо бы сейчас выйти и пересесть, пока в гуще, пока в массе. Гуща-масса подхатила его и понесла. И ничего страшного, ничего подозрительного! Все бегут — и он бежит. Он бежит. Бежит.

Женьке звонили и спрашивали про него. Кто? Мало ли кто! Но пересесть на другую линию надо, необходимо! На другую, которая не до Академической. Если звонили ТЕ, выяснив его место проживания, то Академическая — под ИХ усиленным контролем, и вся линия — тоже. Вдруг да взбредет в голову преступнику домой вернуться? Чем как не метрополитеном?!

Потому он и рыскал вокруг да около, не решаясь подойти с пятачком к турникетам. Линия-то: Площадь Ленина — Выборгская — Лесная — Площадь мужества Политехническая — АКАДЕМИЧЕСКАЯ. Разве что троллейбусом-автобусом-трамваем? Талончики надо брать, сразу десять — это полтинник. Лучше он пачку сигарет возьмет.

Только где он ее возьмет! В привокзальном гастрономе табачный отдел торговал «сопутствующими товарами». Насколько пипифакс — сопутствующий товар в гастрономе? Табаком не пахло. Кроме того, административно восторженные продавцы требовали паспорт с пропиской за любую ерундовину. Прописка у него есть. И паспорт. Но вот предъявлять... Придется обойтись. Надо было в «канатке» присвоить пачку фирмача-Марьо в традициях шоферской привычки. Взял бы и взял, сам того не заметив. Да чего уж теперь! Назначит Юрке встречу и у него позаимствует. А пока придется помучиться.

Он в напрасной надежде порылся в карманах гинандрового салопа. Пусто, мусор, катышек окаменелой жевательной резинки — пользованной, с впечатанными крошками. Дрянь. Но...

«Площадь мира».

Казалось, метро будет передышкой. И убеждая себя, что иного не дано, он полчаса назад втесался в людскую мешанину, поглощаемую эскалатором. Одно дело — плащ, шапочка, очки. Другое — салоп, без шапочки, без очков, да еще и жует. Ведь так?! Так ведь?! Так?!

Так. И задним числом мог судить: проще нет! Хотя приближаясь к турникетам, стиснутый до почти полной неподвижности, только шарк-шарк по сантиметрам, впадал в какое-то коллоидное состояние. Если сейчас узнают, то и не дернуться — некуда и никак. Пронесло!

Теперь кататься до полудня. Полчаса позади, еще полтора. Только не до Академической! В противоположном направлении! И перейти на другую линию. И присесть бы, присесть! «Канатный» кофе отбодрил свое — снова накатила усталость. Он же так почти и не спал толком. Присесть бы! Подремать бы хоть трехминутный перегон.

— Мужчина!!!

Он встрепенулся и подскочил, как ошпаренный.

Явный отставник сверлил его взглядом завкадрами режимного предприятия:

— Место уступи! Расселся!

Он очумело заморгал, поднялся, уступил. Главное, не вступать в полемику, не привлекать внимания!

Отставник сел и снизу вверх продолжал сверлить — ненавистно и обвиняюще. Старички подобной формации моментально чуют слабину, а он таки-дал слабину:

страх, кошмар поимки ударил снизу от желудка при пробуждении: «Мужчина!!!»

Он уставился в собственное черно-серое с бликами отражение в стекле вагона, не переставая ощущать взгляд старичка. Отражение как отражение! Ничего общего со вчерашним фотороботом! Абсолютно ничего общего! А отставник, мало что согнал с места, пялится завкадрово-чекистскими буркалами! Опознал? Нет? Да? Нет?..

Он нащупал языком распластанную, загнанную под верхнюю губу жевательную резинку. Зачавкал, придавая себе равнодушное наплевательство. Скорей бы станция!

— И так тесно, а он еще и жует! — со своеобразной логикой оповестил отставник на весь вагон. — А ну хватит! Хватит, тебе говорят!

Он стал притираться к выходу. Жевать не перестал, отстаивая независимость хоть в этом.

«Невский проспект».

— А ну стой! Стой, тебе говорят! Нет, вы посмотрите на него! Стой! Попался бы ты мне! Сталина на вас нет, сопляки!

...Да, чуть не попался. Клещ-пиявка-отставник! «Посмотрите на него!» Как раз этого не надо! Ни в коем случае. И ведь уже начали оглядываться. Где гарантия, что хоть один из пассажиров не сравнил... да просто не счел странным: старикан блажит, а мужик не рявкает в ответ, как ныне принято. А рявкни он — где гарантия, что не разразился бы скандал с привлечением ближайшего милиционера. Еще вчера он бы рявкнул, самоутверждаясь и реализуя взаимную ненависть к поколению соколов-соколиков. Еще вчера...

Почел за благо выйти из метро. Совсем. В каждом вагоне мерещился отставник-завкадрами. Не тот, так другой. Синдром. Почел за благо выйти. Да и толпа поредела — не смешаться. Да и укачивало в сон при езде. Заснешь, а очнешься на конечной: «Просьба освободить вагоны!» — и за плечо теребит кто-то в форме.

Нет уж! Он лучше постоит. Пободрствует. Где?! До полудня еще полтора часа. Передвигать ногами уже невмоготу. А присесть... Где, чтобы не теребили, не требовали документов на всякий случай. И надо ли рисковать? Ведь сморит, и тогда точно попался. И не какому-

то отставнику. Он лучше постоит. Где? «Невский проспект. Универмаг «Гостиный двор».

Встал. В хвост. Чей-то голос далеко впереди взывал:

— Я советский человек! Я имею право стоять в очереди! — Кто-то тщетно вклинивался, но — тщетно. Выпихивали. — Что, не имею права в очереди стоять?! Я же стоял! Тут женщина в косынке была!

— Не было, не было! Идите в хвост и занимайте!

— Я же спешу! У меня ребенок один сидит! Была женщина, я за ней был!

— Все спешат! У всех ребенок! Не было никакой женщины!

Все спешат, да. Но не он. Не станет он вклиниваться поближе, а как раз побудет в хвосте. За полтора часа — в самый раз от хвоста до головы. «Диксан». Кому из компетентных служб придет на ум выискивать особо опасного преступника на Перинной линии в стирально-порошковой очереди Гостиного?!

«Диксан». А жаль, что ни денег, ни талонов. Женька бы на седьмом небе была. Не столько из-за порошка как такового, сколько из-за самого факта: заботлив. Что заботлив, то заботлив. Иначе-то как?

Пять лет заботы и опекунства.

...Ибо каждый выбирает то, чего ему недостает. Пять лет назад ему недоставало Максимки. Тридцать лет — именно тот возраст, когда впору начать все сначала. Нет, не сначала, а по-другому. И ворочаясь на раскладушке в Юркиной съемной ленинградской квартире, он перескрежетал зубами бывшие похождения бывшей жены от первого брака, зарекаясь от брака второго. Все женщины — дуры, все мужчины — сволочи, а счастье — в труде, да! И не сначала, а по-другому!

Журфак? Ну, журфак. Заочно. Поколение дворников и сторожей. Главное — независимость! И ни на одну женщину он не взглянет!.. А Женька и не была женщиной (и, кстати, толком ею и не стала) — дитя! Ему тридцать, ей семнадцать. У него все сначала и по-другому. И у нее... Звезда отечественной гимнастики на факультете журналистики: куда им, звездам, идти — только в тренеры и комментаторы. Но выясняется, что из Женьки такой же комментатор, какой из комментатора Озерова олимпийский чемпион на брусьях. А деваться некуда — звезда сверкнула на миг, упала (брусья!) и расшиблась. Спина, позвонки, внешне ничего не заметно, руки-ноги

на месте, но... И никого рядом и вокруг. Звезда — пока светит.

Была и осталась ребенком: гимнастка не типа-периода Кучинской-Петрик, а типа-периода Лазакович-Корбут.

Кого ему не хватало, это Максимки:

— Сын! Сына! Ну иди ко мне! Я приехал. Это я, папа! Иди!

И в ответ исподлобья, угрюмо, по-детски всерьез:

— Я тебя уб-бю!

И к Женьке — только опекунские чувства. Суррогат отцовства. И курсовики — за двоих, и практику — за двоих, и вообще все — за двоих. В ответ — дочернее преклонение. Плюс... плюс квартира на проспекте Науки, наконец-то питерская прописка: «Поговорим по-мужски как тесть с зятем! Вы собираетесь оформлять ваши с Евгенией отношения?» Оформил. Вот и...

Подспудно стремился доказать своему прошлому: «Видала?! И квартира есть, и жена моложе тебя, прежней, на десять лет, и публикуют — да, нечасто, зато не в какой-то там «районке»! А ты была приемщицей в ателье, ею и останешься!» Доказал ведь. Особого восторга, правда, не испытав при том. Жить для прошлого, чтобы настоящим оправдывать будущее? И какое оно, будущее?! Предсказуемое...

Женька, вечный младенец — лет до ста расти ей без старости. Домохозяйка с дипломом и без работы — на два месяца в году берут методистом в деканат из сострадания и все. А при ней папа-муж. С дипломом и без работы, но как раз не по причине бездарности, а по причине излишней талантливости. Ничё, он у нее такой! Ему еще воздастся! Пока на договоре, но обещали в штат взять, лишь только вакансия будет, аж в... А до поры до времени — ежемесячно ежиться от смачных денежных переводов из Москвы, куда на повышение перебрались-разменялись Женькины родичи: «Учти, она у нас единственная дочь. Поздний ребенок. Береги ее!» Берег. И отдавал себе отчет — он должен быть с женой. Должен. Должник. И сумма долженствований — морально-материальных — есть цена. И еле удерживаться от хрестоматийного «Закрой рот, дура! Я уже все сказал!»

Так что Ольга — не случайность. Ольга — закономерность. Именно тогда, когда Юрка развернул свое дело,

чуть ли не малое предприятие, — под надежной крышей еженедельник «Всячина»... Всячина — от рекомендаций, как построить дом, до рецептов по выведению насекомых из этого же дома и приманивания летающих тарелок на крышу вышеупомянутого дома. Компиляция из журналов четверть-полувековой давности. Гороскопы, карточные фокусы, ваш камень агат. Рынок диктует. Юрка коммерсант и знает, что диктует рынок, где достать бумагу, какие расценки в типографии, сколько и кому дать на лапу. Юрке нужен литредактор, который пером мастера еженедельно проходился бы по текстам, приводя их в соответствие. В Юркиной конторе телефон обрывается под напором всяческих добровольцев, выбирай не хочу. А Юрка и не хочет выбирать, у него одна-единственная кандидатура на примете, и если кандидатура сейчас без работы (да-да, конечно, не по причине бездарности, а по причине излишней талантливости!), то — четыреста рублей ежемесячно и щадящий режим. Щадящий самолюбие кандидатуры. Согласен? М-м, что ж, почему не помочь старому другу?! Вот-вот, не Юрка ему предлагает фактическую синекуру, а он, акула пера (хоть у кого, хоть у жены спросите!) готов оказать услугу Юрке. Свобода. Никто никому ничего в этой жизни не должен.

И — Ольга. Закономерность. Тем более после Женькиного «Дила мшвидобиса!» из Пицунды.

Ольга. Угар, волна, поток. И — внутренний таймер: через полчаса метро закроется. И безошибочный слух, улавливающий тиканье этого таймера:

— Торопишься сегодня? — псевдобесцветно.

— Понимаешь, Оль, мне завтра готовый номер в контору представлять, а у меня еще конь не валялся... Ну что ты?! Что ты так смотришь?!

— Как?

— Так! Неужели ты не можешь понять, мне...

— Могу. Я понимаю. Конь не валялся. Иди, разве я тебя держу? Тебе завтра номер в контору представлять.

— Слушай! Неужели я тебе должен объяснять...

— Ты? Мне? Нет, не должен. Как любит говорить твой приятель, никто никому ничего...

— Мы с ним вкладываем разный смысл в эту фразу.

— Да? Не заметила.

— Видишь ли, — умещая всю задушевность в последние минуты внутреннего таймера, — мой, по твоему вы-

ражению, приятель считает, что по большому счету ОН не обязан отвечать добром на добро. Ему важны мотивы, он деловой человек. К нему завтра придет человек и попросит внепланово выпустить сборник своих дурных стишков типа «и за к Родине любовь мы прольем родную кровь». Кстати, уже не раз такое было, приходили. Причем об отказе этот человек и не мыслит, ведь он же полгода назад добыл и продал конторе вагон офсетной бумаги — с дальним прицелом: не откажут же ему, когда... Откажут. Юркина контора откажет: продал — не подарил, спасибо, а стишки не надо. Дело прежде всего! А я... Зажги свет, Нюша опять куда-то туфлю утащила.

— Нюша спит давно. На кухне. Вот твоя туфля. Сам же зашвырнул.

— Ага. Спасибо.

— Не за что. А ты?

— Я?

— А ты?

— Ах, да! Я же считаю не вправе требовать чего-либо от кого-либо только потому, что в свое время помог, выручил и всякое такое. Мои проблемы — сугубо мои проблемы, и решать их предпочитаю сам.

— Вот именно.

— О-ля!

— Ничего-ничего. Все в порядке. Все просто отлично. У тебя. И с работой, и с квартирой, и с семьей. Решил? Проблемы-то? Никаких не осталось?

— О-ля!!! — старательно кипятясь. — Я уже не один раз тебе говорил: решу!

— Вот именно. Не один. Поторопись, метро закроется через десять минут. Тебе, кажется, без пересадок? Езжай. И красуйся перед... перед кем угодно. А передо мной — избавь!

— Оль-га!!!

— Всё, хватит! Езжай куда хочешь, делай что хочешь, но сюда больше не приходи. У меня силы кончились. И не звони!

Вот и ладненько! Вот и все к лучшему! Забота и опекунство. Порошок «Диксан» как таковой.

...Между ним и прилавком оставалось всего два человека. Ни денег, ни талонов. Да и на кой ему порошок, если Женьке звонили и спрашивали! Он тоже советский человек, он тоже имеет право стоять в очереди. Ради

процесса. Постоял? Достаточно. С въевшимся сожалением обернулся — экий хвост позади образовался! По новой ведь придется занимать потом... ну, потом, когда кончится нынешний кошмар, и если кошмар кончится — и чем?! А «Диксан» к тому моменту совершенно точно кончится. Жаль. Обидно. Столько выстоял!

Он пообещал-утвердил тоном («Вы за мной! Я вот за этой дамой!») — сейчас вернется. Конспиратор хренов!

Лавируя от кассы к кассе, наменял двушек — в толчее Гостиного двора, где лица́ общее выраженье — охотничье, играл азарт охоты за неважно каким, но товаром: чутко-настороженно, стремглав, рывок влево, рывок вправо. А там что? А там? А вон сбоку у вас коробочки с чем?

Пока он — внешне охотник, догадаются ли, узнают в нем добычу? Голодную, не спавшую, малобритую (да, уже колется), почти загнанную добычу. Поспать бы, покурить бы, поесть бы, попить (нет! напиться — до невменяемости, до запредельной храбрости!), дозвониться бы! И...

...и в последнюю минуту до смыкания круга выскользнуть, не став добычей, залечь в логово. Юрка! Дача! Пупышево! Если круг еще не сомкнулся. Не должен сомкнуться! Потому... потому что не хочется. А там... там придумается что-нибудь, изменится. Не может не придуматься, не измениться. Выкручивались же как-то! Вычитанный опыт: «тебе надо исчезнуть на некоторое время, пока мы тебя тут будем вытаскивать». Его вытащат. Обязательно вытащат. Не могут не вытащить! Тот же Юрка. Не впервой! Юрка всегда его вытаскивал!

Спад — подъем. Спад — подъем. От готовности сдаться, от апатии обреченности: нет надежды, все равно поймают, а бежит-скрывается по инерции. К новому толчку: есть, появилась надежда, лишь бы не поймали до того, как он сбежит-скроется. Спад — подъем. За сутки (да, теперь уже полные сутки!) — в который раз? Но сейчас-то, сейчас! Чуточку! Самую чуточку везения!

У Юрки машина. До Пупышева — два часа. За дачей нужен присмотр. Особенно зимой! Как же без присмотра, без присмотра никак! Глаз да глаз, чтоб не растащили! Сруб шесть на пять! Сам же складывал три года назад, с Юркой и троицей наемных аборигенов. Все лето ухлопали. Отдых — есть перемена деятельности. Топор, бензопила-шведка, «ласточкин хвост», палатка, комары-

слепни, макароны с вареньем, сложные стропила, ливень, склизь. И подсчеты-гадания: сколько Юрка ему отвалит? Дружба дружбой, но... Пятьсот с угла! Две тысячи и триста за стропила! По-божески? Не то слово!

Нужен, нужен за дачей хозяйский глаз. А он ведь тоже в какой-то степени хозяин, разве нет? Поехали, Юр! Только — никому! Женька думает: командировка. А на Староневском очередной взбрык. В Бор прикажешь? К жене от первого брака?.. А на раскладушке в детской — близняшек стеснять, и Еления запросто настучит при ее теплом отношении. В Пупышево тихо, никого. Да он за неделю три номера «Всячины» наперед сварганит! Картошка есть? Дрова есть? Соль есть? Больше ничего не надо. Грузим подшивки журналов в багажник — он там на даче их разберет, настрижет нужное, отредактирует, перепишет. А? Поехали? Юр, тут и думать нечего! Поехали!

Неделя. Ну, десять дней. И серо... серологический анализ покажет первичную ошибку. Действительно, откуда взяться СПИДу! И никакого Ланкина он знать не знает, никогда не встречал, тем более не стрелял, если спросят. Кто спросит?! Нужно сделать так, чтобы никто не спросил. Результат анализа — по телефону: анонимное есть анонимное. Мало ли мнительных, проверяющихся на всякий случай?! И если никакого СПИДа, то и разыскивать нет смысла — определять на Рентгена по пятнадцати факторам, по двенадцати и еще трем. Ведь тот, который «смертельно опасен», — он инфицирован! Ищите, компетентные службы города, убийцу-спидоносца, а если не обрящете, то нет в том вины представителя прессы, уединившегося для творческого вдохновения на даче, починяющего примус, готовящего очередные номера «Всячины» (читали? настоятельно рекомендую!). А пистолет в лесу зарыть, в снегу — век не отыскать. Или в колодец. В болото.

Неделя! Всего неделя! От ног к голове вспузырилось возбуждение. Сейчас, сейчас! Все еще будет хорошо! И Юрку можно, даже нужно не посвящать в суть. Просто: заплутал меж проспектом Науки и Староневским, пусти погреться на недельку, на декадку, дачка в некотором смысле наша общая...

Вариант? Вариант!

Но! Только в том случае, если Юрка вчера не совместил фоторобот со своим литредактором. Уж что-что, а

шапочка «Нью шоу» (NEW SHA) ему более чем знакома.

Но! Только в том случае, если вторичный анализ побьет первичный. А если нет? Если: ДА?!

Смугло рассвело. С неба отвесно шлепалась тяжелая клочковатая слякоть. На Думе протренькало: полдень.

В изножье гигантского тяп-ляпно-дежурного дед-мороза завывала тетка в халате поверх телогрейки:

— Све-еженькие! Горя-аченькие! С мясом, по десять копеек! — и рядом бак, укрытый марлей. — Промокла, как собака! Ну, све-еженькие! Горя-аченькие-е! С мясом!!! Промокла, как собака! — и руки под марлю, в бак, греться.

Хороши, видно, пирожки, если в оголодавшем Питере, при каникулярном наплыве школьников отовсюду, на бойком месте у Гостиного — и приходится умолять! Зато всего десять копеек. Не чета кооперативным обдираловкам. Зато без предъявления паспорта. То, что ему нужно!

Он увернулся от карауляющих цыганок — хронически беременных, в сапогах-шалях-эрзацдубленках:

— Погадаю-скажу, молодой-красивый, что тебя ждет!

Знает-знает он, что его ждет.

Купил у тетки один пирожок «с котятами», хапнул зубами сразу больше половины. Насчет «свеженькие, горяченькие» она явно преувеличила. И «с мясом» тоже сомнительно. Эх, не до жиру. Е-да.

Пошел вдоль Гостиного, выискивая свободный телефон. С ящиков, складных стульчиков, просто с рук торговали:

— Дао любви! Дао любви! Йолан Члан! Лучшее пособие для полного удовлетворения и себя и партнера!

— Граф Толстой в бане! Рассказ «В бане»! Граф Толстой!

— Секс-дайджест, свободная независимая газета! Секс-дайджест! Свободная! Независимая!

— Эстонский клуб знакомств «Двое»! Прибалтика! «Двое»!

— Камасутра! Пятьсот способов! Камасутра! Кому с утра! Камасутра! Кому с утра!

Как нарочно! Как назло! Как сговорились! Кому-кому! Не ему! Ни с утра, ни с вечера, ни с ночи!

Юрка-воспитатель: «Я когда «видик» взял, Ленка приставала: покажи эротику, покажи, хоть немного! Ну я ей поставил самую черную порнуху — полминуты хватило! Она потом две недели не могла курицу есть. Почему-то с курицей у нее ассоциации! И нездоровый интерес как рукой сняло!»

— СПИД-ИНФО! Издание Ассоциации борьбы с чумой двадцатого века! Новое издание СПИД-ИНФО!

Все «инфо» о СПИДе он, к несчастью, уже имеет. Или не все? Да нет, не может у него быть!

Отыскал свободный таксофон. Торопливо дожевывая, подгонял длинные гудки.

— Вас слушают.

Он непомерно, больно глотнул:

— Будьте добры, Соколинскую.

— Сейчас...

Он только спросит! Не за себя он беспокоится, а за нее. Да, за нее. Не так ли? Пусть вычеркнуто, но элементарная порядочность обязывает.

— Алё!

— Оль!

— Алё! Вы слушаете? Она вышла. Позвоните попозже.

— Простите... Да! А когда — попозже?

— Попозже.

Что ж...

Пора вызванивать Юрку. За полдень...

— Прошу прощения, Юрий Викторович на месте?

— Юрий Викторович! Снимите трубочку! Вас!

— Да. Я.

— Юрк!

«Этот репортаж должен надолго испортить настроение всем, кто проводит долгие часы, дни, а то и месяцы у Гостиного двора, занимаясь коммерческими операциями. При Куйбышевском РУВД организован видеоцентр, и теперь почти круглосуточно ведется съемка, создается своеобразный видеокаталог, где запечатлены практически все жулики и проходимцы Гостиного и возле него.

Иные из них могут в дальнейшем увидеть себя в нашей программе».

Почему?! Ведь не впервой! Ведь не раз, не два, не три Юрка делал это, не моргнув глазом. Свои люди! И в конторе все прекрасно знают: они с Юркой — свои люди!

— *Юрк! Поставь там за меня закорючку, мне никак не выбраться сегодня.*

— *Но проблем!*

— *А потом пересечемся где-нибудь. Ты в журдом не заглянешь во второй половине дня?.. Ладно, вечерком так и так встретимся. Тут по «Всячине» покумекать надо, подъезжай вечерком. Женька будет рада.*

Зарплата с доставкой на дом. Оба соблюдали негласное правило: деньги — мусор... ну, если и не мусор, то не самое важное, даже самое не важное в их отношениях. Давние, равноправные друзья — какие могут быть счеты! Пусть и один из них платит другому. Но ведь за РАБОТУ!

Вот и на срубе в Пупышево. Ни словом не обмолвились о плате. А когда Юрка, рассчитавшись с аборигенами, проигнорировал его присутствие, нехорошо сжалось сердце: святое, конечно, дело — помочь другу, месяц выламываясь над и под бревнами, однако... даром?! Но бодрился и держал разговор из междометий: «да-а, блин! погодка, блин! осень! приеду и — сразу в ванну!» Пока шли по мосткам до станции, пока ждали электричку, пока ехали, сидючи на рюкзаках в тамбуре (вагон переполнен: «грибники, блин!»), он все стремительней падал духом: однако... даром?! Рефлексии, знаете ли... И где-то уже на подходе к Фарфоровской Юрка зашевелился: пора, от Фарфоровской до Софийской, где жена-Еления ждет-не дождется, проще пешком, чем с вокзала на перекладных. И как о не важном: «Да! Чуть было!..» — аккуратный плотный пакет. И он как не о важном: «Что это? А-а, ну-ну!» — небрежно в карман. Не пересчитывать же!

Вот и после очередных кумеканий на проспекте Науки по поводу очередной «Всячины» — именно: по поводу... чего там кумекать, если Юрка целиком и полностью полагается на вкус и цвет профессионала! — уже

в дверях следовало традиционное: «Да! Чуть было!..» — и аккуратный плотный пакет. И вроде бы небрежное: «А-а, ну-ну!» — в ответ. Или в журдоме, когда он вроде бы без задней мысли упреждал Юрку: «Я возьму!» И тот, вроде бы только-только вспомнив не важное, хлопал себя по нагрудному карману: «Да! Чуть было!..» «А-а, ну-ну!»

Деньги — мусор. И есть ли разница, кто из них поставит закорючку в бухгалтерской ведомости, если контора все равно одна, а они с Юркой — свои люди?

И вот...

Почему?!

— Наконец-то! Ты где запропал?! Тебе что, деньги не нужны?! — шумно отозвался Юрка.

Слишком шумно? И почему: «наконец-то»?! И фон посторонний в трубке — впечатление, что параллельную не положили, слушают. Кто? Дева-секретарша? Как ее зовут-то? Никак в память не западает. А если не дева? Если эти... компетентные? ОНИ? И ловят на живца-Юрку. «Юрий Викторович, вы-то понимаете, что самое лучшее для вашего друга явиться к нам добровольно? К нам или... к вам. Постарайтесь его убедить».

— Слушай! Бросай все дела и срочно гони в контору! У нас тут финансовая проверка! Налоговая инспекция. Нам с тобой надо трудовое соглашение переоформить. Ты где сейчас?!

То-то и оно! Мнительность мнительностью, но, пожалуй, лучше не сообщать по телефону, где он сейчас. Слишком шумно! Не характерно. Не похоже. И фон в трубке.

Может ли предать лучший друг? А что значит предать?! А если он на то и лучший друг, чтобы самому распорядиться его судьбой? При здравом-то размышлении! В чем-в чем, а в здравости Юрке не откажешь. В отличие от мало что соображающего и потерявшего контроль субъекта, имеющего шапочку «NEW SHA».

«— Вам знаком владелец такой шапочки, Юрий Викторович? Вы-то понимаете, что самое лучшее, если он сам явится? Понимаете? Прекрасно! Тогда сделаем так...» — ОНИ умеют быть убедительными, когда дело серьезное. А здесь дело серьезное: не мягкая вербовка на всякий случай, вдруг пригодится в будущем (как

тогда, с ним, на третьем курсе). Здесь: обезвреживание вооруженного и очень опасного... То-то и оно!

— Юрк! Тут такие дела! Не перебивай! У меня встреча назначена. Я раньше трех не освобожусь. Извини, но в контору никак не успеваю. Давай, в городе где-нибудь. Где тебе удобней? — таксофон предупреждающе пипикнул. — Давай, в темпе! Разъединят! Больше двушек нет!

Что бы ни наплели, если наплели, компетентные службы другу-работодателю, но субъект, имеющий шапочку «NEW SHA», не полностью потерял контроль и кое-что соображает. Наслышан про перехваты телефонных звонков и мгновенное определение откуда звонок. И пока ему морочат голову, тянут время (только не отключайся!), группа захвата спешит, спешит... Зря спешит! Он тю-тю! У него встреча назначена, торопится он. Никакой паники, никакого бегства, никаких пряток — просто у каждого свои дела. Вот и у него — дела! С корабля на бал. Буквально только что вернулся из Прибалтики и на встречу пора, еще в Таллинне договорился. Это на тот случай, если ОНИ вышли на Юрку после Женьки, которая им сказала, что муж в отъезде. Так и есть, ему врать ни к чему. Уехал — приехал, одна нога здесь, другая там. Специфика профессии. У каждого своя специфика, разве нет?

И тон не заполошно-загнанный, а раздраженно-деловитый. Ведь у него такой тон?! Слушайте, компетентные, слушайте по параллелке, если слушаете. Времени у вас пятнадцать секунд, пока отбой автоматически не сработает.

— Перезвони! Ты понимаешь, что очень меня подводишь?!

— Юрк! Ни двушки, ни времени! Я только с поезда!

— Так! В три на Дзержинского. Угол Адмиралтейского. Где обмен валюты. Знаешь?

— Знаю. Буду. Могу слегка припоздать, не обессудь.

— Вот это ты зря. Откуда ты пойдешь?

— С Дворцовой!

Всё. Отбой.

Была пауза? Секундная? После которой Юрка назвал место? Была! Представился некто в строгом, тыкающий в карту под носом у лучшего друга: назна-

чайте здесь. Хотя паузу можно списать на вполне натуральное раздумье: где на самом деле удобней пересечься? У прирожденного коммерсанта, владетеля малого предприятия, действительно, могут оказаться свои дела у отделения Внешторгбанка. Какие? Всякие! Заодно и встретиться. Двух зайцев одним выстрелом... выстрелом... зайцев. То-то и оно. А заяц... кто?!

Почему Юрка не дал ему практически ничего сказать? Спасал? Губил? Привезет денег? Приведет хвост?

Да, скотство — взвешивать таким образом старую дружбу, но окажись любой на его месте, и... Господи, в самом деле! Окажись любой на его месте! Лишь бы не он! Но — он.

«Ты понимаешь, что очень меня подводишь?»

Если над Юркой не было в тот момент никаких компетентных, то — да, понимает. За четверть века тесного общения, житья-бытья — впервые столь явный упрек. Или не упрек. Скорее, сигнал о помощи, выраженный канцеляритом. И по конторе шныряют, роются в бумагах не люди в строгом, а фининспекторы, которым начхать на свойские отношения директора с редактором: главное, почему по форме не оформлено?! а известно ли Юрию Викторовичу постановление Совмина от такого-то сякого-то за номером таким-то?!

Если так, то Юрка в любом случае не привезет денег. А если не так, если говорил под безмолвную указку, то приведет хвост. И не лучше ли вообще плюнуть на договоренность и бежать куда подальше от угла Дзержинской-Адмиралтейского?! Куда?! Подальше?!!

Посмотрим! Еще не вечер! Еще отнюдь не вечер. У него есть целых два часа, чтобы определиться на местности, заранее отработать пути отхода. Ведь не думая брякнул про возможность опоздания, про неотложные дела. Правильно брякнул! Молодец! Чтобы ОНИ, если по параллельной линии слушали ОНИ, знали: раньше назначенного срока он не объявится. Позже — да. Раньше — нет. И со стороны Дворцовой. Значит, надо — прямо сейчас. И не с Дворцовой, а с Гоголя! Да, только так!

Хотя ОНИ могут учесть и этот вариант — не дураки, профи! И тогда ОНИ уже будут там, пока он пешочком по Невскому, и заблокируют отрезок Дзержинской с двух сторон — и с Адмиралтейского, и с Гоголя. От-

резок-то всего метров шестьдесят. Проходные дворы? Есть там проходные дворы. Ну и что? Еще по парочке сотрудников и — капкан.

Плюнуть и не ходить! И Юрке набрехать, что никак, ну никак не смог, застрял, не от него зависело, мосты развели, автобус с рельс сошел, пурга дорогу замела, сам изматерился, но вот пришлось отказаться от мысли...

Хорошо! Набрешет! А потом? А Пупышево? Дача? Все к чертям летит тогда, все планы, проп-пала с-собака!

Надо рискнуть. Ничего иного не остается. Да и что, в самом деле, за риск?! Засада за два часа до обозначенного срока? Предположим, да. Но Юрка-то не станет торчать все эти два часа в своем «вольвенке» у валютного пункта, у Юрки инспекция в конторе (если это так!). А пока нет «вольвенка», по сути живца, нет смысла подсекать. Мало ли народу шляется по Дзержинского? Много! Всех хватать — хваталок не хватит. Значит, если будут брать, то наверняка, на живца-Юрку. Только Юрка может засветить его. Или он сам, сунувшись в знакомый и такой заметный «вольвенок», засветит себя. И тогда-то (книжно-киношный опыт) — «Плюс!», и как с неба свалятся ОНИ.

Да, но... предположим, ОНИ еще не добрались до Юрки, а тот вчера не смотрел телевизор, или смотрел, но не узнал, или узнал, но не сказал, а сегодня в конторе действительно инспекция. Тогда... тогда на самом деле: «Ты понимаешь, что очень меня подводишь?»

Он понимает. Более того, он очень подводит и себя самого: боязно идти — не иди, но отпадает надежное убежище, глухомань Пупышева, берлога.

Боязно? Надо идти. Он вот как сделает! Он сейчас разведку проведет, место выберет, откуда сразу видать: и «вольвенка», и кто в нем, и что вокруг. Юрку-то он опознает за версту — даже если ОНИ подсадят двойника и нарядят в Юркину «аляску», если загримируют. Заранее найдет наблюдательный пункт и уже оттуда проследит. Окажется всё в порядке, ну и... всё в порядке! Юрку можно убедить, уговорить, умолить и — на дачу. Окажется хоть что-то НЕ ТАК, он просто не высунется из укрытия — ни в три, ни в четыре, ни в пять! Сколько «вольвенок» простоит в ожидании? А вот

не пришел и все тут! Назначил, а не явился. Так случилось. И не перезвонить, монетки не разменять.

Кстати!

— Вас слушают.

— Будьте добры, Соколинская еще не подошла?

— Н-нет. А кто ее спрашивает?

— Простите, но она еще будет?

— Должна. Что ей передать?

— А когда, не знаете?

— Попозже. Передать что-нибудь?

— Спасибо, я перезвоню.

— А когда?

— Попозже.

Ч-черт! Проп-пала с-собака!

«— Что делаешь? — Работаю!»

Хороша работа! Днем с огнем не найти!

«Здесь с 1937 по 1951 год жила Агриппина Яковлевна Ваганова, профессор, крупнейший советский хореограф».

Мемориальная доска более походила на надгробную плиту — беломраморная, с кладбищенским виньеточным цветочком тусклой позолоты. Да-а, жила-жила, потом р-раз — и нету! Вот и все мы так, и он тоже. И скоро. И никаких памятных досок — тихо и незаметно. В лучшем случае!

А в худшем: «Возвращаясь к нашему репортажу о беглом спидоносце, затеявшем стрельбу на Миргородской... Сегодня вечером сотрудниками Октябрьского РУВД задержан...» И прыгающие кадры, коридор, крупная решетка, съемка с рук. Фаллос микрофона, тыкающегося в рот: «Страшно было? А интересно? Как журналисту? Ты ведь сам журналист!»

Садист-недоумок, мнящий себя защитником-суперменом! С психологией и интеллектом пятилетнего пацана, усвоившего постулат «мухи — разносчики заразы»! И обрывающий у пойманного насекомого (и не всегда это — муха, но похожа и достаточно!), сначала крылушки, потом лапки. Наблюдающий с холодным любопытством и удовольствием: «О! Бегает! О! Ползет!» И похваляющийся: «Я сегодня семь штук убил!» Одним махом семерых побивахам! «Молодец!» — есть кому отечески по-

хвалить. И ни малейшего сомнения в собственной правоте. Ныне и присно. «Разъяснять, что этот человек смертельно опасен, думается, нужды нет». Кто сказал?! Как — кто?! Вы что, телевизор не смотрите?!

Не-ет, что угодно, но в руки им он не дастся! Пусть даже объявленный смертельно опасным, станет таковым, но ОНИ его не возьмут, хоть в каждом доме, в каждой подворотне засаду устраивай!..

На засаду было непохоже. Юркиного «вольвенка» нигде не видать. Хотя несколько «Жигулей» парковались аккурат у «вагановской» доски, вплотную к обменному пункту валюты.

Наслышанный о дикой круглосуточной толкучке у подобных заведений, насторожился — не слишком ли безлюдно? В прежнем темпе, не снижая, свернул в подворотню с барельефной ящерицей на фронтоне («живу я здесь!») и — вот где они все!

Круглосуточная толкучка от края до края наполняла внутренний двор, обтекая мусорный громадный саркофаг (давно уже не «фаг», с неделю как подавился обилием дерьма-барахла). На пандусе, спиной к цельнометаллическим дверям стоял человек и объявлял:

— Пошел восемьсот третий! Есть?! Нет? Дальше! Восемьсот четвертый!

Понятно. С черного хода. Все у нас с черного хода. А есть ли здесь черный ход для него? Конечно, можно смешаться с толпой, прикинувшись этаким «тысяча первым». Но сколько тут «тысяча первых», внедренных топтунов-филеров? Должны быть, не могут не быть. Криминогенная зона. Валюта. Да...

И со двора за улицей особо не последишь, надо засесть где-то напротив. Выбраться из этого каменного мешка — перетянут горловину и, считай, попался. Назад! Назад!

Через дорогу. Часы на Адмиралтействе — ровно два. Что там через дорогу? Винно-водочный низок, дыра проходного двора, три подъезда — и все на кодовых замках. Наконец, общество «Милосердие»... Почему бы и нет? На то и милосердие. Раньше просились в монастырь, а теперь... Вот и на витрине у них:

ПОМОЩЬ

— голодным — инвалидам — погорельцам — одиноким — старикам — нищим — сиротам — беженцам — без-

домным — обездоленным — отверженным — малоимущим!

Только про спидоносцев и про убийц даже про невольных ничего не сказано. Да, конечно, он проходит по категории голодных, одиноких, нищих, обездоленных, бездомных, отверженных в своем нынешнем положении. И другого не будет. Но... тогда всё, тогда он передоверяет себя кому-то и плывет по течению, не зная куда выкинет. Лучше он передоверит себя Юрке — другу, милосердному не по должности. Если только этого друга не убедили, что милосердней всего поучаствовать в совместной облаве. Скоро станет ясно. Успеть бы укрыться. Где?!

Проходной двор? Метнуться в него, если облава, — вероятно. Остаться незамеченным — вряд ли. Двор прямолинейный, хоть на мушку бери: товьсь, цельсь, пли!

Алкогольный низок? Еще в одну очередь становиться? На виду? Да и заперт намертво: «Товара нет».

В какой-либо из подъездов? Код бы знать! Но деваться куда-то надо ведь! Он уже на этом отрезке улицы порядком примелькался. Код бы!

Ему повезло. Уже протянул пальцы, чтобы наугад ткнуть в кнопки одной из трех запертых дверей (а вдруг?!) и еле успел отдернуть — створка открылась, пожилая дама с авоськой как раз выходила:

— Ай! Я вас не стукнула?

— Не смертельно, — укорил-извинил. Все точно: в состоянии вины не спросит «а вы, собственно, к кому?»

— Молодой человек! — уже ему в спину. Глухим прикинуться?

— Вы мне? — идиотически спросил. И фальшиво.

— Вы не из магазина? Постного масла нет?

— Нет... — не из магазина он, и масла там все равно нет.

Уф! Ему повезло. Подъезд сухой, теплый, темный и как наблюдательный пункт идеален. Отделение Внешторгбанка — строго напротив. С лестничной площадки третьего этажа видно всё. И вход закодирован. Чужой, будь даже трижды некто в штатском, запросто не войдет. Сиди хоть до морковкина заговенья. А если из жильцов кто спугнет, то он как свой, как «местный» пойдет себе и пойдет — из закодированного подъезда только свои, только «местные» появляются. А он ДОЛ-

ЖЕН подойти с Дворцовой. (Почему Юрка спросил: «Откуда ты пойдешь?»). Или — с Гоголя, если ОНИ сделают допущение: фигурант финтит. Кажется, так у НИХ называется — фигурант?

Фигурант. Особые приметы. Ориентировка. Первый, первый! Я — второй! Вижу третьего!.. В гинандровом бесполом салопе его и Юрка не узнает — по крайней мере мгновенно среди прохожих не выделит. А мгновений достаточно, чтобы выпасть из поля зрения. Фигу вам, а не фигуранта! Фигурную фигу!

Да и чего себя накручивать! Куста бояться! Сейчас объявится «вольвенок» — пятнадцатиминутная страховка, и... должен Юрка понять! И помочь! Друг или нет?! И хотя никто никому ничего в этой жизни не должен, в нынешней ситуации иначе никак! Потому... потому что не хочется иначе.

Когда же, когда?! Неужели всего четверть третьего?! Часы — к уху. Стоят!!! Сутки не заводил! Время остановилось. Ах, ты ж!.. Он вывернул шею, елозя щекой по оконному стеклу, стараясь углядеть наружу, сколько натикало на циферблате Адмиралтейства. Бесполезно. Далеко, не видать отсюда, и очки опять же того... одно выбито напрочь, второе сплошь в мелкую трещину. Остается ждать! Если у него на часах четверть третьего, то четверть третьего всяко есть. Значит, до срока — минут тридцать. Ну, максимум, сорок.

«Можно по разному охранять свой покой. Задержанный угрозыском Бушуев Владимир Иванович страдал бессонницей. Услышав на лестничной площадке какой-то шумок, он вышел и обнаружил там молодого человека шестнадцати лет с юной особой, которые вели себя, кстати, довольно прилично. Решив, что именно эта парочка не дает ему заснуть, Бушуев взял кинжал и одним ударом убил парня.

— В какое место вы нанесли удар?

— А я не помню. Я же сзади...

После этого он, решив, что причина шума устранена, пошел спать».

Мышиный сон. Ма-а-аленький, сухой огрызок сыра. И больше ничего. Ма-а-аленький, уже покоробленный,

давно переживший срок реализации. Разве человеку такое приснится? Мышиный сон! И такой же внезапный, короткий, чуткий.

Спазм желудка — от призрачного сыра ли, от реального ли пирожка — вернул его в явь. Наяву он полусидел на подоконнике. Надолго отключался? Нет. А то бы шлепнулся — поза неустойчивая. Или мурашки бы вовсю бегали. Получается, какие-то секунды.

Внизу, на улице, у парадного входа в отделение Внешторгбанка — «вольвенок»! Когда успел? Откуда подъехал? Припарковаться — тоже, худо-бедно, нужно время. Учитывая, что там пять-шесть «Жигулей» уже было. Запросто не приткнешься. А Юрка не приткнулся, он расположился. И Юрка ли? Сверху видна только крыша «вольвенка». И крыши пяти-шести «Жигулей». Все-таки пяти? Шести? Сколько их было до того, как он на секундочку отключился? На секундочку?.. И «Волга»! Он ее не помнит. Рядом, впритирку к «вольвенку». ГАЗ-24. Пусть не черная, пусть бежевая. Частные лица на «Волгах» не раскатывают. Или раскатывают? Откуда она вообще взялась?! Может, и раньше стояла? С этого следовало начинать — пересчитать, запомнить! Эх-х, проп-пала с-собака! А теперь-то что? Теперь даже неизвестно, Юрка ли сидит в своей машине! И кто сидит во всех остальных, тоже неизвестно!

Самое простое — два лестничных пролета вниз, где из окна можно определить, рассмотреть — кто и сколько. Но он врос, подошв не оторвать. Атавизм: пока сам не видит, его не заметят. И не услышат. Практика — критерий истины. Теоретически прикинувший, как хитроумно проследит за ситуацией, практически боялся сдвинуться с места, шелохнуться — вдруг заметят! вдруг услышат!

Да нет же! Это с улицы сюда, в подъезд, каждый звук доносится — и ворчание «вольвенка», между прочим, то есть мотор не выключен, Юрка рассчитывает оперативно обернуться. Будь засада, ОНИ настроились бы на сколь угодно долгое ожидание, а бензин ныне дорог. Однако, бежевая «Волга»! И несосчитанные «Жигули»! Мурашки вот они, забегали. Век в одной позе не простоишь. Надо решаться. Собственно, на что? На то, чтобы спуститься этажом ниже, убедиться: за рулем «вольвенка» друг-Юрка. И перебежать через дорогу.

Он решился. На цыпочках, медленно, беззвучно, до судорог в ушах — вниз, вниз. Только бы никто из жильцов не вздумал сейчас, именно сейчас выйти или войти. Нервы бы лопнули.

Никто не вздумал. Через дорогу, в двадцати метрах от него за рулем своей машины в пижонской бело-голубой «аляске» сидел друг-Юрка. Ни в бежевой «Волге», ни в «Жигулях» — никого. Он щурился сквозь единственное, плохо уцелевшее очко, держа оправу на манер лорнета. Да, никого! А если замаскировались? Если ОНИ в том же «вольвенке», на заднем сидении, под пледом?

Так-к! Это уже фобия! Синдром зарубежных боевиков! Только полный идиот не заметит постороннего тела в машине, куда собирается сесть. И только полный идиот изберет подобные прятки для внезапного захвата. А ОНИ — не идиоты. И Юрка не пошел бы на то, чтобы подкладывать ему ТАКУЮ свинью... на заднее сидение. Даже если ОНИ провели разъяснительную работу и убедили посодействовать — не таким же образом! На это Юрка бы не пошел... А на что бы пошел? Бы? А если таки-пошел? На, к примеру, предварительную беседу по душам с беглым спидоносцем («Самое лучшее для тебя — самому...») и, если логические доводы не подействуют, на условный знак, жест: пора брать. И отойти в сторонку. Фобия?

Но Юрка дергается. Почему Юрка дергается? Отсюда же видно: взвинчен. И оглядывается. Ясно же было сказано Юрке: «Со стороны Дворцовой». А тот поминутно вертит головой — на Гоголя. Почему все-таки спросил: «Откуда ты пойдешь?»

Фобия, фобия! Все объяснимо! Задергаешься, взвинтишься, если в конторе — налоговая инспекция, а «свой» человек», редактор запропал как раз в тот момент, когда срочно нужно бумажки переоформить. Тут в нетерпении мало что оглядываться начнешь — волчком завертишься! И до принятия ли приглашения в широкомасштабной облаве, если в собственной конторе — большой перетряс. Если! Если это так!

Конечно, так! Достаточно! Пятнадцатиминутная страховка давно истекла. Чего доброго, Юрка плюнет и в сердцах умчит. И тогда без всяких вариантов: ни-

кто никому ничего... Ни Пупышева, ни дачи, ни... малейшего просвета.

Его стегануло этой мыслью, и он запрыгал через три ступеньки к выходу. Успеть бы! Умчит ведь!

Не успел. Уже взялся за ручку, уже потянул на себя — не поддалась. Уже вспомнил про кодовый замок и торопливо стал выискивать защелку — изнутри на простой защелке должно быть! Не успел. Не успел выскочить на улицу. И замер.

Напротив, в двух десятках метров — со двора, где «жила Агриппина Яковлевна Ваганова», из-под барельефной ящерицы вышел человек в строгом «регланe» (некто в строгом? «тысяча первый»?). Отсутствующе прогулялся, не слишком удаляясь. Остановился вровень с «вольвенком» и ненароком нагнулся, вроде счищая грязевые брызги по низу брючин — резкими, «каратешными» взмахами. И взгляд — куда угодно, но не к Юрке.

Хотя губы шевелились.

Почти неприметно. А шевелились.

Отчетливо лорнировалось — шевелились!

И Юрка не повернул головы, не отреагировал!

Ведь так естественно было бы отреагировать на случайный вопрос случайного прохожего: «спичек не найдете? который час, не подскажете?»

Но Юрка смотрел перед собой, игнорируя случайного...

...СЛУЧАЙНОГО?..

Юрка проигнорировал. Только отрицательно повел указательным пальцем. Руки на руле. Почти неприметно, а показал пальцем: нет.

Отчетливо лорнировалось — даже через сеть трещинок в очке, даже сквозь мутно-волнистое стекло двери. Нельзя не заметить, если специально вглядываться.

Он вглядывался специально. Он заметил.

Итак...

Пора объявляться. Все равно застукают. Невозможно справиться с внутренней неловкостью, с ежащимся неудобством. Будто окунулся во вчера: Московский вокзал, «Ж», кабинка, и всё ближе-ближе сержант...

Он понял, что не удержится, что готов. Стена, тупик, некуда. А куда?! Вдоль по стеночке из подъезда

налево, к Дворцовой? Если не отсекли. Вслушался — вот оно!

Наверно, снаружи долбанул мороз — в морозном воздухе каждый звук за версту. С Дворцовой — специфические звуки: рык машин, бряцание, команды, топот. ОМОН подоспел? Бравые ребятушки, солдатушки, перемахивающие через борт, расстредоточивающиеся... А — направо?! И — что?! До первого «Эй!». Если на то пошло, он сам крикнет «Эй!» Сам обозначит себя и посмотрит в лицо Юрк... Юрию Викторовичу. Спасибо за дружескую услугу, Юрий Викторович, не надо опознавать, как-нибудь сам. И в лицо, в лицо! Никто никому ничего в этой жизни не должен. Что да, то да. Теперь — да. Только небольшой должок отдать лучшему другу и...

Пора! Он распахнул дверь и ступил наружу. Мороз действительно долбанул — дыхание перехватило. Скрестил руки на груди — мельком кольнула досада: что за байронические замашки! Да просто куда их денешь, руки! Сразу после «Эй!» — понятно куда: мгновенно под салоп и из-за пояса вырвать... (кинохроника, Джек Руби)... А пока руки норовили изобразить «килинарный техникум». Ну! Еще миг, и Юрий Викторович с новоявленными коллегами усекут его. Надо первому окликнуть!

— Эй!

Досада уже не кольнула, а вонзилась по рукоятку: «вольвенка» от него заслонил автобус. Проезжающий мимо. «Вольвенка» от него. Или его от «вольвенка». Так или иначе, но придется повторить окрик. Да проезжай ты, развалина! Чего встал! ОНИ ведь не могли не услышать «Эй!» и скорее всего кинутся на звук, тут и спецназ, омоновцы подоспеют с Дворцовой. Получится — пойма-а-али! Проедешь ты, наконец! Чего, спрашивается, ждешь?!

А он?! Ошпарило. Он чего ждет?! Автобус!!! «Тридцатка»! Это же остановка. Судьба! Хватает же ума клясть ее!

Створки с шипением начали закрываться — не хочешь, не надо, вольному воля.

Он вспрыгнул на подножку, яростно продрался в смыкающуюся щель. Поехали!

Салоп со спины придавило створками, не пускало. Он раз-другой рванулся и демонстративно смирился: до следующей доедет, а там высвободится, талончик сможет достать, пробить. Если — контролер, то пассажиры свидетели: он пытался освободиться, рвался.

Пассажиров относительно мало, еще не час пик. «16.02» подмигивала «Электроника» у самого носа — чья-то рука держалась за поручень у самого носа.

Он отвлеченно мазнул взглядом по заднему стеклу — как из окопа, на уровне бровей: ведь вынужденно застрял на подножке, ниже остальных. Его с улицы не видно. А ему видно.

Расплывчато, нечетко, в уже меркнущем дне, — но видно Юрия Викторовича посреди мостовой, вертящего башкой. В голубой «аляске» на белом меху — очень заметно. А того, в строгом «реглане» рядом с Юрием Викторовичем не было. И омоновцы в поле зрения не появились.

А ведь придется сойти на следующей. Если Юрий Викторович расслышал «Эй!», если узнал, но не понял, куда подевался вдруг тот, кого узнал, то... То ИМ в сообразительности не откажешь. А значит, вдогонку «тридцатке» вот-вот кинутся, если уже не кинулись. ОМОН, спецназ. И по всему маршруту оповестят. «Уоки-токи».

«Человек этот, судя по всему, отчаявшийся, готовый на всё, озлобленный». Да, судя по непроизвольной реакции, когда он засек обмен репликами «аляски» с «регланом», когда уловил бряцание, команды, топот, и — вцепился в пистолет.

Да, отчаявшийся: пистолет — последняя защита.

Да, готовый на всё: и на пальбу по охотникам вместе с подсадной уткой.

Да, озлобленный: получай, Юрий Викторович, утка-«аляска», сдавшая с потрохами... предателю — первый кнут!

Но ведь не достал оружия! Не выстрелил! И если бы не автобус... А вот неизвестно, что было бы, если бы не автобус. Да, окликнул, и если бы встреча глазами произошла, в упор, неизвестно, хватило бы духу выстрелить? Или так: хватило бы духу НЕ выстрелить? И сдаться? Не сдался же. Шмыгнул в автобус и не

сдался. Значит... ухватился за последнюю возможность не сдаться. А не будь «тридцатки» — такой последней возможностью оставался только выстрел: и оттянуть неизбежную поимку, и отомстить за предательство.

Он ведь зримо, очень зримо представил, шагнув из подъезда, как голубая «аляска», встрепенувшись на окрик, выскочит из машины и тут же, после негромкого хлопка, закрутится юлой, липко сползет, безнадежно цепляясь за дверцу «вольвенка». В лучших традициях штатовских триллеров. Больной американизмом Юрк... Юрий Викторович иначе как в лучших традициях и не позволит себе.

А он? Позволил бы себе? Нажать на курок? Мало ему амбала-Ланкина? А тот, другой, в строгом «реглане»? Того тоже пришлось бы... убирать? Вот уж нет! Того-то за что?! За лишний глоток, час свободы? А омоновцы с площади? Их тоже? Бойню устраивать? Да его самого срезали бы в долю секунды, достань он пистолет. Реакция у НИХ, выучка, глаз наметан — не чета лишенному очков фигуранту.

Живые картинки лезли в голову одна безысходней другой. Но ярче всего — «аляска», рухнувшая у колеса машины, и расплывающееся пятно, красное на голубом. Что озлоблен, то озлоблен. В тот момент он мог, МОГ пальнуть. Под маркой справедливого возмездия, под какой угодно маркой — но МОГ.

Контроль? Он контролировал себя. Целые сутки только и делал, что себя контролировал. Но контроль — не есть гарантия от совершения глупостей, а всего лишь гарантия, что, совершая глупости, осознаешь это. И зримо, очень зримо представляя живую картинку еще там, в подъезде, он ПРЕДВОСХИЩАЛ ее — и ни намека на внутренний тормоз. И если бы не «тридцатка»...

Испугался. Самого себя.

Автобус остановился, выпустив на волю. Погони пока не было. Возможно, и не будет. Возможно, перережут спереди. Или еще как-нибудь, лишь бы незаметно. Нагонять — это риск стрельбы в центре города, если фигурант обнаружит преследователей. А то еще и любого пассажира возьмет в заложники — дуло к виску, истошный рев: «Пропустить!!!» На что способен отчаявшийся, озлобленный преступник? На всё!

Заберите меня, пока я не наворотил черт-те что!.. Он так и сделает. Он сейчас наберет «02» и сообщит: я тот, кого вы ищите, я там-то и там-то, выгляжу так-то и так-то, заберите меня, готов нести всю полноту ответственности... Нет, не готов! Ведь примчатся суровые, незнакомые, для которых он и есть никто, и звать никак. И навесят ему такую полноту ответственности, что не оправдаешься. А то и попадется среди них нервный, под стать туалетному сержану... Проще тут же у телефона самому застрелиться! Если сообщать, то пусть шапочному, но знакомому. Добрый следователь — злой следователь. Контрастный дуэт, ставший общим местом. Но психологически легче — к доброму. Во всяком случае, к умному. Во всяком случае, к умноглазому. Вот, кстати, и свидетель, что подследственный вел себя прилично... и не собирался никуда сбегать. Из «канатки»? А он не сбегал, его отпустили, ему разрешили, даже приказали! И поручили самому позвонить. Он и звонит. Сам. Пять-шесть-семь-восемь-девять-шестьдесят девять. Легко запоминается. Действительно, легко.

Трубку сняли, но молчали. Он поалекал, пофыркал, продувая линию: было слышно — соединилось, но молчали. И дали отбой. А-а, ч-черт, проп-пала с-собака! Не могу больше жить в этой стране, где последнюю мелочь из себя вытряхнешь, прежде чем откликнутся на призыв «Арестуйте меня!»

Автомат провалил внутрь вторую двушку.

— Александр!!! Это я, Олег!!! Ты меня слушаешь?!! Александр!!! Олег говорит!!! — раздражение поперло из него бурной пеной. Взбесишься тут!

— Куда вы звоните? Кто вам нужен? — голос женский и на редкость противный, насморочно-гундосый, казалось, еле сдерживающий хихиканье.

Дежурная? Связная? Игрушки ей! Хиханьки ей! Хаханьки!

— Я звоню куда надо, понятно?! — взбесился он. — И мне нужен Александр! И не он мне нужен, а я ему, понятно?!

— Здесь таких нет! — заявил голос, но не категорично, выжидая.

И в самом-то деле! Вполне вероятно, Саша такой же Саша, как он — Олег. Конспирация, псевдоним, служба такая...

— Подождите, девушка, подождите, прошу вас! Мы договорились с ним сегодня. Он сам просил меня позвонить! Олег! Он ничего не оставлял для Олега? Координаты или еще что?..

— Нет.

Отрицание отрицания. Минус на минус — плюс. «Нет» — значит, не оставлял. И значит, никакой ошибки, попал куда надо: есть такой «Александр», просто ничего не оставлял для «Олега». Но как же так?!

— Но как же так?! Мы же договаривались... — потерявшись выговорил он. Еще одна надежда в прах!

— Он в больнице... — проникнувшись его потерянностью, сообщил голос и не удержал всхлипа. Не хихиканье там на другом конце давилось, и не насморк мучил, а вот, значит, как...

Маху дал «Александр», прозевал хитрый сай в баре. Бугаи оказались на уровне. Вырубили.

— Настолько серьезно? — он непроизвольно взял тон знатока («Что у нас болит?»), способного если не помочь, то утешить. Гос-споди, самое время! Кто бы ему помог?! Утешил бы на худой конец!

— Серьезно! — голос тут же приник к нему. Не дежурная, не связная, а жена. Конечно! Больше некому! —Почки, селезенка, и врачи говорят, что... говорят, что... ы-ы-ы... ы-ы...

— Спокойно! Успокойтесь! — тон знатока сильно выручал, позволял прервать жену «дятла»-Саши для ее же блага. — В какой он больнице? Вы товарищам сообщили?

Голос внезапно отпрянул, будто ударили:

— Каким товарищам?!

— Вы не знаете каким?— зыбко щупал он. Не «Александр», так другой, хоть через третьи руки но знакомый. Будем знакомы! И бугаев опознает, укажет. Скостят. — Вы что, не сообщили товарищам?! Сотрудникам?!

— Каким сотрудникам?!

— Сашиным сотрудникам!!! — гаркнул он.

И тут женщина заверещала. Не смешно,. а страшно. Он никогда не слышал, только читал, как верещит заяц в когтях хищника. Умозрительно представлял, а теперь и сам созрел для того, чтобы издать нечто похожее. Но позже, чуть позже — когда еще не

впились в спину. А женщине? Впились? Она заверещала:

— Оставьте его в покое! Вам мало?! Вам мало, да?! Я все продам! Я займу! Оставьте его!!! Он не стукач! Он отдаст, он все отдаст! Я отдам! Я займу и отдам! Но не стукач он!!! Я вас умоляю! Заклинаю вас! Пожалейте! Жизнью своей клянусь! Отцом-матерью! Не стукач он, не стука-ач!!!

— Послушайте... — перебил он.

— Нет, это вы послушайте, — перебила она. — Пожалуйста, послушайте! Ну, пожалуйста! Ну, оставьте его в покое! Он инвалид на всю жизнь! Зачем он вам?! Я отдам сколько могу! Я все отдам! Я на трех работах пойду!.. И не стучал он, не стучал! Ну, поверьте! Я бы знала! Он мне ничего не рассказывал! И про вас про всех — ничего! Я никому не скажу про вас! Я клянусь! Я умоляю! Он не виноват! Он не... не закладывал никого! И я тоже — никого! И обещаю — никогда! Только пожалейте его, не трогайте его! Он уже и так инвалид! Я понимаю, вы ошиблись... но я не держу зла, я буду молчать. Только если вы... Нет-нет, я не ставлю условий, но... но вы оставите его в покое? Вы оставите его? Оставите? Что вы молчите? Ну, что вы молчите?!!

Он молчал.

— Г-г-гады! — угас голос. И снова вспыхнул, разгораясь и пожирая: — Г-гады! Уб-блюдки! Мало вам человека искалечить! Убить надо?! Да я вас первая своими руками удавлю! Сил хватит! Я и про Выборг, и про наркоту вашу, и про жемчуг, и про все ваши ходы-выходы-ы-ы... ы-ы-ы! Га-а-ады-ы-ы! Вы у меня попляшете! Мне терять нечего! А он ведь не стукач. Все-таки не стукач! И вы все за него ответите! И ваш лысый, и ваш педрила, и Носорог! Инвалиду срок не дадут, а вот вам все-ем!.. Слышишь?! Ты меня слушаешь, сволочь?! Вот я сейчас кладу трубку и набираю ноль-два, понял?! Разбегайтесь, г-гады, — далеко не убежите! Понял, ты, с-с-сволочь?!

Он, сволочь, понял. «Далеко не убежите». Не по адресу, но до чего же по адресу, а?!

Итак, пижон-Саша, а не «дятел»-Саша. Фарцовщик среднего пошиба мимикрирующий под значительное лицо («Он знает что-то, чего не знаем мы»). Или на-

оборот. Без разницы! Главное, похож. Ведь похож! Все они похожи. Все — вроде Володи!

Володя. Попытка вербовки еще на третьем курсе, только-только «д'Амба» вышла в «Вечерке» — и звонок в деканат. В кои веки он в деканате оказался — и звонок. И методист:

— Кого-о? Нет у нас таких! Погодите, погодите! Вот он, как раз пришел!

И — свидание, назначенное внушительно и доверительно, — Литейный, 4.

— А к кому обратиться?

— Вас узнают.

И — разговор. В бежевой «Волге» кстати. Не в здании, а в машине, подле. Умноглазый, со-чувствующий и со-участвующий. Только не Саша, а «зовите меня Володей». Собственно, разговора не получилось. Володя полистал какие-то страницы в папке и проникновенно, глаза в глаза, сказал:

— Просматриваю, понимаешь, тут разные личные дела и замечаю: все, кто из университета, особенно среди заочников, все они — либо наши, либо... — и через вескую паузу: — либо... не наши!

На том и кончилось общение. Хохот напал истерический, неостановимый. Свою роль сыграли и два стакана сухача, опрокинутых для храбрости в разливочной перед встречей. «Главное, пробить гематоэнцефалический барьер!» — затвердил он фразу, пойманную на студенческой пьянке. И действительно — оно, главное! На том и кончилось.

— Вы меня очень подводите... — сокрушенно резюмировал «зовите меня Володей».

Еще бы! Намеревался серьезно о серьезном с серьезным человеком... а тот беспричинно ржет, да и винищем разит. Нет, такие не нужны, будь они хоть трижды авторами «д'Амбы»! НЕ НАШИ!

И с той поры — никаких контактов. Крест на нем поставили. А он, приобщившись хоть и таким образом к НИМ, решил, что в любой толпе выделит и определит этих... вроде Володи. И «дятел»-Саша был навскидку — вроде Володи. («Оставьте его! Он не стукач!!!») Черт его знает! Может, и нет. Все смешалось: либо наши, либо... не наши. «Дятлы», работающие под фарцу. Фар-

ца, работающая под компетентных лиц. Одно не исключает другого.

А чего же тогда «Александр» ему-то голову морочил?! Или он сам себе наморочил коллегу-Сашу?! А «гробешник»? А чиполлино-Марьо?! А темные личности, шепчущие Саше в «канатке»?! Ну и?.. Годится и для того имиджа, и для иного. Либо наши, либо... не наши. Поди различи!

Но ведь в таком случае... В таком случае...

«Вы меня очень подводите», — давным-давно сказал ведомственный Володя.

«Ты понимаешь, что очень меня подводишь?» — совсем недавно сказал Юрий Викторович.

Или все-таки Юрка? Которого он чуть не подстрелил за предательство. Юрка, у которого в конторе фининспекция.

Вот уж нет! Вот уж тут без ошибки! Иначе как объяснить «реглан» и обмен репликами?!

Просто! Валюта. Пункт обмена. Криминогенная зона. Никому неохота попадаться. И незаметный, краем губ, вопрос-предложение: «Один к пятнадцати сдам». А совсем даже и не по поводу беглого спидоносца: «Не появлялся еще?»

Вот уж нет! Почему тогда Юрка в открытую не шуганул фарцу в «реглане»?! Почему только пальцем повел и головы не повернул?!

А потому! Во-первых, Юрка коммерсант, незачем шугать другого коммерсанта. Правила приличия, если можно так выразиться. «Один к пятнадцати» не подошло, могут позже предложить «один к десяти». Ведь назначил же Юрка встречу не где-нибудь, а именно у отделения Внешторгбанка — чтобы времени даром не терять, два дела сразу. Это во-первых. А во-вторых, не только Юрка, но и он сам смотрит сквозь, не видит, не слышит, попадись навстречу-сбоку-сзади шепоток: «Пакистанские сорочки надо? Чеки не сдаешь? Земляк, выручи, тридцать копеек!» Тоже правило. Приличия. Собственного! Не приличествует ему общаться с разным... с разной... Ни ему, ни тем более Юрке, солидному коммерсанту якшаться с мелкотой!

Вот уж нет! Все-таки не Юрке, а Юрию Викторовичу! Откуда тогда омоновцы на Дворцовой?! Ветром надуло?!

Откуда, откуда! Ниоткуда! Слышал, но не видел. Даже если не ошибся (ОМОН!), мало ли забот у бравых ребятушек на Дворцовой! Митинг несанкционированный, учения, показательные выступления. Мало ли! Свет клином сошелся на его персоне?! Даже если Юрий Викторович и впрямь «заложил»...

Вот уж нет! Никаких «если»! Потому... потому что застрелил бы! Да, застрелил бы! Попал бы, плевать на близорукость! В голубую с белым мехом, благополучную «аляску». В бывшего друга. В любом случае — бывшего: «Никто никому ничего...»?!

И пусть Юрка НЕ ДОЛЖЕН гнать «вольвенка» за тридевять земель до Пупышева!

Пусть НЕ ДОЛЖЕН вытаскивать из штопора кого бы то ни было, даже друга!

Пусть респектабельный коммерсант НЕ ДОЛЖЕН ставить на карту все свое состояние-положение против судьбы какого-то там, даже друга!

Пусть НЕ ДОЛЖЕН выручать хотя бы деньгами оставшегося практически без копейки, но, между прочим, заработавшего эти деньги! Пусть!!!

Но тогда и этот какой-то там ничего не должен!

Ни улаживать финансовые проблемы-затруднения директора Юрия Викторовича!

Ни выслушивать дельные рассуждения о явке с повинной!

Ни рисковать собственной засветкой в случае засады!

Ни звонить-выяснять-извиняться за то, что не пришел!

Было бы за что извиняться! Не за что! Еще неизвестно, кто перед кем! Да, неизвестно!

«Старик, я похож на всех мужчин Северо-Запада и Средней полосы нашей необъятной!» Примерный семьянин! Неотразимый «второй» у женщин! И всегда — сухим из воды! А тут...

И еще нотации выслушивать?! От кого?!!

Ох, стрельнуть бы тогда! Ох, стрельнуть бы! Потому что... потому... Да, да, да! Никто никому ничего в этой жизни не должен! И все! И хватит! Еще скажи «спасибо», что живой! Пока живой. Да, да, да! И ты, и ты! Оба! Спа-си-бо!

«Сегодня имело место нападение на врача «скорой помощи». Нападение совершено больным, к которому врач, совершенно юная особа, кстати, была вызвана».

Если Соколинская и «вышла», то теперь окончательно. И все остальные «вышли». Никто не отзывался. Рабочий день кончился... На Староневском тоже никто не поднимал трубку.

Он по инерции шел и шел, не сворачивая с Дзержинской. Была бы засада, была бы погоня — давно бы догнали и засадили. Грузовик омоновцев, компетентный спецназ...

Как сказать! Да, и засада, и погоня — за прячущимся, за бегущим. А он не прячется, не бежит, еле ногами перебирает — и скользко, морозец прихватил, и сил где взять? Шел и шел.

Вспомнил к месту байку о двух налетчиках, взявших кассу на Литейном: тоже вся милиция поднялась по тревоге, все дороги перекрыты, все машины проверялись. А эти двое просто сели в троллейбус и спокойненько доехали до Невского. И по кабакам двинули — из одного в другой, в третий. Безмятежно надирались — денег-то куча, вона сколько! И попались-то по глупости, будучи в стельку, — чуть ли не хмелеуборочная их загребла. Что-то в этом роде то ли читал, то ли в очереди слышал. Налетчики-то и не прятались по глупости — их и не нашли до поры. Самое абсурдное есть самое надежное.

Но он — не по глупости. Он знает, что делает!

Знает? Каждый шаг наперед? Когда каждый шаг дается все с большим и большим трудом от элементарной накопившейся усталости! Только и остается тешить самолюбие осознанной необходимостью. Свобода! Свобода!.. Поймали бы уже, что ли! Он знает, что делает!

— *Я знаю, что делаю!*

— *Конечно!*

— *Оль! Ты что, мне не веришь?*

— *А ты сам себе?*

— *Слушай, но если так, то можно ли говорить о какой-то любви?!*

— *А о ней непременно надо ГОВОРИТЬ?*

— Иногда мне кажется, мы с тобой общаемся на разных языках! А тебе не кажется?

— Конечно!

Они общались на разных языках. Свое вольное рабочее расписание он считал независимостью. Она давала понять: неприкаянность.

— А ты, а твоя обязаловка с отчетами от сих до сих — лучше?! Монотонность лучше?!

— Не монотонность, а стабильность.

— Сама же сколько раз заявляла, что надоело до чертиков! Что бросила бы не задумываясь!

— Ну, заявляла... Просто пока другой не предлагают. Так что предпочитаю стабильность. И не я одна. Даже если надоело до чертиков.

— О-ля! Зачем же ты:..

— Я-а-а?!.

Каждый выбирает свою обязаловку. От сих до сих, но знаешь, чего ожидать. Никаких непредвиденных заскоков.

Шел и шел. По инерции. В тепло бы. Сесть за стол. «Ты ел?» Нет, сначала — в клозет. «Ты что там, заснул?» Пирожок мстил, выворачивал душу. А и заснул бы... Женьке звонить нель-зя! Не знаешь, чего ожидать.

Шел и шел. И на пересечении Садовой понял: больше шагу ступить не сможет. До ближайшего бы клозета! Ближайший известный ему — все в том же Гостином. Платный и платный, десять копеек еще наскребется. Но не пешком же, не ползком!

Трамвай. Час пик. Лишь бы втиснуться, повиснуть — всего две остановки. В пиковой давке пассажирам не до контролеров, а контролерам не до пассажиров.

Всего две остановки! Он, проп-пала с-собака, проехал три. И даже четыре. Вынужденно. В пиковой давке пассажирам не до закаканцев:

— Нечего было садиться! Вместе со всеми и выйдете!

А таранить не рискнул — организм специфически отзывался на любой толчок. Час пик. Час бубен. Час треф. Трефы у гадалок обозначают судьбу. Неужели суждено осрамиться в штаны! Час треф!.. И проводив глазами спасительный Гостиный, покорно стал дожидаться, где вынесет.

Вынесло у Летнего сада. Снежно-голый, утыканный сортирными домовинами со статуями внутри. Как бы хотелось оказаться на месте любой из статуй! Всего на минуточку!

Он и стоял статуей, опасаясь шевельнуть рукой-ногой, вслушиваясь в организм. Нет худа без добра — отпустило. В трамвае, на сжатие, чуть не прорвало — но, видно, спрессовало. Жить можно! Еще какое-то время. Ч-черт, проп-пала с-собака, разве это жизнь?! Где бы... погадить?! Куда ни глянь — Летний сад, Марсово поле, Михайловский садик, Инженерный замок! Памятник на памятнике памятником погоняет! «Заг-гадили город!» — Ольгина вечная прогулочная реплика. Кто? «А все! Все эти приезжие, лимитчики, чернозадые, быдло!» Раньше она в Инженерном работала, пока все конторы оттуда не турнули. А сопротивля-ались-то! Во всем виноваты приезжие, а коренные ни при чем — будут марать бумажки в музейных апартаментах и цедить: «Лимитчики, чернозадые, быдло!»

Он перебрел через мостик. И очутился... на Пестеля. И козырек таксофона. Чисто машинально, зная, что не услышит ничего, кроме длинных гудков, набрал...

— Да.

— Оль.

— Да.

— Это я.

— Слышу.

— Оля, не надо так.

— Как?

— Ты... где была?

— На работе.

— Я звонил.

— Знаю. Мне передали.

— А где ты была?

— По делу.

— Там?

— Где?

— В общем... как ты?

— Нормально, не беспокойся.

— Я не беспокоюсь. То есть хочу сказать, что...

— Что?

— Мне нужно сейчас срочно к тебе заскочить. Книжку требуют. Срочно! — вылавливая в памяти, сколько и каких его книг скопилось на Староневском.

— Давай в другой раз. У меня гости.

— Какие гости?

— Мне отчитаться?

— Нет-нет! Давай в другой раз! — все-таки перспектива: не окончательно, не насовсем. Сама предложила «В другой раз»! Следовательно, он наступит, этот «раз». — А... когда?

— Когда тебе удобней.

— Мне удобней сейчас! — он ощутил, что помимо воли изнутри нарастает сумасшедшая злость. Ему осталось всего ничего — минуты, часы, дни! А она... она, из-за которой все началось (из-за нее! из-за нее!) сидит как ни в чем не бывало, у нее все нормально, и на порог не пускает! Зачем? Да затем, чтобы с ней же обсудить положение и поискать приемлемый выход! Ведь если он... То и она... О ней же заботится! А она: нормально! И по тону, по тому самому невыражающе-выразительному тону не понять: да или нет?! Была ли вообще на Миргородской? Или опять — на случке?! А он тут прыгай на задних лапках! Псевдо-Нюша! Достаточно! Напрыгался!

— Мне! Удобней! Сейчас!

— А мне — нет. Извини.

— За что? — злость неконтролируемо переросла в свирепость. Свирепость к ней от жалости к себе.

— За все.

— Ничего-ничего. А у тебя, получается, все нормально?

— Да, не беспокойся... — и, несмотря на бесцветность, проступило: «за себя».

Для него — проступило. Любыми благими намерениями можно оправдаться, заталкивая вглубь истинное. Да, беспокоится! Да, «за себя»! Да, и поэтому тоже! Но — тоже! А не — лишь! Но когда носом тычут, как щенка-ньюфаундленда!.. И кто?!! И свысока! Сверху вниз! «Ты на СПИД не проверялся?» А ты?! Ксавьера Холландер доморощенная! Ин зе коттедж! В шалаше, куда теперь милому ни ногой. «В другой раз». Ежу ясно — вежливая форма отказа. Навсегда. Гуляй, милый, и... не беспокойся, впредь пользуйся предохранительными средствами.

Свирепость сорвала все задвижки, выбила все предохранители, блокировала все защиты. Заорет! Сейчас он

заорет! Нет, только не орать! Орать — это снизу вверх. И он — а кто это там стучи-ит? стучало в висках: гулко, громко, болезненно! — он покровительственно, умудренно, с хрипотцой, свысока проговорил-приговорил:

— Была ты, Ольга Алексеевна, всю свою сознательную жизнь с-сукой, с-сукой и помрешь. Знать-то я всегда знал, но надеялся хоть как-то изменить. Да все зря! Иди к своим гостям — они тебя развлекут лучше меня. А ты — их. Иди, иди... — Полное безмолвие. — Нюше мой прощальный привет! Да, и вот еще что! Мы взрослые люди, и чтобы не оставалось никаких недомолвок... — он бы долго под стук висков уничтожал накопившиеся недомолвки.

Но Ольга перебила. Вернее, попала в пустоту между его фразами. И потусторонне сказала:

— Спасибо.

— Пожа-а-алуйста!!! И вот еще что!..

— Спасибо... любимый.

Короткие гудки. Все! Навсегда! Короткие гудки не совпадали со стуком в висках. Голову заломило, невыносимо заломило. Ни насмешки, ни сарказма, ни иронии не было в потустороннем «любимом». А и было — не по отношению к нему. К самой себе. Любовь зла...

Выговорился?! Облегчил душу?! Утяжелил?! Выпей яду! Собственного! Ищи-свищи виноватого!

Он не искал, но нашел. Он не задавался вопросом: кто виноват? Сам виноват! Но кто виноват в том, что он виноват?! Все! Никто! Все и никто! Проп-пала с-собака! Сука! Блядь! Мать-перемать! Не могу больше жить в этой стране!!!

Уже подвывая, приборматывая, похохатывая, в опасной веселости метался по необъятному закоулистому двору: Пестеля, 13. Раз уж он здесь... Вот и свела судьба, вот и свела судьба, вот и свела судьба на-а-ас! «Пестеля тринадцать я проживаю! Квартира шесть! Олежек!»

Мадам, ваш салоп! По-французски «ваш салоп» созвучно «вы корова»! Вот умру я, умру! Похоро-онют меня! И все будут плакать — и тетя Полли, и Бэкки Тэчэр! И гинандрочка его единственная! Подушкой если накрыть, так и ничего! Приветит, обогреет, обоготворит!

Пусть он гнида! Пусть он пидар гнойный! Пусть он предатель! Пусть — особо опасный преступник! Гинандрочка его всякого примет! Квартира шесть!

Кружил и кружил от подъезда к подъезду, ища на табличках — 6. Было: 2. 11. 74. 79. 63. 14. 38. И на других табличках все в такой же бессистемной системности. А цифры 6 не было. Система виновата, система! Не могу больше жить в этой стране, не могу-у-у!!!

А вот встанет он в центре, прямо под этим распятым на цепях металлотонным висячим фонарем и взовёт: «Гина-а-андрочка-а!» Как ее зовут-то? А ну, гепнется фонарь, и — всмятку! Вот умру я, умру!.. Не-е-ет, он мазохист, он еще поживет!

Квартиры под номером шесть не было и всё! Или была, но — где?! Проклятая бессистемная система!

Он припустил из двора на улицу. Опасная веселость обуяла. Всплеск жизненных сил! Последний? Читал, знает: аварийный резерв, потом — всё! Прощай, гинандрочка! Не суждено! Он сохранит салоп на долгую и нудную память! Впрочем, не на такую и долгую...

Выскочил на Пестеля, оскользнулся, сбалансировал и уперся глазами в собор. Да, справа. Спасо-Преображенский. И мельтешение огоньков у подножья, свечки, целый рой. Народ отмечает! Что-нибудь великомученическое. О! То что надо! По части великомученичества он теперь любому канонизированному даст сто очков вперед!

Впер-ред!!! Богу — свечка! Черту — кочерга! Это я, Господи! Прими!

Он врезался в толпу и стал пробираться к вратам. Зачем? Сам бы не сказал. Но пробирался. Крестясь то не той рукой, то не в ту сторону. А в какую надо?

И пробился.

Было тепло, светло, ароматно. Жаль, очки вдребезги. Не лорнировать же... Чего ему здесь? Ах да, церковь — последнее пристанище. Пастыри примут человека всякого. Дождаться, когда все закончится и припасть: грешен, грешен!

Грехи мои тяжкие!

Иди и больше не греши.

А можно остаться? А то идти никуда не хочется!

Нельзя, сын мой. Мы уже закрываем.

То-то и оно!

И когда у них все закончится? Вдруг у них сегодня эта... всенощная? До утра!

Стоял и слепо глазел.

— Отец Борис! — зашуршала толпа. — Отец Борис!

Стоял и слепо глазел: некто в ярком, праздничном, переливчатом, и окружение — под стать. Только две фигуры выпадали из ансамбля. Один пятился с оптической махиной на плече. Второй, рядом с отцом Борисом, держал наизготовку... микрофон? Черная куртка. Выделяясь чужеродно из церковно-пестрого ансамбля. Сам, бля! Бля! Мой чо-о-орный человек в костюме чо-о-орном-м-м!

Руки зажили своей жизнью. Вдруг осознал, что одна из них держится за рукоять пистолета и готова выдернуть его из-за пояса, а вторая прикрывает полой салопа...

Он, Бог свидетель, не искал виноватого! Он, Бог свидетель, нашел! Нашел!!!

«Разъяснять, что этот человек смертельно опасен, думается, нужды нет...»

Свод должен был обрушиться. Ангел гневный с мечом огненным явиться бы обязан. Знак упреждающий свыше.

Все прозаичней. Изнутри скрутило до холодного пота. Не знак ли? Но не свыше, это точно. Окаменел. Представил: нажимает на курок и одновременно обделывается. «Иди к параше!» Да и сил на то, чтобы нажать курок, не стало — бисерно выступили вместе с холодным потом...

Трамвай тащился еле-еле, но быстрей, чем тащился бы он. Уступили место:

— Вам плохо? Вам далеко ехать? Врача?

— Не надо, не надо! Сейчас полегчает. Мне до конечной. Просто перепад давления.

Не обращайте на него внимания! Внимания — не надо! «Если вам покажется, что это он...» Да какой же это он?! Ну, поплохело гражданину! Не пьяный, трезвый — просто перепад давления! А хотелось стать пьяным! Пробить пресловутый гематоэнцефалический барьер — чтобы море по колено, и всяческое давление по боку. Давление изнутри и извне.

На автопилоте протолкался из собора, мелкими шажочками — к остановке, потом в вагон и — малой ско-

ростью через Литейный мост, на Выборгскую сторону.

Ведь пальнул бы! Ведь нашел виноватого! Репортер! Кто же как не этот... Падший ангел?! Или, скорее, вознесенный мелкий бес! Не сообщи тот безапелляционно о беглом спидоносце-убийце, и не было бы ничего! Было бы, но не так и не то! Он смог бы объяснить, доказать, втолковать... Цепь случайностей! Звено к звену! А на эту цепь его посадила «черная куртка» коротенькой телевизионной информашкой: опасен! Да, чем дольше сидишь на цепи, тем опасней, злей становишься. Куси! И кусил бы! Но на цепи. А вознесенный мелкий бес волен демонстрировать свое превосходство над... над прикованным.

«Иди к параше!» Был, был такой репортаж из Крестов. Криминальная хроника. И мелкий бес донимал зека иезуитским: «Жить-то хочется? Хочется тебе жить? Хочется или нет?» Один на один! Герой! Супермен! А угрюмый зек крепился-крепился и бросился на героя. У-у, зверюга неисправимая! Но на то и супермен — отшвырнул зверюгу в угол, на пол: «Иди к параше!» Похлопаем кумиру! Самый сильный, самый неустрашимый, самый справедливый! Укротитель! В одной клетке с хищником... гарантирован от неприятностей и брандспойтами, и крючьями, и чем только ни! Щелкай бичом и красуйся, изничтожай: «Иди к параше!» А вот попади зек супермену по физиономии — остался бы кадр при монтаже?

Когда в Спасо-Преображенском руки сами потянулись за оружием, остановило не только сознание святотатства, не только желудочный спазм, но и... да, но и страх. Страх промахнуться. Легкая царапина, раненый кумир — дважды кумир. А покусителя тут же растерзают в клочки, затопчут в кляксу, невзирая на святость стен. Хоть искричись: «Не сотвори себе кумира!»

Или он все это додумал постфактум, уже в трамвае, уже в безопасности? Даже если так! Кто знает доподлинно?! Только он сам. А он и сам не знает. Но будет держаться этой версии — оправдывающей и облагораживающей, — когда станет рассказывать... кому? Неизвестно.

Известно! Трамвай полз по проспекту Карла Маркса. Дальше и дальше от центра, ближе и ближе...

к Женьке. А что еще остается? Все что мог он уже совершил. Рано или поздно его возьмут. И скорее рано, потому что уже поздно. Ночевать в подвале, на чердаке? Домой, домой! Возьмут? Согласен! На всё согласен! Он успеет сказать Женьке: «Я невиновен». И пусть вяжут. Да нет, не стерегут же ОНИ в квартире! Права не имеют, санкция прокурора нужна, ордер. А какие у НИХ основания? Догадки... Ну звонили, ну интересовались. Ну просили немедленно сообщить, если вернется. Кому Женька поверит больше? Ему! Поверит во все, что бы он ни наговорил.

Но что ему наговорить? А ничего! «Не спрашивай ни о чем. Я попал в сложный переплет. Потом расскажу, завтра». И прижаться, зарыться, забыться, вздрагивая от жалости... к себе. Да, жалко себя! А кому себя не жалко?! Господи, за что?! Ну за что именно ему?! Почему он?!

Наугад сел в трамвай, от собора в первый подошедший. Вези куда угодно, только куда-нибудь и подальше. А его везло-везло и вывезло. Значит, судьба. На проспект Науки. Только сейчас надо выйти и пересесть. До «Академической» идет «девятка», а это не «девятка» — у той кольцо на «Удельной».

Выйти и пересесть. Уже «Удельная»!

В метро — ни за что! Подальше от метро. Там милиция и вообще. И не смотреть в ту сторону! Сейчас придет трамвай и — поскорей отсюда. Он стал спиной к метро, краем глаза все-таки следя. Вот и пожалуйста! Вот и милиция! Количество — один. И метрополитеновка в форменном. Они оба-два вывели из вестибюля женщину, усадили на скамеечку, попереминались... и ушли обратно. И никого. И очень красивая женщина в безвольной позе. Людская гуща — с электрички, у кооп-киосков, у лотков с кучками овощей и пучками зелени. Но то же самое, что — никого. Никому дела нет до нее. Подойти?..

Ему казалось, представлялось, что очень красивая. Блондинка. И Ольга — блондинка, волосы по пояс. И у этой... А Женька — брюнетка, под мальчика.

Подойти, спросить... Не могу ли я быть чем-нибудь полезен? Ведь ей плохо. Видно же отсюда, считанные метры, — ой, как плохо, случилось что-то, горе случи-

лось. Они бы нашли общий язык и... он бы смог быть полезен?

Нет, в любом случае он теперь только вреден. Для всех. Тем более для долговолосых блондинок. Вычеркнуто. Сам вычеркнул — и Ольгу для себя, и себя для Ольги. Не до жиру, быть бы живу. У каждого свое горе. У него свое. А у красивой женщины всегда найдется помощник и без него.

Да, конечно! Мозгляк-стрекозел уже рядом. Хлопочет, суетится минога тусклая. Донеслось:

— Галина Андреевна! Как вы?! Как вам?! Галина Андреевна?! Я сейчас такси!.. Я сейчас!

Ах, еще и знакомый! Ну, горюйте, дамочка, или утешайтесь. Вкус у вас, однако, на кавалеров! То ли дело...

Пришла «девятка».

А что он собирается рассказывать Женьке? Все. И ничего. Знать бы наверняка! Чтобы ориентироваться. Есть СПИД — одна версия, развесистая и убедительная. Нет — другая, и вовсе спасительная. Знать бы! Владея истиной, легче сотворить ложь, неотличимую от истины.

— По-твоему, я вру?! — распалял негодование перед Ольгой. (А то нет!)

— Ты-ы?! Никогда! Если и врешь, то правду, одну только правду и ничего, кроме правды.

Картинно зажимал себе рот на вдохе: мол, сказал бы сейчас, чуть не вылетело. И получал:

— Как ты еще не чирикаешь?! — наигранное восхищение.

— В смысле?

— Ты уже столько воробушков проглотил! Наглотался?

Ха-ха! Терпеть не могу умных женщин, как говаривал... примерный семьянин Юрий Викторович.

Да, долго он глотал воробушков, долгонько, два года! А вот не выдержал: вылетело, не удержал. Слово-воробей: с-сука... и все остальное довеском. Ай, как погано, как по-скотски! Забыть, не помнить, вытравить! А с другой стороны... если она никогда ему не верила и не скрывала этого, почему он должен скрывать, что верит... что верил, но пришла пора и... Сама виновата, сама спровоцировала: не дразни — не цапнет! Вот —

Женька, он не даст ей соврать, пропуская мимо ушей «дила мшвидобиса». А она — ему, соответственно. Какую бы правду он ни врал! Только какую сейчас? Знать бы!

Крадучись, ступенька за ступенькой, он взбирался к своей квартире — второй, третий, четвертый, пятый, шестой... Лифтом — не следует. Шум, лязг. Света на этажах не было. Везет! Иначе с улицы — он, как в аквариуме. Одиннадцатый, предпоследний, родной-знакомый!

Самому открыть? Ключом? Или надавить на звонок? Постучать? Поскрестись? Попытаться прежде хоть что-то рассмотреть в глазок? С обратной стороны в глазок? Много ли увидишь? Мало, ничего. Сигаретку бы сейчас! Успокоиться, сосредоточиться. Весь день не курил. Там, там за дверью и пачка «Феникса» в «запаснике», и «ты ел?», и раздельный санузел. Ну?! Будто облили киселем и заморозили — не двинуться!

Вслушался. Тишина. Полная звуконепроницаемость. Обита на совесть, еще Женькиными родичами! Что же, кто же там?!

Он не открыл ключом, не позвонил, не постучал, не поскребся — дверь приглушенно клацнула замком, сама разинулась, чуть не прибив, ослепив.

Нуль-транспортировка! Как он мгновенно очутился на полтора этажа ниже, никому бы не объяснил! Нуль-транспортировка и есть. Успел! Не заметили! Не засекли! Но кто?

— Сейчас! — услышал он Женькин голос, обращенный с порога через плечо в квартиру. Потом цоканье вниз, всего один пролет. Скрежет крышки мусоропровода, вываливаемый в бездну грохот — стеклянный. Снова цоканье, но вверх. И запирающее клацанье. Здравствуй, Женя, новый год! Дила мшвидобиса!

В никуда. Топ-топ, топ-топ. Куда глаза глядят. Глаза не глядели никуда. Мычал от жалости к себе и примерялся: в сердце, в висок, в рот! Или вернуться, открыть своим ключом и... в того, кому Женькино «Сейчас!» И в нее! И в себя! В тихом омуте черти водятся. Или не черти? А кто?! Цоканье — Женька на каблуки встает в особо торжественных случаях, у нее же спи-

на... И стекло, осколки — на выброс. Тарелка? Чашка? Бокалы-рюмки бьются чаще, особенно если хозяйка на каблуках, а муж в Таллинне.

Нет, не может быть! Это ведь Женька! Сама преданность! Да если бы и... то, откровенно говоря, без цирлихов-манирлихов, кто польстится?! Да, он последняя сволочь, нежить, нелюдь — вот и как последняя сволочь, нежить, нелюдь оцени, взвесь: никто не польстится!

А кто?! ОНИ? Стала бы Женька при них каблуками мучаться, мусор выносить, хрустали бить!

Тогда кто?! А подружки по сборной? В кои веки! Пусто, одиноко, муж исчез, звонит непонятно кто, жутковато. «Девочки, приезжайте, а?»

Или родичи нагрянули: Москва ленинградскую программу принимает, тесть аналитического ума и точного глазомера, а единственная дочь, поздний ребенок в лапах маньяка! Вряд ли, вряд ли. Тогда бы никаких торжественных случаев, и дочь ни на шаг за порог. Хотя родичи могли грянуть и беспричинно, проведать, колбаски-икорки привезти спецпайковой, подкормить «детей». Могли, могли прилететь на денек!

Или подружки.

Или... «дила мшвидобиса».

Нелепо! Все нелепо! Вторые сутки — сплошное нелепо! Хочешь веруй, хочешь не веруй! Попробуй не уверуй — реальность, данная в ощущениях!

А обратно не вернуться. Кто бы ни был в квартире, помимо Женьки, этот кто-то, эти кто-то могут опознать — и он потеряет возможность наврать ей правду, и она не успеет поверить (ибо это нелепо). И тогда уж лучше сразу — в сердце, в висок, в рот. Потому что больше не к кому, некуда, незачем. Не то что пойти, а элементарно позвонить — на последнюю двушку. Опять последнюю. Окончательно последнюю...

«Обыкновенное убийство. Термин страшный и всеобъясняющий. На языке оперативников «обыкновенное» — это убийство, совершенное без всяких серьезных причин, не из-за денег, не из-за тайн, а так, просто. Убита молодая женщина Наущенко Полина Аркадьевна, забита насмерть разделочной доской и бутылкой

шампанского. Убита задержанным, смертельно теперь перепуганным, горькие слезы льющим Гришиным, у которого никаких оснований лишать жизни эту женщину, которую он преданно любил уже несколько лет, не было, кроме самых пустяков.

— Она прекрасно готовила и первое, и второе...

— А в этот вечер она не приготовила ничего?

— Нет...»

— То есть вы в принципе готовы сдаться, но опасаетесь за свою жизнь?

— Это во-первых! А во-вторых, я же объяснил, вы поняли? Я вообще ни в чем не виноват.

— Тем не менее считаете необходимым отдаться в руки правосудия, так?

— Уже не знаю...

Он действительно уже не знал. Звонить было некому, незачем. Мысленно переворошил записную книжку — шапочных знакомых сотни, и ни одного из них не попросишь о ма-аленьком одолжении. Был один, и тот... Никто никому ничего...

Что остается? Остается... 292-02-02.

«Не пытайтесь его задержать, а немедленно звоните...»

Там-то приютят без разговоров. И спрячут. Надолго.

Какой-то номер телефона высунулся из подсознания. Абсолютно незнакомый. Но услышанный недавно, более того — вчера. В том же выпуске? Чей? Кто? Подсознанию довериться? Оно включается в самых крайних случаях. Голову дал бы на отсечение, что раньше не знал этого номера и не запоминал специально, а вот... Подсознание. Довериться?

А-а, ч-черт проп-пала с-собака! Так и так проп-пала! Если опять — мимо, то 02 набирается без монеты. А пока...

Чуть не повесил трубку, когда в ней откликнулись.

Телефон доверия. Ну да, верно! Перед тем самым «его» сообщением было: «С завтрашнего дня изменяется телефон доверия — телефон психологической помощи для тех, кто не видит выхода из сложных своих состояний или вообще находится на пороге самоубийства...»

Всегда скептически относился ко всякого рода уте-

шениям, к действенности подобных методов. Случилось и случилось, чего уж тут... Был убежден, что к говорильной помощи прибегают либо подростки, либо истерички. То есть категория людей, делающая из мухи слона и нуждающаяся в подтверждении: да, конечно, слон! однако стоит ли принимать опрометчивое решение? мы вашего слона помоем туалетным мылом, спинку почешем, морковкой накормим, спать уложим! только успокойтесь... И те успокаиваются: как же, как же, взрослые и умные дяди (тети) с образованием признали в их мухе слона — значит, так оно и есть, зря ведь дяди (тети) не скажут!

Ему достался дядя.

Говорить? Но он-то отнюдь не подросток и отнюдь не истеричка! У него ведь на самом деле!

Что — на самом деле?

И предупредив (пробный шар): «Послушайте... Но учтите, я не подросток и не истеричка!», он вывалил все, что у него на самом деле. Кривясь от СТЫДНОСТИ, изредка переходя на шутовской тон: «Я понимаю, каждый, кто вам звонит, начинает со слов, что он не подросток и не истеричка, но...» И про Миргородскую, и про амбалов, и про пистолет, про Ольгу, про горбоносого сержанта, про... всё.

Ответный баритон был мягким, но не вкрадчивым, старшим, но не начальственным, ровным, но не равнодушным. Специфика работы? С другим голосом туда и не берут? Долго тренируют — дикция, артикуляция, актерское мастерство? А дежурящий, освоив азы, небось, в душе клянет: надоели суициденты хреновы! домой бы поскорее! никто никому ничего в этой жизни не должен! Возможен такой вариант? Более чем возможен!

Да гос-споди, пусть! Да гос-споди, хоть выговориться! Выговорился. Готов был услышать что угодно. Какая разница — что?! Главное, выговорился! И услышал:

— Вот что. Приходите прямо ко мне. Адрес я продиктую. Влачить существование затравленного волка не стоит. Приходите прямо сейчас. Но постарайтесь никому не попадаться на глаза. При том представлении, которое о вас уже создано, появляться одному на люди просто небезопасно. Какой-нибудь «активист» может

защититься от вас раньше, чем вы предпримете что-то. Вы где?

Опять — «где?» Там, здесь и везде! Не хватит ли с него экспериментов?! Откуда ему знать...

— Откуда мне знать, что если я приду, вы не поведете себя так же, как взбесившийся «активист»? Это ведь так нормально, так естественно!

— Если бы я был тем, что вы называете «нормальным», если бы я считал, что слабых нужно отстреливать, извращенцев уничтожать, я бы никогда не сел на этот телефон.

— Я не извращенец!

— Тем более.

— И я смогу какое-то время у вас... попить чайку, привести себя в порядок? Кстати, побриться?

— Разумеется.

— А у вас есть бритва? — подловил.

— Да. Я же сутки дежурю.

— Побреюсь и порежусь. А? Не пугает? Кровь... Я же вам рассказал. А бритва ваша, вам ей пользоваться.

— Ну, я подарю вам ее насовсем. Пятнадцать рублей меня не разорят, уверяю.

— А где гарантия, что у вас я не напорюсь на засаду? Если вы агент милиции...

— Ну, вы просто начинаете, извините, заболевать.

— Не исключено. Итак?

— У вас мания преследования начинается... Мне ежедневно звонят десятки людей. Никто из них не преступник. И если бы милиция платила мне зарплату, чтобы я сидел и раз в десять лет таким образом вылавливал правонарушителей, то она бы деньги выбросила на ветер. Я здесь который год — и впервые такой случай.

— Я не правонарушитель! Я объяснил! Или не верите?!

— Верю. Потому и приглашаю вас к нам. Продиктовать адрес? Вместе подумаем. И если уж вы решили сдаться, я прослежу, чтобы вас... арестовали с соблюдением всех законных прав и норм, не применяя насилия.

— Сильно сказано!

— Что?

— Арестовали, не применяя насилия.

— Видите, чувство юмора вам еще не изменило.

— Да-а, изменили все, кроме чувства юмора. Но и оно уже иссякает.

— Понимаю. Не мудрено... Во всяком случае, если вы решите сдаться, я сразу объявлю милиции, что речь идет не только о вашей жизни, но и о чести нашего заведения. Я созову всех работников, мы будем свидетелями, что вы не оказывали сопротивления. Мы проследим за вашим процессом от начала до конца. И если будут допущены противоправные методы, это не пройдет безнаказанно.

— Безнаказанно для кого?

— Для милиции, для прокуратуры... Я литератор. Вполне влиятельный. Мы начнем кампанию во всех ленинградских газетах и...

— Да, но мне будет уже совершенно безразлично. Потому что я буду валяться с переломленным хребтом.

— Они не рискнут. Мы сообщим сразу же и во все газеты.

— Обо мне уже сообщили. По телевизору. И кто перевесит в общественном мнении?

«Вместе подумаем»... Они уже думали. Баритон, кажется, понял — и понял сразу — что звонит не подросток и не истеричка. Слышал вчерашнюю программу? Понял и принял? Очень даже не дурак. И не без влияния успокоительного баритона стадия истерического доказывания «я не истеричка» миновала. Осталось доказать баритону, что собеседник — тоже не дурак. И владеет собой, и не заболевает, и мании преследования нет. Преследование есть, а мании нет. И два неглупых человека просто вместе ищут решение нелегкой задачки: дано... «Вместе подумаем». На равных. В манере профессора и его лучшего ученика: при взаимном уважении, без покровительственности старшего и подобострастии младшего. Любой вариант решения подлежит обсуждению — даже самый абсурдный (профессор поправит, но не ограничит простор фантазии ученика).

Главное, не перестать владеть собой. Главное, выдержать эту манеру. Главное, вообще выдержать. И не стучать зубами. От холода. Да, это от холода! Трубка пощипывала ухо.

— Согласен, в общественном мнении перевесит телевидение. Программа популярна, согласен... Но офи-

циальные лица не рискнут карьерой, лишь бы угодить общественному мнению.

— Да-а?

— Да. Какой-нибудь майор, к которому вы попадете, не захочет лишаться погон или во всяком случае ввязываться в скандал. Среди добровольцев нашего общества много людей с серьезными связями — юристы, журналисты, писатели...

— Писатели в отношениях с властями всегда были фигурами страдательными. В родном отечестве-то.

— Вы совершенно правы. Но сейчас, когда в родном отечестве прессы побаиваются...

— Уже нет!

— Побаиваются. И когда мы расскажем...

— Уже! Я напал на пацанов, одного из них застрелил, на оружии только мои отпечатки пальцев.

— Слова телерепортера не имеют ни малейшей юридической силы. Он не был свидетелем.

— Свидетелями стали пятеро «пострадавших». На них напал псих, выйдя из клиники, и убил их лучшего друга.

— Понимаете, я не юрист. Мне нелегко судить, насколько просто распутать клубок. Но шансы должны быть. Не существует безвыходных положений.

— Мое, например!

— Безвыходное положение — это такое положение, ясный и очевидный выход из которого почему-то не устраивает. И будь я на вашем месте...

— Но вы не на моем месте!

— Как раз я... мы, здоровые, трезвомыслящие люди и сидим у телефона, чтобы советовать тем, кто находится под гнетом суженного сознания, кто не способен обдумать ситуацию на два шага вперед.

— У меня было больше суток, чтобы обдумать ситуацию!

— В нынешнем положении ценность этих обдумываний невысока. Вы в лихорадке, и мысль бегает по кругу.

— Предлагаете СОЙТИ С КРУГА? Это и есть ясный и очевидный выход?! — манера «ученик — профессор» держалась на соплях, самообладание не безмерно!

— Почему же! Сам я не юрист, но среди моих хороших друзей есть опытные юристы...

— В форме?!

— Нет. Адвокаты. Мы посоветуемся все вместе. Если вы всего лишь превысили пределы необходимой обороны, тогда суд если и не оправда...

— Если?! Сомневаетесь?! Я даже не могу быть уверенным, что именно сейчас кто-то из ваших работников не звонит по другому телефону в милицию!

— Поверьте, у меня нет никакого резона вас... подводить. Я пришел сюда, чтобы спасать людей, а не топить.

— Людей независимо от того, кем они являются?

— Независимо.

— Даже представляющих социальную опасность?

— Даже представляющих социальную опасность.

— А я, по-вашему, социально опасен.

— Не ловите на слове. Вы сейчас больше опасны для самого себя. Я бы на вашем месте предпочел остаться среди людей, чем влачить существование затравленного волка. При системе нашей прописки, визиток на продовольствие... Через день-два вы будете выделяться в толпе как бомж — замызганный, небритый...

— Вы же обещали мне бритву?

— Так придете? Адрес продиктовать?

— За эти день-два я бы оказался далеко за пределами города при небольшой помощи.

— В любом другом городе вы окажетесь в таком же положении. Гостиницы для вас закрыты. Есть-пить необходимо...

— Ладно! Если я скажу, что в другом городе у меня есть убежище, родственники... поможете? Выехать? Я считаю, это для меня лучший выход.

— Для меня лично было бы все-таки менее страшно сдаться. Если помните, Сократ выпил чашу цикуты, только бы не бежать из города и не утратить лицо, не превратиться из достойного гражданина в бродягу.

— Достойный гражданин в недостойном государстве — это автоматически недостойный гражданин в достойном государстве. С точки зрения государства, а определяет как раз оно.

— Н-нет... Все-таки, у каждого человека есть место в сознании друзей, знакомых, сослуживцев...

— Которое меняется под влиянием телевизионного сообщения.

— Испытали на себе?

— Да.

— Тогда не станете отрицать, что возможен обратный вариант. И если мы скажем через прессу...

— Вот что! Можете сообщить через прессу об этом разговоре, не упоминая моего имени?

— А я его и не знаю. Но обещаю. Немедленно займусь. Просто немедленно дам информацию во все газеты... Конечно, я не главный редактор... Но будь я им, моментально бы опубликовал. Люди взбудоражены: в городе опасный преступник! И вдруг он сам объявляется и рассказывает... Найдутся многие, очень многие, которые тут же поверят вам. Да и публикация снизит уровень страха самого преступника... Вы, надеюсь, понимаете, — я не о вас конкретно, я беру ситуацию абстрактно. Окажись он, абстрактный беглец действительно преступником, после газетного сообщения прохожие поймут... И он не будет видеть в каждом из них «активиста», он будет знать, что его не затравят, что впереди не шальная пуля, а нормальный суд.

— Нормальный?.. Если дело дойдет до суда, мое имя все равно всплывет. Соответственно, всплывет вся история со СПИДом и... прочими обстоятельствами. Но я не уверен, что болен! Даже почти уверен, что не болен. Я же вам говорил! И если все станет известно жене... Я не за себя боюсь. За нее. Мне легче, наверное, тогда исчезнуть, пропасть без вести.

— Вы любите жену?

— Да... Да!

— Она вас?

— Да.

— И ей будет приятно узнать, что вы покончили с собой, только бы не признаться ей...

— Она вообще ничего не узнает! Мне нужно, чтобы она ничего не узнала. Я-то знаю, что невиновен! Да, меру вины определяет суд, но пока я сам себе суд.

— Перед женой вы виноваты в одном — в супружеской измене.

— Да. Если считать это виной.

— По крайней мере, ей такое известие будет... неприятно.

— Да. Потому я невиновен, пока не позволяю ей знать.

— Но даже покончив с собой, вы не исчезнете как

тело. И по нему определят: и кто вы, и про СПИД. Жене вашей станет легче?

— Я же говорю — я скорее всего здоров!!! А для жены — я в другом городе!

— Возможно, вы и здоровы. Зачем же тогда от одной только вероятности совершать ужасные поступки? Помоги я вам выбраться из города — получается, косвенно я подталкиваю вас к краю пропасти. Обрекаю на бесконечные и бессмысленные блуждания.

— Проще сдать меня в кутузку.

— Каким образом?! Я ведь не знаю ни вашего имени, ни где вы находитесь.

— И не узнаете. Вы же мне ничего не гарантируете!

— Разумеется. Но вариант, который вы готовы выбрать, лучше? Более надежный? Так вам больше гарантий отпущено? Поймите, я вам сочувствую и доверяю.

— Это просто говорить, пока я далеко. Сказать можно все — язык не отвалится! Но когда я приду, и при мне будет оружие...

— Если бы я хотел от вас избавиться, то просто повесил бы трубку, — вы же сейчас не представляете для меня реальной угрозы. Но мы вот... думаем вместе... Но когда вы появитесь с пистолетом, то вынудите меня быть втрое более вежливым и предупредительным. Не правда ли?

— Правда. Если в промежутке не свяжетесь с некими компетентными органами.

— Слушай...те!!!

— Я слушаю, слушаю! — манера «профессор — ученик» не удержалась. Только бы баритон не перешел на «ты». К тому шло. Он и сам был уже готов «тыкнуть» баритону — не хамски, а доверительно («Поймите, я вам сочувствую и доверяю...» — не врет, нет, не врет!). Но не посмел. А баритон посмел, чуть было не посмел. Хотя эти категории здесь неуместны. Обратная сторона медали: измываться над беззащитным, будучи неуязвимым — сострадать несчастному, будучи благополучным. Одинаково унижает. И перейди баритон на «ты»... Не перешел — школа! Но замолчал, сам все почувствовав.

— Я слушаю, слушаю! — повезло, что телефон не «трехминутный», не отключается пока.

— Нити доверия... — через длинную паузу зазвучал баритон. Благодаря им только и возможна жизнь в об-

ществе... Мы не боимся повернуться спиной к собеседнику, спрашиваем дорогу, ведем к себе ночевать, готовы одолжить... Сама среда, в которой люди доверяют друг другу, ценней сиюминутного результата.

— Пусть даже результатом будет уменьшение общественной опасности?

— Пусть даже. Обмануть доверившегося, преступника в том числе, — ущерб от этого несоизмерим с пользой.

— Вы или очень благополучный человек, или заговариваете мне зубы до подхода милиции.

— Опять все сначала! Значит, так... Я вам диктую адрес, а дальше воля ваша. Я вас буду ждать.

— Иного вы предложить не можете... Вероятно, вы святой человек, выполняющий с удовольствием святую задачу. Но — ради выполнения задачи, а не ради помощи конкретному человеку. Мне. А я звонил, рассчитывая на... Кстати! Наш уговор по поводу газет остается в силе?

— Конечно! Так вы придете?

— М-может быть. Адрес?

— Диктую... Да! Единственное! Для вашей же пользы. Я понятия не имею, допустимы ли в родном отечестве прослушивания разговоров. Этого я исключить не могу и не хотел бы стать виновником вашей. . вашего...

— То есть вы признаете непорядочность государства, властей? Так? Или нет?

— Ну, что власти наши далеко не идеальны, тут двух мнений быть не может. Как всякий советский гражданин я считаю — возможно все. Поэтому, чтобы избежать каких бы то ни было неожиданностей, давайте встретимся где-нибудь на улице, в парке, на вокзале. Назначайте.

— По телефону?

— М-мда...

— Я не приду к вам! Вы меня поняли? Наш уговор остается в силе. Но я к вам не приду. Где-нибудь пересижу.

— Я вас понял. Но на вашем бы месте...

— Но вы не на моем месте!

Да, не подросток и не истеричка. И баритон доверия конкретной помощи не оказал. Но окажет?

Не пережата ли была фраза «Вы меня поняли?» Вроде, не пережата. И баритон тоже не пережал. Если ОНИ слушали, то решат, могут решить: по продиктованному адресу фигурант не появится. Шанс — спокойно провести ночь. Относительно спокойно. Адрес... Это ж через весь город шкандыбать! Но хоть есть к кому — баритону можно довериться, можно. Хуже не будет. Будет хуже — не...

Без малого час он беседовал. И приходил в себя, приходил в себя. Выговориться требовалось — и человеку внимающему. Выговорился. Логически выверить требовалось любую возможность — и с человеком спорящим, возражающим. Выверил.

А теперь, получив психологическую поддержку, — в путь, за поддержкой реальной. Всяко ближе, чем в другой город.

Про какой город он плел баритону? Разве что Сосновый Бор! То-то жена от первого брака обрадуется. И Максимка. Мама, мама, наши сети притащили... тятю! А ведь сети! Город в липовой приграничной зоне. После Лебяжьего солдатики с прапорщиком тут же — в электричку, по вагонам: «Пограничный наряд! Приготовьте документы!»

Раньше ничего не стоило отболтаться: «К ребенку еду! — А пропуск? — А кто мне его закажет?! — Вы же к кому-то едете! Он и должен заранее заказать! — К сыну! Одиннадцать лет. И жена бывшая! — Вот пусть она и... — Молодой ты еще, воин! Эх, молодой!» И удавалось отболтаться. Смотрели сквозь пальцы. Приграничье-то липовое, просто Сосновый Бор напичкан секретно-промышленными объектами, всем известными, но ритуал должен соблюдаться: «Приготовьте документы!»

Документы у него... Не-ет, если рвать когти, то подальше — не за липовую, а за натуральную границу, в тот же эфемерный Таллинн. И не в одиночку.

Имеется у баритона доверия собственная машина? Сказал, что литератор. Все они нищи. Иначе сидели бы ночами у аппарата, утешая безутешных?! Или для них просто дело принципа? Как бы там ни было, попробовать надо. Таллинн, считай, другая страна — вот-вот пошлют большой Союз к едрене фене...

А с баритоном он исключительно по-хорошему, только по-хорошему. Нити доверия, нити доверия! Нет ничего важней! Но если не получится, если упрется, то:

извиин, приятель! я менее совершенен, чем ты! И пистолет в бок, чуть что — стреляю! К машине! И за Нарвой — облегченно вздохнуть. Извини, приятель, теперь езжай куда хочешь, отпускаю.

Да, вот такое он дерьмо! Да, да, да! «Я бы на вашем месте...» Сослагатели умозрительные! Психологи-косметологи! Извини, приятель, придется твою ниточку доверия порвать — можешь потом на ней узелок завязать. На память: человек сла-аб.

Добраться бы! Добраться без приключений! Который час? Не завел с тех пор. Ночь уже? Сколько ему идти? Километров пятнадцать?

Навстречу и мимо прошла женщина. Девушка? Дама? Лицо до глаз — шарфом. Морозно. Искоса бросила взгляд — как наколола на булавку.

Он оглянулся.

Она оглянулась. И...

...направилась к тому самому таксофону, по которому только что закончилась беседа с доверчивым баритоном.

— О-о-оля! Ты ведь понимаешь меня? Ты понимаешь? Нет?.. Мы всегда на разных языках... Я переведу, сейчас постараюсь. Не обращай внимания, я пслютн трезв-в. Прс-ст не м-мгу бз т-бя!.. Где Нюш-ш-ш? Нюш-ш-ш меня п-нимает! Мы с ней одного семейства. Мы с ней с-собаки — привязываемся раз и навсегда. Я все время о тебе думаю, я думаю про тебя все время. Как с-собака. Мы с Нюш-шей — собаки. А вы все — кош-ш-шк, гуляете сами по с-бе и с крыш-ш на нас поглядываете... Ты слушай, слушай, я не раскис, я пр-ст немножко устал, я пслютн трезв. Я т-бя облаял по телефону — забудь. Я не оправдываюсь, пр-ст объясняю п-чему. Собака кошку гоняет, а та — на дерево. А с-сбака встанет и облаивает, облаивает. До-о-олго. А та сверху вниз наблюдает, пслютн без страха, с люб-пытством. А помнишь, Нюш-ша одну догнала? И ш-ш-што? По морде когтями схл-лх-потала, исскулилась... Я не скулю, нет... Где Нюш-ш-ш?.. Опять в кухне заперта? Не мучь пс-с-сину... И вот, ты послушай, Ол-л-ль, — эт, пр-сти за слова, л-л-любовь. Все мужики — собаки. А вы — кошки. На крыш-ш-ш... Мы же не требуем ни-ч-чго. Даже ответной с-сбачьей привязанности. Мы не

требуем, чтобы вы смотрели на нас снизу вверх, но и вечное сверху вниз — за что?! Хочется на равных! На равных же хочется. Я т-бя облаял сегодня — эт как с-сбака на дер-р-рево. Нервы, знаешь... У меня щ-щас очень трудное вр-рмя, я устал... Нет, не думай, я не заснул, ты слушай, слуш-ш-ш...

«Верю. Я вам верю, верю! Я верю, что вы уже на пути к новой жизни! И скоро этот отрезок жизни вы будете вспоминать как ужасный сон!»

Выключи! Ну, убери Жеглова... Да, я просил, но попозже. Когда программа «Время» кончится. Только надо не забыть, нельзя прозевать. Я-то думал, уже ноочь, а оказывается, еще девяти нет. Тогда надо не прозевать... Зачем ты постриглась? Когда ты успела постричься? О-о-оль, ты их сохрани-и... Из Нюш-шеньки мне — ш-шапочку. А из твоих — вере-о-овочку мне свяажешь. Свяжешь, а? Мы теперь одной веревочкой повязаны! Ты ведь ТАМ была? Нет, я тебя ни в чем не обв-вняю. Наоборот! Я на кол-лени готов стать. Только больно. Кл-лено. Упал где-то, а то бы стал... Когда я донор, это тоже группа риска. Они, с-сволочи, не стелири...лизуют, а гв-врят, у нас каждый глобулин на контроле. Врут! Все в-врут! Мне тут один... про нити доверия! Какое дв-верие, какие нити, если врут?! Я бы его первого... Но мы с т-бой должны дв-верять теперь. Ниччго не остается. Восемь лет, сказали — восемь лет. Ты же сама хотела? Ты же х-хтела? Ты поэтому и ск-зала, чтобы я пш-шел в Боткинские?.. Что мл-чишь?! Что ты все время молчишь?! Я два года с т-бой рз-гвариваю, а ты только умно молчишь! Юрка прав: терпеть не м-мгу умных женщин... Вы молчите, а мы вас умно истолковые...ваем. А может, ты просто дура?! Мл-чливая дура?! А я истолковввваю! Гусеничный ход!.. Нет, стой, не говори нич-чго, эт-т я опять... Нам теперь тл-льк вместе. Нити доверия... веревочки... Ты зря постриглась, зря. Но это с непривычки, прст непривычн-и. Мне уже нравится. Хр-ршая стрижка. Даже лучш-ш чем раньш-ш. А раньше, помнишь, как раньше мы... Я сегодня у метро видел одну... с твоей прической, как раньше. Прст все время думаю про тебя, о тебе... и кого ни встречу случайно — все ты. Только не красься. Вот я тебя прошу, хотя бы не красься. Я пслютн трезв, все-сообржаю. Прическа под мальчика. Женщина должна быть ж-женьщ-щиной, а не мальчиком-попрыгайчи-

ком. Коня на скаку остановит!.. Коня! Двойное сальто вперед прогнувшис-сь. Мальчик-попрыгайчик, разве ж это ж-ж-женьщ... Допрыгалась, допрогибалась?!

Женьщ-щ... Ж-жень-ка, имя у т-бя мж-жское, мльчиковое. Мне мльчики противопоко...воказаны. Я и без мльчиков — группа риска, донор. Зачем ты покрасилась? У т-бя все равно таких не будет, как у Ол-ль... ли! Х-ть всю жизнь отращщщвай. Всю мою оставшу-ся жизнь. Ты мне ж-жизнь издур... из... вала! «Ты ел! — Ты где? — Ты когда?» Не т-тв-ве дело! Я ел! Я нигде! Я никогда! Понял, нет?! Что молчишь?! Ск-зать неччго?! Пра-авильно, закрой рот, дура, я все ск-зал! Ты дура! Ты даже не умеешь умно молчать. Ты дура, но ты хитрая! Под мальчика работаешь?! Муж споко-оен! У него ж-жна — мльчик, кто польстится! Дилам швиб... швис... Я на сутки, всего на сутки... а ты... откуда у т-бя спирт, вот откуда у т-бя спирт?! И те-евизор?! Щ-щедрый приехал?! Кто? Из сл-лнчной Пс-сунды?! Я и тебя и его с-счас! Где он?! Ай, колено! Колено! Не-ет, не надо меня укладывать! У меня хватит сил, чтобы вас обеих... обоих... двох... А я не-ет, я щщще поживу! Восемь лет обещ-щ-ща... Я вот... вот я фразу сеоня сказал: я м-зохист, я щщще поживу! А вы — не-ет! Ни ты, ни твой швибсдв!.. Включи свет! Я сказал, включи свет! Мне темно, я прмхнусь! Больше света! Бльш-ш с-с-слизма, сука, блядь, мать-перемать, не могу больше жить в этой стране! Пс-ти! Пс-ти, сказал! Пслютн трезв! Пс-ти, пс-ти мне р-руку! О-о, тяжело п-жатье каменной десницы...сницы... Ничего подобного, ничего мне не снится! Слушь, Женьк! Насчет «снится»! За мной вчера троглодит гонялся. Прставляешь?! А я ушё-о-ол! Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел.... а от т-бя и подавно! Вольному во... о-ля! Ол-л-ля! Ол-ль, она м-мня не пскает!

Дур-ра, это ж больная р-рка! Сама же тльк что перевязывала! Ты п-п... д-д... Ты кто?!

Ты кто?! Ну, пс-сти! Я ник-кда не ух-хжу! Я тльк в ты-ылет! Я уже знаю где! Я был, но я ещ-ще х-чу. Болит.

Кафель. Опять плитка отстает. Единственное место, где можно одному побыть! А плитка отстает. Что за привычка дурная — кафель отколупывать?! Сколько можно говорить: Максим! Папа старался, папа две ночи клеил, не смей, по рукам надаю!.. А ты, стерьвь,

молчи, не возникай! Сам знаю, что на цемент надо было сажать. А ты его принесла? Ты пробовала хотя бы найти?! И на «моменте» хорошо держится... А отваливается потому, что сына не можешь от дурных привычек отучить! Я, между прочим, специально! Чтобы весь ряд рухнул — и тебе на башку, пока ты в ванне отмокаешь после очередных похождений! А сын, кровиночка, мне помогает, ковыряет. Ка-авыряй, ка-авы-ряй, мой милый! Нам с ним вдвоем было бы лучше! А ты... что ты из него воспитала?! И в школе жалуются... Кого бы ты взял с собой в космос? — Брюса Ли!.. Школа богомола! Школа пьяницы. Ки-и-ия-и-ик!!!

— Нич-что не сл-чилось! Нич-чго! Я не упал! Я не заснул!.. Я не кричал! Я щ-щас выйду. Щ-щас встану и сам выйду. Мне надо помыться. И я сам выйду. Ванна наберется — и выйду. Щщас полежу н-нмнжко, пока она набирается, и выйду. Не надо ломиться, со мной все в пр-рядке... Что — погода? Пршивая погода, скльзкая. Колено б-лит. Ну что — погода?! Где передают?! Что — программа «Время»? Уж-ж-же?! Уж-же погода?! Я думал, ночь давно! У меня остановились... Да, я просил... не прозевать. Нельзя прозевать! Он все равно ничто не скажет! Мой чо-орный человек в костюме чоорном!..

Я помню, я знаю. Пслютн трезв. Все нрмальн-н! Все в пр-рядк-к! Я уже выхж-жу... Откуда у нас тл-визр!

«...на фоне общего распада, гниения и безверия. Подлинное воскрешение почти исчезнувшего истинно российского духа, глоток чистого воздуха под мрачным болотным небом. Петербург. Спасо-Преображенский собор. Январь. Сегодня».

— О! Я там был, был! Во-он там! Слева! Смотри, нет, ты смотри! Сегодня! Был! Представляешь, представляете?! Нет, ты... вы смотрите, смотрите!

«Возвращаясь ко вчерашнему сюжету о беглом спидоносце. История странная и загадочная. Сотрудникам, успешно ведущим оперативный розыск, теперь придется удвоить усилия и работать на два фронта — искать не только вооруженного преступника, но и его жертву. Олег Ланкин, чья жизнь, по заключению врачей, к счастью, вне опасности, вчера глубокой ночью сбежал из палаты реанимации. Причины неизвестны, можно

только строить предположения. Если он сейчас смотрит программу, я настоятельно советую ему вернуться. Сквозная рана предплечья — это более серьезно, чем кажется на первый взгляд. Если меня сейчас смотрит и тот, кто вчера у Боткинских бараков нажал на курок, мой совет — сдаться, не причиняя лишних хлопот ни себе, ни работникам милиции, которые успешно (повторяю: успешно) ведут розыск и уже вышли на след. Всем остальным напомню: если вам покажется, что это он, не пытайтесь его задержать, а тут же звоните: 292-02-02.

На Ижорском заводе в 18.30 несчастный случай: с кран-балки сорвалась заготовка. При падении одного рабочего она убила, а другого покалечила...»

А-а вот теперь-то фи-игушки! Теперь ни за что! Ишь, совет! Ишь, сдаться! Живой! Живо-о-ой! Бегуно-очек! Ам-мбал!

— Что вы на меня так смотрите?! Вы просто не понимаете! Простите, я пслютн трезв! Вы... э-э... не надо, я сам! Я помню, вы говорили! Людмила! Ага-а! Мил, вы не сможете сейчас понять! Я ничего объяснять не буду да и не хочу! Людмилочка вы моя, давайте на брудершафт! Да, вы не пьете, я помню. Пслютн трезв, помню! А мне — можно? Мне просто нужно! Где вы в наше время спирт берете? Вы медик?.. Да, конечно, отчасти мы все медики! И целители!.. Знаете, за что? За нити доверия! Вы же могли еще на улице меня просто... Нет. Вы — не могли! Почему мы раньше не встретились? Я же вон в том, видите, во-он в том доме живу... жил... Не смотрите на меня так, все равно сейчас ничего не поймете! Ну! За вас! Главное, пробить гематоэнцефалический барьер!

— Но я бы не рекомендовала пить до полного разложения дегидрогиназы.

— Ага! Говорю же, медик! Я всё-о про вас знаю! Всё-о-о! Я вас знаю тысячу лет. Пардон, банальность Потому что правда! Но вы гораздо моложе выглядите... Эт-то шутка. Вы медик, вы должны понимать. Мне оч-нь нужен медик. На всю оставшуюся жизнь. Пслютн!.. Это я сел. Я не упал. Я просто полежу. Боли-ит. Вот тут, внутри. И колено. И глотать трудно. Нет ли каких-нибудь очков? Не вижу, расплываетесь... Что это?

Что за шарики? Нет, не буду, сначала я хочу узнать, что это за шарики... Какой жень-шень! Это же шарики! А жень-жень, я знаю, корень. Жизни. Зри в корень. В жизни... Я гв-врю, трезв, прст немнжк пьян. Жень-шень. Жень-жень...

Жень, отстань! Я ел! Какая тебе разница, что я ел?! Ел и все! Боли-ит. Тут, внутри, желудок. Такая-ая боль! Б... б... о-ль! Оля!

О-о-оля, там же другие симптомы. Лимфатические узлы. Нам теперь нечего бояться, одним узлом связаны. Я не сплю. Я все слышу. Оля... О-оль, ну не надо, уже все, самое страшное у нас позади. И впереди. Не плачь, я прошу, я просто тебя прошу. Мы будем жить недолго, но счастливо и... умрем в один день... Нич-чё шутка! Во-от таки-ие теперь шу-уточки. Прости Оль, прости. Ну не надо, дай вытру. Ложись, ложись. Ты ложись. Я тебя не трону. Такая, понимаешь, собачья жизнь... Где Нюша? Где наша Нюша? Я двое суток — ты не представляешь как! Я соскучился, я так соскучился по вам... по вас. По тебе, О-оленька, О-оля. Ты все-таки зря постриглась, но тебе идет. Я просто глажу, ты не думай. Коротенькие какие... не совсем, но по сравнению...

Не отодвигайся, лежи. Я ведь просто глажу. Нам теперь все — все равно. Да? Да, Оля? Иди ко мне, Оль. Иди. О-оля, да? Да? Скажи, да?

— Да.

Было отчеркнуто:

«Одна из ловушек — этот самый инкубационный период. Сначала, когда человек узнает, что заражен, он впадает в отчаяние. Все, погиб! Инкубационный период растягивается. Человек видит, что ничего особенного не происходит, и чувствует он себя вроде неплохо... Тридцать процентов вероятности заболеть в течение пяти лет. И страх проходит: не так страшен черт, как его малюют...

...Обычно при саркоме Капоши пятна располагаются на руках, на ногах... При СПИДе типичное расположение — на голове.

— ...Диагностикумов мало, диагностикумы плохого качества, — сетовали ленинградские врачи, с кем я раз-

говаривал по горячим следам событий. Все это так, но не только в этом дело.

...Кто заразится, кто не заразится — от многого зависит. От времени контакта. От того, в каком состоянии находится человек — источник заражения, много ли вирусов у него в тот самый момент в крови. Во всем мире пытаются разобраться, но пока ясности нет. Единственное, что ясно — то, что это связано с травмами: если была какая-то травма в период связи, — вероятность подскакивает...

...Есть случаи, когда инфицированные, познакомившиеся здесь, в клинике, женятся. В принципе это не возбраняется, хотя у некоторых специалистов есть подозрение, что повторное инфицирование усугубляет дело. Даже детей рожают, несмотря на предупреждения...»

Книжка-брошюра цвета... цвета бедра испуганной нимфы. Так, помнится, в Гатчинском дворце гид обзывал мягко-розовый колер интерьера. Книжка-брошюра в кипе-стопочке на журнальном столике. «Вечерка», «Смена», «Иностранная литература», «Пари-матч» на русском, «Нева»... Периодика. Для «на каждый день». А книги — они в шкафу, «всемирка» в нетронутых суперах, бумвиниловый глянец макулатурной серии. А газеты-журналы — так... чтобы между делом и на каждый день, чтобы и гость полистал, скоротал часок, пока хозяйка...

Где хозяйка?! Кто хозяйка?! Которая «на каждый день» держит брошюрку «Группа риска». Цвета бедра испуганной нимфы. Автор — О. Мороз.

Мороз-з-з. Знобило. Во рту — великая сушь, не сглотнуть. И рези. В животе. Постель — будто в ней ежики всю ночь гнездо устраивали, нашуршались.

— Оля! — позвал он, еще не открыв глаза, но вдруг проснувшись. Отчего проснувшись? Дверь защелкнулась. Ушла. Куда? Зачем? И... кто?! А он? Он где?

Мозги работали как холодильник — сами включались, сами выключались, и никак не подгадать, когда это произойдет.

Вчера он... Что же он вчера?

Телефон. Козырек. Женщина.

Да! Это он вспомнил, это было. Было — там, на тротуаре. Хлопнул себя по лбу — якобы осенило! — и засеменил по наледи обратно, к телефону: лишь бы успеть

рассмотреть, что за номер она набирает. Случаен ли булавочный укол-взгляд? Опознала? Потом пытался поймать в фокус через уцелевшее стекло очков, что же за номер? Никак. Приплясывал от злости и возбуждения. Насылал всех чертей на незнакомку, лишь бы сглазить: ну, оступись, поскользнись, ударься виском о край козырька, затылком об лед, но сама, сама. Иначе придется брать на себя. А придется ведь!

Потом от безнадеги и отчаяния стал блажить:

— Гражданочка! Тут другие тоже хочут!

И она даже не обернулась, снова и снова набирая номер, который он снова и снова не мог разглядеть, и по которому никто не отзывался.

— Гражданочка! А вам не страшно? Одна в такое время! Время-то какое страшное! По телевизору слышали? Убийца где-то тут бродит! Маньяк!

(Нет, не убийца! Уже не убийца! Сказал же этот... чо-о-орный! Амбал-Ланкин жив... Нет, это еще не тогда, это потом. А тогда? Он же еще трезв был. Пслютн!).

Ч-черт, проп-пала с-собака! Полное выпадение! А, собака! Кому-то, что-то он вчера врал правду про собак. Ольга. Да, потом Ольга пришла. Или во сне? Или не во сне? Но потом. Он еще на колени готов был стать...

А-а-а, колени, точно! Колено! Вспухло, зараза, болит! И живот! Колено — он брякнулся. Там же, тогда же — у таксофонного козырька. Наслал, называется, чертей, сглазил:

— Гражданочка, одной сейчас опа-асно! И скользко! Вас проводить? Вам помочь?

Разухабистый минер на гусеничном ходу! Подгоняя мысленно: давай, давай! сама, сама! ой, и чтоб виском о край! хватит занимать аппарат! а то придется принимать меры, применять третью степень убеждения! ну, любому терпению приходит конец! И...

...засуматошил конечностями, потеряв опору, брякнулся сам. Лед. И ка-ак брякнулся! И вся ладонь в крови — очки окончательно прекратили существование.

Тут она и обернулась:

— Вам помочь? Вас проводить?

Умеют они, кошки, унизить и ка-ак умеют! Единственное средство сохранить лицо — поведенчески подтверждать: дурак, ваше блародие!

— Что у вас с лицом?

— Почему вы уверены, что я сижу к вам лицом?

И блажить, блажить! Конечно, проводить! Конечно, помочь! Телефон у подъезда. А подъезд — ее.

— А кому вы звонили?

— Подруге.

— А зачем?

— Сказать, что благополучно добралась.

— А вы уверены? Что благополучно?

— Перестаньте паясничать. Заходите в лифт. Поднимемся — перевяжу. Капает.

— Дурак, ваше благородие. Темечком стукнулся. Лед. А вы не боитесь? Ар-р-ры-ы-ыар-р!

— Я ничего не боюсь. Перестаньте паясничать, попросила!

— Это мы на каком этаже? О-о, совпадение!.. Я не паясничаю, я ревную! Кому вы звонили?!

— Рановато. Подруге. Если вы не прекратите, спущу с лестницы, одиннадцать этажей!

— Все! Молчу! Дурак, ваше благородие!

— Пожалуй, могу поверить.

— Верьте, верьте! Верьте мне, люди! Нити доверия, знаете ли, они... Кому вы звонили?

Потом что? Потом, потом... Да, спиртом — ладонь. Уй!

— Терпите, вы же мужчина!

— О-о, и еще какой!

— Опять?!

— Пардон, пардон! Но больно. Там крошки стеклянные засели... Не надо пинцетом! Не надо!

— Надо. Я лучше знаю, что надо. Не тряситесь!

— Колотун. Зима! Вот вы знаете, что надо — а не надо ли мне самую малость внутрь, а? Нам растираться не к чему. Вон у вас сколько! Вы медик? Что вам, жалко? Вы как медик должны знать: спиртное снимает стрессссс! А у меня стрессссс! Мне бы только пробить гематоэнцефалический барьер...

Пробил. Навылет. Потом он, потом он... Что же потом?! Мозги — холодильник, включаются-выключаются. Поднимите мне ве-еки! Спать бы и спать. Ольга была. Откуда-то. И Женька. Со своим швидобисом. Чуть не застрелил. Нашел бы — застрелил, точно! Пистолет!!!

Где пистолет?! Вчера был! Схватился почти привычно — за поясом был!.. Но никакого пояса, вообще ничего, гол как сокол в прогретом ежиковом гнезде.

Оля? Не Оля... Как ее? Вчера же называл, помнил. Или — сон?

Сон, сон — и не один. Колено ноет. Ладонь ноет. Живот ноет. Попить бы. Не выпить, а попить. И сигаретку найти, должна быть хоть одна сигаретка здесь?! Хотя горло табака не примет сейчас: акх... акх-хк! Есть тут кто-нибудь?!

Никого не было. В квартире. На лестнице тоже. Может, и к лучшему. Ушла. Вышла. Куда? Звонить? Подруге? Знает он этих подруг! 292-02-02.

Ощупью, во мраке. Зашлепал слева-справа от себя. Ай, ладонь! Так, столик! Так, лампа! Так, по шнуру, по шнуру — должен быть выключатель. Да, свет!

Припадая на ногу, зарыскал... Пистолет!

Не нашел. В туалете? Он вчера там несколько раз был. В совмещенном. Под ванну пихнул на автопилоте? Нет, нету.

В шмотках? Шмотки валялись у тахты, разбросав рукава и вывернув штанины. Мокрые, холодные. Да, он же вчера падал. И потом еще — с унитаза. Нет, нету.

В шкафах — в книжном, в платяном. Да простится ему копание в чужом белье! Нету.

Бар? Вчера она оттуда спирт доставала — да, спирт есть, глаза б не смотрели! И много чего есть — не винно-водочного, а больнично-аптечного. Облатки, вата, ампулы, капсулы, шприцы. Темный лес! АЗТ какое-то, ази...дотимизин... импорт! «Кабальеро» — ну эти-то пакетики известны! Никогда не пользовался, но, будучи маргинально окультуренным универсумом, знает. И вчера... она же ненароком ему пыталась... ну, эта... не Ольга. Людмила, вот! Однако где пистолет?!

А не выронил ли у подъезда, когда навернулся? Нет, не должно. Он помнит — и в туалет-то устремился, чтобы где-нибудь там спрятать. Не только поэтому, но и поэтому. Чтобы не мешал, чтобы не выпал. Как знал, чем все кончится. Знал, знал, чего уж тут!!! «Я только глажу». Гусеничный ход. Сама виновата. Сама зазвала, никто не напрашивался. А он что, должен был... Никто никому ничего в этой жизни не должен!.. Однако где же он, пистолет?! И где же она, хозяйка?!

Хозяйка, хозяйка. Фотографией на белой стене. Она? Вроде. Стрижка, он помнит: цвет Ольгин, длина Женькина. Лет тридцать? Вчера постарше выглядела. Ну да,

это ведь фотография. А ничё! Подбородок мелковат, а так — ничё. Смеешься? Ну смейся, смейся, дорогуша!

Действительно, смешно — животики надорвать можно.

О-ох, живот-живот! Да что же это такое с ним! Попить бы! Эх, пивка «Хайнекен»! Ишь чего захотел! Водичкой довольствуйся. Из крана нельзя: д'Амба, д'Амба, д'Амба, д'Амба — всем на дно! там бы, там бы, там бы, там бы пить вино!.. Высосал полчайника. Теплый. Сойдет. Не в «гробешнике» — задарма «Хайнекен» трескать. Не в «гробешнике»!..

Выяснилось, в «гробешнике». В однокомнатном замкнутом «гробешнике»...

Он заспешил-заспешил, сгребая одежду. Где еще носок?! Где-е нос-с-сок, проп-пала с-собака!.. Вот! Как его туда угораздило?!

Включил на кухне все конфорки, распял на руках мокро-холодные шмотки. Самую малость просушить, нельзя в таком виде на улицу. На улицу бы поскорей — и бегом! Она ведь его знать не знает. И не узнает. Руслан. То Олег, то Руслан — какая разница! Хоть горшком, лишь бы не в печь.

— Вас как, простите...

— Людмила.

— О! Совпадение! А я — Руслан.

Пусть ищут гипотетического Руслана вплоть до Лукоморья! Ч-черт, проп-пала с-собака, он же вчера ей вроде сказал, что во-он его дом. И на самом деле — отсюда, из окна видать.

А и пусть! В конце концов он ничего не украл, никого не ограбил, не убил... Да-а-а!!! Он же не убил!!! Вчера же! Сообщил же! А пистолет... а нет у него никакого пистолета. Обыскался — нету. И не было никогда. А вот не было и все!

И что остается? СПИД? А он не знал. Какой-такой Указ? Этот Указ никакого отношения к нему не имеет, он ведь не знал. И вообще, здоров! Здоров, здоров! Вот ведь брошюрка: симптомы — тонзиллит, температура, сухой кашель, фолликулярная ангина, герпес, краснухоподобная сыпь... Глотать трудно, да. Но не поэтому же. И температура — да, есть. Но это просто от живота в жар кидает. Все от живота. Про живот ведь ничего не

сказано! Живот — это пирожок. Не садись на пенек, не ешь пирожок. «Лучше умереть мужчиной, чем засранцем!» Кому как нравится. Он мазохист, он еще поживет. Он здоров! Он — цвета бедра испуганной нимфы! Успеть смыться и — возвращается муж из командировки. Рядышком же! Здравствуй, Женя, новый год, испуганная нимфа! Ой, не спрашивай ничего сейчас. У нас таблетки есть какие-нибудь? Эти эстонцы бог знает чем кормят. Вообще не кормят. Но если кормят, то таким... таким... И без визитки — ни шагу. Эт'то тля нашей семьи слишком то́-о-орого! Ты дашь таблету или нет?!

А через неделю тишком — на Миргородскую. Просто чтобы душа была спокойна. Ясно ведь и так, что — ничего. А опознать некому! Ланкин в бегах — чует кошка чье мясо съела. И все его амбалы заткнутся — у всех у них рыло в пуху.

Только бы успеть! Абсолютно не сохнет! Нельзя ИМ оставлять никаких шмоток. ИМ, «которые успешно (повторяю: успешно) ведут розыск». Блеф! Врет! Через слово врет! Было бы успешно — давно бы пришли, застукали.

Стук! Стук?

Он прихрамывая, на цыпочках, первобытно голый и первобытно бесшумный допрыгал до двери. Нет. Никого. Это лифт. И пока никого. Тихо. Как в гробу. В «гробешнике»...

И выяснилось — да, в «гробешнике», однокомнатном, замкнутом. На ригельный замок. Или не ригельный? Короче, такой, который открывается только ключом — и снаружи, и изнутри.

Ключа не было...

Окно — одиннадцатый этаж.

Плечом вышибить — криминал. Услышат, набросятся. Ушел бы тихохонько, и «но проблем». А вышибешь — доказывай потом. Да и не вышибешь — плохо, что-то плохо совсем, живот, колено, температура. Что же это с ним?! И глаза слезятся. Нет, это не симптом. Это дым. Какой дым?! И вонь! Гарь!

На кухне, на конфорках влажно тлела штанина. Швырнул, когда к двери шатнулся. Дырища!!!

Окно, окно! А, черт, заклеено! Форточку хотя бы! Комедиографы хреновы! Почему-то считают: смешно! Впору застрелиться от бессилия — голый, чужой, без штанов! А им смешно!.. Проп-пала с-собака, и за-

стрелиться не из чего! Куда исчез? Или — улика? У Людмилы? «Видите, что я у него нашла?» И вместе с НИМИ — сюда. Где голозадый Руслан угорает — дверь не открыть, чтобы протянуло. Ключа нет!

Ведь хорошо все складывалось! Так все улаживалось! Сухим из воды! Фениксом из пепла!

«Феникс», говоришь? В «запаснике», говоришь? Сутки не курил? Мысленно уже дома, говоришь?! Дыши дымом, накуривайся!

Высосанная из чайника вода легла на вчерашний спирт. Мозги-холодильник выключились. Изнутри полосовало секачом.

Скоро кончится, должно скоро все кончиться. Не может же это до бесконечности продолжаться!!!

Придет она. С ключом. И с НИМИ...

О, витязь, то была Наина!

— Ты!!! Ты вообразила, что... Ты что, решила — я идиот?! Кретин?! Самоубийца?! Отойди! Отойди-и, я сказал! Не прикасайся ко мне! Г-гнида! Не подходи, убью-у-у! Убью!

А-а-а, живот мой, живот! Не подходи, сказал!.. Что-о?! Я?! Это я болен?! И это ты мне говоришь?! Ты?! Мне?! Да я с тобой не то что спать — я бы тебя на километр не подпустил! Отойди!!! Я тебя вчера не тронул! Я ведь не тронул тебя, а?.. Ну? Что молчишь?! Не тронул!!! Я помню!!! Я же помню!!! Я не спал, я помню! Я заснул и не тронул! Ну, скажи! Да нет же! Да как же... Да не могло быть... Я ведь отчетливо... Что! Ты! Молчишь?! Язык проглотила?! Что ты со мной вчера сделала?! Ты сделала?! Или нет?! Ведь нет, ведь нет?! Я здоров! Я же здоров как бык! Да? Ведь да?! Мы же вчера просто заснули! Без всяких!

Не блефуй, г-гнида, — все равно уйду! Не молчи!!! А ты что, решила — я идиот?! Что я останусь?! Ты вообразила...

Она вообразила. Отчеркнутые абзацы в брошюрке. Аптечка на дому. Азидотимизин... это ведь от... от чего?!

Она вчера на самом деле звонила подруге. Она узнала его, но на самом деле вчера звонила подруге:

добралась благополучно. Она ни в коем случае не позвонила бы по 292-02-02. Она лучше чем кто-либо понимает его состояние. Она сама прошла через... через все такое. И должен ведь хоть кто-то протянуть руку. Свою. Своему.

«Есть случаи, когда инфицированные... женятся... Даже детей рожают, несмотря на предупреждения», — отчеркнуто.

Она — пусть «Оля», пусть «Женя». Но — Людмила. И вылечит, вы́ходит. Не от... не от ЭТОГО. Но рези в животе, она немного понимает, она же спрашивала: «Ты ел? Что ты ел?» Сразу надо было промывание. Но она никак не могла его вчера заставить. Она — тьфу-тьфу! — надеялась: небольшое отравление. Но утром приложила — температура, жар. И срочно в поликлинику. И — молока. Там очередь. Не дай бог, ботулизм!

Она не хочет терять... Она наконец-то нашла и не собирается терять! Она же все поняла, все-все: «Нам теперь только вместе. Нити доверия... веревочки... Ты зря постриглась, зря». Она отрастит. И готова называться хоть «Олей», хоть «Женей»! Лишь бы не потерять, только-только найдя!

Она и пистолет с собой взяла. У него. Только чтобы он не совершил непоправимого, только для этого. Она ни в коем случае не сдала бы КУДА НАДО. В нем все равно ни одного заряда не было...

(— Как?! Не было?! Ка-а-ак?!!)

Да-да, точно! Она знает, она раньше в стрелковом тире занималась, раньше... до... до того. Она проверила. Ни одного. Она разобрала и в разные урны бросила.

(Позавчера по телевизору: «У него к тому же огнестрельное оружие и неизвестное число зарядов в обойме». Не-из-вест-но-е!!!)

Она врача вызвала, бригаду. Если это ботулизм, то — тьфу-тьфу-тьфу! Они сейчас приедут, она скажет, она сказала: муж отравился, грибков поел. Она никому ничего не скажет про... Она и про себя никому не сказала, и не на учете. Она — анонимно... И с тех пор везде со своим ходит — и шприц одноразовый, и прочее. Она всем изображает, что боится заразиться, а у них ни инструментов не хватает, ни медикаментов — они только рады, что у нее все свое.

Она никому не навредила, никому. Она и ему не навредила, она ведь его узнала. Даже не из-за телевизора, просто отпечаток, есть отпечаток, накладывается, когда узнаешь свой срок, — она знает, испытала.

Восемь лет. Еще минимум восемь лет. Как люди! Нити доверия... Она даже может ему рассказать где и как ей досталось... Про стаю сволочей-подростков в подъезде. Или про мужа-моряка — сошел в Антверпене и не вернулся, но до того... успел оставить о себе память. Или про... Надо ли? Он же сам вчера... про нити доверия... Она расскажет, если он потребует, но надо ли? Она же его не спрашивает и не спросит никогда. И все — сначала, с чистого листа. Восемь лет нормальной, людской жизни. Сначала. И до конца. Она материально обеспечена, у нее есть канал, через который самые новые лекарства, и квартира на нее записана. Она...

— Врешь! Ты все врешь! Врешь, гнида!!! Не прикасайся ко мне! Я здоров! Я вчера не трогал тебя! Я ведь не тро-огал! Точно помню! Не до такой же степени ты меня вчера опоила, гнида! Уж я-то помню! Затаилась, гнида?! Даже на учет не стала?! А подружка твоя, которой ты звонила, — что за подружка?! Тоже?! Конечно тоже! Какие у тебя еще могут быть подружки!!! Зар-р-разу разносите тайком?! Я вас выведу на чистую воду!!! Я журналист! Я такое напишу! Я про вас... я вам... Г-гниды!!! Каждая с-собака знать будет в городе! И про тебя, и про нее! Вы меня запо-омните еще! Я напишу!.. Я журналист! У меня работа! И друзья! И жена! У меня все нормально! Я здоров!!!

Я же здоров, а? Молчишь?! А ты вообразила... Ты... Да меня тошнит от тебя!!!

М-м! М-м-м-м! Уар-рх-хы-хы! Кх-х-ха-акрх-р-р... Уйди! Не подходи! Я просто перепил. Ты меня опоила! Я знаю, это просто перепой! Сгинь со своим ботулизмом! Убью, сгинь! Не надо никаких врачей!!! Не може быть никакого ботулизма! И никакого СПИДа! Не трогал я тебя, не трогал! Ты врешь! Ты все врешь! Ты не врачей, ты ментов вызвала!!! Ты, гнида, пистолет выкрала и отнесла им! Говори!!!

Они за дверью, да?! Говори же, убью! Что ты молчишь!! Предупреждаю... я предупреждаю — если сейчас

позвонят, я тебя убью! На это сил хватит! Своими руками удушу!

Ты где?! Где ты?! Я не вижу! Не вижу! Включи что-нибудь! Темно! Включи!

Уар-рх-х-х... Господи, одна желчь... Господи, за что?! Почему именно я?! Чем провинился, Гос-с-с...

Врешь! Ты все врешь! Все врут! Все вр-р-ра-аух-кх-х...

Не открывай! Не подходи к двери! Я же тебя предупреждал, не подходи! Не открывай!

Мать-перемать! Не могу больше жить в этой стране!

Не могу... все... больше не могу, не могу. Все...

Не открывай! Не открыва-а-а...

Ч-черт, проп-пала соба

«Здравствуйте. И забавные происшествия тоже есть. Так в поселке Вистино оторвало льдину с группой рыбаков. Были подняты части ВВС, пограничники и милиция. Когда льдину кое-как прибило к основной массе льда, часть рыбаков спаслась по нему. А остальная часть продолжала рыбалку, несмотря на кружащиеся вокруг вертолеты и разваливающуюся льдину. Штурман одного из вертолетов опустился на лед по веревочной лестнице с предложением рыбакам спастись, но был ими послан... обратно на вертолет, и те продолжили рыбалку».

апрель — декабрь 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАС ТРЕФ

Измайлов А. Н.

АО «ИНТЕРОКО»
193015, С.-Петербург, А/Я 113

Сдано в набор 13.11.92. Подписано в печать 15.03.93.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага газетная. Печать высокая.
Печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 16. Зак. 207
Тираж 20 000